ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

1957

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

БЕРБЕКОВ Х. М. **Образование и развитие кабардинской социалистической нации.** Нальчик. Кабард.-Балкар. кн. изд. 1957. 358 стр. 1 000 экз. 5 р. 90 к. На кабардинском языке.

БИБИКОВ Ю. и др.— **Профсоюзы Петрограда до Великой Октябрьской социалистической революции (1907— 1917 гг.).** Из истории профсоюзного движения в СССР. М. Профиздат. 1957. 130 стр. 3 000 экз 1 р. 60 к.

Большевики Западной Сибири в борьбе за социалистическую революцию. (Март 1917 — май 1918 г). Сборник документов и материалов. Новосибирск. Кн. изд. 1957. 368 стр. 5 000 экз. 5 р. 70 к.

Большевики Петрограда в 1917 году. Хроника революционных событий в Петрограде. Март — октябрь 1917 г. Л. Лениздат. 1957. 763 стр. 8 000 экз. 11 р. 55 к.

Борьба за власть Советов в Бурят-Монголии (1917—1918 гг.) (Сборник докум. материалов). Под ред. П. Т. Хаптаева. Улан-Удэ. Бурят-Монгол. кн. изд. 1957. 303 стр. 1 500 экз. 5 р. 90 к.

Борьба за установление и упрочение Советской власти на территории Великолукской области (Сборник документов). (Предисл. В. Рямзиной). В. Луки. «Великолукская Правда». 1957. 211 стр. 4 000 экз. 5 руб.

В борьбе за Октябрь. (Март 1917 — янв. 1918). Сборник документов и материалов об участии трудящихся Одессы в борьбе за установление Советской власти. Сост. Л. А. Герасимова и др. Одесса. Обл. изд. 1957. 181 стр. 5 000 экз. 4 р. 50 к.

Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине. Февр. 1917 — апр. 1918. Сб. документов и материалов. В 3-х т. Сост. И. В. Демкин и др. Т. 2. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти на Украине. Окт.— дек. 1917. Киев. Госполитиздат УССР. 1957. 731 стр. 10 000 экз. 13 р. 35 к.

ГОЛИКОВА Н. Б.— **Политические процессы при Петре I.** По материалам Преображенского приказа. М. Изд-во Моск. ун-та. 1957. 337 стр. 14 р. 25 к.

ГУБАРЕВА В. М.— **Развертывание социалистической революции в деревне в 1918 году.** По материалам Петрогр. губернии. Л. Изд-во Ленингр. ун-та. 1957. 131 стр. 4 500 экз. 5 р. 25 к.

За власть Советов. Орел. «Орлов. Правда». 1957. 176 стр. 3 000 экз. 3 руб. Сборник воспоминаний участников революционной борьбы на территории бывшей Орловской губернии в 1917—1919 гг.

КОЗОДОЕВ И. И.— **Земельная рента в эпоху диктатуры пролетариата.** М. «Знание». 1957. 48 стр. 94 500 экз. 60 коп.

КРАСИЛЬНИКОВА К. К.— **Партизанское движение на Кубани и Черноморье.** (1918—1920 гг.) Ист. очерк. Краснодар. Кн. изд. 1957 103 стр. 3 000 экз. 1 р. 25 к.

ЛЕБЕДЕВ Н. В.— **Вологодские большевики в борьбе за Советскую власть.** (1917—1920 гг.) Вологда. Обл. кн. ред. 1957. 232 стр. 5 000 экз. 4 р. 25 к.

ЛЕМОНДЖАВА Д. М.— **Восстание крестьян в Мегрелии.** 1856—1857. Сухуми. Абгиз. 1957. 214 стр. 2 000 экз. 3 р. 85 к. На грузинском языке.

ЛЕНИН В. И. **Сочинения.** Изд. 4-е. Т. 37. Письма к родным. 1893—1922. М. Госполитиздат. 1957. XLVI. 652 стр. 250 000 экз. 6 р. 50 к.

Ленин в Петербурге. Места пребывания и революционной деятельности В. И. Ленина в Петербурге-Петрограде. 1890—1920 гг. (Изд. 3-е. переработ. и доп.) Л. Лениздат. 1957. 358 стр. 25 000 экз. 8 р. 20 к.

Незабываемое. Воспоминания участников революционных событий в Красноярском крае. (1917—1920 гг). Красноярск. Кн. изд. 1957. 224 стр. 15 000 экз. 5 р. 25 к.

Нижегородская организация РКП(б) в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.). Сборник документов и материалов (Предисл. В. Ф. Аржановой и И. Л. Нечаева.) Под ред. Д. И. Чеснокова. Горький. Кн. изд. 1957. 331 стр. 2 000 экз. 6 р. 10 к.

Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Сост. И. А. Булыгин и др. Под ред. Г. Н. Голикова и др. М. Изд-во Акад. наук СССР. 1957. 1 042 стр. 6 500 экз. 35 р. 65 к.

Октябрь в Н. Новгороде и губернии. Сборник воспоминаний. Под ред. Ф. Г. Евграфова и В. П. Фадеева. Горький. Кн. изд. 1957. 319 стр. 5 000 экз. 4 р. 90 к.

О Ленине. Воспоминания революционеров Латвии. Рига. Латгосиздат. 1957. 272 стр. 10 000 экз. 5 р. 35 к. На латышском языке.

Очерки по истории статистики СССР. Сб. 2. М. Госстатиздат. 1957. 359 стр. 3 000 экз. 12 р. 85 к.

Очерки по истории Якутии советского периода. Якутск. Якутгнигоиздат. 1957. 399 стр. 3 000 экз. 13 р. 45 к.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане 1917—1918 гг. Сборник документов и материалов. (Предисл. Т. Елеуова.) Алма-Ата. Казгосиздат. 1957. 423 стр. 10 000 экз. 7 р. 30 к.

ПРОТОПОПОВ А.— **Советский Союз в Организации Объединенных Наций.** Из истории борьбы СССР за мир и независимость народов. (1945—1957 гг.). М. Госполитиздат. 1957. 212 стр. 20 000 экз. 2 р. 60 к.

РЫБАЛКА И. К.— **Восстановление Советской власти на Украине.** (1918—1919) Харьков. Обл. изд. 1957. 295 стр. 3 500 экз. 6 р. 80 к. На украинском языке.

САРКИСЯН Е. К.— **Аграрная политика Османского правительства в Западной Армении во второй половине XIX века.** Ереван. Айпетрат. 1957. 134 стр. 2 000 экз. 2 р. 45 к.

СУРЧЕНКО А.— **Героическая оборона Москвы.** 1941 г. М. Госполитиздат. 1957. 104 стр. 80 000 экз. 1 р 20 к.

ТЮЛЕНЕВ И. В.— **Советская кавалерия в боях за Родину.** М. Воениздат. 1957. 303 стр. 6 р. 15 к. Автор рассказывает о создании советской кавалерии и ее боевых действиях на фронтах гражданской и Великой Отечественной войн.

ХАЧАПУРИДЗЕ Г. В.— **Борьба грузинского народа за установление Советской власти.** Тбилиси. Изд-во Акад. наук Груз. ССР. 1957. 387 стр. 2 000 экз. 15 руб. На грузинском языке.

ШАУМЯН С. Г.— **Сочинения** в 3-х т. Т. 2. Ереван. Айпетрат. 1957. 581 стр. 10 000 экз. 8 р. 10 к. На армянском языке.

Всеобщая история

БАК Т.— **Октябрьская революция и канадское рабочее движение.** М. Госполитиздат. 1957. 24 стр. 100 000 экз. 25 коп.

МЕНДЕ Г.— **Путь Карла Маркса от революционного демократа к коммунисту.** Пер. с нем. М. Изд. иностр. лит. 1957. 108 стр. 5 р. 25 к.

ОРЛОВА М. И.— **Германия в 1923 году.** (Революционный кризис.). Лекции. М. Изд-во Моск. ун-та. 1957. 92 стр. 8 500 экз. 3 р. 15 к.

ФЮРНБЕРГ Ф.— **Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Австрию. (Пер. с нем).** М. Госполитиздат. 1957. 23 стр. 100 000 экз. 25 коп.

ШЛЕПАКОВ А. М.— **Октябрьская революция и подъем демократического движения среди украинской эмиграции в США и Канаде.** Киев. Изд-во Акад. наук УССР. 1957. 52 стр. 11 000 экз. 65 коп. На украинском языке.

ШТИБИ Г.— **Я видел Венгрию.** Закулисные причины и истинные цели контрреволюционного мятежа в Венгрии. Пер с нем Л. Черной. М. Изд. иностр. лит. 1957. 70 стр. 1 р. 20 к.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

№ 12 ДЕКАБРЬ 1957 г.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

П. Н. Соболев — Роль Всероссийских съездов Советов в борьбе пролетариата за трудящееся крестьянство (октябрь 1917 г.— январь 1918 г.) 3

Н. П. Липатов — Некоторые вопросы истории разгрома врангелевщины 25

Альфред Енсен, заместитель председателя Коммунистической партии Дании — Датское рабочее движение в 1917—1920 годах 49

В. Л. Исраэлян, Н. Н. Николаев — Из истории идеологической подготовки контрреволюционного мятежа в Венгрии осенью 1956 года . 59

Г. М. Тавровская — К вопросу о создании антигитлеровской коалиции (июнь 1941 г.— июнь 1942 г.) 77

СООБЩЕНИЯ

Академик **В. П. Волгин** — «Истинная система» Дешана 99

А. Ф. Осетров (Хмельницкий) — Из истории дружеских связей советского и китайского народов (1924—1927 годы) 109

З. Л. Швелидзе (Тбилиси) — Содружество русских и грузинских революционных народников в 70—80-х годах XIX века 124

ИСТОРИЯ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

А. А. Зимин, А. А. Преображенский — Изучение в советской исторической науке классовой борьбы периода феодализма в России (до начала XIX века) 135

РЕЦЕНЗИИ

История СССР

П. И. Федотов — «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине». Ч. 2 . 160

С. С. Хесин — «Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции» (Сборник документов) 169

И. Б. Берхин — А. Турсунбаев. Победа колхозного строя в Казахстане 174

В. Е. Иллерицкий — Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века 182

Всеобщая история

Л. А. Березный — Б. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907 188

А. И. Неусыхин — А. Д. Люблинская. Источниковедение истории средних веков 194

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Научные сессии, посвященные 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции 199

Новые журналы советских востоковедов 210

Георгий Васильевич Хачапуридзе 212

Борис Александрович Романов 213

Алфавитный указатель статей и рецензий, помещенных в журнале в 1957 году 215

СТАТЬИ

РОЛЬ ВСЕРОССИЙСКИХ СЪЕЗДОВ СОВЕТОВ В БОРЬБЕ ПРОЛЕТАРИАТА ЗА ТРУДЯЩЕЕСЯ КРЕСТЬЯНСТВО (октябрь 1917 г. — январь 1918 г.)

П. Н. Соболев

Обобщая опыт русской революции, В. И. Ленин обогатил марксистское учение о диктатуре пролетариата новыми выводами, имеющими всемирно-историческое значение. Один из этих выводов состоит в том, что пролетариат завоевывает себе сочувствие и поддержку подавляющего большинства трудящихся крестьян в ожесточенной классовой борьбе как до, так и после завоевания власти. Крестьянство, как подчеркивал В. И. Ленин, должно на личном опыте убедиться в том, что диктатура пролетариата лучше диктатуры буржуазии.

«...Пролетариат,— писал В. И. Ленин,— должен сначала низвергнуть буржуазию и завоевать себе государственную власть, а потом эту государственную власть, то есть диктатуру пролетариата, использовать как орудие своего класса в целях приобретения сочувствия большинства трудящихся» [1].

В вопросе о привлечении на сторону революции крестьянских масс, в оценке их отношения к революции четко определились две диаметрально противоположные точки зрения: марксистов, с одной стороны, и оппортунистов всех мастей — с другой. Марксисты считают, что, исходя из конкретных особенностей развития революции, если мирный переход власти будет невозможен, пролетариат, создавший достаточно сильные политические и военные ударные кулаки, в решающий момент и в решающем месте сначала должен завоевать политическую власть, а потом использовать ее как орудие своего класса для приобретения сочувствия и поддержки со стороны большинства трудящихся и прежде всего крестьянства. Оппортунисты считают, что пролетариат не должен брать власть, пока большинство населения через голосование не выскажется за пролетариат, не поддержит социалистического пролетариата. Такая «теория» не только не мобилизовывала рабочий класс и трудящиеся массы крестьянства на борьбу, а, наоборот, призывала их к безропотному подчинению эксплуататорам до тех пор, пока все трудящиеся станут социалистами и выскажутся за революцию. Опыт Великой Октябрьской социалистической революции опрокинул антимарксистские теории и подтвердил справедливость и жизненность ленинского вывода о необходимости завоевания политической власти рабочим классом и всемерном привлечении на сторону пролетариата подавляющего большинства трудящихся масс крестьянства. В данной статье ставится задача — проследить основные этапы борьбы победившего пролетариата за крестьянские резервы, борьбы, которая развернулась на всероссийских съездах Советов в конце 1917 — начале 1918 года.

★

После победы вооруженного восстания в Петрограде и создания первого в мире социалистического государства борьба между Коммунистической партией и мелкобуржуазными партиями за крестьянские резервы

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 240.

не только не ослабла, но еще больше обострилась. Да это и понятно. Недостаточно захватить власть, но нужно удержать ее. А это возможно лишь при условии поддержки крестьянских масс. Лидеры эсеров вместе с буржуазией ставили своей задачей с помощью испытанных методов шантажа и обмана поднять крестьянство против рабочего класса и таким путем свергнуть Советскую власть. От завоевания пролетариатом сочувствия и поддержки подавляющего большинства трудящегося крестьянства в конечном итоге зависела судьба социалистической революции, ибо ее победа невозможна без поддержки широких слоев трудящихся.

Важное место в борьбе пролетариата за привлечение на свою сторону широких масс трудящегося крестьянства принадлежит всероссийским съездам Советов, которые оказали большое влияние на крестьянские массы и в значительной мере определили отношение трудящихся крестьян к рабочему классу.

Решающую роль в деле привлечения крестьян на сторону пролетариата сыграли декреты II Всероссийского съезда Советов, и прежде всего декреты о мире и о земле. Эти декреты отвечали заветным чаяниям крестьянства, удовлетворяли его самые насущные нужды. Они показали трудящимся деревни, что единственным и последовательным выразителем и защитником их интересов является пролетариат.

На II Всероссийском съезде Советов, открывшемся 25 октября 1917 г., присутствовали 670 делегатов [2], из них: 300 большевиков, 193 эсера, в том числе 169 «левых» эсеров, 68 меньшевиков, 73 представителя других партий и 36 беспартийных [3]. Делегаты съезда представляли 318 провинциальных Советов, в том числе: 204 Совета рабочих и солдатских депутатов, 97 объединенных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и 17 Советов крестьянских депутатов [4]. Что же касается остальных Советов крестьянских депутатов, то эсеро-меньшевистский Всероссийский Совет крестьянских депутатов, а вслед за ним и многие губернские и уездные крестьянские Советы отказались принять участие в работе съезда.

Привлечению крестьян, особенно солдат, на сторону пролетариата в большой мере способствовали также принятые съездом декреты об отмене смертной казни на фронте и освобождении солдат и офицеров, находившихся под арестом за так называемые «политические преступления». В адрес губернских и уездных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от имени съезда были направлены указания о том, что комиссары Временного правительства отстраняются от власти и Советы должны непосредственно сноситься с революционным правительством. В этой же директиве указывалось, что постановлением съезда освобождаются все арестованные члены земельных комитетов [5].

Съезд образовал Временное рабочее и крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров — во главе с В. И. Лениным, избрал Центральный Исполнительный Комитет в составе 101 человека. В ЦИК вошли 62 большевика, 29 «левых» эсеров, 6 человек от объединенных социал-демократов — интернационалистов, 3 украинских социалиста и 1 социалист-революционер — максималист [6].

Провозгласив передачу власти в центре и на местах Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, приняв декреты о мире, о земле и другие, съезд дал в руки рабочего класса мощное орудие, с помощью которого обеспечивалось быстрое привлечение на его сторону крестьянства.

---

[2] «Второй Всероссийский съезд Советов Р и СД». М.-Л. 1928, стр. LXI.

[3] См. В. И. Ленин. Соч. Т. XXII. Изд. 3-е, стр. 574. Примечания.

[4] В. Зайцев. Политика партии большевиков по отношению к крестьянству в период установления и упрочения Советской власти. М. 1953, стр. 20.

[5] «Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях». М. 1939, стр. 18—19.

[6] «История гражданской войны». Т. 2. М. 1947, стр. 296.

Решение II Всероссийского съезда Советов о переходе в центре и на местах всей власти к Советам было призывом к рабочим и крестьянам ломать старый государственный аппарат власти и создавать новый. Разрушение старого и создание нового аппарата власти подрывало авторитет и влияние буржуазных и мелкобуржуазных партий на крестьянство, способствовало преодолению колебаний крестьянства. Крестьяне на практике увидели, что дело буржуазии и соглашательских партий безнадежно проиграно и что в стране есть один вождь и руководитель — рабочий класс, возглавляемый Коммунистической партией. Немедленная ломка старого государственного аппарата и создание нового в сочетании с удовлетворением экономических нужд крестьянства за счет эксплуататоров, что выразилось в декрете о земле, позволили пролетариату быстро привлечь на свою сторону беднейшее и мелкое крестьянство, вырвать из-под влияния буржуазии среднее крестьянство.

В. И. Ленин указывал, что пролетарская власть не может быть прочной до тех пор, пока пролетариат не будет поддержан большинством крестьянства. А для того, чтобы получить эту поддержку, нужно было немедленно удовлетворить экономические нужды крестьян, решить в их интересах аграрный вопрос, показать им, что пролетариат, пришедший к власти, честно выполняет свои обещания. Только на экономической основе, отмечал Ленин, можно создать и укреплять союз рабочего класса и беднейшего крестьянства.

Буржуазия не могла удовлетворить экономических нужд большинства крестьян, не могла передать земли помещиков крестьянам без выкупа, ибо для этого ей пришлось бы посягнуть и на свою собственность. Об этом красноречиво свидетельствует весь ход развития революции с февраля по октябрь 1917 г., когда буржуазия была у власти. Только пролетариат был заинтересован в немедленной ликвидации крепостнических отношений, в национализации земли, поскольку национализация земли ставшим у власти пролетариатом являлась уже не только последним словом буржуазно-демократических преобразований, но и шагом к социализму. Пролетариат мог решить эти вопросы в интересах народа потому, что он в силу своего объективного положения является единственным выразителем интересов большинства нации.

Принимая декрет о земле, II съезд Советов с революционной решимостью удовлетворял экономические нужды большинства крестьян и таким образом еще теснее сплачивал вокруг рабочего класса крестьянскую бедноту, обеспечивая в то же время нейтрализацию среднего крестьянства.

Декрет о земле выражал требования крестьянских масс, не считаться с которыми пролетариат не мог, ибо в противном случае это оттолкнуло бы крестьян от рабочего класса, что было бы на руку врагам революции. «Здесь раздаются голоса,— говорил В. И. Ленин на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов,— что сам декрет и наказ составлен социалистами-революционерами. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны... Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет...» [7].

Была ли у Советского государства сразу же после Октябрьской революции возможность обобществить средства производства крестьян и таким путем установить социалистические производственные отношения в сельском хозяйстве? Такой возможности не было, и партия не пошла по этому пути, который на деле вел бы к разрыву союза рабочего класса и беднейшего крестьянства. Нужно было время, чтобы крестьянство на своем личном опыте сделало вывод о необходимости перехода к социалистиче-

[7] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 228—229.

ским формам хозяйства. В конкретных исторических условиях России 1917 г. не было иного пути для сохранения и укрепления союза рабочего класса с большинством крестьянства, кроме конфискации помещичьей и национализации всей земли, передачи ее в ведение крестьянских организаций для уравнительного или трудового распределения. Всякое другое решение вопроса могло толкнуть крестьянство в лагерь буржуазии и превратить его из союзника пролетариата в союзника буржуазии.

С принятием исторических решений II Всероссийским съездом Советов наступил новый этап в отношениях между рабочим классом и трудящимся крестьянством, новый этап борьбы за крестьянские массы, когда пролетариат использовал государственную власть для завоевания поддержки и сочувствия большинства трудящегося крестьянства. Декрет о земле подводил под политический союз рабочего класса и беднейшего крестьянства экономическую базу. После победы революции в Петрограде и других промышленных центрах страны трудящиеся массы крестьянства стали решительно присоединяться к пролетариату, увидев в нем своего вождя и руководителя, способного защитить их от помещиков и буржуазии. Среднее крестьянство занимало по отношению к пролетариату позицию благожелательного нейтралитета, так как по декрету о земле оно не только сохраняло имевшиеся земельные участки, но и увеличивало их за счет помещичьих земель, освобождалось от арендной платы помещику и от задолженности Крестьянскому поземельному банку.

Декрет о земле по своему объективному значению выражал прежде всего интересы среднего и части мелкого крестьянства. Располагавшее живым и мертвым инвентарем среднее и мелкое крестьянство, получая землю, могло быстро извлечь из этого и дополнительные выгоды. Сельские пролетарии и полупролетарии полученную землю практически мало могли использовать потому, что, как правило, не имели живого и мертвого инвентаря для ее обработки. Только переход к коллективным формам землевладения, к социалистическим формам хозяйства мог избавить беднейших крестьян от нищеты. В. И. Ленин указывал, что уравнительное распределение земли — мера недостаточная. Но поскольку большинство крестьян, в том числе и беднота, поддерживали такое требование, большевики пошли на это. «Сбросившее царизм и помещиков крестьянство,— писал В. И. Ленин,— мечтает об уравнительности, и никакая сила не могла бы помешать крестьянам, избавленным и от помещиков и от буржуазно-парламентарного, республиканского государства. Пролетарии говорят крестьянам: мы вам поможем дойти до «идеального» капитализма, ибо уравнительность землепользования есть идеализирование капитализма с точки зрения мелкого производителя. И в то же время мы вам покажем недостаточность этого, необходимость перехода к общественной обработке земли» [8].

Принятие декретов о мире и о земле, провозглашение власти Советов в центре и на местах являлись решающими условиями не только для сохранения на стороне пролетариата уже завоеванных масс, но и для привлечения новых союзников из мелкобуржуазного населения страны. Однако для того, чтобы декреты съезда привлекли на сторону пролетариата большинство крестьян, необходимо было быстро довести их до сознания рабочих, солдат и крестьян, незамедлительно организовать их практическое выполнение. От этого во многом зависело дальнейшее развитие революции.

Изверившись в бесконечных обещаниях соглашательских партий, восемь месяцев находившихся у власти, крестьяне могли недоверчиво отнестись и к декретам II Всероссийского съезда Советов. Это обстоятельство учитывал В. И. Ленин, когда требовал, чтобы декреты о мире и

---

[8] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 286.

о земле быстрее дошли до рабочих, солдат и крестьян, чтобы они немедленно проводились в жизнь.

В. Д. Бонч-Бруевич вспоминал: «Когда В. И. Ленин написал закон о земле, встал утром и говорит: «если успеем объявить этот закон, то пусть кто-нибудь попробует взять его обратно» [9]. По указанию В. И. Ленина декрет о земле был опубликован во всех газетах, спешно издан в начале отдельной книжечкой тиражом не менее 50 тыс., а потом неоднократно переиздавался. Размноженный таким образом декрет о земле вручался солдатам, возвращавшимся в деревню, пересылался по почте и телеграфу. 27 октября декрет о земле читали уже сотни тысяч людей [10]. Однако отсутствие радио, телефонов, плохие пути сообщения — все это затрудняло связи с деревней и фронтом. Потребовалось время, чтобы ознакомить с декретами солдат отдаленных фронтов и крестьян глубинных районов страны.

После II Всероссийского съезда Советов с новой силой развернулась острая борьба большевиков против буржуазных и мелкобуржуазных партий, за крестьянские резервы. Отражением глубоких и сложных социальных процессов, происходивших в стране и прежде всего в крестьянстве, явилась борьба, разгоревшаяся на всероссийских съездах Советов крестьянских депутатов, проходивших в ноябре 1917 года.

На эти съезды большие надежды возлагал эсеро-меньшевистский Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов крестьянских депутатов. На второй день после победы вооруженного восстания в Петрограде он принял постановление о созыве Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. Меньшевики и эсеры полагали, что им удастся, опираясь на солдат и крестьян, прибывших на съезд, свергнуть Советскую власть. С этой целью Исполком принял все меры к тому, чтобы на съезд прибыли такие делегаты, которые поддержали бы контрреволюционную политику мелкобуржуазных партий и выступили против пролетариата. 4 ноября из Ставки была отправлена телеграмма командующим и комиссарам фронтов, армий, флотов и военных округов, крестьянским секциям и Советам при общеармейском комитете и фронтовых комитетах за подписью председателя Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов эсера Авксентьева. В телеграмме указывалось, что большевиками ниспровергнута правительственная власть и возможен срыв выборов в Учредительное собрание. Каждая крестьянская секция армии должна выделить на съезд по 3 делегата и по 1 представителю от крестьянской секции при фронтовых комитетах. Крестьянские секции Советов флотов должны были выделить на съезд: Балтийский — 3 человек, Черноморский и Беломорский флоты — по 2 человека. Каждая крестьянская секция военных округов внутренней России должна была делегировать на съезд 2 представителей. Телеграмма заканчивалась предупреждением, что независимо от этого съезда полный Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов соберется 30 ноября [11].

Самый факт адресования телеграммы командующим, то есть верхам контрреволюционного офицерства, указывал на тесную связь эсеров и меньшевиков с буржуазией, на то, что союз буржуазии и лидеров мелкобуржуазных партий после октября 1917 г. еще более окреп.

---

[9] Журнал «Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 71.

[10] «Известия Советов депутатов трудящихся», № 92, 19 апреля 1955 года. Статья В. Д. Бонч-Бруевича.

[11] Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 2067, оп. 1, д. 2962, лл. 106, 107.

Что же касается представителей от крестьян, то предполагалось, что на съезд будут избирать одного делегата от 150 тыс. крестьянского населения. По предположению эсеро-меньшевистского ВЦИК Советов крестьянских депутатов, прибывшие на съезд представители губернских Советов крестьянских депутатов, состоявшие в тот период, как правило, из эсеров, равно как и представители от крестьянских секций при фронтовых и армейских комитетах (в которых также было засилье эсеров) должны были высказаться против диктатуры пролетариата, за передачу власти Учредительному собранию.

Однако по мере приближения срока открытия съезда все яснее становилось, что этот план провалится и эсеро-меньшевистский Исполком не найдет желаемой поддержки на съезде. К этому времени все большее число солдат и крестьян узнавало о декретах Советского правительства и заявляло о поддержке власти Советов.

Предвидя возможность поражения на съезде, эсеро-меньшевистский Исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов 8 ноября принял постановление проводить работу съезда не в Петрограде, а в Могилеве [12]. Соглашатели стремились, опираясь на Ставку и Общеармейский комитет, поднять солдат и крестьян против Советского правительства и образовать правительство во главе с лидером эсеров В. Черновым. В резолюции Общеармейского комитета, принятой в связи с созывом Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, говорилось: «Общеармейский комитет при Ставке заявляет, что съезд крестьянских депутатов может состояться только вне Петрограда, так как независимость мнений и свобода и непринужденность делегатов ничем не обеспечены в Петрограде. Наиболее подходящим местом для съезда комитет считает Могилев» [13]. Эта резолюция была принята приблизительно 6—7 ноября, то есть до того, как ВЦИК Советов крестьянских депутатов принял решение о созыве съезда в Могилеве. Одновременно Общеармейский комитет разослал по всем фронтам радиограмму, требующую ухода большевиков от власти и образования правительства во главе с Черновым.

Решительным противником созыва съезда в Могилеве выступил Петроградский гарнизонный Совет крестьянских депутатов, избранный еще в апреле 1917 года. В принятой Советом резолюции указывалось: «Петроградский Совет крестьянских депутатов, узнав о том, что исполнительный комитет Всероссийского Совета крестьянских депутатов постановил перевести съезд в город Могилев, протестует и считает это попыткой сорвать съезд и использовать его ради своих реакционных замыслов» [14]. Это было серьезным предупреждением для меньшевистско-эсеровского ВЦИК Советов крестьянских депутатов, и не считаться с ним было нельзя. Соглашатели знали, что за Петроградским гарнизонным Советом стоит многотысячный гарнизон. Кроме того, это постановление, опубликованное в большевистской печати, стало достоянием фронтовиков, с любовью и уважением относившихся к революционному гарнизону Петрограда.

В самом Исполнительном комитете Всероссийского Совета крестьянских депутатов в связи с происшедшим в партиях эсеров и меньшевиков расколом не было единства. В печати появилось письмо группы членов Исполкома, также выступивших против созыва съезда в Могилеве. «Мы не видим в этом решении,— писали они,— никаких других мотивов, как только то, что большинство исполнительного комитета, давно уже переставшее отражать мнение крестьянских масс, желает порвать с ненавистным ему революционным Петроградом и тем самым отколоть крестьянство от революционного пролетариата, что неминуемо приведет к вза-

---

[12] «История гражданской войны». Т. 2, стр. 527.
[13] Газета «Власть народа», № 156, 8 ноября 1917 года.
[14] Газета «Деревенская беднота», № 26, 11 ноября 1917 года.

имной вражде и к торжеству контрреволюции». Отколовшиеся члены Исполкома призвали делегатов, прибывших на съезд, отказаться от поездки в Могилев и принять участие в съезде крестьян в Петрограде [15].

Всероссийскому съезду Советов крестьянских депутатов предшествовало еще одно весьма важное событие, отрезвляюще подействовавшее на контрреволюционные силы,— собрание делегатов фронта и тыла, проведенное в Петрограде с 6 по 8 ноября. На собрании присутствовали делегаты 194 частей, полков и соединений. На нем выступили от большевиков Н. Крыленко и другие, а от левых эсеров — полковник Муравьев. Затем совещание заслушало привезенные делегатами наказы с мест. Один за другим делегаты выходили на трибуну и сообщали об отношении солдат к Советской власти. Делегат 3-й армии огласил полученный им наказ, в котором говорилось, что вся 3-я армия приветствует совершившийся переворот и всецело поддерживает власть Советов и Петроградский гарнизон. Последующее чтение наказов показало, что все они совпадают в главном — в поддержке власти Советов солдатскими массами. Исходя из этого, собрание приняло резолюцию, отразившую общее мнение. Принимая во внимание, сказано в ней, что абсолютное большинство наказов и резолюций приветствует совершившийся переворот и считает этот акт неизбежным вследствие преступной политики коалиционного правительства, которое самым бесстыдным и преступным образом обманывало революционных солдат, рабочих и крестьян, собрание приветствует Советское правительство рабочих и крестьян, образованное II Всероссийским съездом Советов. Собрание протестовало против попыток представителей свергнутой власти путем гражданской войны вернуть страну к гибельной политике коалиции. Единственным виновником гражданской войны фронтовики считали буржуазные классы и те партии, которые их поддерживали. Собрание требовало роспуска контрреволюционного «Комитета спасения родины и революции», немедленного проведения в жизнь декретов о мире, земле и контроле над производством и распределением. Собрание предложило соглашательскому ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов первого созыва признать Советскую власть и немедленно сложить с себя полномочия [16].

Было очевидно, что не только Петроградский, но и другие воинские гарнизоны, а также значительная часть солдат ближайших к столице фронтов поддержит рабочих против буржуазной контрреволюции, против меньшевиков и эсеров, если последние выступят против власти Советов. Постановление собрания делегатов фронта и тыла умерило пыл контрреволюционных партий, показав, что партия большевиков и ее программа имеют прочную опору не только у большинства рабочих, но и значительной части солдат, тогда как меньшевики и эсеры такой опоры не имеют.

9 ноября большевики созвали на предварительное совещание 120 делегатов, прибывших на Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. Это были преимущественно солдаты, прибывшие с фронта и из тыловых гарнизонов. Совещание решило, что съезд должен происходить только в Петрограде. Эсеровский план перенесения съезда в Могилев был окончательно провален.

10 ноября Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов начал свою работу. К открытию съезда многие делегаты не приехали. Объяснялось это тем, что эсеро-меньшевистский ВЦИК Советов крестьянских депутатов, убеждавшийся, что солдаты и крестьяне с каждым днем левеют и переходят на сторону пролетариата, изменил прежний порядок выборов и направил на места новые указания о норме представительства. Теперь по его предложению делегаты на съезд не избирались, а лишь

---

[15] Там же.

[16] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ). ф. 464. оп. 1. д. 82. лл. 10—11.

вызывались представители губернских и армейских исполнительных комитетов. Смысл этих указаний совершенно очевиден. Соглашатели не без оснований опасались, что избранные крестьянами делегаты не пойдут за меньшевиками и эсерами. На места шли телеграммы, одна противоречивее другой. Там отказывались понимать, сколько в конечном итоге делегатов нужно посылать на съезд. Поэтому ряд Советов крестьянских депутатов вообще решил не посылать своих делегатов, а некоторые делегаты возвратились с пути [17].

Из 330 делегатов, приехавших к открытию съезда, было: 195 «левых» эсеров, 65 правых эсеров, 37 большевиков и 33 прочих [18]. Во время работы съезда делегаты продолжали прибывать, и к 24 ноября их было зарегистрировано уже 576 человек, в том числе более 400 с правом решающего голоса.

Большинство делегатов представляло не губернские Советы крестьянских депутатов и армий, как хотел соглашательский Исполком, а уездные Советы и дивизии [19], то есть те Советы и комитеты, в которых влияние правых эсеров к тому времени было уже серьезно подорвано. Это были представители тех крестьянских организаций, в которых господствовавшее положение занимали не пролетарские и полупролетарские, а мелкобуржуазные элементы крестьянства. Не удивительно поэтому, что абсолютное большинство на съезде принадлежало «левым» эсерам.

Однако правые эсеры попытались взять руководство съездом в свои руки. Исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов предложил проводить не съезд, а совещание и не давать права решающего голоса представителям от уездов и волостей [20]. Этим Исполком хотел добиться, чтобы решения, принятые съездом, не имели силы закона, а лишением права голоса делегатов от уездов и волостей укрепить свои позиции на съезде. Большинством голосов съезд отверг это предложение, дал право решающего голоса всем прибывшим делегатам, а самый съезд был назван Чрезвычайным съездом Советов крестьянских депутатов [21].

Стало очевидно, что эсеровский Исполком не найдет поддержки у большинства съезда. Однако правые эсеры не оставляли попыток взять руководство съездом в свои руки. Они предложили избрать в президиум съезда всех членов президиума Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов. Но съезд отверг и это предложение и избрал президиум пропорционально численности фракций. Поняв, что съезд не пойдет за ними, правые эсеры ушли со съезда.

Всероссийскому съезду Советов крестьянских депутатов большевики придавали большое значение, считая его важным фактором в борьбе пролетариата за трудящиеся массы крестьянства. На съезд прибыл В. И. Ленин, но «левые» эсеры, составлявшие большинство съезда, отказались предоставить ему слово как председателю Совнаркома, согласившись, однако, выслушать его как представителя фракции большевиков. Если Ленин будет выступать на съезде как председатель Совнаркома, заявил один из лидеров «левых» эсеров, Камков, то этим самым, мол, предрешается вопрос о признании крестьянским съездом вопроса о власти. «Левые» эсеры раскрыли свое отношение к революции. Поддерживая большевиков в вопросах передачи земли крестьянам и заключения мира, они вместе с тем были против диктатуры пролетариата, выступали за образование так называемого «однородного социалистического пра-

---

[17] «Известия Чрезвычайного Всероссийского крестьянского съезда», № 1, 22 ноября 1917 года.

[18] См. В. И. Ленин. Соч. Т. XXII. Изд. 3-е, стр. 584. Примечания.

[19] «Известия Чрезвычайного Всероссийского крестьянского съезда», № 3, 24 ноября 1917 года.

[20] Там же.

[21] «История гражданской войны». Т. 2, стр. 527.

вительства», подрывая тем самым дело социалистической революции. После длительных дискуссий съезд принял резолюцию, в которой говорилось, что съезд высказывается за образование правительства из различных партий.

Выступивший на съезде от имени большевистской фракции В. И. Ленин изложил взгляды большевиков на аграрный вопрос. Он подчеркнул, что решение этого вопроса в интересах большинства крестьян тесно связано с основным вопросом — вопросом о власти. Он резко бичевал «левых» эсеров, которые за весь период революции не выступали против соглашения с буржуазией. И до настоящего времени «левые» эсеры, говорил В. И. Ленин, «подают всю руку Авксентьевым, протягивая рабочим лишь мизинец. Если соглашательство будет продолжаться, то революция погибла. Если крестьянство поддержит рабочих, то только в этом случае можно разрешить задачи революции» [22]. В. И. Ленин призывал крестьян и солдат рвать с верхами вроде армейских комитетов, Исполнительного комитета крестьянских депутатов и т. п. Это выступление имело большое значение, оно было обращено не столько к делегатам съезда, сколько ко всему трудящемуся крестьянству страны.

В проекте резолюции по аграрному вопросу, предложенном съезду В. И. Лениным, говорилось, что съезд выражает свою решимость отстоять осуществление декрета о земле, принятого II Всероссийским съездом Советов, и призывает крестьян выбирать на все и всякие ответственные посты и должности исключительно тех людей, которые не словами, а делами доказывали свою полнейшую преданность интересам трудящихся и эксплуатируемых крестьян. Полное осуществление всех мероприятий, составляющих закон о земле, указывалось далее в проекте, «возможно только при успехе начавшейся 25 октября рабочей социалистической революции, ибо только социалистическая революция в состоянии обеспечить и безвозмездный переход земли к трудящемуся крестьянству, и конфискацию помещичьего инвентаря... Поэтому крестьянский съезд, всецело поддерживая революцию 25 октября, и поддерживая ее именно как революцию социалистическую, выражает свою непреклонную решимость в должной постепенности, но без всяких колебаний, проводить в жизнь меры социалистического преобразования Российской республики.

Необходимым условием победы социалистической революции... является полный союз трудового, эксплуатируемого и трудящегося крестьянства с рабочим классом — пролетариатом... В Российской республике отныне все устройство и управление государством сверху донизу должно быть построено на таком союзе» [23]. Основная идея предложенной В. И. Лениным резолюции состояла в том, чтобы показать трудящемуся крестьянству, что без социалистической революции, без укрепления пролетарской власти оно не получит ни мира, ни земли, что без тесного союза с рабочим классом большинству крестьян не выйти из нужды. Принятие этой резолюции фактически означало бы отмену ранее принятой съездом резолюции по вопросу о власти.

Однако эсеровское большинство съезда приняло резолюцию, предложенную «левыми» эсерами. В ней подтверждались постановления I Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов по вопросу о земле, указывалось, что постановления этого съезда не проводились в жизнь потому, что большинство Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов поддерживало земельную политику Временного коалиционного правительства. Новое, народное социалистическое правительство должно принять все меры к практическому осуществлению перехода всей земли и инвентаря в распоряжение демократизованных земельных комитетов. Вместе с тем, говорилось в заключение, съезд при-

---

[22] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 288—289.
[23] Там же, стр. 290—291.

соединяется к постановлению II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов «об уничтожении частной собственности на землю, указывает, что закон о земле в окончательной форме должен быть издан Всенародным Учредительным собранием» [24].

Но, говоря о том, что народное социалистическое правительство должно провести в жизнь декрет о земле, «левые» эсеры упорно стояли на той точке зрения, что это правительство должно быть «однородным социалистическим правительством».

Боясь оттолкнуть от себя трудовые массы крестьянства, левоэсеровские лидеры заявляли о поддержке декретов II Всероссийского съезда Советов и прежде всего декрета о земле; боясь порвать с буржуазией и ее левой фракцией, правыми эсерами, с которыми они длительное время сотрудничали, «левые» эсеры подтверждали решения I Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, проходившего, как известно, под организационным и идейным руководством правых эсеров. Всей своей политикой на Чрезвычайном съезде Советов крестьянских депутатов «левые» эсеры демонстрировали те колебания, которые были характерны для мелкой буржуазии. С одной стороны, она выступала за пролетариат потому, что он дает мир и землю, а с другой — она не могла сразу и решительно стать на сторону пролетариата, порвать с буржуазией.

Учитывая, что на данном этапе революции за «левыми» эсерами шла значительная часть средних крестьян, большевики считали возможным идти на соглашение с «левыми» эсерами, включить их представителей в состав ВЦИК, избранный II Всероссийским съездом Советов.

При обсуждении вопроса о соглашении с мелкобуржуазными партиями во ВЦИК Советов было решено, что соглашение с «левыми» эсерами может быть достигнуто лишь на основе признания ими программы Советского правительства, как она выражена в декретах о земле, о мире, о рабочем контроле, на основе признания необходимости беспощадной борьбы против контрреволюции, на основе признания II Всероссийского съезда Советов единственным источником власти. В том же постановлении указывалось, что ВЦИК Советов, избранный II Всероссийским съездом, может быть пополнен представителями крестьян лишь при условии, если будут проведены перевыборы Всероссийского Совета крестьянских депутатов и тех воинских организаций, которые не переизбирались за последние три месяца [25]. На основании признания «левыми» эсерами такой платформы большевики, учитывая постановление II Всероссийского съезда Советов и армейских организаций, согласились включить в состав ВЦИК представителей Чрезвычайного съезда Советов крестьянских депутатов.

Заключая соглашение с «левыми» эсерами, большевики исходили из тактических соображений. При этом большевики учитывали, что если «левые» эсеры нарушат соглашение (это и было сделано ими впоследствии), то они лишатся доверия и поддержки крестьян. Заключением этого соглашения большевики вовлекали в революционную борьбу более широкие массы трудящихся, обеспечивали себе поддержку со стороны и тех крестьян, которые еще шли за «левыми» эсерами.

На объединенном заседании, состоявшемся в Смольном, Я. М. Свердлов, говоря о включении в состав ВЦИК представителей крестьянского съезда, подчеркивал, что этим закрепляется дело всемирной революции, что это соглашение между Советами рабочих и солдатских депутатов и Советами крестьянских депутатов — один из самых выдающихся фактов [26].

По предложению Я. М. Свердлова объединенное заседание ВЦИК

[24] «Известия Чрезвычайного Всероссийского крестьянского съезда», № 1, 22 ноября 1917 года.

[25] «Протоколы заседаний ВЦИК 2-го созыва». М. 1918, стр. 13.

[26] Газета «Беднота», № 31, 17 ноября 1917 года.

Советов приняло следующую резолюцию: «Всероссийский ЦИК Советов Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов совместно с Чрезвычайным Всероссийским Крестьянским съездом и Петроградским Советом,— подтверждает законы о мире и о земле, законы о рабочем контроле, принятые Всероссийским ЦИК Советов» [27]. В резолюции нет упоминаний об отношении к власти, поскольку Чрезвычайный съезд Советов крестьянских депутатов ранее высказался за образование однородного правительства — «от народных социалистов до большевиков». Но иного и нельзя было ожидать от «левых» эсеров, этих попутчиков революции. Заключив блок с «левыми» эсерами, которым в то время доверяли многие крестьяне [28], большевики укрепили союз рабочих с трудящимся крестьянством.

Благодаря гибкой тактике на Чрезвычайном съезде Советов крестьянских депутатов большевикам удалось привлечь на свою сторону новые слои трудящегося крестьянства; правые эсеры оказались изолированными, а «левые» вынуждены были согласиться признать декреты, принятые II Всероссийским съездом Советов. Однако признав на словах большевистскую политику по основным вопросам революции, «левые» эсеры на деле всячески препятствовали ее осуществлению, продолжая колебаться между революционным пролетариатом и контрреволюционной буржуазией. Вскоре они открыто скатились в антисоветский лагерь и тем самым окончательно потеряли доверие крестьян.

Объединенное заседание ВЦИК Советов приняло также решение созвать 25 ноября II Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов, на котором были бы более полно представлены крестьянские и армейские организации.

Этот съезд состоялся в назначенный срок и был наиболее многочисленным. На нем присутствовали 790 делегатов с правом решающего голоса. В их числе были делегаты от Советов крестьянских депутатов, прибывшие с мест, и все участники только что закончившегося Чрезвычайного съезда Советов крестьянских депутатов. Среди делегатов было: правых эсеров — 305, «левых» эсеров — 350, большевиков — 91 (остальные делегаты принадлежали к другим партиям или числились беспартийными) [29].

Как Чрезвычайному, так и II Всероссийскому съездам Советов крестьянских депутатов большевики придавали большое значение, поскольку от характера решения этих съездов во многом зависело и отношение крестьянских низов к рабочему классу, к его авангарду — Коммунистической партии.

Правые эсеры снова добивались того, чтобы II Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов отказался признать власть Советов и высказался за передачу власти Учредительному собранию. Но решения съезда по этому и другим вопросам в конечном итоге определяли «левые» эсеры, составлявшие большинство делегатов.

С докладом об Учредительном собрании, о декретах Советского правительства выступил на съезде В. И. Ленин. Поскольку основным козырем правых эсеров было обвинение большевиков в том, что они якобы не хотят созыва Учредительного собрания, В. И. Ленин разъяснил, что оно будет открыто, как только прибудут 400 депутатов. Это заявление наносило удар по эсерам и разоблачало лживость их пропаганды, в основе которой в ноябре — декабре 1917 г. лежал тезис о том, что большевики — противники созыва Учредительного собрания, что они не хотят считаться с крестьянами, избравшими депутатов этого собрания. Нужно заметить, что такая пропаганда имела среди части крестьян и солдат некоторый успех.

---

[27] В. Зайцев. Указ. соч., стр. 51.
[28] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 298.
[29] В. Зайцев. Указ. соч., стр. 52

Касаясь декрета Советского правительства об объявлении кадетов врагами народа, В. И. Ленин разъяснил, что это вызвано подрывной деятельностью кадетов, которые устраивают заговоры, организуют восстания против Советов. «В то время, как у нас на-днях,— говорил он,— будут известны условия мира, когда у нас будет перемирие, когда члены земельных комитетов не будут арестовываться, когда помещичьи земли будут конфисковываться, когда будет контроль над фабриками и заводами, они устраивают заговор против... Советов» [30].

Выступления В. И. Ленина помогали крестьянам понять свое заблуждение и быстрее порвать с политикой эсеров; они имели тем большее значение, что отражали требования большинства крестьян, а партия большевиков, от имени которой выступал В. И. Ленин, представала в их глазах как выразитель этих требований.

Правые эсеры, принимавшие ранее активное участие в арестах членов земельных комитетов, проводившие на деле лозунг буржуазии «Война до победного конца», ничего не могли противопоставить ленинским аргументам. Было очевидно, что съезд не пойдет за правыми эсерами, не поддержит их требований о передаче власти Учредительному собранию. Поняв безнадежность своего положения, правые эсеры ускорили развязку событий.

После доклада В. И. Ленина они внесли резолюцию, в которой крестьянский съезд осуждал деятельность Совнаркома, направленную к скорейшему заключению мира, практические шаги Советского правительства по осуществлению декрета о земле. Внесением такой резолюции правые эсеры показывали, как далеки они были от интересов народа, как тесна была их связь с буржуазией. Даже «левые» эсеры, все время колебавшиеся и нередко склонявшиеся на сторону правых эсеров, не могли принять резолюцию, осуждавшую деятельность Совнаркома. Если бы «левые» проголосовали за такую резолюцию, они немедленно потеряли бы доверие крестьян. Большинством голосов предложение правых эсеров было отвергнуто.

В принятой съездом резолюции указывалось: «...Второй Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов считает необходимым, чтобы Учредительное Собрание было безотлагательно открыто в составе всех его частей. Съезд полагает, что Учредительное собрание должно в первую очередь решить вопрос о мире, земле и контроле над производством и потреблением... Съезд настаивает на немедленном утверждении власти Крестьян и Рабочих» [31].

Съезд признал недопустимым соглашение в Учредительном собрании с представителями буржуазии, указав при этом, что революционная власть не должна останавливаться перед репрессиями в отношении учреждений и лиц, не исключая и членов Учредительного собрания, если они участвуют в заговорах против власти.

Однако наиболее важным постановлением съезда была резолюция, решительно осуждавшая всякую попытку Учредительного собрания отвергнуть власть Советов: «Всякую попытку Учредительного собрания вступить в борьбу с Советами крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, как органов революционной власти, Второй Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов будет рассматривать как посягательство на завоевание революции и самым решительным образом противодействовать ему в этом» [32]. Это предупреждение имело тем более важное значение, что оно исходило от Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, на котором довольно полно была представлена армия. Принятие этих решений означало полный провал попыток правых эсеров повести за собой крестьянский съезд. Эти решения свидетельствовали о

[30] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 322.
[31] «Голос трудового крестьянства», № 18, 10 декабря 1917 года.
[32] Там же.

том, что за сравнительно небольшой срок после победы революции в крестьянских «низах» все больше росло доверие к пролетариату; «левые» эсеры не могли не считаться с требованием этих низов, не рискуя оказаться в состоянии изоляции от крестьян, как это уже произошло с правыми эсерами.

Правда, «левые» эсеры, говоря о Советах, и на этот раз имели в виду, что Советы должны состоять из представителей всех партий — от большевиков до народных социалистов. Но факт признания съездом крестьянских депутатов власти Совета Народных Комиссаров был весьма показателен. Он говорил о том, что «левые» эсеры, составлявшие большинство съезда, не могли не признать власти Советов, так как без Советов, являвшихся формой диктатуры пролетариата, не могли быть решены вопросы о мире, о земле. Поняв, что они не найдут поддержки на съезде, правые эсеры покинули его.

По аграрному вопросу съезд принял резолюцию, в которой подтверждал непреклонную волю всего трудового крестьянства, чтобы земельный вопрос был разрешен кардинальным образом. Съезд требовал проведения социализации земли и распределения ее в уравнительное пользование [33]. Приветствуя отмену частной собственности на землю, съезд обратился к трудовому крестьянству с призывом взять все помещичьи хозяйства со всем живым и мертвым инвентарем и постройками в ведение земельных комитетов. Съезд призывал крестьян создавать на местах Советы крестьянских депутатов как органы новой власти. «Левые» эсеры не имели иного выхода, как согласиться на создание Советов, так как без Советов не могли быть решены задачи буржуазно-демократической революции, в чем было заинтересовано и чего требовало большинство крестьян. Нельзя было добиться уничтожения частной собственности на землю до тех пор, пока существовали на местах правоэсеровские земства, стоявшие на страже интересов помещиков и кулачества. Логика событий вела к тому, что трудящееся крестьянство должно было поддержать пролетариат. «Левые» эсеры, противники диктатуры пролетариата, не желая оказаться в изоляции от крестьян, были вынуждены в резолюции по аграрному вопросу принять пункт о создании Советов на местах.

«Крестьянский съезд,— сказано было в конце этой резолюции,— твердо уверен, что Учредительное собрание, призванное осуществить вековые чаяния трудового народа, в первую очередь разработает и проведет в жизнь закон о социализации земли в духе резолюций 1-го Чрезвычайного и 2-го Всероссийского съездов Советов крестьянских депутатов и 2-го съезда рабочих депутатов» [34]. Уступая настойчивым требованиям широких масс трудового крестьянства, выраженным в принятых II Всероссийским съездом Советов декретах о мире и о земле, «левые» эсеры соглашались с ними, поддерживали их; в то же время, боясь окончательно порвать с правыми эсерами, они отдавали им дань, ссылаясь на постановления крестьянских съездов, проводимых, как известно, правыми эсерами. Это еще и еще раз иллюстрирует половинчатость, непоследовательность и бесконечные колебания «левых» эсеров, этих ненадежных попутчиков революции.

Большинством голосов съезд принял также резолюцию, осуждавшую деятельность меньшевистско-эсеровского Исполкома Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов первого созыва. Съезд признал «деятельность большинства исполнительного комитета преступной по отношению к трудовому крестьянству» и выразил ему недоверие [35]. Эта резолюция съезда наносила удар не только по соглашательскому ВЦИК Советов крестьянских депутатов, но также и по многим губернским и уездным Советам крестьянских депутатов, где в большинстве случаев еще

[33] «Голос трудового крестьянства», № 19, 12 декабря 1917 года.
[34] Там же.
[35] «Известия Всероссийского крестьянского съезда», № 15, 7 декабря 1917 года.

сидели правые эсеры, превратившие крестьянские Советы в центры контрреволюционной борьбы. Принятие этой резолюции означало, что правые эсеры лишались доверия крестьян; оно, по существу, было призывом изгонять правых эсеров из крестьянских Советов и земств, избирать новые Советы крестьянских депутатов, которые выражали бы точку зрения большинства крестьян.

Большое место в работе съезда занял вопрос о борьбе «за всеобщий демократический мир». Ему было посвящено соединенное заседание Совета Народных Комиссаров, Центрального Исполнительного Комитета Советов РС и КД, II Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, Петроградского и районных Советов рабочих и солдатских депутатов, делегатов полковых комитетов и других организаций. На этом объединенном заседании, как и на самом съезде, отчетливо проявилась роль большевистской партии как выразителя интересов большинства населения страны.

Представители фронта и флота, выступавшие на заседании, указывали, что свергнутое революцией коалиционное правительство шло рука об руку с империалистами Запада, и лишь после победы в октябре новым правительством был предложен всеобщий мир и приняты «безотлагательные меры к предотвращению кровопролития». «Мы должны здесь вновь от имени всего русского крестьянства,— говорил представитель Черноморского флота,— приветствовать энергичные шаги к миру Советского правительства» [36].

Работа съезда закончилась принятием воззвания к крестьянам: «Трудовой революционный народ в октябре месяце сего года свергнул коалиционное правительство соглашения с капиталистами и помещиками, и вся власть перешла в руки самого народа... Революционный путь трудового крестьянства, рабочего класса и трудовой армии един и неразрывен, и нет той силы, которая смогла бы их разъединить в борьбе за лучшую свою долю и счастье». В воззвании указывалось, что съезд избрал крестьянских представителей для участия в переговорах по поводу заключения мира, но что правые эсеры и эсеры центра ведут политику расстройства братских рядов, «натравливая крестьян, рабочих и солдат друг на друга, одну часть трудового народа на другую» [37]. Съезд призывал крестьян и солдат переизбирать Советы и избирать в них тех, кто боролся с соглашательской политикой Керенского. Крестьянам и солдатам предлагалось избирать на уездных и губернских крестьянских, а также армейских съездах делегатов на III Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов, который должен был состояться 10 января 1918 года.

Избранный II Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов Центральный Комитет Советов крестьянских депутатов в полном составе влился во ВЦИК Советов, избранный II Всероссийским съездом Советов 26 октября [38].

Что касается правых эсеров, то, уйдя со съезда, они открыли свои заседания отдельно и избрали свой Всероссийский исполнительный комитет крестьянских депутатов во главе с Черновым. Таким образом, к декабрю 1917 г. оказалось два ВЦИК Советов крестьянских депутатов: один — избранный II Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов и высказавшийся за поддержку декретов Советского правительства, за передачу власти Советам в центре и на местах; другой — созданный правыми эсерами и выступавший против всех декретов Советского правительства, требовавший свержения Советской власти и передачи власти Учредительному собранию.

Чрезвычайный и II Всероссийский съезды Советов крестьянских де-

---

[36] «Голос трудового крестьянства», № 13, 10 декабря 1917 года.
[37] Там же.
[38] Там же.

путатов явились важными этапами борьбы большевистской партии за привлечение трудящегося крестьянства на сторону пролетариата.

Резолюции, принятые Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов,— наглядный показатель того, как партия большевиков, руководимая гением Ленина, использовала соглашение с партиями и группами, с программами которых она была не согласна, для завоевания на сторону пролетариата широких масс трудящегося крестьянства, для укрепления диктатуры пролетариата. Эти соглашения служили интересам развития революции, и партия шла на эти соглашения для того, чтобы постепенно отрывать от мелкобуржуазных партий один слой крестьянства за другим.

Постановления, принятые II Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов, имели большое значение для последующего привлечения трудящихся масс крестьянства на сторону пролетариата.

Большевики приняли ряд мер к тому, чтобы эти постановления были быстрее доведены до сознания крестьян. В этой связи было принято решение, чтобы все солдаты — делегаты II Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов — были освобождены от несения военной службы и направлены на места для проведения агитационной работы. «Крестьян — солдат Второго Всероссийского съезда крестьянских депутатов частей войск,— говорилось в телеграмме народного комиссара по военным делам Н. И. Подвойского,— уволенных для агитации, пропаганды и организации крестьян на местах, полагать в отпуску до Третьего Всероссийского съезда крестьянских депутатов, т. е. до десятого февраля» [39]. По постановлению съезда, делегаты обязывались по приезде на места созывать съезды крестьянских депутатов и добиваться присоединения ко всем решениям Чрезвычайного и II Всероссийского съездов Советов крестьянских депутатов, осуждения соглашательской политики авксентьевского Исполнительного комитета [40].

Гибкая тактика большевиков, их умелое маневрирование помогли пролетариату не только удержать на своей стороне уже завоеванные ранее массы трудящихся крестьян и солдат, но и привлечь на свою сторону новых сторонников из числа трудящегося крестьянства.

Войдя во ВЦИК Советов, «левые» эсеры через некоторое время вошли и в состав Советского правительства. Этому предшествовали предварительные переговоры, которые вел по поручению Совета Народных Комиссаров Я. М. Свердлов. По их окончании он докладывал Совету Народных Комиссаров, что «левые» эсеры обязуются проводить советскую политику. Совнарком констатировал тогда, что достигнуто «полное соглашение о составе власти между большевиками и левыми с.-р. В состав правительства входят 7 социалистов-революционеров» [41].

Провозглашая на II Всероссийском съезде Советов декрет о земле, партия приняла и осуществила требования большинства крестьянства. В результате большевики добились того, что мелкобуржуазные массы крестьянства оказались на стороне пролетарской революции. Включение «левых» эсеров в состав ВЦИК, а потом и в правительство не меняло и не могло изменить принципиальной линии и политики партии, поскольку большинство во ВЦИК и в СНК принадлежало большевикам. Но оно имело важное значение для привлечения на сторону пролетариата мелкобуржуазных слоев крестьянства.

Серьезным уроком для крестьянских масс, в результате которого подавляющее большинство крестьян убедилось в правильности большевистской политики, яснее и отчетливее увидело предательство эсеров, было

[39] ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 689, л. 1.
[40] «Голос трудового крестьянства», № 19, 12 декабря 1917 года.
[41] ЦПА ИМЛ, ф. 19, протокол № 23, лл. 2—4.

Учредительное собрание. Тактика большевиков по отношению к Учредительному собранию обеспечила переход на сторону пролетариата миллионных масс трудящихся, не потерявших еще наивной веры в Учредительное собрание.

Зная, что большинство Учредительного собрания будет контрреволюционным, большевики, тем не менее, решили созвать его, чтобы трудящиеся на личном опыте убедились в подлинной сущности этого собрания. При этом имелись в виду два возможных исхода, ни один из которых не давал основания откладывать созыв этого собрания: либо Учредительное собрание признает власть Советов и все декреты Советского правительства — и тогда оно не будет представлять опасности для революции, превратится в придаток Советов и постепенно отомрет, либо, если оно не признает власть Советов и откажется утвердить декреты Советского правительства, прежде всего декреты о мире и о земле,— оно противопоставит себя многомиллионным массам трудящихся, которые, несомненно, отвернутся от такого собрания, и тогда оно безболезненно может быть разогнано. И в первом и во втором случаях созыв собрания значительно усиливал позиции пролетариата в крестьянстве.

Решение большевиков о созыве буржуазного Учредительного собрания в то время, когда власть уже находилась в руках пролетариата, было блестящим образцом ленинской тактики.

Открытие Учредительного собрания было назначено на 5 января 1918 года. Узнав об этом, правоэсеровский Исполком Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов назначил на 8 января созыв III Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов[42]. Этот шаг эсеров был рассчитан на то, чтобы в случае провала в Учредительном собрании апеллировать к крестьянскому съезду, представить большевиков в роли могильщиков Учредительного собрания, в роли гонителей «законных избранников народа» и таким образом поднять крестьян против Советов.

В ход были пущены, как и прежде, ложь и провокации. Эсеровская фракция Учредительного собрания, например, в обращении «Ко всем гражданам» писала, что большевики якобы не дали солдатам обещанного мира, но открыли фронт врагу и что только они, эсеры, предложат Учредительному собранию избрать делегатов для переговоров о всеобщем демократическом мире «без победителей и побежденных», что только они отменят частную собственность на землю для уравнительного пользования[43]. И хотя это писалось в то время, когда II Всероссийский съезд Советов уже более двух месяцев назад принял декреты о земле и о мире, когда уже больше месяца велись мирные переговоры и было заключено перемирие на фронте, такие воззвания и планы созыва нового Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов таили в себе известную опасность: они отрицательно сказывались на позиции колебавшихся слоев крестьянства. Поэтому не считаться с этими замыслами врагов было нельзя.

В противовес так называемому крестьянскому съезду, намечаемому правыми эсерами, большевики решили созвать 8 января III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, 12 января — III Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов, который был бы действительным выразителем воли большинства трудящегося крестьянства, поскольку было очевидно, что эсеровский съезд «крестьян» будет представлять кулацко-зажиточную часть деревни. Намечая созыв III Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов на 12 января, большевики были уверены, что этот съезд пойдет за пролетариатом, поскольку по постановлению II Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, предрешившему вопрос о съезде, посылать делегатов могли лишь те

---

[42] «Бюллетень Всероссийского союза защиты Учредительного собрания», № 7, 28 декабря 1917 года.

[43] ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 49, лл. 1—4.

губернские и уездные Советы, состав которых после победы социалистической революции был обновлен [44]. Понятно, что переизбранные после Октябрьской революции Советы должны были дать преобладание большевикам и сочувствующим им.

Эсеры деятельно готовились к открытию Учредительного собрания, связывая с ним возможный захват власти в свои руки. Среди документов эсеровского ЦК сохранились опросные листы представителей военных частей Петроградского гарнизона, которые собирали эсеры, готовясь к вооруженной борьбе против Советов. Из этих опросов, проведенных эсеровской военной организацией, обнаружилась картина полного распада эсеровских организаций в армии. В тех полках, где ранее насчитывались сотни эсеров, к середине декабря 1917 г. остались лишь единицы. Например, в Семеновском полку из 4 тыс. солдат в партии эсеров состояло лишь 10 человек, в 1-м пехотном полку из 2 500—40, в 199-м пехотном полку из 2 400—40 и т. д. Из 33 863 солдат различных частей гарнизона, представители которых давали сведения, в партии эсеров в декабре 1917 г. числилось лишь 715 человек [45]. На заседании Военного совета партии эсеров, состоявшемся 1 декабря, из докладов с мест выяснилось, что в Егерском полку эсеры потеряли всякое влияние на солдат. На солдатском митинге, сообщал представитель полка, выступал большевик, который «пользовался успехом в полной мере»; в батальоне самокатчиков и Латышском полку, по сообщению представителей частей, эсерам говорить не дали; в Московском полку настроение солдат «ультрабольшевистское»; Павловский полк настроен также большевистски [46].

Обсудив создавшееся положение, Военный совет признал, что в ряде частей социалистам-революционерам проводить устную агитацию совершенно нельзя из-за боязни вызвать эксцессы, а можно заниматься лишь распространением литературы, поскольку «открытые выступления сейчас немыслимы» [47]. На заседании фракции эсеров в Учредительном собрании 29 декабря один из эсеровских лидеров, хорошо знавший настроение солдатских масс Петроградского гарнизона и ближайших фронтов, с горечью констатировал, что у эсеров нет реальных сил для борьбы против Советского правительства. Он назвал печальным заблуждением и иллюзией мнение тех, кто считал, что деревня якобы все еще идет за эсерами [48].

Не случайно эсеры подсчитывали свои силы. Их замысел состоял в том, чтобы с помощью солдатских штыков свергнуть Советское правительство и передать власть Учредительному собранию, выборы в которое состоялись до того, как в стране стало широко известно об Октябрьской революции и первых декретах Советской власти [49]. Но, как видно из приведенных фактов, подсчеты оказались не в пользу правых эсеров. Декреты Советского правительства о мире и о земле к этому времени уже стали известны не только солдатам, но и крестьянам отдаленных деревень, ввиду чего трудящиеся крестьяне поддерживали Советскую власть. Поэтому состав делегатов Учредительного собрания уже не отражал истинного настроения трудящихся масс. В такой острой обстановке шла подготовка к открытию Учредительного собрания.

Учредительное собрание открыл председатель ВЦИК Я. М. Свердлов. Он огласил написанную В. И. Лениным и утвержденную 3 января ВЦИК Советов «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа».

---

[44] «Голос трудового крестьянства», № 38, 7 января 1918 года.
[45] ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 10, лл. 174—176.
[46] Там же.
[47] Там же, лл. 60—65.
[48] Там же, д. 5, лл. 1—8.
[49] В Учредительное собрание (по сравнительно полным, но не исчерпывающим данным) были избраны 715 депутатов, из них 412 эсеров, 183 большевика, 17 меньшевиков, 81 — от национальных групп, 16 кадетов, 2 народных социалиста и 4 неизвестных (см. В. И. Ленин. Соч. Т. XXII. Изд. 3-е, стр. 598. Примечания).

«Россия объявляется республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов,— гласил первый пункт Декларации.— Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам... В осуществление социализации земли, частная собственность на землю отменяется и весь земельный фонд объявляется всенародным достоянием и передается трудящимся без всякого выкупа на началах уравнительного землепользования» [50]. Подтверждая закон о рабочем контроле, а также закон о переходе всех банков в собственность Советского государства, Декларация указывала, что Учредительное собрание «всецело присоединится к проводимой Советской властью политике разрыва тайных договоров, организации самого широкого братания с рабочими и крестьянами воюющих ныне между собой армий и достижения во что бы то ни стало революционными мерами демократического мира между народами без аннексий и контрибуций, на основе свободного самоопределения наций» [51]. Эта Декларация явилась концентрированным выражением требований большинства трудящихся, и прежде всего крестьян.

Эсеры были поставлены перед выбором: либо принять Декларацию, признать Советскую власть и тогда перестать быть теми, кем они были до сих пор, либо отвергнуть ее и окончательно дискредитировать себя в глазах крестьян. Правые эсеры избрали второй путь. Соглашательское большинство Учредительного собрания отказалось даже обсуждать Декларацию.

Напомним в связи с этим, что Чрезвычайный и II Всероссийский съезды Советов крестьянских депутатов, проходившие в ноябре 1917 г., требовали от Учредительного собрания, чтобы оно в первую очередь решило вопрос о мире, земле и о контроле над производством и потреблением, чтобы оно утвердило власть крестьян и рабочих [52]. Отказавшись принять предложенную большевиками Декларацию, эсеры выступили против решений всероссийских съездов Советов крестьянских депутатов, а также решений губернских, уездных и прочих крестьянских съездов, отражавших точку зрения большинства крестьян.

Большевикам удалось столкнуть, таким образом, крестьян с их требованиями о мире и о земле с действительной политикой эсеров. Огромная пропасть образовалась между эсерами и большинством крестьян.

Шестой съезд крестьян Липецкого уезда, Тамбовской губернии, состоявшийся в январе 1918 г., высказываясь за созыв Учредительного собрания, считал, однако, что оно должно признать власть Советов и утвердить все обнародованные правительством декреты: о мире, о земле, о рабочем контроле, о национализации банков. «Если Учредительное собрание,— говорилось в резолюции,— не выполнит нашего требования, то такое Учредительное собрание мы не признаем и будем бороться с ним всеми силами вместе с Советами» [53]. Такое же постановление было принято Псковским губернским Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 19 декабря 1917 г. [54], 2-м съездом солдат-крестьян 3-й армии [55], солдатами 22-й пехотной дивизии, второго гвардейского корпуса [56] и многими Советами, съездами и сходами крестьян.

«Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», внесенная большевиками и отвергнутая Учредительным собранием, выражала требования подавляющего большинства рабочих, крестьян и солдат. И понятно, что тот, кто выступал против этой Декларации, на деле выступал против требований трудящихся.

---

[50] «Правда», № 2, 4 января 1918 года.

[51] Там же.

[52] «Голос трудового крестьянства», № 18, 10 декабря 1917 года.

[53] «Голос трудового крестьянства», № 55, 29 января 1918 года.

[54] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 393, оп. 5, д. 55, л. 60.

[55] «Голос трудового крестьянства», № 44, 18 января 1918 года.

[56] «Красный архив», 1937, № 6, стр. 24—25.

Мудрость Коммунистической партии, руководимой В. И. Лениным, в том и состояла, что она умела прислушиваться к народу, знала его настроения и, будучи выразительницей интересов трудящихся, боролась за удовлетворение их требований.

День, когда эсеры отвергли в Учредительном собрании большевистскую Декларацию, был днем, ускорившим их политическую смерть, открыто показавшим, что эсеры окончательно скатились в болото контрреволюции и как результат этого — лишились доверия крестьян.

Огласив Декларацию, большевики покинули Учредительное собрание. Несколько позже покинули его и «левые» эсеры. 7 января в «Известиях ВЦИК» было опубликовано постановление ВЦИК о роспуске Учредительного собрания. Это решение вполне отвечало требованиям большинства рабочих, солдат и крестьян и потому было ими поддержано.

Но эсеры не хотели признать свое поражение, они готовились к дальнейшей борьбе против Советского правительства. Еще за день до роспуска собрания состоялось секретное заседание фракции эсеров в Учредительном собрании совместно с представителями меньшевиков. Они решили обратиться от имени всех фракций (кроме большевиков и «левых» эсеров) к населению и известить его, что при создавшихся условиях Учредительное собрание не может работать [57] и что должно быть избрано другое место для заседаний собрания. Речь, таким образом, шла о том, чтобы продолжать заседания вне Петрограда и принимать там те или иные решения, выдавая их за выражение воли большинства народа. Возглавлять контрреволюционную деятельность правых эсеров поручалось бюро фракции эсеров в Учредительном собрании. После декрета ВЦИК о роспуске собрания снова состоялось заседание бюро фракции эсеров совместно с их ЦК. На нем было решено, что правые эсеры — депутаты Учредительного собрания — организуются в группы по областям и получают все директивы от бюро фракции. Этим же постановлением депутатам предлагалось по возвращении на места выступать на съездах и совещаниях, делать объезды по губерниям и добиваться принятия решений о возобновлении работы Учредительного собрания. Постановление рекомендовало всем эсерам проникать в Советы и вести там борьбу за Учредительное собрание [58].

Однако заговор контрреволюционеров и на этот раз потерпел поражение. Крестьяне, на которых рассчитывали эсеры, отвернулись от них, одобрив роспуск Учредительного собрания, и тем самым поддержали рабочий класс. Съезд крестьян Псковской губернии приветствовал решение ВЦИК о роспуске Учредительного собрания, так как оно не исполнило волю трудового народа по вопросам о мире, о земле и о признании власти Советов; съезд требовал принятия решительных мер, в корне пресекающих всякие контрреволюционные попытки и выступления [59]. Пятый крестьянский съезд Корсунского уезда, Симбирской губернии, признал роспуск Учредительного собрания необходимым [60]. Кологривский Совет РС и КД 30 января 1918 г. решил: «Учитывая настроение граждан всего уезда, отношение к коалиции с буржуазией, к соглашению с помещиками отрицательное, постановил: «Роспуск Учредительного собрания, как не выражающего интересы и волю народа, признать самой справедливой мерой. Приветствуем единую власть в стране — трудовые Советы и Совнарком. Да здравствует Совнарком!» [61]. Самарский губернский съезд крестьян, проходивший в январе 1918 г., постановил, что, поскольку Учредительное собрание не признало декретов Советской власти, не признало завоеваний Октябрьской революции, роспуск его считать совершенно правиль-

[57] ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 5, лл. 101—102.
[58] Там же, лл. 197—198.
[59] «Красный архив», 1937, № 6, стр. 20.
[60] ЦГАОР и СС, ф. 393, оп. 2, д. 84, л. 365.
[61] Там же, оп. 3, д. 184, л. 45.

ным[62]. Подобных постановлений было множество. Все они указывали на то, что тактика большевиков по отношению к Учредительному собранию явилась единственно правильной и привлекла на сторону пролетариата трудящееся крестьянство.

Поражение эсеров в связи с Учредительным собранием предопределило и их провал с созывом так называемого Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, о котором говорилось выше. 8 января в Петрограде правые эсеры открыли так называемый III Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. Большевики решили разогнать этот очаг контрреволюции, лишь для маскировки именуемый крестьянским съездом. Прибывший отряд Красной Гвардии арестовал президиум съезда, состоявший из лидеров правых эсеров, и часть делегатов. Те делегаты, которые обманным путем были втянуты в заговор против революции, присоединились к созванному большевиками III съезду Советов крестьянских депутатов[63]. В связи с этим эсеры снова обратились к крестьянам, призывая их подниматься на борьбу «за крестьянские интересы, за Учредительное собрание»[64]. Но этот призыв, как и ряд предыдущих эсеровских обращений, не достиг цели: крестьяне и солдаты не поднялись на защиту Учредительного собрания. Больше того, эсеровские депутаты Учредительного собрания, пытавшиеся выступать в селах с призывами бороться с властью Советов, по предложению крестьян, арестовывались. Всей предшествовавшей политикой и антинародной деятельностью эсеры изолировали себя от масс, открыто стали в ряды врагов рабочего класса и трудящегося крестьянства.

10 января 1918 г. открылся III Всероссийский съезд Советов. К тому времени массы крестьян еще более «полевели», избавившись от иллюзий соглашения с буржуазией, и перешли на сторону пролетарской революции. Так, если на I Всероссийском съезде Советов в июне 1917 г. большевиков было 13%, то на II съезде в октябре их стало 51%, а на III — уже 61%. Выступивший на съезде с докладом Я. М. Свердлов предложил положить конец раздельному существованию Советов, из-за которого одна часть крестьянства объединяется «левыми» эсерами, а вторая, наиболее сознательная и передовая часть, состоящая из представителей крестьянской бедноты, организуется и идет за Советами рабочих и солдатских депутатов. «Центральный исполнительный комитет,— продолжал Я. М. Свердлов,— понял, что соглашение должно быть заключено не с теми или иными верхушками, какие бы они названия себе ни присваивали, а с самыми широкими народными трудовыми массами. Опыт показал, что мы были правы, заключив теснейший союз пролетариата с трудовым крестьянством. За нами пошли не только Чрезвычайный крестьянский съезд, но и II Всероссийский крестьянский съезд. Мы глубоко убеждены в том, что и III Крестьянский съезд, который будет иметь место на этих днях, пойдет с нами нога в ногу»[65].

Предположение, высказанное Я. М. Свердловым, оправдалось. Открывшийся 13 января III Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов, представлявший более 250 Советов, на первом же заседании принял решение объединиться с III Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов и проводить работу совместно с ним.

В тот же день делегаты крестьянского съезда прибыли на III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Слиянием этих двух съездов был положен конец раздельному существованию Советов. Это слияние, которого требовали низовые Советы крестьянских депутатов (многие из них уже объединились к этому времени с местными

---

[62] «Красный архив», 1937, № 6, стр. 28.

[63] «Голос трудового крестьянства», № 44, 16 января 1918 года.

[64] ЦПА ИМЛ, ф. 274, оп. 1, д. 2, л. 19.

[65] Я. М. Свердлов. Избранные статьи и речи, 1917—1919. Госполитиздат. 1939, стр. 43.

Советами рабочих и солдатских депутатов), имело важное значение для дальнейшего упрочения союза рабочего класса и беднейшего крестьянства.

III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, именовавшийся после объединения съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, утвердил отвергнутую Учредительным собранием «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и постановил расклеить ее повсюду на заводах и фабриках, в селах и деревнях, а также прочитать во всех частях армии и флота. Съезд утвердил резолюцию о мире и принял закон о социализации земли [66], душой которого было уравнительное землепользование. По этому закону частная собственность на землю и недра отменялась навсегда и земля переходила в пользование трудового народа. Статья 12-я закона гласила, что распределение земли между трудящимися должно производиться на уравнительно-трудовых началах, так, чтобы потребительно-трудовая норма не превышала трудоспособности наличных сил каждого отдельного хозяйства [67]. Хотя уравнительное распределение земли не было программным требованием партии большевиков, тем не менее большевики пошли на принятие такого закона. Выход крестьян-бедняков из нищеты большевики видели не в уравнительном распределении земли, которое неизбежно будет рождать новых капиталистов и бедноту, а в переходе к коллективным формам обработки земли. «Выход только в общественной обработке земли» [68],— указывал В. И. Ленин. Но поскольку большинство крестьян требовало уравнительного распределения земли, партия поддержала это требование для того, чтобы еще теснее сплотить трудовое крестьянство вокруг рабочего класса, укрепить диктатуру пролетариата. «Мы, большевики,— говорил В. И. Ленин,— были противниками закона о социализации земли. Но все же мы его подписывали, потому что мы не хотели идти против воли большинства крестьянства» [69]. Партия исходила из того, что переход к социалистическим формам в земледелии сразу невозможен, что нужно время, пока само крестьянство убедится в необходимости коллективного земледелия.

Закон о социализации земли не менял того основного положения, что земля являлась собственностью государства и что всякая собственность на землю отменялась навсегда [70]. Вот почему В. И. Ленин об этом законе писал: «Наши народники, в том числе все левые эсеры, отрицают, что проведенная у нас мера есть национализация земли. Они теоретически неправы. Поскольку мы остаемся в рамках товарного производства и капитализма, постольку отмена частной собственности на землю есть национализация земли. Слово «социализация» выражает лишь тенденцию, пожелание, подготовку перехода к социализму» [71].

Принятием закона о социализации земли пролетариат обеспечивал привлечение на свою сторону новых союзников из крестьянства, укреплял союз рабочего класса с беднейшим крестьянством. В. И. Ленин в заключительном слове при закрытии III съезда Советов говорил: «Сейчас вы только что слышали закон о социализации земли. Разве этот закон не порука, что единение рабочих и крестьян ныне неразрывно, что мы при таком единении будем в состоянии победить все препятствия на пути к социализму?» [72].

III съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов

---

[66] «Голос трудового крестьянства», № 48, 20 января 1918 года.

[67] «Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.). Документы и материалы». М. 1954, стр. 136.

[68] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 156.

[69] Там же.

[70] См. «Основной закон о социализации земли». Ст. I, разд. 1-й.

[71] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 288.

[72] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 436.

одобрил политику, проводимую ЦИК Советов и Советом Народных Комиссаров, и выразил им свое доверие.

Избранный на съезде ВЦИК Советов в количестве 306 человек, пропорционально числу делегатов во фракциях, состоял из 160 большевиков, 125 «левых» эсеров, 7 правых эсеров, 7 максималистов, 3 анархистов-коммунистов, 2 меньшевиков и 2 социал-демократов интернационалистов [73]. Из этих данных видно, что правые эсеры к январю 1918 г. окончательно потеряли доверие трудящихся масс. Но «левые» эсеры еще пользовались определенным влиянием на средних крестьян, и нужно было время, чтобы крестьяне на своем личном опыте поняли опасность доверия к «левым» эсерам и окончательно стали под знамя пролетариата.

Принятие III Всероссийским съездом Советов «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», а также других постановлений, отражавших интересы трудящихся страны, явилось важным этапом в борьбе большевиков за трудящиеся массы крестьянства. После разгона Учредительного собрания, после III Всероссийского съезда Советов миллионы крестьян под руководством пролетариата решительно стали на путь, указанный партией большевиков. Переход широких масс крестьянства на сторону революции убедительно выразили крестьянские депутаты III Всероссийского съезда Советов: из 422 заполненных ими анкет на вопрос, каково их отношение к Советской власти, 365 ответили положительно, 5 — отрицательно, остальные не ответили [74].

В. И. Ленин говорил, что крестьянство «поддержало рабочий класс, потому что увидело в нем исполнителей желаний крестьянской массы, настоящих рабочих борцов, а не тех, кто предавал крестьянство в союзе с помещиками» [75].

В январе — феврале 1918 г. в уездах, волостях и селах происходил очень быстрый процесс создания Советов крестьянских депутатов, их объединения с Советами рабочих и солдатских депутатов. Этот процесс, начавшийся в ряде мест сразу же после Октябрьской революции, после III Всероссийского съезда Советов принял всеобщий характер. К концу марта 1918 г. во всех селах и волостях Советской республики, за исключением территории, занятой врагом, была установлена Советская власть, объединились Советы рабочих и солдатских депутатов с Советами крестьянских депутатов. Пролетариату удалось привлечь на свою сторону большинство трудящихся крестьян, сплотить вокруг себя сельскую бедноту и оторвать средние слои крестьянства от буржуазии.

Трудовые массы крестьянства, вверившие свою судьбу партии большевиков, выступившие по ее призыву на борьбу с буржуазией, не ошиблись в избранном пути. Уже на первом году пролетарской диктатуры в результате осуществления ряда мер удалось значительно поднять экономический уровень большинства трудящихся крестьян, высвободить крестьянскую бедноту из-под влияния кулачества.

Разумеется, борьба Коммунистической партии за привлечение к пролетариату крестьянских масс, за сочувствие и поддержку большинства этих масс не заканчивалась этим периодом. Потребовалась длительная и упорная классовая борьба, пока пролетариату удалось полностью преодолеть колебания крестьянства и окончательно завоевать сочувствие и поддержку большинства трудящихся крестьян всей страны. Однако несомненно, что решающие победы в этой борьбе были одержаны Коммунистической партией в первые месяцы социалистической революции, в период триумфального шествия Советской власти.

---

[73] См. В. И. Ленин. Соч. Т. XXII. Изд. 3-е, стр. 601. Примечания.
[74] «Документы по истории гражданской войны в СССР». Т. 1. М. 1940, стр. 89.
[75] В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 112.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РАЗГРОМА ВРАНГЕЛЕВЩИНЫ

Н. П. Липатов

История разгрома белогвардейской армии Врангеля довольно широко освещалась в советской литературе. В 20-х годах были изданы воспоминания участников событий, касавшиеся преимущественно отдельных эпизодов борьбы на врангелевском фронте, в 30-х годах появились работы военно-исторического характера, посвященные исследованию хода военных действий, положения в лагере южнорусской контрреволюции и раскрытию вопроса о помощи врангелевцам иностранных империалистов.

Наиболее крупным трудом явилась книга И. С. Короткова «Разгром Врангеля», вышедшая третьим изданием в 1955 году. В ней автор, использовав опубликованные ранее работы по врангелевщине, освещает события главным образом второго периода борьбы на врангелевском фронте (с августа 1920 г.) с точки зрения развития советского военного искусства. Вопросов внутреннего и внешнего положения Советской республики автор касается весьма бегло, лишь в качестве фона военных событий. Причин возникновения Крымского фронта и неудачного хода военных действий в первый период автор не раскрывает, ограничиваясь лишь мимоходом сделанными замечаниями о том, что все военные неудачи были результатом происков врагов народа. Уклонение автора от всестороннего раскрытия причин первоначальных неудач на врангелевском фронте снижает научную ценность работы. К тому же книга И. С. Короткова содержит ряд неверных положений, обусловленных влиянием культа личности на нашу историческую литературу. В книге не показана в полной мере роль В. И. Ленина при решении узловых вопросов разгрома третьего похода Антанты и отсутствуют фамилии ряда видных советских военных деятелей, вложивших немало трудов в достижение победы над врагом. Существенные недостатки труда И. С. Короткова не позволяют читателю получить из его книги достаточно полное и объективное представление о ходе борьбы на врангелевском фронте.

В 1956 г. в Киеве вышла книга Г. М. Шевчука «Борьба трудящихся масс Советской Украины против контрреволюции на Юге в 1920 г.» (на украинском языке). Она раскрывает роль трудящихся Украины в борьбе против врангелевщины, но не вносит ничего нового в освещение общеполитических вопросов и хода военных действий.

Между тем после XX съезда КПСС, а также решения партии и правительства об улучшении архивного дела появилась возможность дать полную и объективную картину хода событий, вскрыть действительные причины трудностей Советской страны, возросших в связи с возникновением врангелевского фронта, и показать, каким образом они преодолевались. Опираясь на не опубликованные ранее документы, а также на печатные работы, изданные в 20-х годах и принадлежавшие в большинстве случаев перу непосредственных участников событий, мы попытаемся в настоящей статье, не касаясь всего комплекса вопросов истории разгрома Врангеля, осветить некоторые военно-организационные и политические вопросы этой борьбы. В первую очередь рассмотрим причины возникно-

вения Крымского фронта в феврале — марте 1920 г., обстоятельства «внезапного» наступления врангелевской армии в июне 1920 г., причины оттяжки ликвидации Крымского фронта без малого на год и мероприятия ЦК партии по организации разгрома Врангеля. Освещение этих вопросов даст возможность дополнить и уточнить историографию разгрома третьего похода Антанты.

Военно-политическое и экономическое положение Советской республики непосредственно после разгрома главной силы второго похода Антанты — армии Деникина — продолжало оставаться крайне напряженным. Хотя в январе — феврале 1920 г. войскам контрреволюции было нанесено решительное поражение, военные действия продолжались на всех фронтах: как на главном, деникинском, так и в Туркестане, Сибири, на Севере, отвлекая значительные массы войск Красной Армии. Республика тяжело переносила последствия двухлетней блокады. Эпидемии тифа и других болезней выводили из строя большое количество бойцов и жителей промышленных центров. Железнодорожный транспорт, лишенный топлива и исправного подвижного состава, был почти парализован, особенно в районах, освобожденных от белогвардейцев. Вследствие того, что центр России был длительное время отрезан от источников сырья и топлива, валовая продукция промышленности составляла не более 25% к уровню 1917 г.; выплавка чугуна и стали — менее 3%, а перевозка грузов по железным дорогам — около 30% довоенного уровня. В результате уменьшения посевных площадей и падения урожайности товарная продукция сельского хозяйства сократилась до 50% [1]. Красная Армия и население городов снабжались продовольствием, собираемым путем продразверстки, по чрезвычайно урезанным нормам. Продразверстка, означавшая государственную монополию в распределении хлеба и других предметов первой необходимости, была основной чертой политики «военного коммунизма», проводившейся Советским государством в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. Мобилизация всей промышленности на нужды обороны, введение всеобщей трудовой повинности для обеспечения народного хозяйства рабочей силой также входили в систему «военного коммунизма», с помощью которой Советское государство отстояло свое существование в отчаянной борьбе с интервентами и белогвардейцами.

Освобождение Красной Армией богатых хлебом районов Сибири и Украины, «всероссийской кочегарки» — Донбасса, нефтяных районов Северного Кавказа и хлопководческих районов Средней Азии открыло перед Советским государством благоприятные перспективы хозяйственного возрождения. В целях интенсивного использования передышки после разгрома второго похода Антанты ЦК РКП(б) и Советское правительство, не снимая задачи завершения разгрома врага, направили главные усилия страны на восстановление разрушенного войной народного хозяйства. Основные пути восстановления народного хозяйства были указаны в «Тезисах ЦК РКП(б) о мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд» (январь 1920 г.). Вслед за тем Совет Обороны, возглавляемый В. И. Лениным, перевел часть войск Красной Армии — в районе Петрограда, на Урале, Украине и Северном Кавказе — на положение трудовых армий, используя их для заготовки дров, угля, нефти, продовольствия, ремонта паровозов, вагонов и железнодорожных

[1] См. Г. М. Кржижановский. Десять лет хозяйственного строительства СССР. 1917—1927. М. 1928, стр. 3, 33, 43; «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917—1927». М. Б. г., стр. 244—246; «Народное хозяйство в 1920 г. и в первую половину 1921 г.». М. 1921, стр. 5, 7, 8.

путей. Применение такой чрезвычайной меры привело к сокращению численности войск, находившихся непосредственно под ружьем. Чтобы предупредить демобилизационные настроения в частях, переведенных на трудовой фронт, В. И. Ленин напоминал, что трудовые армии являются резервом главного командования [2].

С другой стороны, лозунг «Все для народного хозяйства!» был воспринят многими советскими и партийными организациями, которые находились далеко от районов военных действий, как повод к забвению дела обороны страны. Центральному Комитету партии пришлось обратить особое внимание местных партийных организаций на необходимость борьбы с настроениями благодушия и успокоенности по отношению к военной опасности [3].

Несмотря на то, что внешнеполитическое положение Советской республики после разгрома второго похода Антанты значительно улучшилось [4], имелись многочисленные признаки интенсивной подготовки империалистов к продолжению вооруженной борьбы против Советской страны. Обращение VII Всероссийского съезда Советов к правительствам государств Антанты и США с предложением переговоров о мире осталось без ответа. Только Китай и такие страны, как Эстония, Румыния, Финляндия, Чехословакия, а также кемалистская Турция, выразили согласие начать переговоры о возобновлении дипломатических отношений с РСФСР. Однако вскоре Чехословакия, Румыния и Китай под давлением англо-франко-американских империалистов отказались от переговоров. Буржуазно-помещичья Польша заняла открыто враждебную позицию по отношению к Советской республике. Иностранная печать сообщала об усиленных отправках офицерских кадров и военных материалов из Франции и США в Польшу.

Империалисты стремились путем наступления армии буржуазно-помещичьей Польши спасти от окончательного разгрома остатки деникинской армии. Не случайно в феврале — марте 1920 г., когда армия Деникина, расчлененная на три части, отступала по расходящимся направлениям на Николаев — Одессу, Крым и Северный Кавказ, польская армия перешла в наступление по линии Овруч — Ровно, вторглась в пределы Украины. Как выяснилось впоследствии, командование польской армии активизировало военные действия под давлением правительства Ллойд-Джорджа: в Варшаву, а затем в Таганрог (ставка Деникина) был послан специальный представитель английского правительства Мак-Киндер с целью организовать наступление польской армии, отвлечь таким образом советские силы с деникинского фронта и дать возможность белогвардейскому командованию привести свои части в порядок [5].

Миссия Мак-Киндера не увенчалась успехом. Деникинская армия, переставшая существовать как организованное целое, агонизировала. Правофланговая группа генерала Шиллинга, отступавшая на Одессу — Николаев, была к началу февраля ликвидирована войсками 14-й советской армии. Основная масса деникинских войск, отступавших в состоянии полной деморализации на Ростов — Новороссийск, к середине марта распалась, и лишь наиболее боеспособная ее часть в количестве 25—30 тыс. человек при содействии флота интервентов эвакуировалась в Крым. В апреле 1920 г. Деникин сдал командование Врангелю.

Таким образом, деникинская армия как противник Советской республики сошла со сцены. Но буржуазно-помещичья Польша, армия которой к началу 1920 г. была доведена до 500 тыс. человек, являлась серьезным

---

[2] См. «Ленинский сборник» XXXIV, стр. 261.

[3] См. «Известия Центрального Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков)», № 12, 1920, стр. 29.

[4] В январе 1920 г. Верховный совет Антанты объявил о снятии блокады с Советской республики.

[5] А. И. Деникин. Очерки русской смуты. Т. V. Париж. 1925, стр. 305—306.

противником. Исходя из этого, Советское правительство и главное командование советских вооруженных сил пришли к выводу, что наибольшая опасность Советской республике на этот раз угрожает с запада, со стороны буржуазно-помещичьей Польши. В соответствии с этим В. И. Ленин потребовал от Реввоенсовета республики уделить особое внимание Западному фронту. Он считал, что для усиления Западного фронта необходимо взять часть дивизий с трудового фронта. В письме Реввоенсовету республики от 27 февраля 1920 г. В. И. Ленин предложил перебросить войска из Сибири и с Урала на запад, подчеркнув: «...Мы немного поторопились с трудармиями, если их не используем целиком для ускорения подвоза на Запфронт» [6]. В телеграмме члену РВС Кавказского фронта Г. К. Орджоникидзе от 11 марта 1920 г. В. И. Ленин писал, что необходимо быстро перебросить на Западный фронт максимум войск, поскольку польские правящие круги явно вели дело к войне [7].

В связи с новой обстановкой Южный фронт, нанесший главный удар по войскам Деникина, был реорганизован в Юго-Западный, а Юго-Восточный фронт — в Кавказский с разграничительной линией у Таганрога. Перед Юго-Западным фронтом главком С. С. Каменев директивой от 6 января 1920 г. поставил следующие задачи: 1) охрана побережья Азовского моря от Геническа до Таганрога, 2) наступление на Крымский полуостров особой группой войск силой не менее одной стрелковой и одной кавалерийской бригад, 3) нанесение главного удара в направлении Николаев — Херсон, 4) прочное прикрытие Киевского района от возможного наступления армии буржуазно-помещичьей Польши и готовность перейти в решительное наступление против нее в направлении Ровно — Дубно [8]. При реорганизации Южного фронта у него были взяты 1-я Конная и 8-я армии и переданы Кавказскому фронту для ликвидации главных сил Деникина. Это было правильное решение, отвечавшее обстановке, и оно достигло цели. Наступление же на Крым, как видно из директивы, главком считал второстепенной задачей Юго-Западного фронта и для осуществления его назначал небольшие силы. Ближних резервов для усиления Юго-Западного фронта главное командование не имело, рассчитывая, что фронт сможет решить поставленные перед ним задачи наличными силами. Дивизии резерва главного командования находились далеко от фронтов — на Северном Кавказе, Урале, в Сибири. Переброска их в районы боевых действий при расстроенном транспорте требовала больших усилий и времени [9].

По данным Особого совещания при главкоме, в январе — июне 1920 г. среднесуточная погрузка на железных дорогах была в 3—3,5 раза ниже, чем в 1916 г., количество неисправных паровозов составляло 59,5% всего паровозного парка [10].

В. И. Ленин неоднократно отмечал в 1920 г., что плохое состояние транспорта срывает все планы. В октябре 1920 г. он говорил, что для переброски войск из Сибири на врангелевский фронт приходилось отменять даже срочные продовольственные маршруты [11].

Расстройство транспорта в числе других причин серьезно сказалось на действиях против белогвардейцев, засевших в Крыму.

Группа войск генерала Слащева, укрывшаяся за укреплениями крымских перешейков, в феврале — марте 1920 г. значительно усилилась за счет белогвардейских частей, эвакуированных из Одессы и с Северного

---

[6] В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 373.
[7] См. там же, стр. 374.
[8] А. Егоров. Львов — Варшава. М. 1929, стр. 9—10.
[9] Так, 1-я Конная армия была двинута в апреле 1920 г. с Северного Кавказа на польский фронт походным порядком.
[10] Центральный государственный архив Красной Армии (ЦГАКА), ф. 4, оп. 2, д. 257, лл. 133, 134.
[11] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 311.

Кавказа. Войска 13-й армии, преследовавшие группу Слащева, заняли Перекоп и Чонгар, но затем вынуждены были под давлением белогвардейских частей отойти. Троекратное наступление малочисленных и уставших частей 13-й армии на крымские перешейки в течение февраля — первой половины марта 1920 г. успеха не имело.

В. И. Ленин, пристально следивший за развитием военных действий, обратил внимание Реввоенсовета на положение, сложившееся на подступах к Крыму. 15 марта 1920 г. в записке, адресованной Э. Склянскому, он писал:

«Нужно постановление РВС:

обратить сугубое внимание на явно допущенную ошибку с Крымом (во-время не двинули достаточных сил);

— все усилия на исправление ошибки (события в Германии крайне обостряют вопрос об ускорении добития Деникина);

— в частности приготовить морские средства (мины, подводные лодки и т. п.) и возможное наступление с Тамани на Крым (помнится, Мих. Дм. Бонч-Бруевич говорил мне о легкости этого).

Ряд точнейших и энергичнейших постановлений РВС об этом необходим немедленно.

Копию мне пришлите» [12].

Из этого документа видно, что В. И. Ленин рассматривал Крым как стратегический плацдарм, на котором закреплялась недобитая часть деникинской армии. Он указал, что советские войска могут проникнуть в Крым не только через перешейки, но и с Таманского полуострова, входившего в сферу действий Кавказского фронта.

Белогвардейское командование заблаговременно принимало меры для закрепления Крыма за собой: 3-й армейский корпус генерала Слащева в конце 1919 г. был оттянут из района Екатеринослава в Крым, а укрепления на перешейках строились еще раньше. Для устранения угрозы со стороны Таманского полуострова Деникин приказал перед эвакуацией Новороссийска 23 марта 1920 г. уничтожить на таманском берегу все плавучие средства, чтобы они не достались советским частям.

Очевидно, в записке Склянскому В. И. Ленин имел в виду овладение Керченским проливом, чтобы белогвардейский флот не мог помешать вторжению советских войск с Тамани в Крым, и поэтому рекомендовал Реввоенсовету приготовить в районе Тамани мины и подводные лодки.

Но осуществить это мероприятие в то время не оказалось возможным. Район Новороссийска был освобожден от белогвардейских войск лишь в конце марта, а железнодорожное сообщение с Ростовом и центром было восстановлено еще позже.

Развертывание морских средств борьбы на юге началось с северо-западного района Черного моря, очищенного от белогвардейцев в феврале 1920 года. Начиная с марта в район Одессы — Николаева, Херсона направлялись береговые орудия, гидросамолеты, минные заграждения и пр., личный состав с Балтийского флота, а также Волжской, Онежской и других флотилий [13]. Поскольку одновременно с Польшей ожидалось также выступление боярской Румынии, главком и командование Юго-Западного фронта считали необходимым укрепить прежде всего северо-западный район Украины, что сыграло положительную роль в ходе кам-

---

[12] В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 377.

[13] Вопрос о переброске подводных лодок на Черное море, как это предлагал В. И. Ленин, не мог быть быстро решен военно-морским ведомством по техническим причинам: подводные лодки с Балтийского моря из-за их большого тоннажа нельзя было перевезти по железной дороге, а имевшиеся в Волжско-Каспийской флотилии малотоннажные подводные лодки к началу 1920 г. потеряли боевое значение. Поэтому было решено интенсивно достраивать две подводные лодки, стоявшие с 1917 г. на стапелях судостроительных заводов Николаева. Одна из этих лодок — «АГ-23» — вошла в строй в сентябре 1920 г. и принимала участие в боевых действиях.

пании 1920 года. Оборона берегов Азовского и восточного побережья Черного моря ввиду недостатка средств была отнесена на вторую очередь. Это обстоятельство белогвардейское командование сумело использовать в своих целях, в частности нанеся в июне 1920 г. удар в тыл 13-й армии со стороны Азовского моря (об этом см. ниже).

Но возвратимся к положению на подступах к Крыму, создавшемуся в середине марта 1920 года. Повторные неудачи 13-й армии при наступлении на Крым сигнализировали о серьезности положения на этом участке. Было очевидно, что противник успешно использует для контратак преимущества местности и укрепленной позиции. В. И. Ленин, как это следовало из его записки от 15 марта 1920 г., требовал для взятия Крыма, во-первых, усилить войска 13-й армии, а во-вторых, оказать им содействие ударом с Тамани.

15 марта Реввоенсовет республики на основе указаний В. И. Ленина отдал командующему Юго-Западным фронтом директиву в кратчайший срок овладеть Крымом. Однако эта директива не была выполнена должным образом. Не имея резервов, главком приказал усилить войска 13-й армии, действующие на Крымском направлении, не менее чем шестью бригадами, взяв их только с трудового и внутреннего фронтов, но ни в коем случае не за счет войск польского участка Юго-Западного фронта [14]. Общая численность войск 13-й армии к тому времени составляла около 12 тыс. штыков и сабель, причем две дивизии из четырех (Латышская и 52-я стрелковая) были сняты с фронта на борьбу с бандитизмом — шайками Махно и других «батек», действовавшими в тылу армии [15].

16 марта РВС Юго-Западного фронта представил план наступления на Крым, выделив ударную группу для нанесения главного удара на Перекоп. Наступление назначалось на 30 марта. Но так как перегруппировка частей к этому сроку не была закончена, наступление отложили на апрель. Между тем белогвардейский корпус после эвакуации деникинцев из Новороссийска усилился. Очевидно, главком учел это и отклонил план Юго-Западного фронта. 12 апреля он дал новую директиву командующему Юго-Западным фронтом о решительном наступлении на Крым. По сведениям разведки, близился момент наступления армии буржуазно-помещичьей Польши, и главком считал необходимым ликвидировать до этого Крымский фронт. Объявив командующему Юго-Западным фронтом, что «операция по овладению Крымом является для фронта первостепенной», главком предложил ввести в бой все силы фронта, «даже при крайней к тому необходимости, за счет временного ослабления польского участка» [16]. Но из-за нехватки резервов для решительного наступления на Крым главком выделял Юго-Западному фронту весьма ограниченные силы: сверх 52-й стрелковой дивизии и 85-й бригады 29-й дивизии, которые уже были в составе 13-й армии, главком направил 63-ю бригаду 21-й стрелковой дивизии, предупредив, что по окончании крымской операции 85-я и 63-я бригады будут направлены на Западный фронт [17].

Недостаточное усиление 13-й армии могло быть восполнено помощью со стороны соседнего Кавказского фронта, если бы тот отвлек на себя часть врангелевских войск и тем облегчил действия 13-й армии. Главком имел это в виду и 10 апреля 1920 г. приказал командующему Кавказским

---

[14] Н. Е. Какурин, В. Р. Меликов. Война с белополяками. М. 1925, стр. 418 (Приложение).

[15] Массовый бандитизм в тылу советских войск Юго-Западного и Кавказского фронтов был проявлением активной борьбы кулачества против Советской власти на Украине, Дону и Северном Кавказе. Для борьбы с бандитизмом в составе дивизий, армий и фронтов были созданы особые службы тыла. Во время наступления польской армии на Украину в июне 1920 г. начальником тыла Юго-Западного фронта являлся Ф. Э. Дзержинский.

[16] А. Егоров. Указ. соч., стр. 18.

[17] Там же.

фронтом М. Н. Тухачевскому «развить активные действия на Крымский полуостров, согласовав их с действиями Юго-Западного фронта»[18]. Но в подкрепление фронту не были выделены материальные средства. Для форсирования Керченского пролива с Таманского полуострова в распоряжении 9-й Кубанской армии имелись только рыбацкие лодки. В северной части Азовского моря — Мариуполе и Таганроге — вооружались пароходы транспортного флота, но они еще не были приведены в боеспособное состояние и не могли принять участие в боевых действиях. К тому же эти суда (числом 3—5) не представляли собой одно соединение, так как были разделены между Юго-Западным и Кавказским фронтами. В результате командование Кавказского фронта ничего не предприняло даже для демонстрации со стороны Таманского полуострова.

13-я армия перешла в наступление 13 апреля наличными силами. Подготовка к наступлению не укрылась от белогвардейских разведчиков. Врангелевцы предприняли ряд контрударов и высадили 13—14 апреля тактические десанты во фланги 13-й армии — со стороны Каркинитского залива против Перекопской группы 13-й армии и со стороны Геническа во фланг Чонгарской группе. Хотя десанты были отбиты, они сыграли свою роль, оттянув часть советских войск. К тому же войска 13-й армии действовали вяло, неорганизованно, и уже через три дня наступление было приостановлено[19].

Командование Юго-Западного фронта и командование 13-й армии сделали из этой неудачи различные выводы. И. о. командующего армией И. Х. Паука, докладывая 26 апреля соображения о новом наступлении на Крым, сообщил, что из-за задержки прибытия подкреплений оно может начаться не ранее 10 мая, так как 13-я армия не обладает превосходством сил, необходимым для успеха наступления. По данным разведки, силы противника к тому времени исчислялись в 9 тыс. штыков и 2,9 тыс. сабель на фронте и до 9 тыс. штыков и 1,3 тыс. сабель в резерве. 13-я армия в первой линии располагала примерно теми же силами, что и противник, но в отличие от него не имела резервов. Паука докладывал, что по этой причине он вынужден оставить без прикрытия береговой участок Азовского моря в районе Геническа — Мелитополя; он считал положение опасным вследствие того, что противник, помимо численного превосходства, обладал флотом и имел возможность высаживать десанты в тылу расположения 13-й армии[20]. (Дальнейшие события показали, что Паука в своих предположениях оказался прав.)

Иначе оценивал положение командующий Юго-Западным фронтом А. И. Егоров. В докладе главкому по прямому проводу 26 мая в ответ на запрос С. С. Каменева, что́ предпринимается для обеспечения успеха наступления на Крым, А. И. Егоров сообщил, что состояние руководства 13-й армии внушает тревогу, так как в полевом управлении 13-й армии, по его словам, было «много плесени» и следовало бы произвести там чистку, а также сменить недостаточно энергичных членов Реввоенсовета армии. А. И. Егоров признавал численное превосходство противника на Крымском участке. При всем том он выражал готовность наступать, чтобы «скорее развязаться» с Крымом в связи с начавшимся наступлением польской армии, и заверял главкома, что наступление будет успешным, так как противник деморализован[21].

Главком не разделил точку зрения А. И. Егорова. Будучи в середине мая в Харькове, в штабе Юго-Западного фронта, для организации контрнаступления против армии буржуазно-помещичьей Польши, он заслушал также доклад о подготовке к крымской операции; при этом он прямо заявил, что сомневается в успехе наступления, предложив отложить опера-

[18] ЦГАКА, ф. 6, оп. 4, д. 302, л. 62.
[19] И. С. Коротков. Разгром Врангеля. М. 1955, стр. 54.
[20] ЦГАКА, ф. 198, оп. 4, д. 169, лл. 2—2 об.
[21] Там же, ф. 5 с/6, оп. 1, д. 197 с. лл. 80, 81.

цию до прибытия подкреплений. Но подкрепления эти главком по-прежнему исчислял в весьма скромных размерах: он считал, что для взятия Крыма будет достаточно четырех дивизий, если довести их до штатного состава за счет маршевых рот [22].

Таким образом, командующий Юго-Западным фронтом был убежден, что белогвардейские войска в Крыму не представляют серьезной силы и что с ними можно легко справиться, если «подтянуть» командование 13-й армии, поставив во главе ее достаточно смелых и способных к наступательным действиям военачальников. В разложении противника А. И. Егоров был, по-видимому, твердо убежден и строил на этом свои расчеты. Так, в конце мая на заседании РВС фронта во время доклада командования морских сил он заявил, что взятие Крыма — дело ближайших дней, а потому, в частности, нет необходимости тратить средства на развитие морской обороны на Черном море [23].

Как могло получиться, что А. И. Егоров, военный деятель с большим опытом гражданской войны, недооценил противника? Необходимо отметить, что этим страдал в то время не только он. Мнение о том, что белогвардейцы в Крыму разложились, было тогда широко распространено в военных и гражданских кругах на юге. Такого мнения придерживался, например, также командующий Кавказским фронтом М. Н. Тухачевский. В середине апреля, когда встал вопрос о поддержке наступления 13-й армии, он заявил, что «противник (в Крыму.— *Н. Л.*) в панике и ему не до активных действий» [24].

Успокоенность и благодушие в отношении Крыма сложились под впечатлением сообщений о беспорядочном бегстве остатков деникинской армии из Одессы и Новороссийска в Крым, о десятках тысяч военнопленных и горах трофейного имущества, захваченных Красной Армией на Северном Кавказе, а также донесений агентурной разведки о разложении белогвардейцев в Крыму. По опыту военных действий против Колчака, Юденича и Деникина считалось невероятным, чтобы белогвардейское командование смогло быстро, за какие-нибудь месяц — полтора, восстановить боеспособность своих войск. Подобные настроения подогревались также известиями о дипломатическом посредничестве английского правительства, предлагавшего амнистировать белогвардейцев в Крыму. Между тем провокационная цель английского посредничества уже тогда была очевидна. В. И. Ленин 29 апреля отметил, что английское правительство потеряло интерес к переговорам о судьбе белогвардейцев, как только польская армия перешла в наступление [25].

Таким образом, до конца мая 1920 г. крымский очаг белогвардейщины не был ликвидирован. Произошло это в силу ряда причин объективного и субъективного характера. К числу последних необходимо отнести то, что оперативные органы главного командования и Юго-Западного фронта, несмотря на прямые указания В. И. Ленина, не сумели вовремя оценить значения Крыма как вероятного плацдарма для формирования новой белогвардейской армии и не приняли должных мер для овладения этим плацдармом.

В увеличении численности войск белогвардейское командование опережало советскую сторону, используя преимущество коротких коммуникаций (резервы подвозились с берегов Черного моря). Это дало выигрыш белогвардейскому командованию, сумевшему добиться перелома в настроении деморализованных войск и вернуть им боеспособность. Совет-

---

[22] Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ), ф. 3, д. 1675, л. 4. Переговоры по прямому проводу РВС Юго-Западного фронта с главкомом.

[23] ЦГАКА, ф. 4, оп. 2, д. 255 с, л. 104. Доклад комиссара морских сил А. Баранова в ЦК РКП(б).

[24] Там же, ф. 109, д. 420, лл. 87—88. Переговоры по прямому проводу начальника штаба Кавказского фронта с начальником штаба 9-й Кубанской армии.

[25] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 98—99.

ская же разведка, войсковая и агентурная, не сумела снабдить командование достаточно точными данными, которые позволили бы с исчерпывающей ясностью установить, что происходило в Крыму в период февраля — апреля 1920 года.

О серьезных недостатках в работе нашей разведки в годы гражданской войны докладывал в мае 1920 г. на Особом совещании при главкоме Н. И. Подвойский [26]. Разведкой руководили органы полевого штаба Реввоенсовета республики, Всеросглавштаб, особые отделы, причем деятельность их не координировалась единым центром. К тому же вследствие слабости средств связи данные разведки часто отставали от событий.

В силу этих причин многое о состоянии белогвардейских войск в Крыму и о помощи им со стороны Антанты стало известно после того, как врангелевская армия перешла в наступление. В феврале 1920 г., когда корпус генерала Слащева удержался на перешейках, английские, французские и американские военные корабли и транспорты стали сгружать в крымских портах танки, орудия, пулеметы, винтовки и боеприпасы для белогвардейской армии, уголь для флота и железных дорог, цемент и колючую проволоку для укреплений. Английские, французские и американские военные корабли оказывали поддержку белогвардейцам при эвакуации их из Одессы и Новороссийска.

Материально-техническая и прямая военная помощь со стороны империалистов еще более усилилась после прихода к командованию Врангеля. Английское правительство немедленно открыло ему кредит в 14,5 млн. фунтов стерлингов. В Крым посылалось вооружение и топливо из английских баз на Ближнем Востоке, а также оружие русской царской армии, оставшееся после первой мировой войны в Турции, Румынии и Германии. Агенты Врангеля закупали по дешевке в США вооружение из запасов военного времени.

При содействии английского и французского правительств в Крым непрерывно направлялись остатки деникинских войск из меньшевистской Грузии, Болгарии, Югославии, с Ближнего Востока, из Польши и прибалтийских государств. Уже к августу 1920 г., по сведениям иностранной печати, белогвардейская армия в Крыму была доведена до 140 тыс. штыков и сабель, в том числе 50 тыс. на фронте и в ближнем резерве [27]. При ставке Врангеля постоянно находились многочисленные военные миссии Англии, Франции, США, Японии, Польши и других государств. Большую оперативную поддержку белогвардейской армии оказывал флот интервентов [28].

Вторжение армии Пилсудского на Украину, захват Киева и продвижение ее на Правобережье, а также наступление на Минском направлении создали серьезную угрозу всей Советской стране. Было ясно, что Антанта, стоявшая за спиной буржуазно-помещичьей Польши, начала новый поход против Советской республики, поставив своей задачей свержение Советской власти. ЦК РКП(б) и Советское правительство выдвинули лозунг «Все на борьбу против панской Польши!» и предприняли разносторонние меры к отражению военной опасности. Для укрепления фронта и тыла на Украину в помощь партийным и советским организациям была направлена большая группа руководящих работников во главе с Ф. Э. Дзержинским, М. И. Калининым, А. В. Луначарским. С большими полномочиями члена РВС республики на Юго-Западный фронт выехал И. В. Сталин.

---

[26] ЦГАКА, ф. 4, оп. 2, д. 276, лл. 31—33.

[27] «Бюллетень НКИД», № 34, 8 октября 1920 г., стр. 6.

[28] За время военных действий на Черном море — с февраля по декабрь 1920 г.— там находились крупные иностранные военно-морские силы. Англия направила в этот район (в разное время) 6 линкоров, 5 крейсеров, 11 эсминцев; США — 3 крейсера и 11 эсминцев; Франция — 2 линкора, 2 крейсера, 10 эсминцев, 7 канонерских лодок и тральщиков; Италия — 2 крейсера и 3 эсминца; были здесь и военные корабли других стран.

Поскольку вплоть до конца мая 1920 г. Реввоенсовет республики держался расходившейся с действительностью оптимистической оценки положения на Крымском участке фронта, Центральный Комитет партии поручил И. В. Сталину выяснить истинное положение дел и немедленно информировать ЦК. Об этом свидетельствует содержание шифровки, посланной В. И. Ленину 31 мая. В ней И. В. Сталин сообщал, что Юго-Западный фронт воюет без резервов, что речь может идти не о наступлении на Крым, а о мерах борьбы против готовящегося наступления Врангеля, который угрожает Одессе [29]. Позднее И. В. Сталин, отметив низкую боеспособность частей фронта, разбавленных плохо обученным пополнением, обратился в ЦК партии с просьбой срочно направить коммунистов для укрепления и сплочения войск [30]. В качестве первоочередной меры для усиления Юго-Западного фронта и его Крымского участка И. В. Сталин просил прислать из резерва ставки две дивизии [31].

Несмотря на то, что Политбюро в связи с развивавшимся наступлением на польском фронте решило отложить наступление на Крым [32], назначенное на конец мая, все же доводы И. В. Сталина были приняты во внимание.

В первых числах июня на Крымский участок фронта прибыли две дивизии (2-я кавалерийская и 15-я стрелковая) [33].

Решительная постановка вопроса о значении врангелевского фронта, выяснение его оперативно-стратегической связи с польским фронтом, сигнализация об опасности, которую представлял белогвардейский кулак в Крыму, и мобилизация внимания для ее ликвидации — несомненная заслуга И. В. Сталина.

Из сказанного ясно, что обстановка на Юго-Западном фронте, отражавшем удар польской армии при возраставшей угрозе тылу фронта со стороны врангелевцев, была весьма сложной. Положение усугублялось тем, что командованию фронта не удалось точно определить срок наступления врангелевской армии и вообще раскрыть замысел белогвардейской ставки. (Как увидим ниже, это повлекло за собой крупные неудачи 13-й армии.) В телеграмме В. И. Ленину от 31 мая И. В. Сталин на основании данных, оказавшихся впоследствии ошибочными, следующим образом определял планы противника: «Врангель разбил свои силы на две группы, из коих одна будет наступать на район Алешки — Херсон, другая будет высаживаться в районе Одессы (числа 10—15 июня) для захвата Одессы с двух сторон» [34]. В разговоре по прямому проводу с главкомом 4 июня он вновь подтвердил, что Врангель готовится к прорыву Перекопского участка фронта и высадке десанта в районе Одессы — Николаева [35].

Главком к этой оценке отнесся недоверчиво и поэтому в разговоре по прямому проводу с А. И. Егоровым 5 июня потребовал доказательства того, что противник готовит удар именно в районе Одессы и Алешек — Херсона. А. И. Егоров доложил, что это заключение подтверждается показаниями арестованных участников белогвардейского заговора в Одессе и врангелевского шпиона, задержанного на побережье [36].

На первый взгляд, вся объективная обстановка подтверждала вывод, что врангелевская армия будет наносить главный удар именно на Правобережье Украины, в районе Херсона — Одессы — Николаева. Одна группа 3-й польской армии после взятия Киева двигалась на юг, в направлении Николаева — Одессы. Боярская Румыния придвинула свои

[29] Архив ИМЛ, ф. 3, д. 1671, лл. 1—2.
[30] См. И. В. Сталин. Соч. Т. 4, стр. 348, 349; журнал «Борьба классов», 1935, № 12, стр. 47.
[31] Архив ИМЛ, ф. 3, д. 1671, лл. 1—2.
[32] См. «Ленинский сборник» XXXIV, стр. 317.
[33] И. С. Коротков. Указ. соч., стр. 58.
[34] Архив ИМЛ, ф. 3, д. 1671, лл. 1—2.
[35] Там же, д. 1675, лл. 1—6.
[36] ЦГАКА, ф. 5с/6, оп. 1, д. 197-с, лл. 155, 158.

войска к пограничному Пруту. Захват стратегически важного района Одессы — Николаева открывал перед врангелевцами огромные перспективы. О вероятности высадки в Одессе французских войск настойчиво сообщало иностранное радио. Впоследствии Врангель в мемуарах писал, что в целях дезинформации в Крыму распускались слухи о готовившихся десантах в Одессу и Новороссийск [37].

Очевидно, на основе всех этих сведений и соображений командование Юго-Западного фронта было убеждено, что замысел противника раскрыт правильно. В соответствии с этим 31 мая Реввоенсовет фронта отдал директиву командующим 13-й и 14-й армиями и командующему морскими силами фронта, в которой приказал 14-й армии и морским силам организовать противодесантную оборону в районе Одессы — Очакова, а 13-й армии быть готовой к ликвидации белогвардейско-кулацкого восстания, которое могло начаться в районе Алешки (на левом берегу Днепра в тылу Перекопской группы войск 13-й армии). В директиве подчеркивалось, что «наиболее важным объектом действий для противника во всех отношениях являются Одесса и ее район» [38].

О мерах охраны побережья Азовского моря в директиве даже не упоминалось. Более того, полагая, что противник перейдет в наступление не ранее 10—15 июня и времени для принятия контрмер достаточно, командование фронта 5 июня сменило командарма 13-й И. Х. Паука, назначив на его место Р. П. Эйдемана [39]. Однако в действительности удар противника последовал как раз во время смены командования, что не могло не отразиться на боевых действиях 13-й армии.

При разработке директивы штаб Юго-Западного фронта не учел некоторых данных своей разведки, а также разведки соседнего Кавказского фронта, сообщавших о концентрации белогвардейских сухопутных и морских сил в Феодосии и Керчи, то есть в пунктах, тяготевших к Азовскому морю. Были оставлены без внимания и выводы разведывательной сводки полевого штаба Реввоенсовета республики, которая указывала на вероятность высадки врангелевского десанта в начале июня на Азовском побережье, в районе Бердянска — Мариуполя [40].

Здесь, несомненно, сказалось то обстоятельство, что штаб Юго-Западного фронта не мог уделить Крыму достаточного внимания, так как одновременно руководил действиями войск на советско-польском фронте, где шло наступление.

Просчет командования Юго-Западного фронта привел к тяжелым последствиям. Утром 6 июня корпус генерала Слащева высадился на необороняемом побережье Азовского моря, в районе Кирилловки, нанес удар в тыл Чонгарской группе 13-й армии, захватил Сальково, перерезал единственный железнодорожный путь Мелитополь — Чонгар, питавший части фронта, занял Мелитополь, где стоял полевой штаб 13-й армии, и дезорганизовал управление ее частями. 7 июня перешли в наступление от Перекопа и Чонгара корпусы генералов Кутепова и Писарева. После первых дней боев войска 13-й армии, действовавшие разрозненно и без подкреплений, отошли под натиском конницы, броневиков и танков врага к северу, причем Латышская и 52-я стрелковая дивизии откатились на правый берег Днепра, к Бериславу [41]. Только упорное сопротивление основной массы войск 13-й армии, ее конницы и бронепоездов помешало противнику осуществить план полного окружения и разгрома 13-й армии.

Первые же дни боевых действий показали, что врангелевские войска, вопреки мнению ряда советских военных руководителей, не были деморализованы. Наоборот, они дрались упорно и к тому же были достаточно

---

[37] «Белое дело». Т. VI. Берлин. Б. г., стр. 92.
[38] Архив ИМЛ, ф. 3, д. 1654, лл. 1—3.
[39] Там же, ф. 76, д. 1194, л. 1; ф. 3, д. 1810, л. 1.
[40] ЦГАКА, ф. 6, оп. 6, д. 448, лл. 41-об, 42, 54-об.
[41] Архив ИМЛ, ф. 3, д. 1704, л. 1.

вооружены и снабжались английскими и французскими империалистами. Врангелевская армия получила ряд преимуществ, захватив в Северной Таврии оперативный плацдарм, богатый источник продовольствия и конского поголовья. Противник, завладев инициативой, получил возможность наносить удары на широком фронте; действуя по внутренним операционным линиям, он угрожал Левобережной Украине и Донбассу. Наступление врангелевской армии на Левобережную Украину оказывало прямую помощь польской армии, оттягивая значительное количество советских дивизий. Буржуазно-помещичья Польша и Врангель действовали по единому стратегическому плану, разработанному в военных штабах Антанты.

Все это чрезвычайно усложнило условия дальнейшей борьбы для Юго-Западного фронта. Для ликвидации врангелевщины требовалось уже значительно больше сил и средств, чем во времена «крымского сидения» белогвардейцев. По существу, в Северной Таврии образовался новый фронт, взаимодействовавший в стратегическом и оперативном отношениях с советско-польским фронтом.

Таковы были последствия наступления врангелевской армии из Крыма, наступления, оказавшегося оперативно «внезапным» для командования Юго-Западного фронта.

В. И. Ленин при первых же сообщениях о переходе врангелевской армии в наступление отметил, что затяжка войны, происшедшая вследствие того, что белогвардейская армия не была добита в Крыму, будет стоить Советской республике десятка тысяч жертв на фронте и новых затруднений в тылу [42].

Военные действия на врангелевском фронте в течение июля — октября 1920 г. проходили вдоль дуги фронта, пролегавшей по нижнему течению Днепра до Каховки и Никополя, к Александровску (Запорожье), Бердянску и Мариуполю. В течение этого времени врангелевская армия, обладавшая численным превосходством в коннице и боевой технике, провела три большие наступательные операции, не приведшие, однако, благодаря контрударам советских войск к решительному результату. Белогвардейское командование применительно к составу своих сил и условиям местности проводило тактику коротких ударов с помощью так называемой бронированной конницы (отряды кавалерии при поддержке танков, бронемашин, отчасти авиации), расстраивая резервы 13-й армии при подходе к фронту и не позволяя сосредоточить их для решительного удара.

Поскольку врангелевская армия, завладевшая инициативой, вела наступательные бои, войска 13-й армии проводили активную оборону, нарушали планы противника упорным сопротивлением на отдельных участках. Для нанесения решительного поражения необходимо было добиться превосходства сил 13-й армии над врангелевцами в пехоте, коннице и боевой технике. Эту цель и поставило перед собой командование Юго-Западного фронта.

Однако в условиях общего наступления Красной Армии на польском фронте пополнение 13-й армии новыми дивизиями являлось трудной задачей. По данным на июнь 1920 г., в 29 запасных пехотных полках и 10 стрелковых и пулеметных батальонах Запасной армии республики состояло всего 78 тыс. бойцов переменного состава; особенно тяжелое положение было с конницей: в двух кавалерийских запасных полках насчитывалось до 3,5 тыс. человек при 700 лошадях. Общая численность переменного состава запасных частей (с артиллерией и инженерными частями) не превышала 96 тыс. человек. Боевая подготовка их была не вполне удовлетворительной. По заключению Особого совещания при главкоме, численность резервных частей была в 4—5 раз меньше потребности фрон-

[42] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 152, 153.

тов [43]. Главкому приходилось с огромным трудом отбирать по одной дивизии на второстепенных фронтах и в тыловых округах для Западного и Юго-Западного фронтов.

Для ликвидации грозной опасности, надвинувшейся со стороны Крыма, необходимо было мобилизовать все силы партии и страны. Центральный Комитет в письме к партийным организациям, опубликованном в «Правде» 10 июля 1920 г., разъяснил, какими неисчислимыми бедствиями грозило Советской республике наступление союзника буржуазной Польши — генерала Врангеля. Под ударами противника оказались Донецкий бассейн, Дон и Кубань, а в перспективе советский народ ждала не менее тяжелая зима, чем в 1919 году. «Партия должна понять,— говорилось в письме,— что если Врангелю удались его первые шаги, то только и исключительно потому, что партия не обратила на крымский гнойник достаточно внимания и не срезала его единым и решительным ударом». Центральный Комитет выдвинул задачу: «Врангель должен быть уничтожен, как уничтожены были Колчак и Деникин... В ближайшие дни внимание партии должно быть сосредоточено на Крымском фронте».

В письме ЦК к партийным организациям, разосланном во второй половине июля, врангелевская армия характеризовалась как серьезный противник, вскрывались причины слабой боеспособности советских войск, нуждавшихся в укреплении добровольцами и коммунистами. ЦК обязывал партийные организации усилить массовую агитацию за мобилизацию сил на разгром Врангеля и «незамедлительно организовать отправку на Крымский фронт добровольцев коммунистов и беспартийных» [44].

Несмотря на то, что по мобилизации на польский фронт ушло многс коммунистов, партийные организации Советской России и Украины в течение июля — августа смогли направить на врангелевский фронт свыше 1,8 тыс. коммунистов и 1,5 тыс. комсомольцев; по профмобилизации с Украины на Крымский фронт прибыло около 5,4 тыс. человек.

Основным условием, обеспечивавшим успешное проведение военных действий против Врангеля, по-прежнему продолжало оставаться создание превосходства сил на стороне советских войск. Решению этой задачи партия уделяла много внимания. Прибыв в начале июля в Москву, И. В. Сталин после совещания с главкомом и начальником полевого штаба РВС в письме В. И. Ленину сообщил список частей, намеченных к отправке на врангелевский фронт. На этом письме В. И. Ленин написал: «Зампредревоенсовета. Прошу вернуть мне это с Вашими пометками, что уже выполнено, что когда именно выполняется» [45].

На совещании у главкома И. В. Сталин узнал точку зрения председателя Реввоенсовета и главкома на ход военных действий, в частности оптимистическую оценку ими перспектив начавшегося 4 июля наступления армий Западного фронта против польской армии. Против этого необоснованного оптимизма И. В. Сталин выступил 11 июля 1920 г. в «Правде», назвав «недостойным бахвальством» мнение о том, что с польской армией покончено и что Красной Армии остается лишь проделать «марш на Варшаву» [46]. Он напоминал о наличии резервов у польского командования и об усилившейся опасности со стороны союзника буржуазно-помещичьей Польши — Врангеля.

Троцкий занимал в вопросе о борьбе с врангелевщиной авантюристическую, демобилизующую партию, страну и Красную Армию позицию. До июньского наступления врангелевской армии он солидаризировался с мнением главкома, то есть недооценивал опасность со стороны Крыма. 16 июня, после прорыва врангелевской армии в Северную Таврию, Троцкий выступил в центральной печати со статьей под заголовком «Горе не

[43] ЦГАКА, ф. 4, оп. 2, д. 257, лл. 425, 427.
[44] «Ленинский сборник» XXXV, стр. 140.
[45] «Ленинский сборник» XXXIV, стр. 335.
[46] См. И. В. Сталин. Соч. Т. 4, стр. 339.

доводящим до конца», в которой лицемерно обвинял неизвестно кого в том, что уставшие войска 13-й армии не получили вовремя подкрепления, хотя об этом должен был прежде всего позаботиться Реввоенсовет республики, который он тогда возглавлял.

Далее, когда ЦК партии поставил в июле 1920 г. вопрос о ликвидации опасности со стороны Врангеля, Троцкий продолжал утверждать, что Врангель как союзник буржуазно-помещичьей Польши большой опасности не представляет и не будет большой беды, если ему на время придется отдать Екатеринослав, Херсон и другие города Украины. Это говорилось в то время, когда ЦК партии признал серьезность положения на Крымском участке фронта и принимал все меры к тому, чтобы не пустить белогвардейцев в Донбасс.

Первым крупным шагом Реввоенсовета Юго-Западного фронта в деле ликвидации врангелевщины была разработка оперативного плана разгрома белогвардейской армии и подготовка условий для его выполнения. Основная идея плана заключалась в охвате флангов армии противника и окружении ее в Северной Таврии путем удара от Берислава — Каховки на Перекоп.

Для противодействия коннице противника была сформирована 2-я Конная армия под командованием О. И. Городовикова в составе четырех кавалерийских дивизий. Авиационные силы Крымского фронта были сведены в Центральную авиагруппу под командованием известного военного летчика И. У. Павлова. Большое внимание уделялось развитию военно-морских сил.

Значительным этапом на пути к реализации плана разгрома Врангеля, свидетельствовавшим о росте военного искусства советских войск, было образование в августе 1920 г. Каховского плацдарма.

Плацдарм в Северной Таврии, захваченный врангелевской армией, имел очень узкое основание — крымские перешейки. Поэтому удачный удар от Берислава — Каховки по кратчайшему направлению на Перекоп мог привести к разгрому всей врангелевской группировки. Идея такого удара впервые была выражена в директиве командования Юго-Западного фронта от 18 июня 1920 года. Согласно директиве, 13-я армия должна была нанести контрудар по белогвардейским войскам и свести на нет их первые успехи. Но для выполнения этого плана в то время не было предпосылок. Противник, учитывая уязвимость своего левого фланга, расположил здесь 2-й армейский корпус генерала Слащева и конный корпус. Поэтому вследствие перевеса сил на стороне врангелевцев, а также плохого руководства частями 13-й армии контрудар советских войск в боях 28 июня — 4 июля не удался. Части Правобережной группы переправились на левый берег у Каховки, но продвинуться к Перекопу или хотя бы удержать за собой какой-либо пункт на левом берегу не смогли. Понеся потери, они снова отошли на правый берег [47].

Учитывая неудачный опыт первого наступления, Реввоенсовет Юго-Западного фронта, во-первых, по мере подхода свежих дивизий скрытно сосредоточивал их на Правобережье, во-вторых, решил ввести противника в заблуждение, отдав ложную директиву в расчете на то, что она станет известна врагу. В этой директиве говорилось: «Врангель прикрывает Мелитополь с севера лучшими своими частями корпуса Кутепова, в том числе конницы Морозова. Вместе с тем он на примере прошлого рассчитывает, что мы вновь будем форсировать Днепр. Для решения предстоящей операции даю следующие указания: первое — главный удар нанести из района Мариуполя, куда мною уже приказано перейти коннице Жлобы, усиленной большим количеством бойцов...; третье — отказаться раз навсегда от соблазнительной в теории и невыполнимой на практике мысли форсировать Днепр и, оставив для охраны Днепра небольшую часть, все

[47] И. С. Коротков. Указ. соч., стр. 74.

остальные силы безотлагательно перебросить [в] группу в районе Бердянск — Ногайск» (далее шли указания о сосредоточении сил) [49].

В действительности командование сосредоточивало резервы для Правобережной группы, включив в нее артиллерию, бронечасти и авиацию (в состав группы вошли Латышская, 15-я, 51-я, 52-я стрелковые дивизии и Херсонская группа войск) [50].

В телеграмме от 1 августа РВС Юго-Западного фронта доложил главкому свои соображения. Решительное наступление противника, говорилось в телеграмме, начавшееся 26 июля, вынудило ввести в бой все наличные силы Левобережной группы 13-й армии, в том числе 2-ю Конную армию. Учитывая, что силы 13-й армии, введенные в бой, уступают противнику, в частности в коннице, РВС фронта наметил нанести контрудар четырьмя стрелковыми дивизиями с правого берега Днепра на Перекоп и в тыл главным силам противника. При этом Левобережная группа должна была изматывать противника и после сосредоточения подвозимых частей перейти в решительное наступление с целью сбить противника с мелитопольских позиций. Одновременно РВС фронта снова ставил перед главкомом вопрос о спешной переброске сил на крымский участок, в том числе не менее трех кавалерийских дивизий, для создания перевеса над противником [51].

После утверждения главкомом этого плана 6 августа 1920 г. РВС фронта дал директиву командарму 13-й, согласно которой главный удар должна была нанести Правобережная группа от Каховки на Перекоп и Калгу, а вспомогательный — Левобережная группа от Орехова и Верхнего Токмака на Калгу [52]. Выполняя директиву, части Правобережной группы в составе Латышской, 15-й, 51-й, 52-й стрелковых дивизий и Херсонской группы войск под командованием Р. П. Эйдемана успешно форсировали Днепр и в течение 7—9 августа заняли Каховку и ряд других пунктов на левом берегу реки.

Благодаря внезапности удара и превосходству сил на направлении главного удара войска 13-й армии прочно укрепились в Каховке. Гарнизон ее был усилен 51-й стрелковой дивизией, прибывшей из Сибири. Начальник этой дивизии, отличившейся на колчаковском фронте, В. К. Блюхер, был назначен комендантом Каховского плацдарма.

По приказу РВС фронта немедленно после занятия Каховки началось оборудование плацдарма, упиравшегося флангом и тылом в Днепр. Оборонительные сооружения площадью свыше 200 кв. км непрерывно укреплялись и выдержали все атаки врангелевских войск. Плацдарм приобрел оперативно-стратегическое значение, помешав белогвардейскому командованию осуществить план соединения с польской армией на Правобережье. Расположенный в 80 км от Перекопа, он нависал над тылом врангелевской армии и создавал для нее угрозу быть отрезанной от Крыма. Это сдерживало наступательные порывы врангелевцев на Центральном (Левобережном) участке и Донбасском направлении.

«Удержание противником Каховского тет-де-пона,— писал Врангель в своих воспоминаниях,— приковывало к этому участку значительную часть наших сил, создавало угрозу нашему левому флангу в наиболее чувствительном для нас Перекопском направлении» [53].

Ход военных действий на врангелевском фронте в августе тесно переплетался с боевыми действиями на советско-польском фронте. В. И. Ленин в телеграмме И. В. Сталину, посланной 11 августа, в кульминационный момент наступления войск Западного фронта на Варшаву, писал, что надо

---

[49] Архив ИМЛ, ф. 3, д. 1861, л. 1.

[50] «Гражданская война 1918—1921». Т. I. М. 1930, стр. 316; т. III. М. 1930, стр. 491—492.

[51] Архив ИМЛ, ф. 3, д. 2178, лл. 1—2.

[52] Там же, д. 1917, лл. 1—2.

[53] «Белое дело». Т. VI, стр. 144.

добиться решительных успехов на Крымском участке фронта: «Наша победа большая и будет самая полная, если добьем Врангеля. Здесь мы принимаем все меры. Налягте и вы, чтобы отобрать весь Крым теперешним ударом во что бы то ни стало. От этого теперь зависит все» [54].

Однако в августе 13-я армия не сумела выполнить план разгрома Врангеля. Ее успехи ограничились захватом Каховки и образованием Каховского плацдарма. Во второй половине августа 13-я армия провела второе наступление по директиве Реввоенсовета Юго-Западного фронта в помощь Кавказскому фронту. Войска Кавказского фронта вели в это время борьбу с десантом генерала Улагая на Кубани, и наступление 13-й армии имело целью не допустить усиления частей десанта.

Опираясь левым флангом на Каховский плацдарм, а правым на Очаковскую крепость, войска Правобережной группы 21 августа при поддержке Усть-Днепровской военной флотилии форсировали Днепр и стали продвигаться в перекопском направлении. После десятидневных боев части сводного батальона 15-й стрелковой дивизии взяли Антоновку, Эммануиловку и Красно, принудив белогвардейские части к беспорядочному бегству. Врангелевский вспомогательный крейсер «Алмаз», пытавшийся огнем из Тендровского залива прикрыть отступление белогвардейских частей, был поврежден советской артиллерией и ушел на Севастополь. Артиллерия крепости Очаков в течение недели вела дуэль с врангелевским линейным кораблем «Генерал Алексеев» (бывший «Воля») и крейсером «Генерал Корнилов» (бывший «Кагул»), отражая огневые налеты врага. Части Херсонской группы войск перешли в наступление на Скадовск, в Джарылгацком заливе. Впереди был ключ к Крыму — Перекоп. В то время, когда части Правобережной группы 13-й армии осуществляли прорыв к Перекопу, положение врангелевской армии в Северной Таврии, по признанию белогвардейских генералов, было чрезвычайно тяжелым [55]. Но и на этот раз действия 13-й армии в целом не увенчались успехом. Ее командование не сумело организовать взаимодействие войск: Правобережная группа с боями продвигалась вперед, в то время как Левобережная задержалась у мелитопольских укрепленных позиций противника. Бросив ударную группу конницы генерала Барбовича, при поддержке танков и бронемашин врангелевское командование сумело ликвидировать прорыв. 2 сентября наступательные действия 13-й армии приостановились.

К началу августа главное командование сумело сосредоточить на Крымском направлении 9 пехотных дивизий, 1 стрелковую бригаду и 4 кавалерийских дивизии общей численностью 30 970 штыков и 7 560 сабель. У врангелевцев к тому же времени было 22 200 штыков и 14 500 сабель. По общему численному составу 13-я армия превосходила 12-ю и 14-ю армии Юго-Западного фронта, вместе взятые [56]. Однако противник по-прежнему имел преимущество в коннице и бронечастях.

В шифровке В. И. Ленину от 4 августа И. В. Сталин сообщал: «Очевидно, если с пехотой у нас хорошо в смысле резервов, то с кавалерией из рук вон плохо, ибо противник превосходит нас в кавалерии более чем вдвое» [57]. Численное превосходство 13-й армии в пехоте не давало выхода из положения, так как советские войска, не обладавшие достаточной подготовкой и опытным командным составом, уступали противнику в маневренности и несли большие потери. Обо всем этом РВС Юго-Западного фронта докладывал главкому в обстоятельном донесении от 18 августа 1920 года. Для выполнения поставленной фронту задачи на Крымском

---

[54] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 241.

[55] «С утра 17 августа (старого стиля.— *Н. Л.*),— писал Врангель.— на всем фронте возобновился жестокий бой. До полудня исход еще не был известен; генерал Кутепов считал положение очень тревожным» («Белое дело». Т. VI, стр. 161).

[56] ЦГАКА, ф. 6, оп. 4, д. 344, лл. 82, 92.

[57] Архив ИМЛ, ф. 3, д. 1906, л. 1.

направлении РВС фронта вновь ставил перед главкомом вопрос о создании превосходства сил, ходатайствуя о присылке 7—8 тыс. конницы, двух боеспособных стрелковых дивизий, командного состава для аппарата армейского управления и увеличения авиации и автобронечастей вдвое против имевшихся [58].

Однако эти ходатайства удовлетворить было нельзя. В те дни Красная Армия стремительно продвигалась к Варшаве. Во время боев под Варшавой не могло быть и речи о направлении резервов на врангелевский фронт. Быстро менявшаяся военная и внешнеполитическая обстановка, попытки дипломатического вмешательства Антанты в пользу Врангеля и буржуазно-помещичьей Польши, нарастание революционного движения в Польше, борьба пролетариата Западной Европы против угрозы прямого нападения Антанты на Советскую страну — все это требовало быстрого реагирования ЦК партии и Советского правительства. Ключ к решению всех этих вопросов лежал в военных действиях на фронтах, и ЦК партии во главе с В. И. Лениным проявлял огромную оперативность в воздействии на события путем решения систематически возникавших вопросов стратегического и военно-организационного характера.

В качестве одной из мер, подсказанных обстановкой, было решение ЦК партии о создании самостоятельного врангелевского фронта. Практика показала, что оперировать одновременно на двух фронтах командованию Юго-Западного фронта было чрезвычайно трудно, его внимание постоянно раздваивалось: приходилось руководить наступлением 14-й, 12-й армий и 1-й Конной армии на западе и оборонительными действиями 13-й армии на Крымском направлении. К тому же по общей численности войска Крымского направления увеличивались до фронтового масштаба. В связи с этим Реввоенсовет республики в конце июля вошел в ЦК партии с предложением отделить врангелевский фронт от польского [60].

2 августа Политбюро приняло решение, подтвержденное затем пленумом ЦК, о разделении фронтов, поручив И. В. Сталину организовать Реввоенсовет нового, Южного фронта. В телеграмме И. В. Сталину В. И. Ленин сообщил, что ЦК партии считает обстановку на Крымском фронте очень серьезной. «В связи с восстаниями,— писал он,— особенно на Кубани, а затем и в Сибири, опасность Врангеля становится громадной, и внутри Цека растет стремление тотчас заключить мир с буржуазной Польшей» [61].

В основу решения ЦК партии была положена идея объединить все войска, сражавшиеся против польской армии, в один фронт, а Реввоенсовет Южного фронта выделить в самостоятельный [62]. ЦК запросил соображения И. В. Сталина. Сталин предложил передать вновь образуемому Южному фронту 9-ю Кубанскую армию, изъяв ее из ведения Кавказского фронта, а разграничительную линию Кавказского фронта отодвинуть к Армавиру [63].

Это предложение было принято Центральным Комитетом, но практически его осуществить не удалось, потому что широкое наступление армий Юго-Западного и Западного фронтов и осложнившаяся внешнеполитическая обстановка приковали все внимание ЦК партии и Совета Труда и Обороны [64]. (Совет Обороны был реорганизован в Совет Труда и Обороны в апреле 1920 года).

Получив решение ЦК о передаче Западному фронту армий, действовавших против польских войск, И. В. Сталин сначала предложил сделать

---

[58] ЦГАКА, ф. 6, оп. 4, д. 349, лл. 100—101.
[60] Архив ИМЛ, ф. 3, д. 1863, л. 2 (Приложение).
[61] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 239.
[62] Архив ИМЛ, ф. 3, д. 1907, л. 1.
[63] Там же.
[64] См. «Ленинский сборник» XXXIV, стр. 293.

это «без ломки фронтового аппарата Югозапа» [65]. 8 августа Реввоенсовет Юго-Западного фронта сообщил главкому, что лучше воздержаться от передачи армий до тех пор, пока Западный фронт не создаст для этого аппарата связи и снабжения [66]. Через несколько дней, 12 августа, И. В. Сталин и А. И. Егоров сообщили главкому о намерении использовать 1-ю Конную армию в качестве резерва Юго-Западного фронта и, в частности, одну дивизию этой армии на Каховском плацдарме [67].

Таким образом, вопрос об объединении в один фронт войск, действовавших против польской армии, затянулся. Тем временем завязалось сражение под Варшавой. Войска Западного фронта, наступавшие очень стремительно, с растянутыми путями сообщения и без резервов, не выдержали контрудара врага и стали откатываться на восток. Сражение под Варшавой, которое могло иметь исключительно важные последствия для Советской республики, закончилось не в пользу советской стороны. В числе факторов, оказавших влияние на поражение Красной Армии, было также отсутствие четкого взаимодействия Юго-Западного и Западного фронтов.

После варшавского сражения события на фронте вступили в критическую фазу. Антанта и США пустили в ход все средства, чтобы развить этот свой успех. Опасность со стороны неразбитой врангелевской армии возрастала в огромной степени; нужно было разделаться с крымскими белогвардейцами, чтобы предупредить возможность расширения фронта на юге и продвижения врангелевцев к жизненным центрам страны. Внутреннее положение Советской республики становилось все более напряженным, признаком чего являлись восстания во многих областях страны.

Центральный Комитет партии 19 августа сообщал ЦК КП(б) Украины, Кавказскому и Сибирскому бюро ЦК, что он не может сосредоточить исключительное внимание на врангелевском фронте ввиду необходимости укрепления Западного фронта. Исходя из того факта, что принятые ранее меры для укрепления войск Крымского фронта оказались недостаточными, ЦК РКП(б) обязывал ЦК КП(б) Украины и Кавказское бюро выделить на врангелевский фронт значительное число лучших коммунистов, способных укрепить политорганы, поднять боеспособность частей и всесторонне обеспечить их тыл. Сибирскому бюро указывалось, что в обстановке незаконченной борьбы с буржуазно-помещичьей Польшей врангелевский фронт требует величайших жертв. В связи с этим на Сибирское бюро и Сибирский ревком возлагалась задача готовить добровольческие формирования сверх обычных мобилизаций по линии военного ведомства, особенно кавалерийские части, хотя бы мелкими единицами, с конским составом, предметами обоза и пр. [68].

Как раз в те дни проходили бои с десантом Улагая на Кубани. Войска 9-й Кубанской армии были застигнуты врасплох и первое время терпели неудачи. Военные действия грозили распространиться на весь край, поскольку улагаевские части могли соединиться с бандами генерала Фостикова, оперировавшими на Северном Кавказе. Политбюро решением от 20 августа возложило руководство военными действиями на Северном Кавказе на члена РВС Кавказского фронта Г. К. Орджоникидзе, отозвав его из Баку [69]. 9 сентября В. И. Ленин в телеграмме, посланной Г. К. Орджоникидзе, подтвердил, что быстрейшая и полная ликвидация всех банд и остатков белогвардейщины на Кавказе и Кубани — дело огромной государственной важности, и потребовал срочных и точных докладов о ходе дел [70].

Благодаря принятым ЦК военно-оперативным и политическим мерам

---

[65] Архив ИМЛ, ф. 3, д. 1907, л. 1.
[66] Там же, д. 1928, л. 1.
[67] Там же, д. 1937, л. 1.
[68] См. «Ленинский сборник» XXXIV, стр. 348—349.
[69] См. там же, стр. 346.
[70] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 389.

десант Улагая был разгромлен. Остатки его в начале сентября бежали в Крым. Казачество не поддержало белогвардейцев. Поражение на Кубани подорвало силы врангелевской армии и приблизило час ее полного разгрома.

Прибыв во второй половине августа в Москву на пленум ЦК партии, И. В. Сталин поставил перед Центральным Комитетом и РВС республики вопрос о реализации предыдущих решений ЦК по врангелевскому фронту. Сталин вручил председателю РВС республики записку с требованием перебросить на Крымский участок фронта 6-ю кавалерийскую дивизию из 1-й Конной армии, а также прислать артиллерию, бронечасти, авиацию и командиров, в особенности для артиллерийских частей Юго-Западного фронта [71]. Но положение с резервами по вине Троцкого было чрезвычайно тяжелым. Главком докладывал председателю Реввоенсовета 20 августа, что 6-ю кавалерийскую дивизию, которую просил РВС Юго-Западного фронта, нельзя изъять из состава 1-й Конной армии, втянутой в бой в районе Замостья. Главком не видел другой возможности для присылки 3—4 тыс. конницы на врангелевский фронт, кроме собирания их по эскадронам и дивизионам во вновь формируемых частях, а также в частях внутренней охраны, вплоть до кавалерийского полка Чека [72].

Таким образом, военные действия, развернувшиеся летом 1920 г., показали, что Реввоенсовет республики не обеспечил необходимых резервов для наступательных операций одновременно на двух фронтах. Конкретные предложения по поводу плановой подготовки резервов на основе уроков летних операций 1920 г. внес И. В. Сталин в своих известных документах о создании боевых резервов республики [73]. Но даже по его оптимальным наметкам выходило, что новые резервные формирования могли быть готовы в основной массе не ранее января 1921 года. Реввоенсовет республики принял решение о создании Украинской запасной армии и о сроках обучения пехотных формирований в запасных армиях (от 6 недель до 3 месяцев) только в начале сентября 1920 года [74].

Между тем обстановка не терпела отсрочки. Советскую республику новая зимняя кампания поставила бы перед величайшими трудностями. Об этом неоднократно заявлял В. И. Ленин. Он говорил, что нужно окончательно ликвидировать врангелевщину до наступления зимы [75].

Вопрос о путях выхода из войны стоял на пленуме ЦК партии в начале сентября. Обсуждению подверглись два предложения: продолжать войну с буржуазно-помещичьей Польшей, что грозило затянуть военные действия до зимы, или заключить с ней мир на условиях, очень тяжелых, чтобы бросить освободившиеся силы против Врангеля в ближайшее время и добиться его полного разгрома до наступления зимы.

После упорной борьбы В. И. Ленину удалось настоять на принятии второго предложения. Клара Цеткин в своих воспоминаниях приводит заявление В. И. Ленина по этому поводу: «Известно ли вам, что заключение мира с Польшей сначала встретило большое сопротивление, точно так же, как это было при заключении Брест-Литовского мира. Мне пришлось выдержать жестокий бой, так как я стоял за принятие мирных условий, которые безусловно были благоприятны для Польши и очень тяжелы для нас» [76].

IX Всероссийская конференция РКП(б) по докладу В. И. Ленина единогласно приняла резолюцию об условиях заключения мира с Польшей.

---

[71] Архив ИМЛ, ф. 3, д. 1954, л. 1.

[72] Там же, д. 4773, л. 1.

[73] См. И. В. Сталин. Соч. Т. 4, стр. 346—350.

[74] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОРиСС), ф. 130, оп. 4, д. 257, лл. 5—6; ЦГАКА, ф. 6, оп. 4, д. 669, л. 1.

[75] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 252, 288.

[76] К. Цеткин. О Ленине. М. 1925, стр. 46.

Настаивая на немедленном заключении мира с Польшей, В. И. Ленин учитывал, что политика «военного коммунизма» исчерпала себя. Надо было укреплять союз рабочих и крестьян. Возродить производительные силы страны, истерзанной двумя войнами, можно было только ценой отказа от прямого продуктообмена и путем перехода к денежному товарообороту, регулируемому социалистическим планом. Гениальный руководитель Советского государства предвидел необходимость перехода от «военного коммунизма» к новой экономической политике как необходимому этапу в социалистической перестройке промышленности и всего народного хозяйства на базе электрификации. Но для того чтобы приступить к мирному строительству, которого жаждали миллионы трудящихся, нужно было во что бы то ни стало покончить с войной.

Заключение мира с Польшей дало возможность сосредоточить все силы республики на врангелевском фронте, добиться его ликвидации и таким образом выйти из войны.

Империалистические круги Англии, Франции и США не останавливались ни перед чем, чтобы помешать заключению мира между Польшей и Советской республикой. Они прилагали огромные усилия для активизации наступательных действий врангелевской армии, понесшей большие потери в летних боях. В Крым были стянуты белогвардейские резервы с Дальнего Востока, Китая, Балканского полуострова, из Польши и прибалтийских государств, с Мальты, из Турции — отовсюду, где нашли приют остатки белогвардейских частей после разгрома двух походов Антанты. В Крым усиленно завозилось вооружение и снаряжение из США, Франции и Англии. Государственный департамент США выступил с известной нотой Кольби от 2 сентября 1920 г., которую даже буржуазные дипломаты расценивали как беспрецедентный в дипломатической практике документ, полный выдумок и инсинуаций по адресу Советской республики. Целью этого выступления была попытка создать новый международный антисоветский блок и мобилизовать антисоветские силы.

Советская дипломатия последовательными выступлениями срывала планы внешнеполитической изоляции Советской республики. НКИД РСФСР в нотах протеста разоблачал политику английского и французского правительств, помогавших Врангелю, вскрывал факты переброски белогвардейцев из Латвии, Болгарии, Румынии в Крым [77]. Выступления советской дипломатии способствовали росту симпатий трудящихся Англии, Франции, Италии, США и других стран к Советской республике и развитию движения в ее защиту.

В накаленной международной обстановке военные представители Антанты в Крыму спешно разрабатывали новый стратегический план наступления врангелевской армии, которая должна была опередить готовившееся наступление войск Красной Армии, разгромить советские резервы на подходе к фронту на Левобережной Украине, после чего нанести удар на Правобережье за Днепром, овладеть Черноморским побережьем и выйти на соединение с армией буржуазно-помещичьей Польши. Этот план был рассчитан на то, что ободренная успехами Врангеля Польша возобновит военные действия против Советской республики.

Врангель спешил. 14 сентября белогвардейская армия перешла в наступление на Центральном направлении и на правом фланге. Она нанесла ряд сильных ударов войскам 13-й армии, овладела Александровском (Запорожье), продвинулась к Екатеринославу, 27 сентября захватила Мариуполь, Волноваху и была накануне вторжения в Донбасс.

В этот критический момент по решению Реввоенсовета республики Южный фронт был выделен из состава Юго-Западного фронта. Во главе

---

[77] См. «Внешняя политика СССР». Т. I. 1917—1920. М. 1944. стр. 347, 433—436, 454, 502—506, 514, 515, 527.

его Центральный Комитет поставил выдающегося советского полководца М. В. Фрунзе [78].

На организации разгрома врангелевской армии были сосредоточены все усилия Центрального Комитета партии, правительства РСФСР, ЦК КП(б)У и Совнаркома Украины. Были проведены партийные и профсоюзные мобилизации, мобилизация незаможных (беднейших) крестьян. Для обеспечения успеха этого мероприятия центральные партийные и советские органы Украины послали на село сотни коммунистов и обратились к В. И. Ленину с просьбой выступить с обращением к незаможным крестьянам [79]. В. И. Ленин ответил известным письмом к украинским крестьянам-беднякам, призвав их отдать все силы для разгрома последыша контрреволюции — Врангеля и тем предотвратить возвращение власти помещиков и капиталистов [80].

Снова на Украину были посланы М. И. Калинин, А. В. Луначарский и другие руководящие работники центра. В городах и селах Украины на многочисленных митингах, собраниях, беспартийных конференциях рабочие, крестьяне — бедняки и середняки — выражали готовность отдать все силы, чтобы уничтожить последнее гнездо российской контрреволюции. Лозунг «Все на разгром Врангеля!» воплощался в материальные силы, укреплявшие мощь Южного фронта. Горняки Донбасса в разгар боев, в сентябре, несмотря на непосредственную угрозу со стороны белогвардейской армии, увеличили добычу угля до 20—30 млн. пудов в месяц [81]. Работая в шахтах, с трудом восстановленных после изгнания белогвардейцев и лишенных элементарного оборудования, шахтеры в последние дни октября 1920 г. выдавали на-гора сверх плана сотни тысяч пудов угля для нужд войск Южного фронта и военно-морских сил [82]. 5 сентября на Макеевском металлургическом заводе была восстановлена и введена в действие первая на Украине доменная печь [83]. Выплавка чугуна на Украине возросла на сотни тысяч пудов. На Украине и в промышленных районах Российской Федерации устраивались субботники, сбор теплых вещей и денежных средств в помощь Южному фронту; швейные, сапожные и шорные фабрики отдавали всю продукцию частям фронта, испытывавшим острый недостаток в обмундировании и снаряжении. Советская республика отдавала бойцам Южного фронта все ресурсы, какими она тогда располагала. Движение добровольцев, мобилизации коммунистов, комсомольцев, членов профсоюзов, незаможников дали войскам Южного фронта крупное пополнение. В кавалерийские части фронта было направлено около 3,5 тыс. человек добровольцев — незаможников, коммунистов с Украины. В течение сентября — ноября в войска Южного фронта влилось до 8 тыс. коммунистов и 2,5 тыс. комсомольцев, только в 13-ю армию и 2-ю Конную армию прибыло до 6 тыс. коммунистов [84]. К моменту перехода армий фронта в наступление до 10% численности частей составляли коммунисты [85]. В результате принятых мер высоко поднялся моральный дух войск Южного фронта, усилилась их боеспособность, было достигнуто численное превосходство над врангелевцами и тем самым созданы условия для перехода армий фронта в решительное наступление.

Подготовка условий для создания перелома на Крымском участке фронта и нанесения решительного удара врангелевской армии проходила под непосредственным руководством ЦК РКП(б), Совета Труда и Оборо-

---

[78] Южный фронт был образован 21 сентября 1920 года. М. В. Фрунзе прибыл в штаб фронта в Харьков 27 сентября. Членом РВС Южного фронта был назначен С. И. Гусев.

[79] ЦГАОРиСС, ф. 130, оп. 4, д. 505, л. 63.

[80] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 289—290.

[81] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 254.

[82] «По пути Ильича». М. 1925, стр. 170—171.

[83] «Очерки развития народного хозяйства Украинской ССР». М. 1954, стр. 182.

[84] И. С. Коротков. Указ. соч., стр. 206.

[85] С. И. Гусев. Гражданская война и Красная Армия. М. 1925, стр. 48.

ны и лично В. И. Ленина. Переброска войск, мобилизация партийных сил, посылка добровольцев на Южный фронт, изыскание средств боевого и материально-технического снабжения, работа железнодорожного транспорта, ход боевых действий, замыслы командования Южного фронта и их реализация — все это было предметом постоянного внимания высших учреждений Советской республики. ЦК партии и В. И. Ленин в повседневной связи со штабом Южного фронта, ЦК КП(б)У и Совнаркомом Украины решали важнейшие вопросы внешне- и внутриполитического, а также военного характера: развитие военных действий на Украине, влияние их на мирные переговоры с Польшей, оборонительные меры на случай нападения флота Антанты, соглашение с Махно и пр. По прямому проводу М. В. Фрунзе докладывал Ленину и главкому обстановку, свои соображения о планах противника и мерах парирования его ударов [86].

При всей огромной повседневной помощи центра обстановка требовала от командования фронта творческого решения на месте возникавших каждый день и каждый час новых конкретных задач. И здесь в полной мере проявился талант М. В. Фрунзе как полководца-большевика, сочетавшего революционную закалку с глубоким знанием теории и практики военного дела, боевых качеств советских бойцов и умением руководить ими. Менее чем через месяц Реввоенсовет фронта под руководством М. В. Фрунзе сумел создать аппарат управления крупными для того времени массами войск Южного фронта [87], добиться перехода стратегической инициативы к советским войскам, нанести врангелевской армии полное поражение.

В конце сентября — начале октября белогвардейские войска вели упорные атаки на направлении Мариуполь — Волноваха. Тем не менее М. В. Фрунзе верно определил, что движение врангелевской армии к Донбассу не является главной задачей белогвардейского командования. Он разгадал намерение Врангеля нанести главный удар по Правобережью (так называемая Заднепровская операция 8—15 октября). Благодаря своевременно принятым мерам для парирования этого удара врангелевская армия потерпела поражение, потеряла инициативу и перешла к обороне.

В октябрьские дни 1920 г., когда на Южном фронте шли решающие бои, Троцкий, как и в начале кампании против Врангеля, занимал вредную, дезориентирующую партию, страну и Красную Армию позицию, действуя вразрез с решением ЦК партии. Выступив в «Известиях» 19 октября 1920 г. со статьей «Южный фронт и зимняя кампания», Троцкий в противовес сообщению С. И. Гусева о начавшемся разгроме армии Врангеля утверждал, что войска Южного фронта и не приступали к разгрому врага, что борьба займет еще длинный ряд недель и что надо готовиться к зимней кампании.

В дни наступления Южного фронта общее руководство военными действиями было сосредоточено в руках В. И. Ленина. Не подменяя военно-оперативного аппарата, а направляя его деятельность, В. И. Ленин на решающем этапе сражений на юге выступил как опытный стратег, сочетавший учет общей обстановки с конкретными данными, влияющими на ход событий. Он тщательно анализировал развитие операций Южного фронта, предвидя возможные осложнения, подсказывал М. В. Фрунзе необходимые меры, корректировал его действия. 4 октября, в критический момент боев, которые шли на подступах к Донбассу, В. И. Ленин телеграфировал Реввоенсовету 1-й Конной армии о том, чтобы передвижение

---

[86] «Красный архив». 1935, т. 32, стр. 15, 17, 20, 31; «М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны». Воениздат. 1941, стр. 405, 412—413, 415, 435.

[87] В состав фронта входили 13-я, 4-я, 6-я армии, 1-я и 2-я Конные армии общей численностью в 99 500 штыков, 33 685 сабель, 527 орудий, 2 664 пулемета, 57 бронемашин, 45 самолетов и 17 бронепоездов.

армии с польского фронта на Южный было ускорено изо всех сил, даже если для этого понадобились бы героические меры [88].

Получив донесение М. В. Фрунзе и С. И. Гусева о разгроме врангелевцев в Заднепровской операции и о переходе инициативы к войскам Южного фронта, В. И. Ленин в телеграмме от 16 октября предостерег командование фронта от чрезмерного увлечения успехами, напомнив, что необходимо во что бы то ни стало ворваться в Крым на плечах противника; он предложил также принять меры к разведке бродов у крымских перешейков [89]. Накануне перехода Южного фронта в общее наступление В. И. Ленин уловил признаки того, что Врангель оттягивает части из Северной Таврии и намерен увести свою армию за перешейки. Чтобы сорвать этот план, В. И. Ленин в телеграмме Реввоенсовету 1-й Конной от 24 октября потребовал ценой героических усилий сосредоточить войска армии для нанесения решительного удара [90].

Когда на полях Северной Таврии развернулось сражение, В. И. Ленин в телеграмме от 28 октября предупредил М. В. Фрунзе, что не следует предаваться необоснованному оптимизму, предложил немедленно принять самые спешные меры для подвоза тяжелой артиллерии, организации путей для ее переброски, подтягивания саперных частей на случай штурма крымских укреплений [91].

Все эти указания В. И. Ленина М. В. Фрунзе немедленно реализовал в директивах войскам фронта и в практических шагах по организации военных действий.

С 26 октября по 3 ноября по плану, разработанному М. В. Фрунзе, в Северной Таврии развернулось решительное сражение. В основу плана наступления был положен августовский оперативный замысел Юго-Западного фронта (нанесение главного удара от Каховки на Перекоп и Сальково), развитый применительно к новой обстановке. Ударной силой фронта в сражении была 1-я Конная армия, наступавшая от Каховки. Врангелевская армия потерпела поражение, но некоторая часть ее успела уйти в Крым и укрылась за укреплениями перешейков.

Врангель рассчитывал, пользуясь долговременными фортификациями на перешейках и труднопроходимой местностью, отразить атаки войск Южного фронта, отсидеться в течение зимы в Крыму, привести армию в порядок и весной возобновить военные действия. Советские войска сорвали эти замыслы, осуществив историческую Перекопско-Чонгарскую операцию. Казалось, все преимущества в этой операции были на стороне противника. Узкие проходы в Крым, окруженные водными преградами, насквозь простреливались многослойным ружейно-пулеметным и орудийным огнем из заранее укрепленных точек. Нелетная, пасмурная погода исключала применение авиации. Взорванные врангелевцами при отступлении железнодорожные мосты не позволяли подвести тяжелую артиллерию для разрушения фортификаций «русского Вердена», как хвастливо называли врангелевцы укрепления на перешейках.

Подавляющее превосходство сил, которое было на советской стороне, после сражения в Северной Таврии уже не имело особого значения. На 200—250-километровом фронте от Перекопа до Геническа, густо изрезанном водными преградами, нельзя было ввести в бой всю массу войск. Приходилось эшелонировать их в глубину. Боевые корабли врангелевского и англо-французского флота обстреливали огнем тяжелых орудий фланги советских войск, мешая их продвижению вперед. Кроме того, рано наступившие холода и отсутствие теплой одежды и обуви усиливали трудности красноармейцев.

Командующий Южным фронтом сумел найти выход из этого слож-

---

[88] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 391.
[89] См. там же, стр. 392.
[90] См. там же, стр. 395.
[91] См. «М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны». Воениздат. 1941, стр. 415.

ного положения. Учтя опыт походов русских войск в Крым в XVIII в.[92], опыт сражений в годы мировой войны, а также опыт боев Красной Армии на Восточном фронте в 1919—1920 гг., полагаясь на огромную выносливость и революционный порыв красных бойцов, М. В. Фрунзе решил с санкции главкома штурмовать крымские укрепления «открытой силой».

М. В. Фрунзе первоначально намечал нанести удар по белогвардейским укреплениям на левом фланге вдоль Арабатской стрелки силами 4-й армии при поддержке тяжелой артиллерии Азовской военной флотилии. Но корабли флотилии вмерзли в лед в Таганрогском заливе и не могли подойти к Геническу. Оставался единственный и наиболее тяжелый путь — наступление правым флангом на Турецкий вал и Перекоп силами 6-й армии.

В качестве ударной группы первой линии были выделены наиболее боеспособные войска. Турецкий вал штурмовала 51-я стрелковая дивизия под командованием В. К. Блюхера при поддержке бронеотрядов 6-й армии под командованием А. В. Полупанова. На левом фланге на Чонгарский полуостров наступала 30-я стрелковая дивизия, прибывшая из Сибири. Вплотную за ними шли дивизии второго эшелона. Поддержку фланговым частям оказывали огневые группы, созданные из полевой артиллерии. Штурм белогвардейских укреплений продолжался с 7 по 11 ноября. Движимые боевым порывом, атакующие колонны войск под огнем противника преодолевали ряды проволоки, крутизну валов, топкую почву Сивашского залива, отбивали контратаки врангелевцев, вброд по ледяной воде бросались на выручку частей, зацепившихся за южный берег. Невзирая на тяжелые потери, доходившие до трех четвертей состава дивизий, советская пехота героическими усилиями взяла укрепления Перекопа, Турецкого вала, Ишуня, Танашского, Тюп-Джанкойского полуострова и Чонгара. Белогвардейская оборона была прорвана, участь белого Крыма решена.

Оценивая достигнутый успех, член Реввоенсовета Южного фронта С. И. Гусев писал: «Врангель не учел силы советского строя, силы коммунистической партии и героизм красноармейца»[93].

15 ноября советские части вступили в Севастополь, а 17-го в приказе войскам фронта М. В. Фрунзе подвел итоги героической эпопее борьбы за Крым. «Отныне красное знамя,— писал М. В. Фрунзе,— знамя борьбы и побед — реет в долинах и на высотах Крыма, грозным призраком преследует остатки врагов, ищущих спасение на кораблях»[94].

В докладе на VIII Всероссийском съезде Советов В. И. Ленин назвал полную и быструю победу над крымской белогвардейщиной, получавшей огромную материально-техническую помощь и политическую поддержку от империалистов, одной из самых блестящих страниц в истории Красной Армии[95].

---

[92] Вторжение русских войск в Крым в 1737 г. по Арабатской стрелке и в 1738 г. через Сиваш на Литовский полуостров.

[93] С. И. Гусев. Указ. соч., стр. 44.

[94] ЦГАКА, ф. 101, д. 135, л. 110.

[95] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 457.

ДАТСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ в 1917—1920 годах

Альфред Енсен,
заместитель председателя Коммунистической партии Дании

В период первой мировой войны и после нее в датском рабочем движении не происходили такие бурные события, как в рабочем движении других стран. Однако это не означает, что война и революционизирование рабочего класса в международном масштабе не оказали своего воздействия на датских рабочих.

1917—1920 годы для датского рабочего класса были периодом революционного подъема, периодом, когда рабочий класс стал выступать против гнета и эксплуатации более сознательно и энергично, чем когда-либо ранее. Этот подъем выразился в мощном забастовочном движении, в крупных демонстрациях безработных, а также в том, что вопрос о ликвидации капитализма и захвате власти пролетариатом занял более видное место в дискуссиях рабочих и в резолюциях рабочих собраний. В этот период обострилась борьба против реформизма, была создана Коммунистическая партия Дании, которая должна была придать борьбе рабочего класса социалистическое содержание и форму.

Борьба международного пролетариата против войны и эксплуатации и особенно Великая Октябрьская социалистическая революция оказали большое влияние на рабочее движение Дании. Но важнейшую роль в активизации революционного движения в стране все же сыграло то обстоятельство, что в годы войны невиданно усилилась эксплуатация масс господствующими классами, проводившаяся под прикрытием лживых лозунгов гражданского мира с благословения и при поддержке социал-демократических лидеров.

Реформизм господствовал внутри социал-демократии и в профсоюзном движении Дании, обезоруживая рабочих перед лицом усилившейся эксплуатации в период первой мировой войны. Огромные прибыли господствующих классов и обнищание масс способствовали разоблачению политики реформизма, привели к тому, что боевые традиции рабочего движения стали приобретать все большую и большую популярность. Забастовки и выступления рабочих на предприятиях, проходившие нередко вопреки сопротивлению профсоюзных лидеров, росли, принимая все больший размах.

Такое развитие событий было неожиданным для крупных капиталистов, рассчитывавших на то, что авторитет социал-демократических лидеров в рабочем движении был достаточно сильным, чтобы подчинить рабочих и добиться от них уступок. Крупная буржуазия вынуждена была сама сделать уступки революционным датским рабочим: рабочий день был сокращен до 8 часов, повышена заработная плата (реальная заработная плата в 1919 г. повысилась не менее чем на 25% по сравнению с 1914 годом). И хотя датские рабочие не имели таких революционных завоеваний, как их братья по классу в ряде других стран, все же результаты их классовой борьбы были значительны.

★

Следует учесть, что марксизм в период первой мировой войны и после нее не проник еще глубоко в датское рабочее движение, социалистическая теория не была тогда предметом широкой пропаганды. Это обстоятельство

объясняется влиянием оппортунизма, который с начала XX в. господствовал в рабочем движении Дании. Оппортунисты пытались создать миф о том, что датский народ «спокойным путем» наверняка и без каких-либо потрясений будет двигаться к социализму. В качестве доказательств они приводили достижения рабочего класса в политическом и экономическом отношениях. Между тем отдельные уступки капиталистов являлись результатом выступлений пролетарских масс. Но использованы они были господствующими классами и реформистскими лидерами для того, чтобы создать приукрашенную картину о датском капитализме. На самом деле датский капитализм ничем не отличался от капитализма вообще, он предпринимал все возможное для угнетения и подавления рабочих, он не делал уступок больше, чем был вынужден делать. После крупной забастовочной борьбы в 1899 г. датские капиталисты заставили рабочих принять постыдное так называмое «сентябрьское соглашение», которое поддержали и настоятельно рекомендовали социал-демократические лидеры.

Это соглашение обязало рабочие организации не начинать каких-либо забастовок без предупреждения предпринимателей за две недели. Забастовки без предупреждения считались незаконными, и особые суды подвергали стачечников денежным штрафам. Отдельные отраслевые профсоюзы обязывались не поддерживать те забастовки, которые не были одобрены центральной профсоюзной организацией — Центральным объединением профсоюзов Дании (ЦОПД).

Датская буржуазия хотела иметь мир и спокойствие на рынке труда, чтобы усиливать эксплуатацию рабочих; и с помощью «сентябрьского соглашения» она обеспечила себе поддержку со стороны профсоюзного аппарата. В статье «Целый десяток «социалистических» министров» (1916) В. И. Ленин дал совершенно ясную и определенную характеристику датского капитализма: «Специфической чертой датского империализма является кроме того получение сверхприбыли вследствие монопольно-выгодного положения рынка молочных и мясных продуктов: сбыт самым дешевым морским путем в Лондон, самый крупный рынок мира. Благодаря этому датская буржуазия и датские богатые крестьяне (чистейшие буржуа, вопреки россказням русских народников) превратились в «процветающих» захребетников английской империалистской буржуазии, в участников ее особо спокойных и особо жирных прибылей» [1].

Такое относительно благоприятное положение не спасло Данию от периодически повторяющихся кризисов с их массовой безработицей и обострением классовых противоречий.

Господство оппортунизма в руководстве социал-демократической партии и профсоюзного движения вовсе не означало классового мира в стране. Борьба на предприятиях шла своим чередом. Отраслевые профсоюзы и профсоюзные отделения прибегали к забастовкам, во многих случаях без той поддержки, которую им должно было оказывать Центральное объединение профсоюзов Дании. В результате из ЦОПД вышел ряд профсоюзов, в частности профсоюзные отделения плотников и рабочих судостроительных верфей Копенгагена.

Недовольство деятельностью профсоюзных руководителей было всеобщим; уже на рубеже двух веков среди рабочих возникла широкая оппозиция по отношению к профсоюзным лидерам. В 1908 г. оппозиция стала издавать свою собственную газету «Socialistisk Arbejderblad», которая, однако, просуществовала недолго.

Между тем реформистские лидеры продолжали свою антирабочую линию. В 1911 г. они добились заключения коллективных договоров сроком на пять лет. Заключение этих соглашений явилось исходным пунктом для широкой и активной оппозиционной кампании под руководством созданного в 1910 г. «Объединения профсоюзной оппозиции» с чисто синди-

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 124.

калистской программой. Эта программа ставила перед собой такие цели, как создание промышленного союза, применение бойкота, обструкции, саботажа, пропагандировала «социальную всеобщую забастовку» и т. д.

В декабре 1911 г. «Объединение профсоюзной оппозиции» начало издавать еженедельник «Solidaritet», который позднее был преобразован в ежедневную газету под названием «Arbejderbladet» (ныне «Land og folk»).

Объединение проводило большую агитационную работу и вскоре стало оказывать огромное влияние на рабочих. Более половины забастовок в 1912 и 1913 гг. начиналось без предупреждения, по принципу прямого действия. Рабочие по призыву профсоюзной оппозиции не выполняли условий «сентябрьского соглашения». Это было только началом; в годы войны профсоюзная оппозиция, выдвигая понятные массам требования и взывая к классовому чувству и пролетарской солидарности, подняла на революционную борьбу весь рабочий класс Дании.

Реформистские лидеры профсоюзов были напуганы бурным началом движения. В январе 1912 г. руководство ЦОПД создало комиссию для изучения вопроса о реорганизации центрального аппарата профсоюзов. Это был громоотвод: предложения, поступавшие в комиссию от рабочих, отклонялись. Комиссия ограничилась лишь одними словесными заявлениями, в частности о желательности создания профессиональных картелей.

Руководители оппозиции недооценивали возможности, которые давало овладение организационным аппаратом профсоюзного движения. Кампания «профсоюзной оппозиции» среди рабочих за игнорирование сентябрьского и других соглашений, заключенных профсоюзными лидерами, непосредственно привела к ослаблению борьбы против невыгодных договоров и за овладение организационным аппаратом. Кроме того, большинство руководящих деятелей оппозиции категорически отказалось занять ответственные посты в профсоюзном движении. Их анархическая позиция отражала то мнение, что сама организация — нечто второстепенное, тогда как солидарность — главное, решающее.

Внутри социал-демократической партии также имелась оппозиция, но она не понимала необходимости соединения своей борьбы против оппортунизма с экономической и политической борьбой на предприятиях. Среди рабочих царило недовольство по поводу присоединения социал-демократических лидеров в период войны к политике гражданского мира, которая проводилась мелкобуржуазным либеральным правительством при полной поддержке крупной буржуазии. Тем не менее на так называемом «Ночном конгрессе» социал-демократической партии в 1916 г. правым лидерам удалось добиться согласия на участие одного из руководителей партии, Стаунинга, в правительстве. Слабость оппозиции выразилась также и в том, что представитель Молодежного союза при голосовании по этому вопросу воздержался, хотя он решительно выступал против военных ассигнований, призыва солдат, налогового гнета и гражданского мира.

В результате слабости профсоюзной и политической оппозиций профсоюзным лидерам удалось при заключении коллективных договоров в 1916 г. провести предложение, которое предусматривало повышение заработной платы в среднем только на 20%, хотя цены, по официальным данным, повысились на 24%. В то же время господствующие классы получали огромные прибыли.

В 1917 г. недовольство рабочих политикой классового сотрудничества, проводившейся реформистскими лидерами, все время росло. Дания, не втянутая в первую мировую войну, все же испытала на себе ее последствия, поэтому датский народ горячо желал окончания войны. Именно в 1917 г., когда кайзеровская Германия организовала подводную блокаду, последствия войны стали чувствоваться в Дании сильнее, чем когда-либо. Подвоз ряда товаров совершенно прекратился. Большая часть промыш-

ленных предприятий была закрыта из-за отсутствия сырья, и безработица выросла до огромных размеров. Условия жизни трудового населения ухудшались в результате повышения косвенных налогов и темных спекулятивных махинаций. Призывы в армию также ложились тяжелым бременем на трудовой народ. Датские капиталисты получали огромные прибыли от поставок продовольствия обеим воюющим сторонам. В то время, как народ страдал от недостатка самых необходимых товаров, богачи жили роскошно, располагая большими запасами продовольствия и других предметов потребления. Однако рабочие с помощью забастовок все же добивались повышения заработной платы сверх того, что обеспечивалось коллективными договорами. По всей Дании прокатилась волна митингов и демонстраций против войны и против одобрения социал-демократическими лидерами военных ассигнований. Социал-демократический союз молодежи, который был членом Социалистического интернационала молодежи, разоблачал империалистический характер первой мировой войны и призывал к роспуску по домам мобилизованных солдат.

В профсоюзном движении, в социал-демократической партии, среди молодежи и народа возникли оппозиционные течения, но между ними не было никакого сотрудничества. Они выступали в одиночку и иногда друг против друга. Когда руководящий деятель оппозиции в социал-демократической партии Герсон Триер после конгресса этой партии в знак протеста против одобрения «министрами-социалистами» военных ассигнований в 1916 г. вышел из главного правления социал-демократической партии и из самой партии, то другой представитель революционного крыла, Марие Нильсен, занял его место. В оппозиции не было никакого единства, более того, она вообще не имела определенных политических целей и задач.

Под влиянием Февральской и особенно Октябрьской революций в России произошли большие изменения в датском рабочем движении. Рабочие устраивали мощные демонстрации, требуя не только предоставления работы и повышения пособий по безработице, но и наступления на спекулянтов, бесстыдно обиравших народ. Стало усиливаться антивоенное движение, возникшее в августовские дни 1914 года.

Ленинский призыв к миру и социальная программа Советов воодушевляюще подействовали на рабочий класс и укрепили его веру в новую, социалистическую эру, когда трудящиеся освобождаются от ужасов и лишений войны и империалистического варварства. Симпатии социал-демократических рабочих к большевистским лозунгам были настолько распространены, что даже социал-демократические лидеры, последовательно выступавшие против социалистов-интернационалистов в целом и против большевиков в особенности, не смели открыто пойти против развернувшегося движения.

Как в социал-демократической прессе, так и в заявлениях руководителей партии одобрялась Октябрьская революция, признавалось ее значение для дела мира и освобождения рабочего класса. 24 ноября 1917 г. центральный орган социал-демократической партии газета «Socialdemokraten» в передовой статье, озаглавленной «Страх в лагере Антанты», указывала: «...та кровь, которой стоили русские революции, является лишь каплей по сравнению с тем морем крови, которое пролила война; кровь русских революций капиталистическая пресса государств Антанты старается преувеличить до безграничных размеров, так же, как и наши домашние попугаи. Они неистовствуют по поводу русской мирной революции, потому что революция желает покончить с кровопролитной войной. Нет, правда заключается в том, что капиталисты Франции, Англии и Америки вложили большие деньги в России и надеялись вложить еще больше, чтобы получить огромные прибыли. Они опасаются, что русский народ действительно завоюет себе власть и тем самым ухудшит эту перспективу...»

Эта статья в известной мере отражала симпатии, которые питал к Октябрьской революции датский рабочий класс.

Симпатии к русской революции выражали даже некоторые оппортунисты. Так, Боргбьерг в своей статье «Революция и захолустье», опубликованной 9 декабря 1917 г., буквально разнес критиков русской революции. В статье говорилось:

«Мертвые? Нет, они еще живут. Они сидят в захолустьях всего мира, в уютных редакционных конторах и разрезают русскую революцию своими портновскими ножницами. Посмотрите, как они жмурят глаза при виде Ленина... Посмотрите, как они трясутся и трепещут при получении сведений о том, что русская революция теперь ликвидировала все привилегии, все сословные различия, которые, собственно, принципиально уже были отменены в ночь на 4 августа 1789 года, хотя в то время только буржуазия получила выгоду от отмены старых привилегий, тогда как теперь рабочие выступили со своими требованиями... Итак, теперь они снова пишут историю современности, эти наши собственные мещане. От Ленина они отвернулись, и русская революция уже не пользуется их благосклонностью... и 170-миллионное население России является для них лишь толпой безумных, заблудших людей, которые, вероятно, в скором времени вернутся обратно под уютную сень Старой Европы, где капитал правит всем и ведет народы к братоубийству... Великая Французская революция имела куда больше кровавых пятен на своей одежде, чем нынешняя русская революция, и пятна были крупнее. Однако человечество на протяжении века благословляет ее, и историки написали тысячи толстых томов об участниках революции. Будущие поколения с воодушевлением, с радостью в глазах будут читать о великой русской революции — о новом вступлении в новую эпоху».

Но прошло немного времени, и социал-демократическая пресса, и сам Боргбьерг стали «резать русскую революцию своими портновскими ножницами». В конце января 1918 г. они начали создавать своего рода фронт против русской революции и постепенно сильнее и сильнее включались в борьбу против большевизма.

Однако изменение позиции встретило сильное сопротивление со стороны сознательных рабочих. Например, в резолюции, принятой на конгрессе социал-демократической партии 25—26 февраля 1918 г., было сказано:

«Датская социал-демократия, собравшись на свой конгресс 25—26 февраля 1918 года, приветствует революционный рабочий класс в России и Финляндии и желает счастья и успеха в их героической борьбе за дело пролетариата. Конгресс выражает надежду, что рабочему классу России и Финляндии в союзе с остальной международной социал-демократией удастся установить в ближайшем будущем мир на земном шаре».

Эта резолюция не была опубликована в социал-демократической прессе, ибо она противоречила позиции социал-демократических верхов. Вместе с тем надо отметить, что эта резолюция была принята единогласно, при ее голосовании все делегаты, без исключения, встали со своих мест.

Решения конгресса являются обязательными для партии и ее прессы. Но не так было на этот раз. Социал-демократические лидеры продолжали свои непрерывные нападки на революционных рабочих России и Финляндии, они по-прежнему поддерживали политику гражданского мира. Подобно тому, как лидеры социал-демократии не выполнили своего долга по мобилизации рабочих на борьбу против войны и милитаризации в августовские дни 1914 г., так и теперь они уклонились от выполнения своего долга по мобилизации сил рабочих против бесчестной эксплуатации народа.

Между тем массовое движение снизу развивалось полным ходом. Всюду по стране поднимались на борьбу безработные. Октябрьская революция не только вдохновила пролетариат, она показала также ограниченность

и недостаточность синдикалистских методов и указала на необходимость такой партии, которая руководила бы политической борьбой рабочего класса.

8 апреля 1918 г. была создана Социалистическая рабочая партия. Вначале она объединяла наиболее недовольных членов профсоюзов, в первую очередь из среды шорников, обойщиков, табачников и строительных рабочих. В партию вступили Герсон Триер и писатель Мартин Андерсен-Нексе.

До того времени Социал-демократический союз молодежи с его газетой «Fremad» был единственным, кто популяризовал идеи марксизма и защищал Октябрьскую революцию, но эта пропаганда не выходила за рамки союза. С 1 мая 1918 г. Социалистическая рабочая партия начала издавать еженедельную газету «Klassekampen», которая с 1 октября того же года стала выходить ежедневно. Газета сразу решительно встала на позиции циммервальдской левой и начала распространять в среде датского рабочего класса идеи большевиков, пропагандировать важнейшие заявления и декреты Советской власти, опыт русской революции.

Подъем рабочего движения сказался также и в том, что газета «Solidaritet» — орган Объединения профсоюзной оппозиции — стала ежедневной. Анархисты продолжали господствовать на ее страницах, и в основном газета освещала лишь забастовочное движение, но все же и она отражала на своих страницах влияние Октябрьской революции и революционного подъема пролетариата. Объединение профсоюзной оппозиции воодушевляло и вдохновляло рабочих на борьбу против дороговизны и безработицы.

Дороговизна разоряла страну. Реальная заработная плата рабочих продолжала падать. Несмотря на то, что весной 1918 г. при продлении коллективных договоров было гарантировано некоторое регулирование заработной платы в зависимости от роста цен, официальная статистика показывает, что реальная заработная плата была на 16% ниже довоенного уровня.

Забастовочное движение достигло летом 1918 г. нового подъема. Рабочие добились значительного повышения заработной платы. Вопрос о сокращении рабочего дня, который до сих пор не играл большой роли, теперь стал основным. Было выдвинуто требование о 8-часовом рабочем дне; копенгагенские каменщики потребовали сократить рабочее время в предвыходные дни.

Правящие круги страны решили нанести удар рабочему движению и, в частности, арестовать его руководителей. Основная акция была осуществлена в ноябре 1918 г. в связи с крупными демонстрациями в Копенгагене и в больших провинциальных городах. Наиболее выдающиеся руководители Объединения профсоюзной оппозиции и Социалистической рабочей партии были арестованы и позднее осуждены на продолжительные сроки заключения. Основания для арестов и судов были очень шаткими. Руководители были арестованы и заключены в тюрьмы за одни «проступки», обвинены в другом, а осуждены за третье. Реакции удалось затормозить объединение революционных сил, однако остановить рабочее движение было невозможно. Оно развивалось, росло и все более приобретало политический характер.

Социал-демократические лидеры приняли это во внимание. Спустя два дня после прекращения военных действий, в ноябре 1918 г., они выпустили обращение к датскому народу, в котором заявили, что трудовое население, вынесшее на своих плечах все тяжести войны, должно теперь выступить с требованием широких политических и экономических преобразований. Эти требования были изложены в 18 пунктах. Речь шла об установлении контроля над банковской системой и производством, о создании фабрично-заводских советов и т. д. Всерьез, однако, к этому социал-демократические лидеры, разумеется, не стремились. Иначе им было бы

нетрудно при поддержке рабочих на предприятиях выступить за создание производственных советов и тем самым организовать рабочий контроль над производством и денежной системой. В действительности этот документ социал-демократического руководства был предназначен для того, чтобы занять рабочих одними разговорами, помешать им действовать и тем самым обеспечить дальнейшее проведение политики гражданского мира.

Достижению этой цели должно было служить и соглашение между ЦОПД и Датским союзом предпринимателей. Оно предусматривало, что рабочее время впредь должно составлять только 9 часов в день, а по субботам — 8 часов и что в июле 1919 г. будут начаты переговоры о дальнейшем сокращении рабочего времени. Хотя предприниматели и пошли на сокращение рабочего дня (на 1 час ежедневно для 88 тысяч рабочих и на полчаса для 77 тысяч), это все равно была лишь попытка выиграть время и успокоить рабочих.

Этого им сделать не удалось. Строительные рабочие Копенгагена потребовали введения 8-часового рабочего дня с 1 февраля 1919 года. Предприниматели объявили локаут, но уже в мае 1919 г. им пришлось заключить соглашение об установлении 8-часового рабочего дня не позднее 1 января 1920 года.

Предприниматели были вынуждены подчиниться требованиям о повышении заработной платы. Поскольку сокращение рабочего времени оказывало влияние на заработную плату, то ее реальное повышение составило примерно 25%.

Правые социал-демократы старались доказать, что такие результаты были достигнуты исключительно благодаря «умелой тактике» переговоров, проводившейся профсоюзными верхами, а вклад рабочих якобы ничего не значил.

1919 год явился годом небывалого подъема рабочего движения. Активность рабочего класса была столь значительной, что руководители ЦОПД с опаской смотрели на будущее. Для того, чтобы поправить свое шаткое положение, они издали брошюру «Какой путь изберут профсоюзы?». Брошюра была бесплатно роздана рабочим и призывала их не выставлять больших требований, а ограничиться лишь тем, что рекомендовали профсоюзные лидеры.

В 1919 г. предприниматели в своей борьбе против забастовок все больше стали прибегать к принудительным судам, которые признавали забастовки незаконными и присуждали бастовавших рабочих к уплате крупных штрафов. Такие меры, конечно, кое-где ослабляли выступления, но в то же время в других местах рабочие усиливали борьбу. Продолжение забастовок немедленно приводило, однако, к новым судебным обвинениям и к еще большим денежным штрафам.

Эти методы предприниматели пытались использовать и раньше. Так, например, профсоюз судостроителей был присужден в 1917 г. к уплате штрафа в 2 тыс. крон за признанную незаконной забастовку. Когда забастовка, тем не менее, была продолжена, то последовал новый суд и новый штраф, на этот раз в 30 тыс. крон. При попытке предпринимателей взыскать штраф профсоюз объявил себя обанкротившимся. Работа на верфи началась лишь позднее. Таким же образом был дважды присужден к уплате штрафа профсоюз каменщиков (в первый раз на 1 тыс. крон, а позднее на 10 тыс. крон). Профсоюз каменщиков также объявил себя обанкротившимся. Когда каменщики потребовали сокращения рабочего времени в предпраздничные дни, то предприниматели привлекли к суду 58 подмастерьев и каждого присудили к уплате штрафа в размере 100 крон. Действия землекопов и бетонщиков суд также признал незаконными, и рабочие были присуждены к крупному штрафу, после чего профсоюз прекратил забастовку.

В 1919 г. судебные штрафы по трудовым конфликтам стали весьма

крупными. Так, профсоюз портовых рабочих за организацию забастовки был оштрафован на 800 тыс. крон. В отношении профсоюза была предпринята настоящая расправа, и он был объявлен обанкротившимся.

Другим примером явился в том же году конфликт в плавучем доке и на судостроительной верфи Копенгагена. Здесь в рабочее время состоялось собрание кузнецов, требовавших повышения заработной платы. Предприниматели в ответ дали указание остановить машины. Рабочие отказались приступить к работе до тех пор, пока не будут удовлетворены их требования, и дело было передано на рассмотрение суда по трудовым конфликтам. Суд присудил 165 кузнецов к штрафу по 100 крон с каждого. Когда профсоюз принял решение о добровольном сборе средств для бастующих, то против профсоюза вновь было выдвинуто обвинение и суд наложил штраф сперва в 10 тыс. крон, а затем в 40 тысяч. Профсоюзное отделение кузнецов в Копенгагене было распущено. Но работа не возобновлялась. Предприниматели объявили о локауте для 25 тысяч рабочих. После вмешательства государственного арбитра конфликт был ликвидирован.

К сожалению, не было центрального руководящего органа для объединения и координации сопротивления рабочих предпринимателям. Поэтому это движение носило изолированный и ограниченный характер. Синдикалисты своей агитацией за децентрализацию руководства сами содействовали приданию всему движению той ограниченности, которая ослабляла его и препятствовала дальнейшему развитию.

Профсоюзный аппарат, находившийся в руках реформистов, оказал большое содействие предпринимателям в их стремлении склонить рабочих на свою сторону или преодолеть их сопротивление. Отказ революционных элементов от завоевания профсоюзного аппарата тяжело сказался на развитии рабочего движения в Дании.

Весной 1919 г. Социал-демократический союз молодежи, выступавший против политики гражданского мира, на своем съезде выставил требование, чтобы социал-демократическая партия отказалась от политики классового сотрудничества и перешла к политике классовой борьбы. В случае непринятия этого требования союз молодежи считал необходимым порвать свои связи с социал-демократической партией. Съезд Социал-демократического союза молодежи не решил сам этот вопрос, а поставил свое предложение на голосование членов союза. Примерно 2 100 членов союза голосовали за то, чтобы данное требование было предъявлено социал-демократической партии, а около 1 500 голосовало против.

Кроме обращения Социал-демократического союза молодежи, оппозиция в партийных организациях социал-демократической партии и на конгрессе партии в сентябре 1919 г. внесла предложение об изменении политики партии; в своем проекте оппозиция указывала: «Предпосылки для участия социал-демократической партии в правительстве необходимо считать теперь отпавшими».

На конгрессе предложение о разрыве правительственного сотрудничества с радикальными венстре (левобуржуазная партия в Дании.— *Ред.*) было отклонено 357 голосами против 79. Большинством голосов против 20 конгресс отклонил предложение о присоединении к III Интернационалу.

При том же соотношении голосов было решено высказать порицание некоторым руководителям Социал-демократического союза молодежи за то, что они публично подвергли критике политику социал-демократической партии. Конгресс отклонил вмешательство союза молодежи в политику социал-демократической партии, подчеркнув, что политические вопросы решает сам конгресс, а молодежный союз, со своей стороны, должен прийти к выводу, будет ли он на этой основе продолжать сотрудничество с пар-

тией. Стаунинг хотел провести более жесткую резолюцию против союза молодежи, но не смог этого сделать.

После конгресса союз молодежи вновь обсуждал вопрос о сотрудничестве с социал-демократической партией. Большинством в 300 голосов было решено прекратить совместную деятельность с социал-демократической партией и объявить молодежную организацию независимой, борющейся на основе признания классовой борьбы за социализм.

Голосование привело к тому, что меньшинство, решительно поддерживаемое верхушкой социал-демократической партии, заявило о выходе его отделений из союза с целью создания молодежного союза, лояльного по отношению к социал-демократии. Часть отделений вышла из союза, и в январе 1920 г. была создана организация «Социал-демократическая молодежь Дании». Однако Социал-демократический союз молодежи, позднее переименованный в Коммунистический, по-прежнему оставался наиболее крупной юношеской организацией, активно защищавшей интересы трудящейся молодежи.

Решения конгресса социал-демократической партии имели и другие последствия. Оппозиция внутри социал-демократии пыталась установить контакт с Социалистической рабочей партией и другими оппозиционными кругами. 9 ноября 1919 г. в г. Фредерисиа была образована Левосоциалистическая партия Дании. Ее орган «Arbejdet» вначале выходил еженедельно, но уже через три месяца стал ежедневной газетой.

Партия стала на позиции III Интернационала. И хотя она была сильно заражена реформистскими иллюзиями, ее возникновение укрепляло силы рабочего класса, создавало основы для образования коммунистической партии.

Перед датским рабочим классом стояли большие и насущные задачи, которые вновь созданная партия еще не была в состоянии сформулировать. Господствующие классы готовились к контрнаступлению. Союз предпринимателей выделил огромные средства на борьбу против рабочих и отклонил все требования о повышении заработной платы, несмотря на то, что цены по-прежнему росли. Забастовки продолжались, и 19 марта 1920 г. союз предпринимателей сделал первое предупреждение о большом локауте с 9 апреля.

Влиятельные круги финансового капитала, ранее довольствовавшиеся мелкобуржуазным либеральным правительством, теперь хотели проведения более жесткого курса как во внешней, так и во внутренней политике страны. Их подбодрили успехи реакции в борьбе против спартаковцев, Баварской и Венгерской советских республик. В конце марта 1920 г. этим кругам удалось использовать шлезвигский вопрос, чтобы добиться от короля отставки правительства Цале, вопреки традиционным парламентским правилам.

Это был подлинный государственный переворот. Он был направлен против трудового народа и явился вызовом трудящимся. Социал-демократические лидеры под давлением рабочих масс ответили через «Socialdemokraten» призывом к всеобщей забастовке.

После того как король отказал делегации рабочих, предложившей вновь назначить Цале премьер-министром, и вместо этого утвердил правое правительство, генеральное собрание ЦОПД решило начать 6 апреля 1920 г. всеобщую забастовку. Были выставлены следующие требования: созыв ригсдага, отмена угрозы локаута, повышение заработной платы, переговоры об участии рабочих в руководстве предприятиями, амнистия для всех политических осужденных.

Знаменательно, что в числе требований были пункты о коллективных договорах и политической амнистии. Эти требования были включены по настоянию Объединения профсоюзной оппозиции и Левосоциалистической партии.

Датский рабочий класс впервые выступил единым фронтом. Рабочие

были охвачены огромной радостью и воодушевлением, чувствовали себя достаточно сильными, чтобы победить.

Перед лицом объединенных сил рабочего класса реакция вынуждена была пойти на уступки. Король принял решение об отставке правительства и разрешил создать административный кабинет, в который вошли два социал-демократа. Угрозы локаутов были взяты назад, начались переговоры о повышении заработной платы. Была объявлена амнистия всем политическим заключенным.

В ходе переговоров профсоюзные лидеры, однако, не выполнили своего обещания в отношении организаций, стоявших вне ЦОПД. Это привело к тому, что моряки, морские кочегары и докеры Копенгагена должны были продолжать забастовку. Они были присуждены к уплате штрафа в миллион крон. Предоставленные самим себе и имея против себя весь государственный аппарат, в июне они вынуждены были уступить.

Если бы лидеры ЦОПД выполнили свой долг солидарности, то забастовки могли бы закончиться победой. Моряки вынуждены были возобновить работу и отказаться от завоеванной во время войны двухсменной работы.

Забастовочная борьба продолжалась и в 1920 г., но постепенно она начинала все более и более приобретать оборонительный характер. В революционном крыле рабочего движения еще резче стало сказываться отсутствие координации сил. Новые профсоюзы, возникшие после того, как государство по требованию предпринимателей с помощью штрафа добилось роспуска старых боевых союзов, объединились в Федеральное профсоюзное объединение. Однако они не имели большого влияния на борьбу рабочих.

С целью объединения и координации революционных сил в 1920 г. была создана Коммунистическая федерация, состоявшая из Коммунистической партии Дании (Левосоциалистической партии) и Объединения профсоюзной оппозиции с газетой «Arbejderbladet» в качестве органа федерации.

ИЗ ИСТОРИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОГО МЯТЕЖА В ВЕНГРИИ ОСЕНЬЮ 1956 года

В. Л. Исраэлян, Н. Н. Николаев

В подготовке контрреволюционного мятежа в Венгрии большую роль сыграла идеологическая диверсия против народно-демократического строя как со стороны международного империализма, так и со стороны внутренней реакции. События в Венгрии еще раз показали, что из всех видов сопротивления, которое оказывает буржуазия пролетариату, один из самых опасных и наиболее длительных — это идеологическое сопротивление. «Когда идейное влияние буржуазии на рабочих падает, подрывается, слабеет,— писал В. И. Ленин,— буржуазия в е з д е и в с е г д а прибегала и будет прибегать к самой отчаянной лжи и клевете» [1]. Так случилось и в Венгрии. Контрреволюционный мятеж неотделим от той идеологической подготовки, которая подрывала диктатуру пролетариата в Венгрии и готовила реставрацию капиталистического строя в стране.

Данная статья имеет целью разоблачить роль западной империалистической пропаганды, вскрыть тлетворное влияние, которое оказала проповедь оппортунистических взглядов группой Надя — Лошонци, а также показать значение идеологической диверсии некоторой части венгерской интеллигенции в подготовке контрреволюционного мятежа.

Контрреволюционному мятежу в Венгрии предшествовала тайная и открытая подрывная деятельность, которую в течение многих лет вели империалистические круги западных держав против Венгерской Народной Республики. В течение всего периода существования стран народной демократии западные державы, и в первую очередь США, делали и делают все от них зависящее, чтобы подорвать народную власть в этих странах, ослабить экономику, дискредитировать социалистические идеи.

Помощь США любым силам в деятельности, направленной против социалистических государств, узаконена американским конгрессом и возведена в ранг официальной политики еще в октябре 1951 года. Принятый американским конгрессом беспрецедентный в государственной практике закон разрешал правительству расходовать 100 млн. долларов на подрывную деятельность в странах социалистического лагеря. В этом законе прямо говорилось, что средства были предназначены «для любых отобранных лиц, проживающих в Советском Союзе, Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании...», а также в ГДР и других странах, «для лиц, бежавших из этих стран или районов», либо «для сформирования из этих лиц подразделений вооруженных сил, поддерживающих организацию Североатлантического договора».

Автор приведенной выше формулировки, сенатор Керстен, следующим образом пояснил смысл своего предложения: «Моя поправка предусматривает возможность оказания помощи подпольным организациям, которые существуют в настоящее время или которые могут быть созданы

---

[1] В. И. Л е н и н. Соч. Т. 20, стр. 453.

в будущем» [2]. Комментируя этот закон и другие подобные акты правительства США, прогрессивный американский историк Г. Аптекер в своей книге о контрреволюционном мятеже в Венгрии справедливо отмечал: «Никогда в истории ни одно правительство не осуществляло так тщательно и последовательно в качестве официальной политики кампанию свержения и разрушения, как это делает правительство Соединенных Штатов по отношению к странам социализма» [3].

В течение ряда последних лет американский конгресс ежегодно вотирует все новые и новые миллионы долларов, которые идут на подкуп шпионов и диверсантов, на содержание отобранных американской разведкой лиц и использование их для подрывной деятельности против социалистических государств. В значительной степени на эти средства существуют всевозможные организации венгерской реакционной эмиграции, такие, как «Венгерский национальный совет», «Союз американских венгров», ставящие своей целью свержение народно-демократического, социалистического строя в Венгрии.

Большую роль в борьбе против стран народной демократии американские империалисты отводили идеологической диверсии, или, выражаясь языком американских конгрессменов, «психологической войне». Вопросы о методах ведения пропаганды против государств социалистического лагеря и подготовки кадров для этого являлись предметом обсуждения различных специальных комиссий и других официальных органов империалистических держав. Они обсуждались даже в верховных законодательных органах, им посвящены многочисленные выступления государственных деятелей США. Весной 1955 г. в США была разработана так называемая «программа политического наступления на мировой коммунизм», которая предусматривала, в частности, подготовку специальных кадров «для руководства операциями сопротивления, для пропаганды, подрыва, проникновения» в страны социалистического лагеря [4]. Автор этого плана, председатель «Радио корпорейшн оф Америка» генерал Дэвид Сарнов, считал, что необходимо создать «сеть школ и университетов, занимающихся подготовкой кадров для холодной войны». Целью являлось бы не образование в буквальном смысле этого слова, отмечал Сарнов, «а специальная подготовка для интеллектуальных, технических, разведывательных и других потребностей идеологически-психологической войны... Могла бы быть создана своего рода академия политической войны» [5].

Идеологическая диверсия США и их партнеров по НАТО против Венгерской Народной Республики вылилась в широкую антивенгерскую пропаганду, направленную на подрыв государственного строя Венгрии, дискредитацию политики венгерского правительства, противодействие проводимым в стране демократическим и социалистическим преобразованиям, распространение в венгерском народе настроений неприязни и вражды по отношению к Советскому Союзу и поддержку подрывной деятельности всех враждебных новому строю элементов.

Западная буржуазная пропаганда различными путями — через многочисленные радиостанции, забрасывая листовки на воздушных баллонах, распространяя контрреволюционную литературу через свои дипломатические миссии в Будапеште,— рекламировала «западную культуру», «американский образ жизни», «достижения» американской промышленности и техники, «мощь американской армии и воздушных сил». При этом преследовалась цель, с одной стороны, создать у венгерского народа благоприятное впечатление об «американском образе жизни», а с другой стороны,

---

[2] См. H. Aptheker. The Truth about Hungary. New York. Mainstream Publishers. 1957, p. 95.

[3] Там же, стр. 78.

[4] «Контрреволюционные силы в венгерских октябрьских событиях (Белая книга)». Т. II. М. 1957, стр. 108.

[5] См. V. Leonov. The Events in Hungary. M. 1957, p. 27.

запугать «мощью» Америки, посеять неуверенность в собственных силах. Одной из форм подрывной пропаганды было распространение ложных, панических слухов (например, о девальвации денег, повышении налогов и т. д.). Наиболее же распространенным видом империалистической пропаганды в Венгрии являлась клевета на Советский Союз, на весь лагерь социализма и на венгерский народно-демократический строй.

Руководители империалистической пропаганды отдавали себе отчет в том, что прямые призывы к реставрации старых, капиталистических порядков никаким успехом у народов, ставших на путь социалистического строительства, пользоваться не могут. «Было бы невозможно и, быть может, неправильно,— признавал один из руководителей «Комитета Свободной Европы», А. Берле,— восстанавливать старые концепции о собственности и общественном строе...» [7]. Исходя из этого, империалистическая пропаганда весьма широко проводила демагогическую кампанию с целью дезорганизации политической и экономической жизни социалистических государств.

Ведущую роль в клеветнической кампании и подрывной работе против народной Венгрии (и других стран народной демократии) империалисты отвели радиовещанию. В течение ряда лет по 14 раз в день радиостанция «Голос Америки» передавала программу на венгерском языке, основными задачами которой являлись дезинформация венгерских слушателей и пропаганда империалистических взглядов. В феврале 1951 г. была пущена в эксплуатацию новая мощная радиостанция, «Свободная Европа», сооруженная в Мюнхене, в непосредственной близости к восточноевропейским странам. Радиостанция «Свободная Европа», так же как и другая контрреволюционная организация, «Свободная Европейская пресса», находится под руководством комитета «Крестовый поход за свободу», созданного в 1949 г. и имеющего основной целью свержение существующего строя в странах социалистического лагеря. Небезынтересно отметить, что, хотя «Крестовый поход за свободу» и считается «частной», неофициальной организацией, ее активными членами являются Аллен Даллес, генерал Клей, У. Б. Смит, адмирал Миллер, Д. Грей и другие видные государственные и политические деятели США [8]. Один из главных организаторов и руководителей радиостанции «Свободная Европа», американский генерал Клей, следующим образом характеризовал задачи этой организации: вербовка агентов из среды чехов, поляков, венгров, румын для несения диверсионной и пропагандистской службы; ввоз контрабандным путем радиоаппаратуры в страны Восточной Европы. Если эта деятельность приведет в данных странах к подпольным движениям, «мы не будем поражены», заявил Клей и добавил: «Нет пределов тому, что мы можем и будем делать» [9].

Другой сотрудник радиостанции «Свободная Европа», американец Мак-Кланэй, ответственный за составление программ, рассказывал о своей работе: «Мы составляем наши программы совсем по-другому, чем официальный «Голос Америки», мы не являемся официальным органом» [10]. Пользуясь этим своим «неофициальным» положением, радиостанция «Свободная Европа» вела наиболее разнузданную пропаганду против стран социализма.

Деятельность различных контрреволюционных организаций пресловутого комитета «Крестовый поход за свободу» приобрела за последние годы особенно большой размах. Так, например, начиная с 1954 г. органи-

---

[7] «Здесь «Голос Свободной Европы». Факты и документы о вмешательстве и роли империалистической пропаганды в контрреволюционные события в Венгрии». Будапешт. 1957, стр. 8.

[8] См. H. Aptheker. Указ. соч., стр. 99.

[9] «Документы о враждебных действиях правительства Соединенных Штатов против Венгерской Народной Республики». Будапешт. 1951, стр. 318.

[10] Там же, стр. 320.

зация «Свободная Европейская пресса» запустила с территории Западной Германии в воздушное пространство стран Восточной Европы около полумиллиона больших воздушных шаров с литературой, которая содержала клевету на народно-демократический строй и открыто призывала к его свержению. «Поток пропаганды,— писала буржуазная газета «Frankfurter Rundschau»,— которым определенные американские учреждения путем засылки баллонов и радиопередач охватывают государства восточного блока, приносит страшные плоды» [13]. Начиная с 1955 г. упомянутая организация ежемесячно забрасывала в Венгрию, Польшу, Чехословакию, Румынию и Болгарию 12 млн. экз. специально издаваемых газет [14]. Радио «Свободной Европы» имеет в своем распоряжении 28 коротковолновых передаточных станций (в том числе 12 в Лиссабоне), самую мощную в Европе средневолновую станцию в Гольцкирхене, 21 студию [15]. Кроме того, «Свободной Европой» создано 14 агентств, расположенных вдоль границ стран социалистического лагеря — от Стокгольма до Афин [16].

Вот уже несколько лет радиостанция «Свободная Европа» круглые сутки передает в эфир на многих языках, в том числе и на венгерском (радиопередачи для Венгрии до контрреволюционного мятежа длились 20 часов в сутки, во время мятежа — круглосуточно), истошные призывы к свержению народно-демократического строя, к вооруженной борьбе, к актам саботажа и т. д. Даже некоторые органы буржуазной печати были вынуждены признать, что пресловутая радиостанция искажает действительное положение вещей в странах народной демократии. «Радио «Свободная Европа»,— говорилось в статье американского журнала «News Week»,— специализировалось на том, чтобы представить коммунистический строй в возможно худшем свете» [17].

Венгерские передачи составлялись при самом активном участии бежавших из Венгрии изменников родины, фашистов и других реакционеров. Характерно, что организованные специально для Венгрии радиопередачи «Свободной Европы» под названием «Голос Свободной Венгрии» 6 октября 1951 г. были открыты графом Д. Дэжеффи, участником антиреспубликанского заговора в Венгрии, в свое время восхвалявшего фашистскую Германию. В радиопередачах участвовал бывший хортистский дипломат А. Геллерт. Одним из ведущих комментаторов венгерского отдела радио «Свободная Европа» являлся бывший капитан хортистской армии Ю. Боршани, выступавший под псевдонимом «полковник Белл» [18]. Бывший сотрудник радиостанции «Свободная Европа» венгерский артист К. Мароши, вернувшийся в Венгрию в 1956 г. в связи с амнистией, рассказал, что многие из редакторов венгерских передач в прошлом были сотрудниками прежних нилашистских газет. Руководят всеми передачами, по свидетельству Мароши, американцы. Рукописи передач переводятся сначала на английский язык для проверки: тексты и материалы могут передаваться по радио только с визой американских редакторов [19].

Главные усилия вражеских радиостанций в период, предшествовавший контрреволюционному мятежу в Венгрии, были направлены на поддержку деятельности оппозиционной группы Надя — Лошонци. «Свободная Европа», «Голос Америки» и другие западные радиостанции, спекулируя на ошибках, допущенных в ходе социалистического строительства в Венгрии, стремились к тому, чтобы привлечь на свою сторону наиболее неустойчивую часть населения. Империалистические круги западных дер-

---

[13] «О событиях в Венгрии». М. 1957, стр. 79.
[14] H. Aptheker. Указ. соч., стр. 101.
[15] «Здесь «Голос Свободой Европы»», стр. 4.
[16] H. Aptheker. Указ. соч., стр. 101.
[17] «Документы о враждебных действиях правительства Соединенных Штатов против Венгерской Народной Республики», стр. 322.
[18] См. «Здесь «Голос Свободной Европы»», стр. 5.
[19] «Szabad nép», 3 марта 1956 года.

жав в значительной степени связывали осуществление своих антисоциалистических планов с успехом так называемого «оппозиционного движения». Поэтому реабилитация Надя и его возвращение к руководству во второй половине октября 1956 г. вызвали нескрываемую радость западных империалистических кругов. «Возвращение Имре Надя к политической жизни можно расценивать как победу либерального направления» [20],— передавала радиостанция «Свободная Европа» 16 октября 1956 года.

В конце октября 1956 г. в Мюнхене состоялось секретное совещание представителей американской разведки и руководителей венгерских реакционных эмигрантских организаций. На этом совещании был рассмотрен вопрос о том, как пропаганда «Свободной Европы» должна способствовать развертыванию контрреволюции. Была принята тактика «двух этапов»: первый — разгром органов государственной безопасности, запрещение коммунистической партии, декларация о «нейтралитете», экономическое и, позднее, военное присоединение к западному блоку; второй — свержение социалистического строя, буржуазная реставрация [21]. Деятельность предательской группы Надя — Лошонци в дни контрреволюционного мятежа полностью соответствовала стратегическому плану империалистов.

В своей книге «Венгерская контрреволюция в свете марксизма-ленинизма» член Политбюро Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП) Д. Каллаи отмечает: «Провозглашенная антипартийной группой «либерализация», постепенно ослаблявшая народно-демократический строй, «национальный коммунизм», означавший постепенный выход из социалистического лагеря, соответствовали представлениям империалистов о том, что социализм необходимо свергнуть в два этапа» [22]. Это положение подтверждается также и американской печатью, которая время от времени выбалтывала планы стратегов «холодной войны». Так, «New York Herald Tribune» писала 23 апреля 1956 г.: «Самая ближайшая наша задача — ослабить советский блок...». Наибольшее, по мнению газеты, на что могли рассчитывать в странах народной демократии проповедники «холодной войны»,— это укрепление позиций оппортунистических групп [23]. Гнусная роль империалистической пропаганды против Венгрии и в первую очередь деятельность радиоцентра «Свободная Европа» особенно отчетливо проявились во время фашистской провокации в октябре 1956 года. Радиостанция «Свободная Европа», по существу, была руководящим органом и организатором контрреволюционного выступления венгерских реакционеров. Эта радиостанция наряду с общепропагандистскими заявлениями передавала в эфир и конкретные боевые задания контрреволюционерам.

Одиозная роль радиоцентра «Свободная Европа» в инспирировании контрреволюционного выступления венгерской реакции признавалась и признается даже представителями буржуазной печати. Вот как охарактеризовал передачи этой радиостанции корреспондент буржуазной газеты «France Soir», находившийся в Венгрии во время контрреволюционного мятежа. «Мы слушали также передачи радиостанции «Свободная Европа» из Мюнхена,— писал он,— программа которых, а также тон и призывы к бунту причинили много зла» [24].

Мнение французского корреспондента сложилось как результат личных наблюдений и многочисленных бесед с венграми. «В последние дни,— продолжал корреспондент,— многие венгры говорили нам: «Эти радиопередачи вызвали большое кровопролитие» [25]. Корреспондент другого фран-

---

[20] Материалы ТАСС, октябрь 1956 года.

[21] «Здесь «Голос Свободной Европы»», стр. 10.

[22] Kállai G. A magyarországi ellenforradalom a markszizmus-leninizmus fényében. Budapest. 1957, 13. 1.

[23] См. там же.

[24] См. V. Leonov. Указ. соч., стр. 28.

[25] Там же.

цузского издания, еженедельника «Expresse», писал о своих будапештских впечатлениях следующее: «Везде в Будапеште я встречал венгров самого различного общественного положения, которые с горечью и даже ненавистью говорили об американцах, о радио «Свободная Европа», о засылаемых воздушных шарах с пропагандистскими листовками» [26].

Наряду с подстрекательством населения Венгрии к вооруженному мятежу руководители «Свободной Европы» усиленно занимались организацией шпионско-диверсионной работы. Как свидетельствовал корреспондент датской газеты «Vestkysten» Иоргенсон, на территории Австрии, близ венгерской границы, радиостанция «Свободная Европа» создала штаб-квартиру, располагавшую мощными радиопередатчиками и радиоприемниками. Целый штат сотрудников был занят приемом и рассылкой информации, которая поступала в штаб от его агентуры в Венгрии [27].

Характеризуя деятельность различных органов империалистической пропаганды в дни контрреволюционного мятежа в Венгрии, американский историк Г. Аптекер в упомянутой работе «Правда о Венгрии» писал: «Западный империализм направлял венгерской реакции посредством своих радиостанций в Западной Германии и Австрии все, начиная с подстрекательства и кончая обещаниями вооруженной помощи... и специальными директивами по руководству происходившими в тот момент военными действиями» [28].

Приведенные факты о работе радиостанции «Свободная Европа» свидетельствуют о том огромном ущербе, который нанесла венгерскому народу грязная деятельность этого рупора американской империалистической пропаганды. «Мы убеждены,— указывала западногерманская газета «Freies Wort»,— что прежде всего агрессивная пропаганда передатчика «Свободная Европа» в значительной мере виновна в кровопролитии в Венгрии... Пропаганда, которая в конечном счете оплачена кровью введенных в заблуждение людей, является преступлением против человечества» [29].

Таким образом, «психологическая война» империалистических государств, их идеологическая диверсия против Венгерской Народной Республики явились важнейшей предпосылкой контрреволюционного мятежа.

Одной из главных причин того, что контрреволюционный мятеж произошел именно в Венгрии, является то обстоятельство, что в рядах самой партии венгерского рабочего класса существовала организованная оппортунистическая группа, которая взяла на себя позорную роль застрельщика капиталистической реставрации. «Большую роль в возникновении октябрьских событий и их трагическом повороте,— отмечалось в решении Пленума ЦК Венгерской социалистической рабочей партии,— сыграла образовавшаяся в прошедшие годы и постоянно усиливавшаяся группа партийной оппозиции, которая выбрала в качестве своего знамени Имре Надя и Геза Лошонци» [30]. Разрушительная идеологическая работа оппортунистической группы Надя — Лошонци привела к серьезному идейному разброду среди венгерской общественности и в конечном счете послужила интересам контрреволюции.

Характеризуя деятельность Имре Надя, Лошонци и их единомышленников в период октябрьских событий в Венгрии, Янош Кадар отмечал: «Прибегая к националистическому подстрекательству, по-ревизионистски отрицая руководящую роль партии в противовес социалистической демократии, реакционно искажая понятия свободы и демократии, они дали контрреволюции идеологическое оружие. Они вели подстрекательскую пропаганду среди запутавшихся в идеологическом отношении слоев на-

[26] «О событиях в Венгрии», стр. 85.
[27] Там же, стр. 80.
[28] H. Aptheker. Указ. соч., стр. 230.
[29] «О событиях в Венгрии», стр. 84.
[30] «Népszabadság», 9 декабря 1956 года.

селения, например, в кругах университетской молодежи, и в результате своей предательской деятельности в решающий момент парализовали силу партии, государства и дееспособность верных социализму масс»[31].

Имре Надь и его группа в течение длительного времени подготовляли почву для антипартийного, антинародного выступления в Венгрии. Деятельность этой группы отражала интересы главным образом кулачества Венгрии. Реакционная идеология группы Надя — Лошонци — одна из разновидностей мелкобуржуазного оппортунизма.

Ревизионизм Надя, так наглядно проявившийся во время прошлогодних событий в Венгрии, не случайное явление. Корни его оппортунистических взглядов уходят в прошлое. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы, содержащиеся в двухтомнике произведений И. Надя, изданном в 1954 году[32].

Общеизвестно, что наиболее важным условием существования народной демократии как одной из форм диктатуры пролетариата является обеспечение руководящей и направляющей роли революционной партии рабочего класса. Руководящая роль венгерских коммунистов сложилась исторически, в ходе длительной и напряженной борьбы за национальную свободу и демократию, в боях с германскими захватчиками, хортистами и салашистами, с помещиками и буржуазией, с лидерами правых социалистов и буржуазными националистами. Именно по инициативе венгерских коммунистов были проведены аграрная реформа и национализация промышленности, банков и транспорта. Благодаря руководству коммунистов венгерский народ добился широких демократических свобод и создал свое народно-демократическое государство. Против этой руководящей роли коммунистической партии и выступила группа И. Надя, всячески стремившаяся преуменьшить роль партии во всех областях экономической, государственной и идеологической жизни Венгрии. Член Политбюро ЦК ВСРП Б. Биску в своей лекции «Современные вопросы диктатуры пролетариата в Венгрии» отмечал в этой связи: «Ревизионистская и предательская группа Имре Надя, хотя на словах и была за социализм, на деле длительное время проводила идеологическое и политическое наступление против диктатуры пролетариата»[33]. Надь и его единомышленники пытались выхолостить революционное содержание диктатуры пролетариата и преуменьшить роль партии, третировали Советы и в то же время заигрывали с мелкобуржуазными слоями населения.

В упомянутом сборнике Надя дается следующее определение диктатуры пролетариата: «Диктатура пролетариата является более широким классовым союзом, покоящимся на союзе рабочих и крестьян, составной частью которого является интеллигенция, мелкая буржуазия, непролетарские элементы, принимающие участие в строительстве социализма. Без их активного участия нельзя построить социализм»[34]. При этом Надь старался обосновать свои ревизионистские взгляды ссылками на В. И. Ленина, намеренно искажая смысл его речи «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства», произнесенной в мае 1919 года. В предисловии к изданию этой речи Ленин, раскрывая революционную сущность диктатуры пролетариата, характеризовал ее как особую форму классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся, при руководящей роли рабочего класса в этом союзе. «Это союз,— писал в этой работе Ленин,— твердых сторонников социализма с колеблющимися его союзниками, иногда с «нейтральными» (тогда из соглашения о борьбе союз становится соглашением о нейтралитете), союз между неодинаковыми экономически, политически,

---

[31] «Népszabadság», 28 марта 1957 года.
[32] Nagy I. Egy Évtized. Válogatott Beszédek és Írások. T. I, II. Budapest, 1954.
[33] «Népszabadság», 29 мая 1957 года.
[34] Nagy I. Указ. соч. Т. II, стр. 504.

социально, духовно классами»[35]. Надь намеренно игнорировал два важных момента, подчеркнутых В. И. Лениным при характеристике диктатуры пролетариата,— руководящую и направляющую роль рабочего класса и колебания, неустойчивость его непролетарских союзников. Игнорируя эти принципиальные указания В. И. Ленина, Надь давал неверную, антимарксистскую оценку роли партии рабочего класса в системе диктатуры пролетариата[36].

Надь открыто отрицал способность революционной партии рабочего класса сплотить трудящихся страны и повести их по пути строительства социалистического общества. Он утверждал: «Партии пришлось взять на себя задачи сплочения и воспитания широчайших патриотических, демократических народных масс и мобилизации их на осуществление больших общегосударственных задач за неимением другой всеохватывающей организации. Эти задачи превзошли силы, организованность и влияние партии»[37].

Принижая роль партии и рабочего класса в этом «народном единстве», Надь вместе с тем усиленно добивался, в нарушение соответствующего решения III съезда партии, превращения беспартийного Отечественного народного фронта в обособленную политическую организацию. Он предложил ввести индивидуальное членство в Отечественном фронте и поставить перед ним такие задачи, которые возвысили бы его сначала над местными Советами, молодежными организациями, профсоюзами, а затем и над самой партией рабочего класса. Проповедуя такие взгляды, И. Надь и возглавлявшаяся им оппортунистическая группа ставили перед собой цель сорвать сплочение основных масс рабочих, крестьян, трудящейся интеллигенции, а также всех прогрессивных элементов городской мелкой буржуазии в Отечественном народном фронте под руководством революционной партии пролетариата[38].

Таким образом, Надь, поддерживаемый своими единомышленниками, настойчиво добивался ревизии марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата. Правооппортунистическая группа в Венгрии пыталась подвергнуть ревизии и важнейший ленинский принцип партийного строительства — принцип демократического централизма. Члены этой группы хотели создать в партии такое положение, при котором решения партийного руководства не были бы обязательны для всех организаций партии. Такая ревизионистская точка зрения грозила расколом единства рядов партии рабочего класса. Сам И. Надь неоднократно выступал против решений высших партийных органов. В качестве примера можно привести его статью, опубликованную в газете «Szabad nép», основное направление которой шло вразрез с решениями III съезда партии и октябрьского Пленума ЦК в 1954 году[39]. Правые элементы восприняли эту статью как сигнал к новым атакам против единства партии.

Антимарксистских взглядов придерживался И. Надь и по основным вопросам развития экономики Венгерской Народной Республики и, в частности, ее сельского хозяйства. Так, например, он утверждал, что для единоличных товарных крестьянских хозяйств в условиях народной демократии характерно расширенное воспроизводство. В противовес ленинскому учению о мелкокрестьянском хозяйстве, порождающем капитализм, Надь и его единомышленники отстаивали точку зрения, согласно которой наряду с производственным кооперативом и единоличное крестьянское хозяйство развивается якобы по направлению к социализму, что оно по-своему тоже строит социализм. Надь видел будущее венгерской деревни в процветании индивидуального середняцкого хозяйства и развитии по-

[35] В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 351.
[36] Nagy I. Указ. соч. Т. II, стр. 506.
[37] Там же.
[38] См. там же, стр. 509.
[39] См. «Szabad nép», 24 октября 1954 года.

требительско-сбытовых кооперативов. В то же время он старался всячески доказать нецелесообразность объединения крестьян с целью совместного ведения всего процесса сельскохозяйственного производства. В этом отношении характерна его статья «Отношение к середняку», объединившая выступления Надя во время дискуссии в ЦК ВПТ в 1948—1949 годах о политике партии в деревне [40]. Здесь Надь высказывался, по сути дела, за то, чтобы отложить на неопределенное время работу по объединению крестьянства в производственные кооперативы и отказаться от последовательного проведения политики ограничения кулачества.

Неоднократно подчеркивая, что «середняк является центральным фактором в деревне в период строительства социализма», Надь целиком игнорировал руководящую роль рабочего класса в социалистической перестройке деревни и, более того, утверждал, что крестьянство должно придерживаться своего собственного мировоззрения и не солидаризироваться с пролетариатом. «Рабочий класс,— писал Надь,— не должен отказываться от идеи социализма и не должен усваивать мировоззрение крестьянства, равно как и наоборот, не должно этого делать и крестьянство, чтобы союз был крепким и прочным» [41].

Такого рода «теория» оказала весьма пагубное влияние на развитие социалистического сельского хозяйства Венгрии. Распространение подобных взглядов привело не только к приостановке в 1954 г. роста сельскохозяйственной кооперации, но и к некоторому ее регрессу. В то же время подняли голову кулаки, которые снова стали обогащаться за счет мелкого и среднего крестьянства. Практическая деятельность И. Надя полностью вытекала из указанной «теории». Характеризуя эту деятельность, газета «Szabad nép» писала, что И. Надь, «начиная со своего правительственного заявления, сделанного в июле 1953 г., развернул настоящую борьбу против социалистической перестройки сельского хозяйства, поддерживая выход крестьян из производственных кооперативов» [42].

Критикуя оппортунистические взгляды И. Надя по вопросам сельского хозяйства, член Политбюро ЦК ВСРП Л. Фехейр в своей работе «Путь развития венгерского сельского хозяйства» писал: «Одной из самых больших антимарксистских ошибок Имре Надя в дискуссии 1949 г. было его утверждение, что с экспроприацией классов капиталистов и помещиков «мы уже преградили у нас в деревне путь капиталистическому развитию» и что у нас «крестьянские хозяйства не могут развиваться в капиталистическом направлении» [43].

Особенно отчетливо оппортунистические, антимарксистские взгляды группы Надя накануне контрреволюционного мятежа проявились в 1953—1955 гг., во время пребывания И. Надя на посту председателя Совета Министров Венгерской Народной Республики. Теоретическая и практическая деятельность И. Надя и его единомышленников была направлена против интересов венгерского рабочего класса, тормозила развитие Венгрии по социалистическому пути.

Затрагивая вопрос о повышении жизненного уровня населения в Венгерской Народной Республике, группа Имре Надя односторонне сводила все дело к увеличению сельскохозяйственного производства и совершенно игнорировала необходимость развития промышленности в качестве базы для роста производства сельскохозяйственных продуктов. «Решающим фактором повышения жизненного уровня является сельскохозяйственное производство,— заявлял Надь в бытность председателем Совета Министров ВНР.— Это неотъемлемое условие осуществления правительственной программы. На этом построена вся программа, это является ее краеугольным камнем, основным вопросом нашего дальнейшего

---

[40] См. Nagy I. Указ. соч. Т. II, стр. 84—95.
[41] Там же. Т. I, стр. 379.
[42] «Szabad nép», 18 апреля 1955 года.
[43] Fehér L. A magyar mezögazdaság fejlödésének útja. Budapest. 1957, 15—16. l.

движения вперед. Поэтому сельскохозяйственное производство выдвигается на первый план нашей экономической политики и всего нашего народного хозяйства»[45].

Как известно, в июне 1953 г. пленум ЦК Венгерской партии трудящихся принял важные решения, основной задачей которых было исправление ошибок, допущенных в прошлом в практике социалистического строительства страны. Однако осуществление этих решений натолкнулось на прямое сопротивление со стороны оппортунистической группы И. Надя. Став в июне 1953 г. главой правительства Венгерской Народной Республики, И. Надь своим первым же выступлением попытался поколебать доверие к партии, к народно-демократическому строю. Единомышленники И. Надя, так же как и он сам, всячески стремились охаять великие завоевания венгерского народа за годы народно-демократической власти. Весьма характерной в этом отношении являлась наделавшая в свое время много шума статья одного из ближайших единомышленников Надя, Г. Лошонци, в еженедельнике «Müvelt nép», опубликованная осенью 1956 года. Автор писал только об ошибках и пороках прошлого, о необходимости «коренным образом перестроить политику», о «решающих грехах всей нашей политики, которые затронули весь наш народ», о «генеральном урегулировании» положения интеллигенции и т. д.[46]. Так как Лошонци не обмолвился ни одним словом о социалистических завоеваниях венгерского народа, то, естественно, создавалось впечатление необходимости коренной перестройки всего социально-политического строя Венгерской Народной Республики. Далее в статье были выдвинуты условия осуществления постановления партии об интеллигенции, в которых сквозило явное недоверие к решению Центрального Комитета, к авторитету всей партии. Говоря о перспективах выполнения постановления об интеллигенции, Лошонци становился в позу наблюдателя, находящегося вне партии, для которого постановления Центрального Комитета не являются обязательными, которому нужны еще доказательства возможности выполнения решений ЦК.

Как отмечалось в решениях декабрьского Пленума ЦК Венгерской социалистической рабочей партии (1956 г.), группа Надя — Лошонци вынесла критику отдельных ошибок прежнего руководства партии на улицу, способствуя привлечению к этой критике реакционных элементов. Содержание критики было искажено и представляло собой большую угрозу авторитету партии, позициям рабочего класса, всему народно-демократическому строю. «Эта группа партийной оппозиции,— говорилось в упомянутом решении,— не выдвинув позитивной программы исправления ошибок, односторонне нападала только на партию, не отмежевавшись от реакции. Она ободрила реакционные силы и в значительной мере способствовала взрыву контрреволюции»[47].

Один из венгерских коммунистов, вспоминая впечатление, которое в свое время произвела программа И. Надя, провозглашенная летом 1953 г., писал: «Едва ли найдется коммунист, которого не ошеломила бы эта программа. В ней не было сказано ни слова о социализме, о диктатуре пролетариата, о результатах десятилетней борьбы рабочего класса. Но в ней тем больше говорилось о совершенных преступлениях, о так называемом «новом этапе», о новой политике. Все мы еще помним, как на следующий день после опубликования правительственной программы ожили кулаки на селе и различные буржуазные враждебные элементы в городе, как они обнаглели...»[48].

В течение ряда лет вокруг И. Надя формировалась правооппортунистическая группа, проповедовавшая мелкобуржуазную идеологию. Эта

[45] Nagy I. Указ. соч. Т. II, стр. 390.
[46] «Müveit nép», 2 сентября 1956 года.
[47] «Népszabadság», 12 декабря 1956 года.
[48] «Népszabadság», 10 марта 1957 года.

группа не представляла и тем более не отстаивала классовые интересы пролетариата. Она встала на путь ослабления диктатуры пролетариата, на путь отхода от социалистического развития страны. Не случайно поэтому кулачество и мелкобуржуазные элементы города называли Надя «своим человеком».

И. Надь и его единомышленники, подобно другим ревизионистам, стремились прикрыть отход от принципов марксизма-ленинизма ссылками на «особенности» пути развития Венгрии к социализму. Как отмечает Д. Каллаи в упомянутой работе «Венгерская контрреволюция в свете марксизма-ленинизма», Надь видел «особенность» венгерской диктатуры пролетариата в том, что сравнительно мирное строительство социализма не согласуется якобы с карательными функциями государства и поэтому они должны отпасть. «Имре Надь,— указывает Каллаи,— недооценивал силы классового врага, более того, он отрицал, что в стране есть такие силы. Отсюда проистекает его теория о «едином биении сердец девяти с половиною миллионов венгров» и о «единой венгерской национальной культуре»» [49].

С буржуазно-националистических позиций подходил Надь к вопросам истории венгерского государства, к оценке революции 1848 года. Так, например, в выступлении, посвященном 100-летию этой революции, он заявлял, что строительство народно-демократического строя в Венгрии должно идти по пути осуществления идей революции 1848 года. «Мы, потомки мартовского поколения,— говорил Надь,— сможем быть достойными их только в том случае, если с непоколебимой верой и твердой решимостью будем идти по намеченному ими и освещенному их ярким гением пути к созданию народной демократии» [50].

Вместе с тем хорошо известно, что революция 1848 г. в Венгрии была революцией буржуазной, которая в случае победы открыла бы путь капиталистическому развитию. Очевидно, что призыв идти по этому пути развития (прогрессивному в середине XIX в.) носил явно реакционный смысл для социалистической Венгрии. Известно также, что одной из главных причин поражения революции и освободительной войны 1848—1849 гг. являлась порочная политика ее вождей в национальном вопросе. Поэтому, ставя знак равенства между задачами социалистической и задачами буржуазной революции, Надь своими выступлениями не мог не активизировать националистические, шовинистические настроения в мелкобуржуазной среде. Отдельные деятели венгерской культуры стали искаженно изображать прошлое венгерского государства, замалчивать национально-освободительную борьбу национальных меньшинств против прошлого венгерского господства, идеализировать тех или иных политических деятелей Венгрии, являвшихся выразителями венгерского великодержавного шовинизма, и т. д.

Выдвигая лозунг «национального коммунизма», группа Надя — Лошонци выступала, по сути дела, против единства стран социалистического лагеря и подготовляла почву для контрреволюционного мятежа в угоду международному империализму. Империалистическая пропаганда и деятельность группы Надя — Лошонци были едины в том, что, демагогически выдвигая требование о «десталинизации», они пытались подорвать влияние коммунистической партии в венгерском народе. Настаивая на необходимости «заново создать рабочую власть», Надь и его единомышленники, по существу, вели дело к ликвидации народно-демократического строя в Венгрии. Под прикрытием «национального коммунизма», разжигая в стране национализм, венгерские оппортунисты пытались создать в центре Европы выгодную для империализма обстановку напряженности и конфликта.

---

[49] Kállai G. Указ. соч., стр. 8.
[50] Nagy I. Указ. соч. Т. II, стр. 7.

Характеризуя националистические, ревизионистские взгляды группы И. Надя, член Политбюро ЦК ВСРП К. Киш в статье «Венгерская социалистическая рабочая партия» отмечал: «Под предлогом поисков «венгерского пути» строительства социализма эта группа пришла к антимарксистским выводам «национального коммунизма» и, провозгласив националистические взгляды, встала на антисоветскую точку зрения. Свою ревизионистскую чепуху она выдавала за «творческое развитие марксизма-ленинизма» и за «применение его к своеобразным венгерским условиям»» [51].

Хотя правооппортунистическая деятельность Надя и его единомышленников была осуждена Пленумом ЦК ВПТ весной 1955 г., следует отметить, что в Венгерской партии трудящихся весьма слабо велась открытая идейная борьба против оппортунистических, ревизионистских, антипартийных взглядов. В результате этого подрывная, контрреволюционная деятельность группы Надя — Лошонци, особенно усилившаяся с весны 1956 г., все более парализовывала партию, а в стране все шире распространялось течение либерального примирения с этой группой. Как правильно указывала китайская печать, венгерская народная демократия до октября 1956 г. не была достаточно суровой и последовательной по отношению к врагам социализма, «в Венгрии прошлого периода еще не была установлена по-настоящему диктатура пролетариата» [52], то есть внутри партии не были идейно разгромлены враги диктатуры пролетариата, которые все более объединялись с внутренней и международной реакцией.

Характеризуя деятельность группы Надя — Лошонци, Д. Каллаи писал в своей работе: «...Имре Надь и его группа из оппортунистов превратились в ревизионистов, предателей, контрреволюционеров. В течение длительного времени они сознательно и планомерно разрушали партию, органы и учреждения диктатуры пролетариата и подрывали доверие к социалистической идеологии. В 1956 г. они сознательно и планомерно подготовили свержение строя диктатуры пролетариата. Они организовали политическую армию и в полном согласии с западными империалистами и внутренними контрреволюционными силами разработали стратегию и тактику свержения строя, организовали одну за другой кампании против партии и народно-демократического строя. Летом 1956 г. они перешли к организации политических демонстраций, а 23 октября начали штурм с целью свержения власти» [53].

Недостатки идеологической работы в ВПТ имели одним из своих последствий распространение взглядов оппортунистической группы Надя — Лошонци среди части венгерских литераторов, философов, экономистов, историков и других деятелей культуры. Идеи ревизионизма и ликвидаторства получили широкое хождение в Венгрии среди той части интеллигенции, которая все еще находилась в плену мелкобуржуазного мировоззрения. В свою очередь, реакционная группа писателей и литераторов сыграла также большую роль в идеологической подготовке контрреволюционного мятежа в Венгрии. Можно полностью согласиться с мнением Мартона Ловаша, писавшего в своей статье «Почему прекратили деятельность Союза писателей», что «разрушительная идеологическая работа части писателей оказалась органическим элементом подготовки вооруженной контрреволюции, независимо от того, принимали ли в этом участие лицемерные, сознательные противники коммунистов или доброжелательные честные люди» [54].

В свое время часть венгерских писателей неправильно восприняла упомянутые выше решения июньского (1953 г.) Пленума ЦК ВПТ. Среди

---

[51] «Népszabadság», 7 мая 1957 года.
[52] «Еще раз об историческом опыте диктатуры пролетариата». М. 1956, стр. 27.
[53] Kállai G. Указ. соч., стр. 29.
[54] «Magyarország», 6 марта 1957 года.

некоторых писателей «оппозиционность» и «критический дух» стали модой, появилась ложная теория, согласно которой задачи литературы ограничивались исключительно вскрытием и разоблачением ошибок. Под влиянием оппортунистических взглядов Имре Надя и, в частности, его выступлений летом 1953 г. в литературе все большее распространение получали буржуазно-националистические воззрения, прославление мелкотоварного крестьянского хозяйства, недооценка и отрицание руководящей роли пролетариата и его авангарда — партии — в общественной жизни страны и т. д. В некоторых произведениях венгерских литераторов явно умалялись достижения народно-демократического строя, великие завоевания рабочего класса, крестьянства и интеллигенции народной Венгрии. На книжном рынке все чаще стали появляться произведения, преисполненные пессимизма, уныния, изображавшие венгерскую действительность в искаженном виде.

Постепенно под воздействием и при поддержке оппозиционной группы Надя — Лошонци среди писателей стала формироваться антипартийная фракционная группировка во главе с Т. Дери, З. Зелком, Т. Ацелем, Д. Гаем и другими, многие из которых были членами Венгерской партии трудящихся. В конце 1955 г. шесть членов и два секретаря президиума Союза венгерских писателей демонстративно отказались от членства в президиуме. После отставки упомянутая группа пошла в своей антипартийной деятельности еще дальше, направив на имя ЦК ВПТ меморандум. Сбор подписей под меморандумом и широкое обсуждение этого документа вне рамок партии представляли собой грубое нарушение партийной дисциплины и принципа демократического централизма. И не только форма обращения к руководству партии, но в первую очередь содержание самого меморандума свидетельствовало о наличии фракционной, антипартийной группировки.

Главный огонь группы Дери — Зелка — Ацела был направлен против партийного руководства литературой. Идеи Надя нашли воплощение в деятельности части литераторов. Требования шли в одном и том же направлении — против руководящей роли партии. Так, один из лидеров антипартийной группы, писатель Т. Дери, признал, что он и его единомышленники борются за ликвидацию руководства литературой со стороны партии и государства [55]. Аналогичную точку зрения выразил и Д. Гай. «Партия — это мы, все возрастающая наша группа» [56],— заявил Тибор Тардош летом 1956 г. на дискуссии по вопросам печати, противопоставляя партии рабочего класса группу писательской оппозиции.

Такая точка зрения группы венгерских литераторов не явилась оригинальной. Для большинства ревизионистов марксизма-ленинизма всегда было характерным отрицание классового, идеологического содержания литературы. Идея «беспартийности» литературы есть идея буржуазная, так как буржуазия не заинтересована в правдивом изображении жизни, в обнажении социальных противоречий общества. За так называемой «беспартийностью» скрывается буржуазная партийность, идеология буржуазии.

Еще полвека тому назад В. И. Ленин в своей статье «Партийная организация и партийная литература» подчеркивал, что литература должна быть партийной, должна стать составной частью организованной, планомерной, объединенной партийной работы [57].

Некоторые венгерские писатели возомнили себя «сверхчеловеками». Эти писатели требовали особого отношения к себе и особого места в партии. «Представители писателей должны встретиться с представителями политики и разработать платформу» [58],— говорил Т. Дери. Создавалось

---

[55] «Társadalmi szemle», 1955, № 12, стр. 24.
[56] Цит. по Kállai G. Указ. соч., стр. 18.
[57] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 10, стр. 27.
[58] «Társadalmi szemle», 1955, № 12, стр. 29.

впечатление, что речь идет о каких-то двух противостоящих органах, о какой-то «автономии» писателей в партии, в государстве. Именно с такой «автономией» в свое время, как известно, решительно боролся В. И. Ленин. Когда в 1920 г. у некоторых советских писателей появилась тенденция к отрыву от руководства со стороны государства, В. И. Ленин резко осудил точку зрения пролеткультовцев, считавших себя государством в государстве. Противопоставление Пролеткульта Наркомпросу, ведавшему вопросами литературы, Ленин считал абсолютно недопустимым. В своем проекте резолюции съезда Пролеткульта Ленин квалифицировал как теоретически неверные и практически вредные «всякие попытки выдумывать свою особую культуру, замыкаться в свои обособленные организации, разграничивать области работы Наркомпроса и Пролеткульта или устанавливать «автономию» Пролеткульта внутри учреждений Наркомпроса...» [59].

Антипартийная направленность «автономии» писательской организации в Венгрии накануне мятежа становилась все более очевидной. Союз венгерских писателей очень мало занимался вопросами литературы; постепенно он превращался в антинародную организацию. Один из активных участников антипартийной группировки среди писателей, Ф. Фейте, бежавший во время подавления контрреволюции за границу, вынужден был признать в своей книжке, что «Союз венгерских писателей — государство в государстве...» [60].

Фракционная группировка венгерских писателей пыталась подвергнуть ревизии одно из важных положений марксистско-ленинской теории — идею партийности литературы. Отрицая, что идея партийности есть идея пролетарская, то есть что именно пролетариат и его партия заинтересованы в правдивом отражении жизни, упомянутые венгерские литераторы проповедовали, по сути дела, буржуазную идеологию.

Отдельные литераторы представляли венгерскую действительность в совершенно искаженном виде, клеветали на венгерский народ. При этом характерным для таких клеветнических выступлений являлось в одних случаях более, в других менее заметное преклонение перед реакционной западной культурой и цивилизацией.

Фальсификация венгерской действительности была необходима членам группы Надя — Лошонци и их единомышленникам среди литераторов для того, чтобы поставить вопрос о необходимости коренного изменения политического и экономического строя Венгрии.

Отрицая руководящую роль партии в литературе и призывая к «коренной демократизации» общественной жизни, члены антипартийной группировки выступали с проповедью контрреволюционных взглядов. В то время как венгерский народ во главе с коммунистами строил социалистическое общество и боролся за формирование своей идеологии, Гай и его единомышленники ратовали за свободу антимарксистской пропаганды. Таким образом, венгерские писатели-фракционеры, выступая за «свободное», обособленное существование литературы и прикрываясь идеями «невмешательства», стремились идеологически обезоружить венгерских трудящихся, подорвать их политическую активность. Ясно, что проповедь таких взглядов лила воду на мельницу реставраторов капиталистических порядков. Игнорируя реальные закономерности жизни, отказываясь от их познания и считая единственной реальностью свой субъективный мир, венгерские писатели-фракционеры, по существу, становились на позиции декадентства.

В результате деятельности антипартийной группировки писателей в 1954—1956 гг. в Венгрии снизилась требовательность к содержанию про-

---

[59] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 292.

[60] F. Fejtö. La tragédie hongroise on une revolution socialiste antisoviétique. Paris. 1956, p. 227.

изведений литературы и искусства. Этому способствовало также и то обстоятельство, что некоторые руководители идеологических учреждений Венгерской Народной Республики поняли демократизацию культуры так, что предоставили свободу даже контрреволюционным мнениям. В итоге на книжном рынке, в кино и театрах Венгрии появились произведения, проповедовавшие реакционную буржуазную культуру.

Проводники различных мелкобуржуазных, оппортунистических взглядов, понимая, что открытые выступления с антисоциалистическими лозунгами встретят отпор со стороны венгерских трудящихся, пытались ввести в заблуждение массы ссылками на XX съезд КПСС, на «интересы социализма», на «процесс демократизации», маскируясь под «сторонников идей Ленина», применяющих якобы решения XX съезда к венгерским условиям [61]. Особенно резко это проявилось во время бесчисленных дискуссий, проводившихся на протяжении всего 1956 г. в различных научных и иных учреждениях Венгрии. Само по себе проведение дискуссий по различным вопросам политической или экономической жизни страны является фактором положительным и широко практикуется во всех социалистических государствах. Этому способствуют общегосударственные и местные совещания передовиков различных профессий, производственные совещания на предприятиях и в учреждениях, наконец, всенародные обсуждения тех или иных важнейших проблем. В истории Венгерской Народной Республики такая форма активного участия трудящихся в управлении своей страной применялась неоднократно. Разумеется, однако, что любое обсуждение, любая дискуссия, проводимая в социалистическом государстве, должны служить задачам строительства социализма, укрепления диктатуры пролетариата. Некоторые деятели венгерской интеллигенции попытались использовать трибуны дискуссионных клубов для распространения взглядов, враждебных народу. Здесь специально следует остановиться на деятельности кружка имени Петефи Союза трудящейся молодежи Венгрии. Он был создан в 1955 г. и имел своей целью пропаганду политических знаний и обсуждение важнейших вопросов современного положения Венгрии. В первый период своего существования кружок оставался малозаметным явлением в жизни страны и был своего рода расширенным кружком сети политического просвещения для молодежи.

В конце 1955 г., в особенности летом 1956 г., главным образом в результате слабой идеологической работы среди молодежи, группа Надя — Лошонци сумела использовать этот кружок в своих целях. На заседания кружка начали приходить оппозиционно настроенные писатели и другие враждебные элементы, которые стали задавать тон дискуссиям, проводимым в кружке. Различными «сенсационными» заявлениями они пытались ввести в заблуждение общественное мнение страны, завербовать себе приверженцев из колеблющихся элементов. Во время многих дискуссий в различных аудиториях оппозиционные ораторы отрицали руководящую роль партии и рабочего класса в социалистическом государстве, проповедовали контрреволюционные буржуазные взгляды, наконец, призывали к «новой революции», то есть фактически к мятежу против народно-демократического строя. Враги народной демократии умышленно преувеличивали и искажали значение ошибок, допущенных в ходе социалистического строительства в Венгрии. В то же время они полностью замалчивали и даже отрицали революционные завоевания венгерского народа за последнее десятилетие. На этих так называемых «свободных» дискуссиях организованные группы антипартийных, антидемократических элементов не давали говорить ораторам, отстаивавшим неугодные этим элементам взгляды. Часто дело доходило до провокационных выпадов. Для полной характеристики кружка имени Петефи необходимо добавить, что демонстрация 23 октября 1956 г., положившая начало контрреволюцион-

[61] См., например, статью Д. Гая в «Irodalmi Újság», 5 мая 1956 года.

ному мятежу в Венгрии, была организована этим кружком, правление которого выработало программу, где основным пунктом являлось требование о привлечении И. Надя к руководству страной [62].

Особенно разнузданный характер носила дискуссия по вопросам печати, организованная кружком имени Петефи в конце июня 1956 года. Один из основных ораторов, писатель Т. Дери, выйдя далеко за рамки обсуждавшихся вопросов, подверг резким нападкам ленинские принципы демократического централизма в партии, призывал к ревизии важнейших основ партийного строительства. Дери полностью отрицал все завоевания молодой социалистической культуры венгерского народа.

Другой оратор, писатель Т. Тардош, в своем выступлении клеветнически утверждал, что в Венгерской Народной Республике не было основных демократических свобод, в частности свободы печати. Он призывал отнять у государства типографии и печать, разглагольствовал о необходимости «новой революции» и т. д. «Новая революция», о которой тосковал Тардош и во время которой он призывал отнять у народа типографии и печать, означала бы не что иное, как контрреволюцию, как реакционное восстание против социалистического государства. Аналогичные антипартийные, контрреволюционные выступления имели место и во время других дискуссий. На дискуссии экономистов многие ее участники высказали сомнение относительно того, причинил ли правооппортунистический уклон вообще какой-либо ущерб экономическому развитию Венгрии [63]. На дискуссии историков некоторые ораторы отрицали достижения исторической науки Венгерской Народной Республики и говорили даже о провале марксистской историографии в Венгрии [64]. Однако хорошо известно, что за короткий срок молодая марксистская историография Венгерской Народной Республики достигла серьезных успехов. Она дала новую, научно обоснованную периодизацию истории Венгрии, по-новому осветила многие яркие страницы героического прошлого венгерского народа, создала первые венгерские марксистские учебные пособия по истории и т. д. Правильно говорил на дискуссии историков Д. Немеш, что было бы ошибкой недооценивать созданное ценой большого труда [65].

Нельзя было согласиться и с таким утверждением некоторых участников дискуссии историков, что вытекавшие из культа личности недостатки и догматизм, встречавшиеся в ряде работ венгерских историков, являлись якобы характерными для всей марксистской исторической науки. Во время дискуссии были высказаны и отдельные националистические утверждения, неправильно толковались идеи марксизма о патриотизме.

Антипартийные и контрреволюционные выступления не получали должного отпора во время дискуссий и наносили серьезный ущерб социалистическому развитию Венгрии. Было бы, однако, ошибкой считать, что во время этих дискуссий не высказывались и правильные, марксистские взгляды по основным вопросам политики, экономики, литературы. Но слабая идеологическая работа ВПТ на протяжении многих лет, серьезные ошибки бывшего руководства, неумение этого руководства сделать необходимые выводы из практики социалистического строительства в Венгрии — все это создавало благоприятную почву для демагогической болтовни оппозиционной, антипартийной группировки, затрудняло борьбу против носителей буржуазной идеологии.

Отрицательное воздействие дискуссии усугублялось тем, что венгерская печать недостаточно выступала против пропаганды буржуазной идеологии. Более того, некоторые газеты сами превратились в рупор буржуазных взглядов. Это в первую очередь относилось к газете «Irodalmi Újság», на страницах которой публиковалось большое количество статей,

---

[62] Е. Пристер. Венгерский репортаж. М. 1957, стр. 10.
[63] «Szabad nép», 3 июня 1956 года.
[64] См. «Századok», 1956, № 3, стр. 425—440.
[65] «Szabad nép», 3 июля 1956 года.

вызывавших восторг врагов народно-демократической Венгрии. Это обстоятельство, кстати, газета в одном из своих номеров была вынуждена признать сама. «Конечно, газета имеет также и таких читателей, «симпатия» которых весьма сомнительного происхождения», — констатировалось в редакционной статье 7 июля 1956 года. Статьи ревизионистского толка, вводившие в заблуждение венгерскую общественность, появлялись и в «Művelt nép».

Следует отметить, что и в центральный орган ВПТ — газету «Szabad nép» — также просачивались отдельные статьи, способствовавшие идеологической путанице, разброду. Некоторые статьи этой газеты содержали некритическую информацию о различных дискуссиях, газета в ряде случаев обходила молчанием важные вопросы идеологической работы, не давала должного отпора буржуазным взглядам отдельных деятелей венгерской культуры.

Нельзя сказать, что оппортунистические выступления вовсе не получали отпора на страницах венгерской печати. Ряд товарищей подверг справедливой марксистской критике эти выступления. Однако с сожалением следует признать, что партийная критика не сумела до конца разоблачить враждебный характер антипартийной оппозиции и предотвратить распространение контрреволюционных взглядов.

Осенью 1956 г. в венгерских газетах стали появляться статьи, по существу, открыто проповедовавшие преимущества буржуазного строя. Не получая должного отпора, носители буржуазной идеологии в своих выступлениях против народно-демократического строя становились все наглее.

Накануне контрреволюционного мятежа в Венгрии произошло дальнейшее объединение правых оппортунистов группы Надя — Лошонци с писательской оппозицией. На конференции писателей в сентябре 1956 г. многие участники этой оппозиции: Д. Гай, Т. Ацел и др.— затронули вопрос об Имре Наде, требуя его реабилитации и привлечения к руководству страной. Кстати говоря, сентябрьская конференция писателей мало занималась вопросами литературы, уделив основное внимание обсуждению общеполитических проблем. Вновь прозвучали на ней голоса членов антипартийной, фракционной группировки, добивавшихся признания особого места и роли писателей в государстве, противопоставлявших себя партии венгерского рабочего класса.

Оппозиционная, антипартийная деятельность группы Надя — Лошонци и ее единомышленников среди венгерских литераторов на идеологическом фронте встречала полную поддержку венгерской реакционной эмиграции, один из лидеров которой, Ференц Надь, летом 1956 г. высказался за сотрудничество эмиграции с внутренней оппозицией, прекрасно понимая, что речь идет не об отдельных разногласиях в рядах ВПТ. Он подчеркивал сложность ситуации и необходимость осуществления гибкой тактики для свержения народно-демократического строя. Поддержка взглядов оппозиционной группы со стороны реакционной венгерской эмиграции — характерное доказательство контрреволюционного характера деятельности И. Надя и его единомышленников.

Таким образом, в течение длительного времени, предшествовавшего контрреволюционному мятежу, в Венгрии имели место довольно широкое распространение различных антипартийных взглядов и пропаганда буржуазной идеологии. Ошибки прежнего руководства ВПТ, а также гнилой либерализм по отношению к проповедникам враждебных взглядов и недостатки в идеологической работе партии привели к дальнейшей активизации деятельности оппозиционной группы Имре Надя — Лошонци и их единомышленников. Международный империализм использовал идеологическую диверсию для ослабления сил социализма в Венгрии.

Таковы некоторые факты из истории идеологической подготовки контрреволюционного мятежа в Венгрии. Они еще раз подтверждают,

какую огромную важность для успешного развития социализма имеет своевременное и решительное разоблачение ухищрений проповедников буржуазной идеологии и насколько необходимо осуществление руководящей роли революционной партии рабочего класса в период диктатуры пролетариата, в частности в идеологических вопросах. Основоположники научного коммунизма показали, а исторический опыт, в том числе и события в Венгрии, подтвердил, что идеологическая борьба является одной из важнейших форм классовой борьбы.

Касаясь международного значения венгерских событий, Н. С. Хрущев отмечал: «Урок венгерских событий, когда контрреволюция использовала в своих грязных целях некоторых писателей, напоминает о том, к чему может привести политическая беспечность, беспринципность и бесхарактерность в отношении к проискам сил, враждебных социализму» [66].

Оппортунистические взгляды и деятельность группы И. Надя — Г. Лошонци, организованные выпады некоторых венгерских писателей и журналистов против основных принципов диктатуры пролетариата, клеветническая кампания империалистической пропаганды против Венгерской Народной Республики — все это звенья одной и той же цепи. В течение длительного времени идеологическая диверсия против Венгерской Народной Республики была направлена на подрыв народно-демократического строя в Венгрии и являлась важнейшей предпосылкой контрреволюционного мятежа.

Решительный отпор проискам буржуазной идеологии, в какой бы замаскированной форме они ни проявлялись, борьба за чистоту марксистско-ленинской теории — такова одна из главных задач современного международного рабочего движения.

---

[66] Н. С. Хрущев. За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа.

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ (июнь 1941 г.— июнь 1942 г.)

Г. М. Тавровская

Антигитлеровская коалиция, созданная в годы второй мировой войны, наглядно продемонстрировала широкие возможности сотрудничества между народами и странами. Между тем среди опубликованных за послевоенные годы за рубежом сборников документов, мемуаров и многочисленных исследований, посвященных истории второй мировой войны, значительное место занимают работы, искажающие историю создания и роль антигитлеровской коалиции в разгроме фашистской Германии и ее союзников [1]. Реакционные историки, выступая против принципа сосуществования, стремятся доказать, что сотрудничество капиталистических стран с Советским Союзом якобы невозможно ввиду существующих в них разных социально-экономических систем. Несмотря на то, что могучая антифашистская коалиция сыграла важную роль в разгроме германо-итальянского фашизма и японского милитаризма, она изображается представителями этого течения как «странный союз». Соглашения о военном сотрудничестве и взаимопомощи в борьбе против общего врага, принятые участниками антигитлеровской коалиции, объявляются крупными ошибками западной дипломатии [2]. Ряд реакционных американских военных деятелей, а вслед за ними и некоторые буржуазные историки пытаются представить дело так, будто решения правительства США, направленные в годы второй мировой войны на укрепление сотрудничества с Советским Союзом, были приняты только «по вине» президента Рузвельта [3]. С целью фальсификации истории сотрудничества великих держав государственный департамент США в марте 1955 г. издал «документы» Крымской конференции [4]. В тенденциозно подобранной публикации документов позиция СССР по важнейшим международным проблемам изображена в искаженном виде.

Для установления исторической правды Министерство иностранных дел СССР издало в двух томах переписку председателя Совета Министров СССР И. В. Сталина с президентами США Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном и премьер-министрами Великобритании У. Черчиллем и К. Эттли во время Великой Отечественной войны 1941—1945 годов [5]. Опубликован-

---

[1] W. Churchill. The Second World War. Vol III—VI. London. 1950—1954; C. Falls. The Second World War. London. 1948; J. F. C. Fuller. The Second World War 1939—1945. London. 1948; F. Schuman. Soviet Politics at Home and Abroad. New York. 1947; W. Kirchner. An outline History of Russia. New York. 1950; W. Görlitz. Der zweite Weltkrieg 1939—1945. Stuttgart. 1951.

[2] D. Dean. The Strange Alliance. New York. 1947; H. Boldwin. Great mistakes of the War. London. 1950; P. Tompkins. American-Russian Relations in the Far East. New York. 1948; S. Bemis. A Diplomatic History of the United State. New York. 1955.

[3] J. Byrns Speaking Frankly. New York. 1948; W. Leahy. I was there. New York. 1950; W. H. McNeill. America, Britan and Russia. Their cooperation and conflict 1941—1946. Oxford university Press. 1954.

[4] «The Conferences at Malta and Jalta 1945». Departament of State. 1955.

[5] «Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Тт. I—II. М. 1957.

ные полные тексты всех имеющихся в Советском Союзе документов переписки И. В. Сталина с главами правительств Англии и США позволяют объективно показать позицию правительств трех держав по важнейшим вопросам международной политики в годы второй мировой войны. В этих томах содержится обширный и ценный материал по таким вопросам, как история открытия второго фронта, история создания и упрочения антифашистской коалиции, ее роль в разгроме общего врага и в послевоенном устройстве мира.

★

В первый период Великой Отечественной войны перед советской внешней политикой стояли особенно трудные и ответственные задачи, которые определялись целями СССР в борьбе против фашистской Германии и ее сателлитов, а также международной обстановкой, сложившейся в ходе второй мировой войны. Известно, что вторая мировая война возникла в результате крайнего обострения и углубления общего кризиса мировой капиталистической системы. Она была подготовлена международной империалистической реакцией и развязана на Западе германским и итальянским фашизмом, а на Востоке — милитаристской Японией. Борьба против фашизма означала борьбу за свободу, за независимость, за демократию. Именно антифашистская борьба народов и определила характер второй мировой войны как антифашистской, освободительной. Вступление Советского Союза в войну в результате нападения на нашу страну гитлеровской Германии еще более усилило освободительный характер войны.

Первоочередной и важнейшей задачей внешней политики Советского Союза явилось создание единого фронта государств против фашистских агрессоров. Необходимо было изолировать врага, приобрести как можно больше союзников, привлечь народы к борьбе с фашизмом путем создания мощной антифашистской коалиции. Развертывая борьбу за создание такой коалиции, Коммунистическая партия и правительство СССР учитывали, что агрессия фашистских государств представляла серьезную опасность для независимости и национального суверенитета Англии, Соединенных Штатов Америки и других стран, затрагивала интересы не только трудящихся масс, но и правящих кругов многих стран.

В США и Англии правящие круги не могли не видеть в захватах Германией и Италией новых территорий реальную и все возраставшую угрозу американским и английским сферам влияния, рынкам сбыта, источникам сырья. Германская армия захватила ряд стран Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы, что значительно укрепило экономические и военно-стратегические позиции Германии. Немецкие империалисты рассчитывали осуществить широкие планы захвата колоний Англии, установления своего экономического господства в Северной и Южной Африке. В связи с вторжением германо-итальянских войск в Ливию создалась угроза для английских колоний на Ближнем и Среднем Востоке и коммуникаций Англии, имевших стратегическое значение. Со второй половины 1940 г. германский империализм усилил экономическую агрессию в Иране, Ираке.

Одновременно на Дальнем Востоке японские милитаристы, захватив значительную территорию Китая и Индо-Китая, вели активную и широкую подготовку к установлению своего господства над английскими колониальными владениями и доминионами: Британской Малайей, Бирмой, Индией, Новой Зеландией, Австралией. Британская империя переживала глубочайший кризис. Ее позиции были ослаблены и подорваны. Военно-политическая обстановка, сложившаяся в Европе, угрожала национальной независимости самой Англии.

Многие английские политические деятели понимали, что успешное завершение военной кампании Германии против Советского Союза привело бы к установлению безраздельного господства фашистских государств не

только над Восточной, но и над Западной Европой. Гитлеровцы овладели бы новыми огромными экономическими ресурсами; неизмеримо усилился бы военно-промышленный потенциал Германии, а многомиллионная фашистская армия была бы брошена на разгром Англии и завоевание Британской империи.

Германская агрессия угрожала также интересам США. Американские правящие круги отдавали себе отчет в том, что означало бы для них установление господства германского и итальянского империализма в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке и в Африке. В этом случае Соединенные Штаты оказались бы перед угрозой столкновения с военной машиной блока фашистских государств во главе с гитлеровской Германией, которая располагала бы большими промышленными ресурсами.

На Дальнем Востоке США угрожала милитаристская Япония, агрессия которой в Китае и Индо-Китае нанесла серьезный удар по позициям американского империализма. Кроме того, широкая и длительная подготовка Японии к войне на Тихом океане и к захвату вооруженным путем стран Юго-Восточной Азии вызывала серьезную тревогу у правящих кругов США.

Реальная опасность, нависшая над Англией, угроза потери колоний и распада Британской империи, рост сил наиболее опасных империалистических конкурентов — Германии в Европе и Японии на Дальнем Востоке — и их планы установления мирового господства — все это повелительно диктовало правительствам Англии и США необходимость союза с СССР. Это явилось одной из причин того, что вероломное нападение Германии на Советский Союз сразу же оказалось в центре внимания правящих кругов США и Англии.

22 июня 1941 г. в Вашингтоне, в Белом доме, состоялось чрезвычайное заседание кабинета министров, посвященное рассмотрению международной обстановки в связи с началом германо-советской войны. Президент Рузвельт заявил, что Германия «совершила еще один акт агрессии» и это усложнило международную обстановку, поставив перед правительством США новые проблемы в области внешней политики [6]. В первые же дни войны ряд влиятельных сторонников Рузвельта — Пеппер, Смит, Грин, Бэрн — выступил с предложением оказать Советскому Союзу немедленную помощь, считая, что в случае быстрой победы Германии усилилась бы угроза интересам Соединенных Штатов. «Президент должен завтра же объявить, что на СССР будет распространен закон о передаче в аренду или взаймы вооружения, — заявил 22 июня сенатор-демократ Пеппер. — Мы должны уничтожить Гитлера, или он уничтожит нас» [7].

Член сенатской комиссии по иностранным делам Грин, призывая оказать поддержку Советскому Союзу, подчеркивал: «Нападение Гитлера на Россию еще раз показало американцам, чего стоят обещания Гитлера в любом заключенном с ним соглашении. Нападение на Россию должно научить нас, что нам не следует заключать соглашения с Гитлером ни при каких обстоятельствах. Нам следует помочь Советскому Союзу в борьбе с Гитлером всем, чем только мы можем» [8]. «Мы должны предоставить России все, в чем она нуждается» [9], — заявил сенатор-демократ Смит. Морской министр США Нокс в речи, произнесенной 30 июня 1941 г. в Бостоне, призвал выступить против агрессивных государств путем вооруженного вмешательства на стороне Англии и Советского Союза [10].

Выступая за оказание помощи Советскому Союзу, государственные деятели США учитывали, что нападение фашистской Германии на СССР коренным образом изменило расстановку сил на международной арене.

---

[6] «The Secret Diary of H. Ickes». Vol. III, New York. 1954, p. 550—551.
[7] Архив внешней политики (АВП) СССР, ф. 013, п. 7, д. 98, л. 179.
[8] Там же, лл. 202—203.
[9] Там же, л. 189.
[10] «The American Year Book». New York. 1942, p. 17.

В связи с тем, что Германия бросила свои главные силы на восток, непосредственная опасность, нависшая над Англией, значительно ослабла. Англия и США получили возможность подготовиться к ведению войны в благоприятных для них условиях, а эти условия прежде всего и в первую очередь зависели от хода военных операций на советско-германском фронте. По этому поводу «New York Times» 25 июня 1941 г. откровенно писала: «Быстрая германская победа над Россией будет катастрофой и для Англии и для Америки, так как она даст Германии возможность угрожать Соединенным Штатам на обоих океанах».

Однако среди правящих кругов Соединенных Штатов не было единого мнения по вопросу об отношении к Советскому Союзу. Некоторые крайне реакционные политические деятели, ослепленные ненавистью к социалистическому государству, открыто выступили против оказания поддержки СССР. Херст старший, известный антисоветскими взглядами, заявил 24 июня, что он приветствует нападение Германии на Советский Союз и выражает уверенность, что мир на Западе будет установлен и Европа объединится против коммунизма [11]. Сенаторы-изоляционисты Уиллер и Най опубликовали заявление с призывом к заключению соглашения с Германией. Один из лидеров изоляционистского направления, Линдберг, выступая 1 июля 1941 г. в Сан-Франциско, прямо заявил, что он предпочитает видеть Соединенные Штаты союзником Германии, нежели союзником России. Председатель изоляционистской организации «Америка прежде всего» Роберт Вуд пошел еще дальше. Он не только выступил против поддержки Советского Союза, но потребовал прекратить оказание помощи даже Англии до тех пор, пока она не даст заверений, что американские материалы не будут попадать в СССР.

Но следует отметить, что основная часть представителей господствующих классов Соединенных Штатов Америки отдавала себе отчет в том, что в создавшихся условиях, в обстановке дальнейшего расширения фашистской агрессии, союз с СССР является единственно правильным и жизненно необходимым для США. Об этом свидетельствует меморандум одного из представителей влиятельных деловых кругов, Герберта Своупа, Гопкинсу. В этом меморандуме Своуп подчеркивал, что «с тех пор, как Россия стала коммунистической, Советы не угрожали нашим национальным интересам и нашему образу жизни. А безумная политика Гитлера в течение двух лет ведет мир к рабству; нашему собственному существованию свободного народа угрожает смертельная опасность» [12].

Мотивы, заставившие Соединенные Штаты пойти на сотрудничество с СССР, были высказаны и в меморандуме начальника генерального штаба Маршалла и адмирала Старка, представленном президенту Рузвельту. Излагая стратегические планы США на период войны, авторы меморандума указывали, что главной задачей германской армии на данном этапе является завоевание европейской части Советского Союза, разгром его армии, а затем нанесение решающего удара по Англии с тем, чтобы заставить ее капитулировать. В случае же установления господства в Европе Германия приступит к подготовке своей армии, авиации и флота для наступления против всего Западного полушария. Поэтому, делали заключение Маршалл и Старк, для Соединенных Штатов выгодно поддерживать сопротивление Советского Союза, так как СССР является единственной державой, которая имеет сухопутную армию, равную германской армии, и его продолжительная борьба создает лучшие возможности для подготовки США к войне и занятия ими выгодных стратегических позиций [13].

Что касается Англии, которая находилась почти два года в состоя-

---

[11] АВП СССР, ф. 013, п. 7, д. 98, л. 186.

[12] R. E. Sherwood. Roosevelt and Hopkins. An intimate History. New York. 1948, p. 306.

[13] R. E. Sherwood. The White House Papers of H. Hopkins. Vol. I. London. 1949, p. 414—421.

нии войны с Германией и потерпела ряд серьезных поражений, то подавляющее большинство государственных и политических деятелей этой страны выступило за сотрудничество с Советским Союзом в борьбе против Германии. Сопротивление Советской Армии создало Англии благоприятные возможности для подготовки ее вооруженных сил к ведению крупных военных операций. В Лондоне считали, что от того, насколько успешным будет советское сопротивление, зависела судьба Англии. В связи с этим газета «Times» 23 июня 1941 г. писала: «Нападение на СССР является дальнейшим мероприятием по подготовке решительного нападения на Англию. Германское вторжение в СССР является новым шагом по пути к установлению Гитлером своего мирового господства».

Этими причинами и были определены известные официальные заявления, сделанные 22 июня 1941 г. премьер-министром Черчиллем и 24 июня президентом Рузвельтом о намерении Англии и США оказать поддержку Советскому Союзу в его борьбе против Германии. Особенно важно отметить то обстоятельство, что эти важные политические акты английского и американского правительств были в значительной мере обусловлены требованиями широких народных масс, активно выступивших за поддержку Советского Союза. Трудящиеся Англии и Соединенных Штатов, как и трудящиеся всего мира, понимали, что на советско-германском фронте решается судьба не только Советского Союза, но и их собственная судьба, дело национальной независимости их государств, и что, следовательно, уничтожение фашизма является задачей всех народов. В авангарде борьбы за создание единого фронта с СССР стоял рабочий класс, руководимый коммунистическими партиями.

В первый же день нападения Германии на СССР, 22 июня 1941 г., Коммунистическая партия Англии опубликовала декларацию, в которой призвала английский народ к полной поддержке Советского Союза. В декларации подчеркивалось, что агрессия против СССР представляет величайшую угрозу для всего человечества и поэтому важнейшей задачей является усиление борьбы за международную сплоченность рабочего класса всех стран, за его солидарность с Советским Союзом [14].

Призыв Коммунистической партии Англии явился первым проявлением развернувшегося в стране движения за союз с СССР. Английские трудящиеся на собраниях и митингах, проходивших под знаком солидарности с героическим Советским Союзом, выражали свою готовность немедленно включиться в борьбу с фашистской Германией. 23 июня 1941 г. в Лондоне состоялся многотысячный митинг под лозунгом «Единство действий Англии и СССР». Участники митинга единодушно потребовали от правительства Черчилля полной поддержки Советского Союза в его борьбе против гитлеризма. В тот же день на многих предприятиях Лондона и в других крупных городах Англии состоялись митинги и конференции, на которых трудящиеся выражали свою готовность оказать помощь советскому народу. Конференция объединенного союза инженеров от имени своих членов выступила за установление тесного сотрудничества с Советским Союзом. Национальная конференция железнодорожных рабочих Англии, представлявшая 40 тыс. железнодорожников, собравшаяся в Брэдфорде, единодушно вынесла резолюцию, требовавшую оказания всесторонней помощи СССР [15].

Тысячи лондонцев собрались 29 июня 1941 г. на митинг в Гайд-парке. В принятой с большим энтузиазмом резолюции говорилось: «Народы Советского Союза и английский народ одинаково заинтересованы в низвержении фашизма и в создании основ прочного мира. Передавая советскому народу наш сердечный привет, мы заявляем, что его борьба является нашей борьбой. Поэтому мы требуем принятия всех экономических, военных

---

[14] «Labour Monthly». Vol. 23, № 7, July 1941, p. 296.
[15] «Daily Worker» (Нью-Йорк), 25 и 26 июня 1941 года.

и политических мер, которые помогут сотрудничеству Англии и Советского Союза против их общего врага — фашизма»[16].

Рабочие Англии выступили в защиту первого в мире социалистического государства. Исполнительный Комитет федерации горняков Южного Уэльса, который объединял 120 тыс. человек, 26 июня единогласно заявил о полной солидарности с героическим советским народом. Федерация обратилась к Черчиллю с призывом установить с Советским правительством сотрудничество в дипломатической, экономической и военной областях и предупреждала, что она не позволит враждебным Советскому Союзу элементам в Англии мешать этому сотрудничеству, необходимому для победы над фашизмом[17].

В первых числах июля 1941 г. на многочисленных митингах в Лондоне, Бристоле, Грантхэме, Ньюкасле, Гэйтсхеле, Инкашире английский пролетариат выражал свою твердую решимость оказать немедленную поддержку советскому народу в его справедливой борьбе с агрессором и требовал заключения союза с СССР. «Мы клянемся бороться вместе с вами до тех пор, пока не будет уничтожена угроза национал-социализма и фашизма для всех стран»[18],— единодушно заявили рабочие Фулхэмской электростанции. В этих словах были выражены чувства всех простых людей Англии.

Представители всех национальностей Британской империи выступили на массовом митинге в Лондоне за установление тесного сотрудничества с Советским Союзом в общей борьбе против фашизма[19]. Выражая солидарность с советскими людьми, сотни трудящихся Англии обращались в советское посольство, предлагали свою помощь и заявляли о желании вступить добровольно в Советскую Армию.

Широко развернулась борьба за поддержку Советского Союза и в Соединенных Штатах Америки. 22 июня 1941 г. Коммунистическая партия США обратилась к народу с призывом к всесторонней поддержке и сотрудничеству с Советским Союзом. В обращении указывалось, что агрессия Германии против СССР — передового борца за мир, свободу и национальную независимость — представляет собой также наступление на народ Соединенных Штатов и другие народы мира[20]. Коммунистическая партия подчеркивала, что в обстановке усилившейся угрозы национальной безопасности Соединенных Штатов долг каждого американца — оказывать Советскому Союзу всяческую помощь, ибо защита СССР означает защиту независимости своей родины. «В этой борьбе американский народ ни в коем случае не может оставаться нейтральным... Организованными усилиями американский народ должен сделать политику американского правительства подлинной политикой дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, политикой, обеспечивающей советскому народу и народу Англии всяческую поддержку. Американский народ должен бросить на чашу весов всю свою мощь и силу для разгрома фашизма. Защищайте Америку путем всемерной помощи Советскому Союзу, Англии и всем народам, борющимся против Гитлера»[21],— говорилось в воззвании к американскому народу внеочередного пленума ЦК Коммунистической партии США, состоявшегося 28 июня 1941 года.

В Нью-Йорке, Чикаго, Бостоне, Детройте, Вашингтоне, Филадельфии проходили многочисленные митинги, демонстрации, собрания, конференции, на которых американцы различной социальной принадлежности и взглядов выражали свою солидарность с героическим советским народом, требовали установления сотрудничества с СССР и немедленного вступ-

---

[16] «Daily Worker», 30 июня 1941 года.
[17] АВП СССР, ф. 0529, оп. 3, п. 66, д. 24, л. 110.
[18] См. «Правда», 6 июля 1941 года.
[19] См. «Правда», 19 июля 1941 года.
[20] «Daily Worker», 23 июня 1941 года.
[21] «Daily Worker», 29 июня 1941 года.

ления в борьбу против фашизма. С исключительным подъемом был проведен 2 июля 1941 г. в Нью-Йорке, в Медисон-сквер-гарден, митинг солидарности с Советским Союзом. На митинге выступил известный общественный деятель Поль Робсон. Резолюция с требованием «оказания неограниченной поддержки Советскому Союзу в его стремлении защитить свои земли, свой народ и свободу» была принята с огромным энтузиазмом. Участники митинга обратились ко всем американцам с призывом всемерно укреплять сотрудничество с СССР [22].

Американский комитет борьбы за мир выступил 4 июля с заявлением, в котором обратился ко всем гражданам США с призывом всемерно содействовать победе советского народа над фашизмом [23].

Большую роль в борьбе за установление сотрудничества с Советским Союзом играли профсоюзные организации. Они принимали решения о солидарности с советским народом и оказании ему максимальной помощи. 12 июля исполнительный комитет Совета производственных профсоюзов Нью-Йорка от имени 400 тыс. рабочих призвал правительство Соединенных Штатов оказать неограниченную военную поддержку СССР [24]. О необходимости оказания всесторонней помощи советскому народу заявили исполнительный комитет профсоюза моряков, объединяющий 60 тыс. человек, окружной совет профсоюзов электро- и радиоработников Нью-Йорка от имени 30 тыс. своих членов, окружная организация объединенного союза горняков, отделение союза рабочих автомобильной промышленности в Детройте, совет профсоюза обувщиков от имени 10 тыс. человек, профсоюз служащих [25] и многие другие организации.

Активное участие в движении в защиту СССР принимала молодежь США. В начале июля 1941 г. состоялся VII съезд американского конгресса молодежи. В своем приветствии к молодежи всего мира съезд призвал ее всемерно помогать Советскому Союзу и народам других стран, героически боровшимся против фашизма [26].

В сотнях писем, полученных советским посольством, рядовые американцы выражали твердую уверенность в победе СССР над фашизмом и заявляли о своем желании добровольно вступить в ряды Советской Армии. Так, члены организации американских добровольцев в Испанской республиканской армии «Ветераны бригады Линкольна» писали Советскому правительству: «Дело, за которое борется ваша страна против Гитлера, является делом всего прогрессивного человечества. Мы знаем, что Красная Армия борется не только во имя советского народа, но и во имя всего человечества. Мы глубоко уверены в том, что вы одержите победу над фашизмом... Снова во имя мира и демократии, уверенные в поддержке американского народа, мы готовы, если будет необходимость, выступить в поход» [27]

Широкое движение, развернувшееся в США с первого дня Великой Отечественной войны, свидетельствовало о том, что трудящиеся массы Америки активно выступили против фашизма, за сотрудничество с СССР, за оказание ему максимальной военной и экономической помощи. «Большинство американского народа решительно выступает за поддержку Советского Союза»,— писала «Daily Worker» 18 июля 1941 года.

В обстановке широкого движения народных масс за сотрудничество и союз с нашей страной 12 июля 1941 г. между правительствами СССР и Великобритании было заключено соглашение о совместных действиях в войне против Германии. В этом соглашении оба правительства взаимно обязались «оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в на-

---

[22] «Daily Worker», 3 июля 1941 года.
[23] АВП СССР, ф. 0529, оп. 4, п. 68, д. 1, л. 22.
[24] См. «Правда», 13, 20 июля 1941 года.
[25] См. «Правда», 5 июля 1941 года.
[26] «Коммунистический Интернационал», 1941, № 6—7, стр. 94—95.
[27] Там же, стр. 94.

стоящей войне против гитлеровской Германии» и заявили, что в продолжение этой войны они не будут вести переговоров, заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия [28]. Несмотря на то, что это соглашение носило самый общий характер и в нем не были конкретизированы взаимные обязательства сторон, оно закладывало фундамент союзных отношений между СССР и Англией. Соглашение было встречено народными массами Англии с чувством глубокого удовлетворения. Газеты писали, что для Англии, у которой нет надежды на мир и безопасность, пока существует гитлеризм, пакт имеет огромное значение, так как он представляет собой мощное орудие для достижения конечной цели — уничтожения нацизма [29].

Ряд руководящих политических деятелей Соединенных Штатов также одобрил заключение соглашения между СССР и Англией, считая, что оно имеет большое значение в борьбе против германского фашизма. Однако некоторые члены американского правительства, и особенно представители военных кругов, сомневались, выдержит ли СССР натиск гитлеровской армии, завоевавшей почти всю Европу. Так, военный министр Стимсон и начальник генерального штаба Маршалл полагали в первые дни войны, что Германия в состоянии нанести поражение СССР минимум в один — максимум в три месяца [30]. Американская военная разведка, как свидетельствует в своих мемуарах Стимсон, также считала, что Советский Союз продержится не более трех месяцев [31].

Для того, чтобы получить более точное представление о силе сопротивления Советского Союза, боеспособности Советской Армии, военном и промышленном потенциале СССР, американское правительство в конце июля 1941 г. направило в Москву политического советника Рузвельта — Гарри Гопкинса. В беседе с американским послом в Москве Штейнгардтом Гопкинс заявил, что главная цель его визита — определить, действительно ли положение Советского Союза так гибельно и безнадежно, как представляли его в военном министерстве США и, особенно, как доносил об этом из Москвы американский военный атташе. Гопкинс имел несколько встреч с И. В. Сталиным и другими советскими руководителями, а также с представителями командования Советской Армии. Он получил подробную информацию о положении на советско-германском фронте и соотношении сил воюющих сторон. Обстоятельно познакомившись с положением дел и исходя из реальных фактов, Гопкинс пришел к твердому убеждению, что прогнозы о скорой гибели Советского государства беспочвенны и что Советский Союз располагает необходимыми людскими и материальными ресурсами для ведения продолжительной войны [32].

Поездка Гопкинса в Москву имела определенное значение при выработке американским правительством политического курса в отношении СССР. Оценивая значение миссии Гопкинса, Шервуд признает, что эта миссия в известной мере способствовала изменению взглядов среди определенных правительственных и военных кругов США и Англии по вопросу о боеспособности Советского Союза [33]. 2 августа 1941 г. правительство Соединенных Штатов довело до сведения Советского правительства, что оно «решило оказать все осуществимое экономическое содействие с целью укрепления Советского Союза в его борьбе против вооруженной агрессии» [34].

---

[28] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Т. I. М. 1946, стр. 131—132.

[29] «Daily Herald», 14 июля 1941 года.

[30] R. E. Sherwood. Roosevelt and Hopkins, p. 303—304.

[31] H. Stimson and G. Bundy. On active service in Peace and War. New York. 1948, p. 383.

[32] R. E. Sherwood. Roosevelt and Hopkins, p. 344.

[33] Там же, стр. 343.

[34] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Т. I, стр. 141.

Англо-советское соглашение и заявление правительства США были первыми шагами в организации антигитлеровской коалиции, создание которой обусловливалось в первую очередь непримиримыми противоречиями между двумя империалистическими группировками и активной борьбой народных масс против фашизма.

★

Важнейшая задача советской внешней политики заключалась в том, чтобы всемерно расширить, сплотить и упрочить антигитлеровскую коалицию свободолюбивых народов и стран для разгрома общего врага. На пути осуществления этой задачи перед советской внешней политикой стояли огромные трудности. Дело в том, что определенные империалистические круги США и Англии рассчитывали использовать Советский Союз для того, чтобы вывести из строя наиболее опасных своих конкурентов — Германию и Японию, — захватить зарубежные рынки, мировые ресурсы сырья и добиться мирового господства. Вместе с тем они рассчитывали на ослабление Советского государства, на его обескровление, надеялись, что в результате длительной войны СССР надолго потеряет свое значение как великая держава.

Выражая мнение этих реакционных кругов США, американский военный обозреватель Болдуин писал летом 1941 г., что задача Соединенных Штатов — всемерно поощрять войну между Советским Союзом и Германией, обескровить их для того, чтобы США могли стать «верховной властью над миром» [35]. Эта мысль была высказана и официальными лицами США — сенатором Трумэном и американским послом в Японии Грю [36]. В Англии с подобным заявлением выступил министр авиационной промышленности Мур-Брабазон.

Эти планы реакционных кругов США и Англии нашли свое дальнейшее развитие на Лондонской межсоюзной конференции, состоявшейся 24 сентября 1941 года [37]. В задачу конференции входило обсуждение вопросов, связанных с веденнем войны против фашистской Германии, и принятие «Атлантической хартии». Однако представители Англии стремились свести работу конференции к рассмотрению главным образом послевоенных проблем. Британская делегация во главе с Иденом пыталась доказать, что «решение проблем послевоенного снабжения союзных стран продовольствием, сырьем и предметами первой необходимости имеет теперь решающее значение» [38]. Иден внес на рассмотрение конференции резолюцию относительно обеспечения нужд европейских стран после войны. Он заявил, что уже созданы два английских официальных комитета для производства закупок товаров в странах Британской империи. Такие закупки были будто бы произведены в значительных размерах и охватили большое количество товаров. Некоторые правительства представили свои заявки о послевоенных нуждах. Английское правительство, сообщил Иден, уже вступило в контакт по этому вопросу с правительствами США и Канады. Правительство США одобрило проект резолюции, указав, что «планы, которые могут быть разработаны в этой области, имеют крупное потенциальное значение для США» [39].

Нетрудно видеть, что английское правительство, с одобрения США, вместо обсуждения вопросов о мобилизации сил для борьбы против врага обратило главное внимание на проблемы послевоенного устройства мира

---

[35] H. Boldwin. Great Mistakes of the War. London. 1950, p. 10.

[36] См. «New York Times», 24 июня 1941 г.; J. Grew. Ten Years in Japan. New York. 1944, p. 395.

[37] Участниками конференции были представители Англии, СССР, Бельгии, Чехословакии, Греции, Польши, Голландии, Норвегии, Югославии, Люксембурга и Свободной Франции («Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Т. I, стр. 163).

[38] «The Times», 25 сентября 1941 года.

[39] АВП СССР, ф. 0529, оп. 4, п. 78, д. 11, лл. 94—96.

в интересах обеспечения себе в будущем выгодных позиций. Советская делегация выступила против подобных предложений. Указав на согласие СССР с основными принципами «Атлантической хартии», в которых США и Англия заявляли, что они не стремятся к территориальным или другим приобретениям и уважают право всех народов свободно избирать себе форму правления, представитель Советского Союза вместе с тем подчеркнул необходимость быстрейшего полного разгрома фашистской Германии, мобилизации всех сил антигитлеровской коалиции для достижения победы над общим врагом. «Задача всех народов и всех государств, вынужденных вести навязанную им войну против гитлеровской Германии и ее союзников,— говорилось в декларации Советского правительства,— состоит в том, чтобы добиться скорейшего и решительного разгрома агрессоров, мобилизовать и отдать для наиболее полного решения этой задачи все свои силы, все свои средства» [40].

Считая главной задачей союзных держав мобилизацию всех сил для борьбы против Германии и ее союзников, правительство СССР заявляло, что в вопросе о послевоенном устройстве мира главным является международное сотрудничество больших и малых народов. В декларации подчеркивалось, что послевоенное сотрудничество может быть прочным только при условии уважения суверенных прав народов, права каждого народа на государственную независимость и территориальную неприкосновенность.

Советская делегация настойчиво добивалась объединения военных и экономических усилий Англии и Соединенных Штатов в борьбе против Германии.

После того, как правительства Англии и США заявили о своем присоединении к СССР, на стороне антифашистской коалиции оказалось бесспорное преимущество с точки зрения людских и материальных ресурсов. Но одного лишь этого преимущества было недостаточно для того, чтобы одержать победу над врагом. Кроме ресурсов, необходимы были еще желание мобилизовать эти ресурсы и умение правильно их расходовать.

Гитлеровская Германия пыталась сорвать сотрудничество Англии, США и Советского Союза. Фашистские правители, стремясь изолировать Советский Союз, утверждали, что совместные действия СССР, США и Англии против Германии невозможны потому, что коалиция состоит из разнородных государств, имеющих неодинаковый общественный, экономический и политический строй. Тезис о невозможности сотрудничества с социалистическим государством разделялся также некоторыми представителями империалистических кругов в Америке и Англии.

Однако Коммунистическая партия и Советское правительство считали, что разница в социально-экономическом строе государств, входящих в советско-англо-американскую коалицию, отнюдь не исключает возможность и целесообразность совместных действий членов этой коалиции против общего врага. Наоборот, обстановка повелительно диктовала необходимость совместных действий для того, чтобы избавить человечество от угрозы фашистского порабощения.

Наиболее дальновидные политические деятели США и Англии также считали, что сотрудничество с СССР является не только вполне возможным, но и необходимым, ибо в сложившихся условиях главная цель — оказание сопротивления германскому фашизму в его борьбе за мировое господство — оттесняла на задний план все политические противоречия. Доказывая это, влиятельный член палаты представителей демократ Вудрум говорил, что США должны эффективно помогать Советскому Союзу, невзирая на то, нравится кому-либо коммунизм или не нравится, так как Красная Армия оказалась единственной силой, способной выдержать

---

[40] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Т. I, стр. 162, 164.

натиск гитлеровских полчищ. Что же касается политической системы, продолжал Вудрум, «если России нравится коммунизм, то она имеет такое же право на свою форму правления, какое мы имеем на нашу».

Следует подчеркнуть, что движение за сотрудничество с СССР быстро ширилось как в Англии, так и в США; оно поддерживалось самыми широкими слоями населения. За союз с СССР выступали как трудящиеся массы, так и значительная часть представителей правящих кругов, трезво оценивавших угрозу со стороны германского фашизма. Исходя из жизненных интересов не только советского народа, но и народов всех свободолюбивых стран, Советское правительство приняло меры к тому, чтобы добиться заключения соглашений, направленных на мобилизацию сил союзных стран для борьбы против фашистской Германии. Большую роль в этом сыграла Московская конференция трех держав — СССР, США и Англии,— открывшаяся 27 сентября 1941 года.

Конференция была созвана с целью определения конкретных форм помощи Советскому Союзу со стороны США и Англии. Работа конференции продолжалась три дня. Ее участниками были обсуждены важнейшие вопросы, касающиеся положения на советско-германском фронте и сотрудничества трех великих держав в борьбе против общего врага. Характерно, что в первый день работы конференции при рассмотрении вопроса о возможностях предоставления военной помощи Советскому Союзу представители США и Англии внесли предложения иного характера. В частности, глава английской делегации лорд Бивербрук выразил готовность ввести английские войска в Закавказье с целью якобы предотвратить продвижение немецких войск на Ближний Восток в случае их успешного наступления на Кавказе. Гарриман предложил предоставить Соединенным Штатам ряд военно-воздушных баз в Сибири[41].

Вопрос о вводе англо-американских войск в Закавказье и Сибирь был поднят представителями западных держав не случайно. В это время в реакционных кругах США и Англии стали все настойчивее выдвигаться требования о том, чтобы использовать тяжелое положение Советского Союза для проникновения в его стратегически важные районы — Закавказье, Дальний Восток, Сибирь. «New York Herald Tribune» писала, что влиятельные американские политические стратеги настаивали на том, чтобы с Советским Союзом было заключено соглашение об уступке целого ряда авиационных баз, аналогичное тому, которое было заключено с Англией об уступке английских баз, находящихся в Западном полушарии[42]. Черчилль решительно выступил против того, чтобы прибалтийские республики после войны были в составе СССР[43].

Разговорами о «военной помощи» представители США и Англии на конференции пытались замаскировать аннексионистские планы, направленные на отторжение богатейших районов Советского Союза. Советское правительство отклонило предложение представителей США и Англии о вводе английских войск в Закавказье и предоставлении союзникам военно-воздушных баз в Сибири, справедливо при этом указав, что фронт находится далеко на западе, а не в Закавказье и Сибири.

Нельзя не отметить вместе с тем и тот факт, что английская делегация стремилась уклониться от помощи СССР и по крайней мере свести ее к минимуму. 30 августа 1941 г. Черчилль писал Бивербруку, что помощь русским следует осуществить почти исключительно за счет американских ресурсов, так как «мы не можем ее предоставить в большом масштабе до середины или до конца 1942 г., а в основном планы придется отнести к 1943 году. Ваша задача будет состоять в том, чтобы не только содействовать разработке планов оказания помощи России, но также обеспе-

---

[41] R. E. Sherwood. Roosevelt and Hopkins, p. 387—388.
[42] «New York Herald Tribune», 30 июня 1941 года.
[43] W. Churchill. Указ. соч. Т. 3, стр. 559.

чить, чтобы мы сами не были при этом обескровлены; и даже если вы окажетесь под влиянием атмосферы в России, то я здесь, в Англии, буду совершенно непреклонен»[44].

Германские политики, внимательно следившие за работой конференции, немедленно реагировали на вскрывшиеся разногласия. Гитлеровская пропаганда начала распространять версии о неизбежном провале конференции, пытаясь внести раскол между СССР, с одной стороны, и США и Англией — с другой. Однако предположения гитлеровцев не оправдались. Международная обстановка и собственные интересы США и Англии настоятельно требовали установления тесного сотрудничества с СССР для борьбы против общего врага. Советская делегация добилась принятия совместных решений, способствовавших укреплению антигитлеровской коалиции.

В принятых конференцией решениях предусматривалось оказание Советскому Союзу помощи вооружением и стратегическими материалами. Была разработана программа англо-американских поставок сроком на 9 месяцев — с 1 октября 1941 г. по 30 июня 1942 года. Со своей стороны Советское правительство обязалось предоставить США и Англии большое количество сырьевых материалов для производства вооружения[45]. Правительства США и Англии приняли свои обязательства, учитывая решительный отпор Советского Союза наступлению гитлеровских захватчиков и мощное движение английского и американского народов за оказание помощи СССР в борьбе против фашистской Германии. Московская конференция имела большое международное значение. Она явилась важной вехой в создании антигитлеровской коалиции.

Одновременно с упрочением сотрудничества с США и Англией усилия СССР были направлены на укрепление отношений с народами порабощенных гитлеровцами стран. Советский Союз всемерно поддерживал национально-освободительное движение в странах Европы и оказывал ему помощь. Такой прямой помощью была героическая борьба Советской Армии на фронте, а также проявляемые Советским государством полное бескорыстие, глубокое уважение принципов свободы и независимости народов, их национального суверенитета. Эта политика нашла свое наиболее яркое выражение в соглашениях, заключенных Советским Союзом с рядом европейских государств.

18 июля 1941 г. было подписано «Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Чехословацкой Республики». Советское правительство приняло на себя обязательства по оказанию всемерной помощи чехословацкому народу в его борьбе против немецко-фашистских оккупантов. 27 сентября 1941 г. Советский Союз заключил военное соглашение с Чехословацкой Республикой. На территории СССР был создан чехословацкий корпус, в ходе войны ставший ядром народной чехословацкой армии. Чехословацкие вооруженные силы были впервые признаны как силы воюющего государства. Народы Чехословакии получили реальную перспективу освобождения своей родины с помощью Советского Союза. 22 января 1942 г. Советское правительство заключило с правительством Чехословакии соглашение о займе, предоставляемом Советским Союзом на содержание чехословацких воинских частей на территории СССР[46]. 28 мая 1942 г. было подписано новое советско-чехословацкое соглашение о предоставлении правительством СССР правительству Чехословацкой республики денежных средств, материалов и обслуживания, необходимых для содер-

---

[44] Там же, стр. 403.

[45] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Т. I, стр. 175.

[46] Там же, стр. 134, 169, 216.

жания чехословацких воинских частей на территории СССР в период войны [47].

Огромную поддержку оказал Советский Союз польскому народу. 30 июля 1941 г. между правительством СССР и польским правительством в Лондоне было заключено соглашение о взаимной помощи и поддержке в войне против Германии и о согласии Советского правительства на формирование польских воинских частей на территории СССР [48]. Советско-польское соглашение открыло перед польским народом перспективу возрождения и восстановления национальной государственной независимости. 4 декабря 1941 г. в результате переговоров, происходивших между руководителями Советского правительства и представителями польского правительства, была опубликована «Декларация Правительства Советского Союза и Правительства Польской республики о дружбе и взаимной помощи». В декларации подчеркивалось, что оба государства окажут друг другу во время войны полную военную помощь, а войска Польской республики, расположенные на территории Советского Союза, будут вести войну с немецкими захватчиками рука об руку с советскими войсками [49]. Вскоре после заключения польско-советского соглашения, в августе 1941 г., было подписано военное соглашение между Верховным Главным командованием СССР и Верховным командованием Польши. В соответствии с этим соглашением сразу же было приступлено к формированию на территории СССР польской армии численностью в 30 тыс. человек. Всемерно содействуя польскому командованию в проведении мероприятий, связанных с формированием и содержанием польской армии, Советское правительство предоставило польскому правительству беспроцентный заем в сумме 65 млн. руб., который после первого января 1942 г. был увеличен до 300 млн. рублей [50].

27 сентября 1941 г. Советское правительство заявило о своей готовности оказать свободолюбивому французскому народу всестороннюю помощь и содействие в общей борьбе с гитлеровской Германией и ее сателлитами. Вместе с тем Советское правительство подчеркнуло свою твердую решимость после достижения победы над германским фашизмом содействовать полному восстановлению независимости и величия Франции [51].

Героическая борьба Советской Армии и внешнеполитические акты Советского Союза способствовали сплочению свободолюбивых народов в едином фронте борьбы против фашизма, укрепляли антигитлеровскую коалицию. Свидетельством этого явилось усиление национально-освободительного движения в оккупированных гитлеровцами странах Европы. Для войны с фашистскими захватчиками Польская рабочая партия создала военную организацию — Гвардию Людову, на которую была возложена задача разрушения дорог, дезорганизации подвоза вооружения, войск врага на фронт, уничтожения военных объектов и предприятий, ликвидации полицейских отрядов и гитлеровской администрации. К концу 1942 г. Гвардия Людова стала представлять значительную силу в борьбе с гитлеровскими захватчиками. Развертывалась и национально-освободительная борьба чехословацкого народа.

Крепла и ширилась борьба французского народа против немецко-фашистского ига. Трудящиеся развернули саботаж на предприятиях, работавших на германскую армию. Рабочие срывали выполнение военных заказов, приводили в негодность оружие, военное оборудование. Увеличилось количество диверсий на железных дорогах. Под влиянием героической борьбы советского народа ширился фронт вооруженного

---

[47] Там же, стр. 383—384.
[48] Там же, стр. 137—138.
[49] Там же, стр. 192.
[50] Там же, стр. 146, 348, 349.
[51] Там же, стр. 168.

сопротивления гитлеровцам во Франции. После 22 июня 1941 г. на всей территории страны начали создаваться партизанские отряды.

Исключительную стойкость и героизм в борьбе против немецко-фашистских захватчиков проявили народы Югославии, Албании. Наряду с польским, чехословацким, французским, югославским народами поднимались на борьбу за национальное освобождение патриоты Греции, Норвегии, Дании, Бельгии, Голландии. Борьба европейских народных масс под руководством коммунистических партий против гитлеровской Германии, за независимость и национальный суверенитет своих стран являлась большой поддержкой Советскому Союзу. Рост национально-освободительного движения народов Европы и поддержка народами Англии и Америки Советского Союза в его борьбе против фашистских агрессоров свидетельствовали о расширении и укреплении международного антифашистского фронта.

Когда были достигнуты первые серьезные успехи на пути создания антигитлеровской коалиции, одна из важнейших внешнеполитических задач Советского Союза заключалась в том, чтобы добиться быстрейшего открытия второго фронта в Европе. Для этого уже в 1941—1942 гг. были все необходимые условия. Прежде всего вооруженные силы СССР разгромили немецко-фашистские войска под Москвой. Битва под Москвой явилась решающим событием первого года Великой Отечественной войны и первым крупным поражением Германии во второй мировой войне. Менее чем за полтора месяца боев (с 6 декабря по 15 января) гитлеровская армия потеряла около 300 тыс. человек убитыми. В ходе наступления зимой 1941—1942 г. советские войска продвинулись на запад местами более чем на 400 километров. Битва под Москвой развеяла миф о непобедимости германской армии и доказала несостоятельность расчетов реакционных кругов США и Англии на поражение СССР в войне с Германией. Победы Советской Армии под Москвой, Ростовом, Тихвином показали народам всего мира, что фашистская армия будет разбита тем быстрее, чем скорее свободолюбивые народы объединят свои усилия в борьбе против общего врага.

Однако политика Советского Союза, направленная на скорейший разгром врага путем создания мощной антигитлеровской коалиции и открытия второго фронта в Западной Европе, не встречала поддержки со стороны правительств Англии и США.

Еще в первые дни войны, 18 июля 1941 г., глава Советского правительства И. В. Сталин в личном послании У. Черчиллю поставил вопрос о настоятельной необходимости создания второго фронта против Германии. Он писал, что «военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика). Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию». Далее И. В. Сталин подчеркивал, что «легче всего создать такой фронт именно теперь, когда силы Гитлера отвлечены на Восток и когда Гитлер еще не успел закрепить за собой занятые на Востоке позиции» [52].

Спустя три дня Черчилль отклонил предложение Советского правительства об открытии второго фронта, заявив, что Англия не имеет сил для проведения такой операции. В то же время он всячески стремился

---

[52] «Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Т. I, стр. 11.

преувеличить силы Германии на Западе, пытался доказать невозможность преодоления немецких укреплений на севере Франции [53].

В сентябре 1941 г., когда положение на советско-германском фронте стало особенно тяжелым, Советское правительство еще раз поставило вопрос о необходимости открытия второго фронта. 3 сентября И. В. Сталин, обращаясь к Черчиллю, указывал, что положение советских войск за последнее время значительно ухудшилось: враг оказался у ворот Ленинграда, оккупировал больше половины Украины. Немецкие войска продолжали наступление; на Восточный фронт было переброшено дополнительно около 34 свежих дивизий, громадное количество танков и самолетов; активизировали свои действия 20 финских и 26 румынских дивизий. Это обусловливалось в значительной мере отсутствием второго фронта на Западе. «Немцы, — заявлял И. В. Сталин, — считают опасность на Западе блефом и безнаказанно перебрасывают с Запада все свои силы на Восток, будучи убеждены, что никакого второго фронта на Западе нет и не будет». В этих условиях необходимо, подчеркивал И. В. Сталин, как можно быстрее, еще в 1941 г., открыть второй фронт, чтобы облегчить положение на советско-германском фронте, оттянув с него 30—40 германских дивизий [54].

6 сентября Черчилль в своем послании на имя И. В. Сталина вновь отклонил предложение Советского правительства о втором фронте, заявив, что «в настоящее время нет никакой возможности осуществить такую британскую акцию на Западе (кроме акции в воздухе), которая позволила бы до зимы отвлечь германские силы с восточного фронта». Более того, в этом послании глава английского правительства поставил под сомнение вопрос об открытии второго фронта не только в 1941, но и в 1942 г., заявив, что готовность британской армии для вторжения на европейский континент в 1942 г. будет зависеть от событий, которые трудно предвидеть [55].

Каково же было положение на самом деле? Действительно ли Англия не имела сил для военных действий на Западе? Как признает в своих мемуарах Черчилль, Англия к сентябрю 1941 г. имела на Британских островах свыше 2 млн. солдат. Кроме того, 1½ млн. насчитывалось в частях местной самообороны, 750 тыс. — в военно-воздушных силах и полмиллиона — во флоте, в водах метрополии. Такая армия, очевидно, имела возможность предпринять наступательные операции на Западе, особенно, если учесть силу английского флота и авиации, занятость подавляющего большинства немецких дивизий на Восточном фронте, слабость и немногочисленность гитлеровских войск во Франции. Тем не менее английская армия не принимала активного участия в борьбе с Германией, а генеральный штаб Англии занимался разработкой планов «большой стратегии». Возможность открытия второго фронта признавалась в то время многими государственными деятелями Англии. Так, лорд Бивербрук, возвратясь из Москвы в октябре 1941 г., писал, что открытие второго фронта вполне возможно, хотя начальники штабов всячески выступают против этого, выдвигая множество причин. «Чистая нелепость,— не без основания заявлял он,— утверждать, будто мы ничего не можем сделать для России. Мы можем сделать, если решим отказаться от планов дальней стратегии» [56].

Наряду с затягиванием открытия второго фронта не выполнялись также полностью обязательства и по поставкам Советскому Союзу. Как указывалось выше, на Московском совещании в сентябре 1941 г. между СССР, США и Англией было заключено соглашение об оказании помощи

---

[53] Там же, стр. 12.
[54] Там же, стр. 19.
[55] Там же, стр. 20, 21.
[56] См. R. E. Sherwood. The White House papers of H. Hopkins. Vol. I, p. 396.

Советскому Союзу. Через несколько дней после этого был подписан протокол о поставках СССР на ближайшие 9 месяцев, согласно которому США обязались передавать Советскому Союзу каждый месяц определенное количество военного снаряжения. Однако доставка грузов в СССР непрерывно падала. Даже в январе и феврале 1942 г., когда произошло небольшое увеличение поставок, все же их количество не составляло и половины того, что союзники должны были поставить согласно своим обязательствам [57]. Говоря об англо-американских поставках, американский военный атташе в СССР в годы войны генерал Дин в своей книге «Странный союз» признает, что поставки военных материалов из США и Англии в Советский Союз в конце 1941 г. и начале 1942 г. «были разочаровывающе малыми» [58].

В то же время в США и Англии быстро развертывалось военное производство, особенно после вступления в декабре 1941 г. в войну Соединенных Штатов. Уже в первом полугодии 1942 г. объем американской военной продукции превысил объем военной продукции за весь 1941 год [59]. К августу 1942 г., как заявил помощник военного министра Соединенных Штатов Паттерсон, производство самолетов в США превысило производство самолетов в Германии, Италии и Японии, вместе взятых [60]. Увеличилась и военная мощь Великобритании. В конце 1942 г. Англия по производству самолетов обогнала Германию, а по производству танков почти догнала ее [61].

Быстро наращивая свою военную мощь, империалистические круги США и Англии не использовали ее полностью против фашистской Германии в самое тяжелое для нашей страны время, проводя, по существу, политику выжидания и проволочек. Такая политика, естественно, не отвечала жизненным интересам американского и английского народов. Против нее активно выступили трудящиеся массы. Несостоятельность такой политики понимали многие представители господствующих классов. Так, начальник генерального штаба США генерал Маршалл заявил в сентябре 1941 г. английским высшим офицерам, что войну не выиграешь одним выжиданием и Германию нельзя разбить, не предпринимая наступательных действий; германскую армию можно уничтожить только в открытом бою [62].

Позиция правящих классов Соединенных Штатов в отношении помощи Советскому Союзу нашла свое выражение во время обсуждения в палате представителей в начале октября 1941 г. вопроса о дополнительных ассигнованиях на проведение закона о передаче в аренду или взаймы вооружения воюющим странам. Когда депутат Рич внес поправку к законопроекту, запрещающую использовать ассигнуемые средства для оказания помощи Советскому Союзу, то вокруг этой поправки развернулись оживленные прения. Почти все выступавшие высказались против какого бы то ни было ограничения помощи Советскому Союзу. Отвечая Ричу, Вудрум говорил, что он хотел бы, чтобы все ассигнуемые средства на проведение закона могли быть использованы для оказания помощи СССР [63]. «Хотим мы этого или нет, но мы должны признать, что находимся в долгу перед Россией,— заявил демократ Фаддис,— и наша обязанность — помочь ей» [64].

Небезынтересно отметить, что при обсуждении этого вопроса

---

[57] М. Мэтлофф и Э. Снелл. Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941—1942 гг. М. 1955, стр. 239.

[58] D. Dean. The Strange Alliance. New York. 1947, p. 89.

[59] «Правда», 13 апреля 1942 года

[60] АВП СССР, ф. 0529, оп. 5, д. 26, п. 112, л. 72.

[61] Журнал «Мировое хозяйство и мировая политика», 1942, № 8, стр. 29.

[62] О. Брэдли. Записки солдата. М. 1957, стр. 207.

[63] «Congressional Record, 77th Congress, I Session». Vol. 87, part 7, p.7811.

[64] Там же, стр. 7821.

в комиссии по ассигнованиям палаты представителей аналогичную позицию занял и ряд официальных высокопоставленных лиц. Генерал Маршалл 29 сентября призвал оказать помощь СССР. Уполномоченный по проведению в жизнь закона о ленд-лизе Стеттиниус, выступая на заседании комиссии 23 сентября, решительно высказался против исключения Советского Союза из программы помощи на основе закона о передаче взаймы или в аренду вооружения [65]. За распространение закона о ленд-лизе на СССР высказались и члены сената. Председатель сенатской финансовой комиссии Джордж призвал оказывать помощь любой стране, которая в настоящее время оказывает сопротивление державам оси. Сенатор Мэррей заявил: «Было бы абсурдом отказать в предоставлении Советскому Союзу помощи на основе закона о передаче взаймы или в аренду вооружения. Русские оказали самую большую услугу делу защиты демократии, какая была оказана в этой войне. Для США было бы преступным воздерживаться от предоставления максимально возможной помощи Советскому Союзу».

Следует отметить, что на отношение американского правительства к Советскому Союзу определенное влияние оказало пребывание в Москве членов американской делегации во главе с Гарриманом. Так же, как Гопкинс, члены миссии Гарримана, познакомясь с положением дел Советского Союза на месте, пришли к убеждению, что Советский Союз сможет выдержать длительную войну. «Нет никаких сомнений,— заявил Гарриман,— в решимости русского правительства и в его намерении бороться до конца, а также в его вере в конечную победу». «На американскую делегацию,— свидетельствует принимавший участие в Московской конференции генерал-лейтенант Бэрнс,— большое впечатление произвела твердая решимость русских и их способность вести войну на суше, море и в воздухе... Русские располагают хорошими рабочими кадрами, хорошей военной организацией и хорошей государственной организацией — этими тремя важнейшими факторами в войне» [66]. Другой член делегации, представитель американского военного командования Батт, признал, что, направляясь в Москву, он, как и многие американцы, считал нецелесообразным передавать Советскому Союзу вооружение. Однако после посещения Москвы его мнение коренным образом изменилось. Он убедился, что Советская Армия оказывает мужественное сопротивление врагу и советский народ полон решимости довести войну до конца. Поэтому правительство США, заявил Батт, должно оказать Советскому Союзу всемерную помощь, передать ему необходимое вооружение и материалы в наиболее крупных размерах и в самое короткое время [67].

Все эти выступления свидетельствовали о том, что правящие круги США учитывали непосредственную связь между военными действиями на советско-германском фронте и вопросами безопасности американского континента. Президент Рузвельт в послании конгрессу 16 сентября 1941 г. писал, что США оказывают помощь СССР не в порядке сочувствия, а «в качестве средства обороны Америки» [68].

10 октября палата представителей США большинством в 162 голоса против 21 отвергла антисоветское предложение Рича. Спустя некоторое время правительство Соединенных Штатов официально объявило о распространении закона о ленд-лизе на Советский Союз. 7 ноября была опубликована декларация Рузвельта, в которой заявлялось, что «защита Союза Советских Социалистических Республик является жизненной для защиты Соединенных Штатов», и Стеттиниусу предлагалось «передавать

---

[65] Там же, стр. 7762—7763.
[66] АВП СССР, ф. 0529, оп. 4, д. 14, п. 81, лл. 2, 43.
[67] Там же, д. 16, п. 83, л. 26.
[68] См. «Правда», 17 сентября 1941 года.

Советскому Союзу материалы, необходимые для обороны на основании закона о ленд-лизе»[69].

Усиливалось недовольство и политикой правительства Великобритании среди различных слоев английского народа. Даже буржуазная газета «Daily Mirror» 12 октября 1941 г. писала, что английский народ начинает испытывать огромное беспокойство, отражающее растущее недовольство отсутствием инициативы у правительства. Газета замечала, что в подобном состоянии, когда тысячи англичан обеспокоены тяжелым положением России, народ не может удовлетворяться обнадеживающими речами и красивыми фразами. С требованием усилить помощь Советскому Союзу выступали не только рабочие, но и представители правящих кругов. Видный представитель лейбористской партии Шинуэлл в речи 11 октября 1941 г. в Торнлее призвал правительство Черчилля усилить помощь Советскому Союзу. Шинуэлл заявил, что эта помощь до сих пор была крайне недостаточной для того, «чтобы облегчить положение нашего союзника и наше собственное положение»[70].

Все громче раздавался голос английских трудящихся, требовавших от правительства решительных действий против фашистской Германии. 23 октября представители десяти крупнейших промышленных предприятий Лондона посетили Черчилля. Во врученной премьеру резолюции рабочие Лондона указывали, что английское правительство не использует возможности, создавшейся в связи с героической борьбой советского народа, чтобы нанести врагу удар с запада; они решительно настаивали на принятии немедленных мер для открытия второго фронта[71].

26 октября 1941 г. десятки тысяч людей, собравшись на митинг в Трафальгар-сквере, потребовали от правительства полного выполнения обещаний, данных Советскому Союзу[72]. Недовольство английского общественного мнения бездеятельностью правительства Черчилля в военном отношении нашло свое выражение в том, что в конце октября вопрос о втором фронте был поставлен на обсуждение в палате лордов.

В это же время в Англии развернулось широкое движение за удаление из правительства министров-мюнхенцев. Английские трудящиеся, с огромным вниманием следившие за героической борьбой советского народа, давали отпор любому антисоветскому выступлению. Когда, например, антисоветское заявление министра авиационной промышленности Мур-Брабазона было предано гласности на съезде конгресса тред-юнионов в сентябре 1941 г., негодование было настолько сильным, как свидетельствует даже американский буржуазный историк Макнейл, что Черчилль вынужден был выступить в парламенте специально по этому вопросу, пытаясь взять под защиту Мур-Брабазона[73]. Требования о пресечении деятельности мюнхенцев звучали на рабочих митингах, демонстрациях, в выступлениях политических деятелей. Председатель Северо-Уэльской либеральной федерации, выступая 25 октября на ежегодном собрании, заявил: «Нельзя допустить, чтобы английский посол в США информировал наших врагов о том, что мы не намерены предпринимать никакого вторжения на континент. Галифакс должен быть удален». «Необходимо удалить реакционные элементы из правительства,— заявил в тот же день в Кембридже Шинуэлл.— Если руководители правительства не произведут поспешно необходимого изменения, то страна потребует нового руководства»[74]. Под давлением общественного мнения Черчилль вынужден был удалить из правительства Мур-Брабазона.

---

[69] «Documents on American Foreign Relations. July 1941 — June 1942». Vol. IV Boston. 1942, p. 607.
[70] АВП СССР, ф. 056, оп. 12, пор. 15, п. 4, л. 258.
[71] Там же, ф. 0529, оп. 4, д. 15, п. 22, л. 16.
[72] «Daily Worker», 27 октября 1941 года.
[73] W. H. McNeill. Указ. соч., стр. 51.
[74] АВП СССР, ф. 0529, оп. 4, д. 15, п. 82, л. 48.

С конца 1941 г., после разгрома гитлеровских войск под Москвой, борьба трудящихся Англии за оказание максимальной помощи Советскому Союзу и открытие второго фронта особенно усилилась. Характерной чертой борьбы английского народа на данном этапе явилось то, что она приняла более массовый характер, объединила широкие слои населения. 16 декабря 1941 г. в Лондоне состоялся день сбора средств в фонд помощи СССР, превратившийся в мощную демонстрацию солидарности английского народа с Советским Союзом [75]. Оценивая развернувшееся в Англии массовое движение за союз с СССР, руководитель Коммунистической партии Гарри Поллит писал в январе 1942 г.: «Успешные наступательные действия советских войск подняли по всей Англии такое массовое движение солидарности, которое действительно является выдающимся по своему характеру» [76].

По всей стране проходили многотысячные митинги, демонстрации, на которых английский народ выражал свою твердую уверенность в победе Советской Армии и требовал от правительства немедленного открытия второго фронта. Рабочие повышали производительность труда, стремились выпустить как можно больше вооружения для разгрома фашизма. Особенно значительно увеличилась производительность труда на заводах, выполнявших военные заказы для Советского Союза. В движение за открытие второго фронта включился рядовой состав английской армии. 24 мая 1942 г. в Лондоне состоялся массовый митинг, в котором приняли участие солдаты, моряки, летчики. Выступавшие заявляли, что английские солдаты горят желанием сражаться с врагом и что они должны это сделать «не только ради русских, но и ради самих себя» [77]. Митинг единодушно принял резолюцию с требованием немедленно открыть второй фронт. В тот же день вечером в Трафальгар-сквере состоялась организованная Коммунистической партией многотысячная демонстрация солидарности с Советским Союзом. Эта демонстрация была наиболее многочисленной из всех, когда-либо проходивших в Лондоне [78]. 25 тыс. трудящихся Глазго собрались на митинг, чтобы продемонстрировать свою солидарность с героическим советским народом. В последних числах мая многочисленные митинги под лозунгом «За немедленное открытие второго фронта» состоялись в Ковентри, Эдинбурге [79].

Наряду с движением английских трудящихся большого размаха достигла и борьба американского народа. 28 апреля 1942 г. в Филадельфии состоялся многотысячный митинг, участники которого единогласно требовали немедленного открытия второго фронта с целью скорейшего окончания войны [80]. К борьбе американских трудящихся за поддержку Советского Союза присоединились солдаты, моряки. В апреле 1942 г. состоялся митинг нью-йоркских моряков, прошедший под лозунгом немедленного открытия второго фронта. Со всех концов Соединенных Штатов правительство получало тысячи резолюций, писем, петиций, в которых американцы заявляли о своем непреклонном желании помочь советскому народу путем открытия второго фронта в Европе. 30 тыс. рабочих автомобильной промышленности Детройта направили президенту резолюцию с требованием немедленно открыть второй фронт. В резолюции подчеркивалось, что англо-американские войска готовы к вторжению в Европу [81]. Аналогичную резолюцию направили рабочие промышленных предприятий Чикаго. В мае 1942 г. 25 тыс. рабочих машиностроительной

---

[75] См. «Правда», 20 декабря 1941 года

[76] H. Pollit. The Communist Party and the Fight for Unity. «Labour monthly», 1942, vol. 24, № 1. p. 15.

[77] АВП СССР, ф. 0529, оп. 5, д. 15, п. 101, л. 1.

[78] «Daily Worker», 26 мая 1942 года.

[79] АВП СССР, ф. 0529, оп. 5, д. 16, п. 102, л. 57.

[80] См. «Правда», 29 апреля 1942 года.

[81] «Daily Worker», 19 и 20 апреля 1942 года.

промышленности и 20 тыс. рабочих-судостроителей передали правительству петицию, требуя не затягивать далее открытие второго фронта [82].

Зимой 1941—1942 гг., в обстановке серьезных успехов Советской Армии и усилившегося движения народов Англии и США за укрепление сотрудничества с СССР, Советское правительство предприняло ряд важнейших дипломатических шагов с целью дальнейшего упрочения антигитлеровской коалиции и всестороннего использования ее материальных и людских ресурсов в борьбе против фашистской Германии. Необходимо было добиться заключения с правительствами США и Англии конкретных соглашений по вопросу об открытии второго фронта в Европе, о дальнейшем сотрудничестве между союзными государствами в их борьбе против общего врага. Еще 8 ноября 1941 г. И. В. Сталин в личном послании Черчиллю писал о необходимости внесения ясности во взаимоотношения между СССР и Великобританией путем заключения договора по вопросу взаимной военной помощи, целей войны и послевоенного устройства мира. «Пока не будет договоренности по этим двум главным вопросам,— говорилось в послании,— не только не будет ясности в англо-советских взаимоотношениях, но, если говорить совершенно откровенно, не обеспечено и взаимное доверие. Конечно, имеющаяся договоренность по вопросу о военном снабжении Советского Союза имеет большое положительное значение, но это не решает дела и далеко не исчерпывает вопроса о взаимоотношениях между нашими странами» [83].

Между правительствами СССР и Англии велись переговоры о заключении договора. В результате переговоров 26 мая 1942 г. в Лондоне был подписан договор между СССР и Великобританией о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны. Англо-советский договор был продиктован стремлением к тесному сотрудничеству обоих народов. В первой части соглашения определялись взаимоотношения СССР и Великобритании в период войны, а во второй — в послевоенный период, формулировались основные принципы сотрудничества СССР и Великобритании после войны.

В договоре подчеркивалось, что обе стороны «...обязуются не вступать ни в какие переговоры с гитлеровским правительством или любым другим правительством в Германии, которое ясно не откажется от всех агрессивных намерений, и не вести переговоров или не заключать перемирия или мирного договора с Германией или любым другим государством, связанным с ней в актах агрессии в Европе, иначе, как по взаимному согласию» [84]. В договоре говорилось, что обе страны обязуются не стремиться к территориальным приобретениям для самих себя и не вмешиваться во внутренние дела других государств. Договор предусматривал принятие СССР и Англией в послевоенный период совместных мер для предотвращения новой агрессии со стороны Германии или любого из государств, связанного с ней в актах агрессии в Европе. В целях сохранения безопасности в Европе Советский Союз и Англия обязались оказывать друг другу взаимную военную помощь и содействие в том случае, если одна из сторон подвергнется агрессии со стороны Германии. В договоре предусматривалось, что его участники обязуются не заключать никаких союзов и не принимать участия ни в каких коалициях, направленных против одной из сторон.

Наряду с заключением договора в переговорах было уделено большое внимание самой актуальной проблеме ведения войны против гитле-

---

[82] «Daily Worker», 20 мая 1942 года.

[83] «Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Т. I, стр. 31.

[84] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Т. I, стр. 271—272.

ровской Германии — вопросу об открытии второго фронта в Европе. При переговорах была достигнута полная договоренность об открытии второго фронта в Европе в 1942 году [85]. Заключение англо-советского договора было крупным успехом Советского Союза, боровшегося за расширение антифашистской коалиции и сплочение всех сил свободолюбивых народов для разгрома врага. Оно явилось новым ударом по гитлеровским планам международной изоляции Советского Союза.

Во время пребывания в Лондоне народный комиссар иностранных дел СССР вел переговоры с председателем французского национального комитета генералом де Голлем. В ходе этих переговоров представитель Советского правительства, подчеркнув роль французского народа в общей борьбе против фашистской Германии, подтвердил желание СССР «видеть Францию свободной и способной вновь занять в Европе и в мире свое место великой демократической антигитлеровской державы» [86].

После заключения договора с Англией 11 июня 1942 г. в Вашингтоне было подписано соглашение между СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии [87]. Советско-американское соглашение исходило из признания факта сотрудничества Советского Союза и США в войне против гитлеровской Германии и устанавливало согласованность действий между обеими странами в послевоенный период. Кроме того, правительство США, как и правительство Англии, дало обязательство открыть второй фронт в Европе в 1942 году.

Все свободолюбивые народы приветствовали заключение англо-советского договора и советско-американского соглашения. Многочисленные собрания, митинги, состоявшиеся в различных городах Англии в июне — июле 1942 г. и вылившиеся в мощную демонстрацию единства, солидарности и дружбы с советским народом, были ответом трудящихся Англии на заключение договора. На следующий день после опубликования в газетах текста соглашения рабочие одного из крупнейших английских авиационных предприятий, Хэндли-Пейдж, организовали митинг, на котором приветствовали заключение англо-советского договора. Участники митинга обязались оказать полную поддержку осуществлению этого дипломатического акта и «в первую очередь открытию второго фронта в Европе» [88]. 21 июня в Барсли состоялся массовый митинг угольщиков графства Йорк. Шахтеры, единодушно одобрив заключение договора, дали обязательство приложить все силы, чтобы обеспечить максимальный выпуск продукции для открытия второго фронта. В тот же день более чем 40 тыс. трудящихся Бирмингама продемонстрировали свою солидарность с Советским Союзом. Митинг принял резолюцию, приветствовавшую подписание договора и призывавшую английское правительство немедленно выполнить обязательство об открытии второго фронта [89]. Семидесятитысячная демонстрация состоялась в конце июля в Трафальгар-сквере. Трудящиеся Лондона дали обязательство удвоить свою энергию для скорейшего открытия второго фронта [90].

В течение всего июня и начала июля 1942 г. рабочие многочисленных предприятий Англии на митингах и собраниях продолжали выносить резолюции с одобрением англо-советского договора и обязательствами увеличить выпуск продукции, чтобы содействовать быстрейшему открытию второго фронта. В одной из таких резолюций, принятой рабочими авиационного завода, говорилось: «Мы заверяем наших товарищей в Красной

[85] Там же, стр. 284.
[86] Там же, стр. 303.
[87] Там же, стр. 277—282.
[88] АВП СССР, ф. 0529, оп. 5, д. 17, п. 103, л. 62.
[89] Там же, д. 18, п. 104, л. 46.
[90] См. «Правда», 2 августа 1942 года.

Армии и в английской армии, что мы, английские рабочие, не подведем их и со своих предприятий нанесем удар по врагу»[91].

Рабочие, служащие, студенты направляли Черчиллю десятки тысяч писем, телеграмм, резолюций, требуя прекратить политику саботажа второго фронта. В одной из резолюций, врученной Черчиллю делегацией, представлявшей 150 тыс. лондонских рабочих, указывалось: «Гитлера можно разбить быстрее на двух фронтах Европы, и мы готовы на все жертвы, которые потребует второй фронт. Мы не можем более допускать, чтобы Советский Союз один нес все жертвы. Мы требуем действий»[92].

Американский народ, так же как и английский, с большим воодушевлением приветствовал заключение соглашения между СССР и США. В июне 1942 г. 500 тыс. рабочих Нью-Йорка вышли на улицу, демонстрируя свою солидарность с Советским Союзом. Двадцатипятитысячная демонстрация под лозунгом «За немедленное открытие второго фронта» состоялась в июле в Медисон-сквере[93]. В августе 75 тыс. демонстрантов вновь шли по улицам Нью-Йорка, требуя открытия второго фронта[94].

Активно выступили за открытие второго фронта моряки и солдаты. В письме к Рузвельту моряки одного пароходства писали: «Дальнейшее промедление грозит катастрофой. Мы выполним свой долг, мы поведем свои суда, несмотря на бомбы и торпеды, к берегам противника». Выражая мнение солдат, военная газета «Yank» писала: «Мы думаем, что настало время задать весьма простой вопрос: «Когда мы будем воевать?»[95].

Поддержка английским и американским народами Советского Союза явилась одним из важнейших факторов, способствовавших укреплению антигитлеровской коалиции. Результаты переговоров СССР с Англией и США свидетельствовали об укреплении международного положения Советского Союза, о росте его авторитета среди свободолюбивых народов всего мира. Героическая борьба Советской Армии против гитлеровской Германии и дальновидная советская внешняя политика привели к тому, что к середине 1942 г. создание антигитлеровской коалиции во главе с СССР, США и Англией было завершено и оформлено договором с Англией и соглашением с США.

Таким образом, образование антигитлеровской коалиции, как видно из анализа всего хода событий, не было результатом случайного стечения обстоятельств. Эта коалиция возникла в результате объективной необходимости и развития исторических событий. Возникновение коалиции явилось убедительным свидетельством правильности и прозорливости внешней политики Советского государства накануне второй мировой войны, направленной на создание системы коллективной безопасности, на создание единого фронта против агрессоров. В ней были заинтересованы США и Англия не меньше, чем Советский Союз.

Образование и укрепление в ходе войны антигитлеровской коалиции подтвердили правильность научного положения В. И. Ленина о возможности международного сотрудничества государств с различными социально-экономическими системами. Различие экономических систем СССР, США и Англии не помешало этим странам объединиться и сотрудничать в борьбе против общего врага.

---

[91] АВП СССР, ф. 0529, оп. 5, д. 18, п. 104, л. 65.
[92] См. «Правда», 16 августа 1942 года.
[93] «Daily Worker», 31 июля 1942 года.
[94] См. «Правда», 10 августа 1942 года.
[95] См. «Правда», 19 и 22 августа 1942 года.

СООБЩЕНИЯ

«ИСТИННАЯ СИСТЕМА» ДЕШАНА

Академик В. П. Волгин

Следы влияния коммунистических представлений, черты сочувствия — более или менее глубокого — коммунистическим порядкам можно найти у весьма далеких друг от друга представителей общественной мысли XVIII века. Мы можем отметить несомненный интерес к коммунизму, а иногда и подлинные хвалебные гимны ему у одного из величайших французских просветителей XVIII в.— Дидро. Исчерпывающий обзор литературных произведений, отражающих в той или иной мере коммунистические идеи, попытался дать А. Лихтанберже в своей книге «Le socialisme au XVIII siécle». В громадном материале, собранном Лихтанберже, многое имеет лишь весьма отдаленное отношение к коммунизму в точном смысле этого слова, многое имеет для истории общественной мысли лишь третьестепенное значение. Тем не менее не подлежит спору, что коммунистические идеи распространялись в XVIII в. самыми разнообразными путями.

В настоящей статье я хотел бы привлечь внимание читателей к учению одного из наименее известных представителей утопического коммунизма XVIII в.— Дешана (Dom Deschamps. 1716—1774). Произведения Дешана отличаются значительным своеобразием и исключительной резкостью и смелостью в анализе социальных отношений и в изображении будущего общественного порядка. В XVIII в. были изданы лишь наименее значительные его произведения, которые, будучи направлены против основных положений просветительной философии, не вызвали к себе большого интереса. Внимания историка заслуживает та часть его литературного наследия, которая была известна в рукописях лишь небольшому кругу читателей (в том числе Дидро) и которая была опубликована лишь много лет спустя [1].

★

Бенедиктинский монах Дешан строит свою социальную систему на основе весьма оригинальной системы «метафизической». «Метафизика» Дешана резко отличается от господствовавшей в XVIII в. просветительной философии. В ней чувствуется явственный отпечаток религиозных традиций и схоластической методологии. Хотя Дешан и приходит в конце концов к выводам атеистическим и материалистическим, его построение стоит в непримиримом противоречии с эмпиризмом и сенсуализмом просветителей и зачастую напоминает о символах христианской теологии.

Сущее в мировоззрении Дешана триедино. Физическая природа — то, что может быть больше или меньше. Вещи, взятые в их раздельном виде и постигаемые в их бесконечном разнообразии через наши чувства, составляют один аспект бытия, но вопреки философам-просветителям — не единственный аспект. Природа существует так же как целое,

[1] E. Beaussire. Antécédents de l'hégélianisme dans la philosophie française. Dom Deschamps, son système et son école. Paris. 1865; «Dom Deschamps. Le vrai système ou le mot de l'énigme mètaphysique et morale» publié par G. Thomas et F. Venturi. Paris, 1939.

как сумма существующего, как логический синтез вещей, объемлющий и проникающий их. Этот второй, метафизический аспект сущего, неотъемлемый от аспекта физического, Дешан именует Целое (le Tout). Отдельные вещи — части универсального единства, которое люди называют природой, миром, материей [2]. Чувственная реальность и le Tout недостаточны, однако, с точки зрения Дешана, для полного постижения бытия. Трудно понять необходимость третьего аспекта сущего, появляющегося в философии Дешана в результате весьма сложного и весьма схоластического рассуждения. Le Tout, охватывая совокупность чувственных вещей, существует только в отношении с ними во времени и пространстве. Это — понятие иной природы, чем природа его частей. Оно недоступно чувственному восприятию, оно умопостигаемо. Но умственно постижима также форма бытия, не связанная ни с чем относительным, совершенно абсолютная. Для такой формы Дешан вводит термин Все (Tout). Tout существует само по себе и в себе. В отличие от le Tout оно бесконечно (infini). Оно является понятием чисто негативным. Tout отрицает le Tout и чувственное физическое бытие, будучи в то же время с ними неразрывно связано и отрицанием их утверждая. В то же время как отрицание оно совпадает с понятием небытия (Rien) [3]. В отличие от позитивного le Tout отрицательное Tout бесконечно и вечно. Отец, Сын и Святой Дух, говорит Дешан, три мифологических, созданных суеверием формы, соответствующие трем аспектам реального бытия.

В мире нет ничего чудесного, сверхъестественного, утверждает Дешан. Та или иная вещь может казаться нам необычной. Но она всегда является необходимым результатом некоторых необходимых причин, существующих в природе, хотя и скрытых (более или менее) от нас. «Абсурдному» представлению о предопределении Дешан противопоставляет «истинную» идею необходимости. В человеческой природе нет ничего метафизического, что не было бы общим у нее со всяким другим бытием. Различие между человеком и другими живыми существами отнюдь не свидетельствует о его иной природе. Идея нетелесной души и идея ее бессмертия отвергаются Дешаном. Рождение, жизнь и смерть человека — естественная последовательность явлений, существующая в природе, где все начинается, продолжается и заканчивается, чтобы затем воспроизвести себя в других формах, в различных окружающих телах. Отдельные части человека существовали в прошлом в другой форме, точно так же в другой форме будут они существовать и в будущем. В форме человека они прекращают свое существование [4]. Это будущее должно иметь для нас так же мало значения, как имело предшествовавшее нашему бытию прошлое.

Метафизическая истина, по мнению Дешана, есть единственная основа моральной истины, которая, в свою очередь, поддерживает истину метафизическую [5]. Природа человека вызывает в нем потребность объединения, но человек мог прийти к социальному порядку только через состояние дикости. Абсурдно было бы думать, что человек вышел из рук некоего божества совершенно готовым, обладающим языком и моралью. Он постепенно шел к современному положению путем сближения, вызываемого его потребностями и условиями борьбы с окружающей его природой [6]. Это сближение привело к переходу человека от состояния дикости к господствующему в настоящее время состоянию

[2] «Le vrai système», стр. 75—76.
[3] Там же, стр. 80—88.
[4] Там же, стр. 193—194.
[5] Там же, стр. 84 и др.
[6] Там же, стр. 119.

законов. Это социальное состояние отличается чертами глубокого морального неравенства, которое обязано своим происхождением физическому неравенству, преимуществу, которое имеет сильный над слабым, более ловкий над менее ловким. Стремление господствовать над другими зарождается в состоянии дикости и возрастает в нашем социальном состоянии. Стремление к господству простирается вначале только на тела людей; но для того, чтобы лучше достигнуть своей цели, люди, стремящиеся к господству, распространили его и на умы при помощи религии и законов. Так к несчастьям людей присоединилось новое несчастье, являющееся естественным плодом нашего невежества,— несчастье неустранимое, пока мы находимся в состоянии дикости или в состоянии законов. Доведенное до крайней степени неравенство, развиваясь в тысячелетиях, привело к ужасным недостаткам социального порядка, существующим, несмотря на то, что этот порядок обладает также по необходимости известными преимуществами. Без этих преимуществ социальный порядок не мог бы существовать, так как в противном случае люди нашли бы во всех отношениях предпочтительным остаться на предшествующей ступени общественного развития [7].

Существующее состояние законов, порочное в своей основе, не является в социальной теории Дешана завершающим звеном в развитии человеческого общества. За ним должно неизбежно последовать разумное социальное состояние, которое Дешан называет состоянием нравов, равенства или истинного естественного закона. После установления морального равенства физическое неравенство не сможет приносить обществу того вреда, который оно приносит при состоянии законов.

Необходимой предпосылкой существующего общественного порядка, как и предшествующего состояния дикости, является, как мы уже знаем, невежество людей. Для того, чтобы укрепить порочные основы этого порядка — моральное неравенство и собственность,— необходимо было, используя невежество людей, придумать в поддержку человеческим законам так называемые божественные законы. Человеческие законы сами по себе были недостаточны, чтобы поработить людей. «Физическая сила сама по себе может поработить несколько человек, но к ней нужно прибавить другую силу, чтобы поработить всех людей. Для физической силы нужна некоторая санкция, чтобы овладеть сердцем и умом, чтобы подчинить людей силе, подчиняя их им самим. Мысль о том, что люди могут быть управляемы одними лишь человеческими законами, мысль, которую можно признать верной лишь в отношении преступников, коих можно держать в повиновении палкой и цепями, а не в отношении людей свободных, находящихся под властью законов» [8]. Моральному злу надо было дать божественное происхождение. Как только люди поняли бы, что зло вызывается человеческими законами, они признали бы состояние законов истинным первородным грехом. Поэтому думать об отмене законов божественных при сохранении законов человеческих — величайшая химера. Если бы не было так называемых божественных законов, было бы значительно легче перейти к порядку нравов.

«Так называемые божественные законы имели своей интеллектуальной основой интуитивную догадку о существовании позитивном и негативном, о едином и единственном, о совершенном, конечном и о бесконечном... о доступном чувственному познанию и о небытии, которое отрицает все доступное чувству» [9]. Отправляясь от этих догадок, человек, живущий в эпоху состояния законов, с его добродетелями и пороками создал существо разумное и моральное по своему образцу — создал бога-творца и законодателя, вознаграждающего и карающего. Если освободить это поня-

[7] Там же, стр. 100—101.
[8] Там же, стр. 202.
[9] Там же, стр. 103.

тие от того, что привнес в него человек от своего физического и морального существа, в нем не останется ничего, кроме всей совокупности бытия, кроме le Tout и Tout [10].

Действие законов — зло, прикрывающееся видимостью добра. Под их властью все плохо; все люди более или менее несчастны настолько, насколько это возможно. Состояние законов вовсе не основывается на соглашении. Его создает сила, по существу, только сила его и поддерживает. Как сурово ни осуждает Дешан состояние законов, несущее человечеству столько бедствий, в общем ходе развития человечества это состояние выполняет, по его мнению, существенную роль. Существование законов как человеческих, так и божественных было в свое время необходимостью. Без них человек не мог бы прийти к истине, открывающей дверь в состояние нравов. Для открытия истины было необходимо размышление о существе вещей и о лучшем социальном порядке. К таким размышлениям толкают человека религия с ее ложными догмами и абсурдной моралью [11] и неисчислимые затруднения, создаваемые для него состоянием законов. Дикий человек был подобен младенцу, только что вышедшему из чрева матери. Вплоть до перехода в состояние законов размышления были ему чужды. В начале периода законов люди не знали еще, что он порочен в принципе, не представляли себе всех вытекающих из него зол; поэтому первые их размышления приводили лишь к выводам, закрепляющим состояние законов, освящали господство и собственность. В это именно время возникали божественные законы и религии, существующие до сих пор [12].

Каким большим препятствием на пути к состоянию нравов, на пути к моральной истине являются законы! Каким препятствием является идея бога, бога, который хочет, чтобы человек состоял под властью законов, чтобы им повелевали власть имущие [13]. Истинные принципы морали не связаны необходимо с религией, не надо иметь религиозную веру, чтобы жить согласно этим принципам. Их практическому применению мешает не отсутствие веры, а неравенство и собственность. Верно, что религия проповедует иногда истинные принципы морали. Но она очень осторожно выступает против неравенства, она не может делать этого резко и прямо, так как это противоречило бы ее основной цели — защите состояния законов. И люди верующие в глубине сердца отвергают религиозную мораль, обещающую за соблюдение своих правил вознаграждение в иной жизни; они всегда предпочитают достоверное в этой жизни недостоверному в будущей. А многие просто притворно пользуются прикрытием морали, чтобы вернее и безнаказаннее достигнуть своих целей.

Состояние дикости, говорит Дешан, есть состояние разъединения; при состоянии законов люди в единении остались разъединенными; лишь при порядке нравов, при социальном порядке без законов между людьми установится подлинное единение. В настоящее время вопреки всякому общественному смыслу мы разделены на сословия, до крайности разрозненные. Некоторые из этих сословий сами по себе полезны; другие существуют лишь в силу безумия наших нравов, создаваемых состоянием законов. Таковы церковь, дворянство шпаги, дворянство мантии, финансисты и т. д. В основе всех этих различий лежит господство сильного над слабым. Если бы люди могли постигнуть преимущества состояния нравов, не испытав неудобств состояния законов, у них не было бы ни этого разъединения, ни королей. Ибо зачем были бы нужны короли там, где не было бы ни морального неравенства, ни собственности — этих основных пороков, на которые опирается состояние законов [14]. Разделение людей укрепляет

[10] Там же, стр. 103—104.
[11] Там же, стр. 102.
[12] Там же, стр. 142—143.
[13] Там же, стр. 104—107.
[14] Там же, стр. 109—110.

их порабощение и тиранию над ними законов. Проповеди против разъединения бессильны, так как его освящает религия. Естественно, что государи со своей стороны всячески содействуют разъединению подданных. Нет смысла порицать мораль государей: она соответствует их положению. Пока существует состояние законов, приходится им повиноваться; исцелить общество может только переход его из состояния законов в состояние нравов [15].

Церковь по природе своего оружия, покоряющего сердце и разум невежественного человека, составляет первый отряд, обороняющий трон; второй отряд обороняет его при помощи шпаги, которая может поразить только тело. Солдат уступает первое место священнику. Верховное существо, которому придают абсурдное имя «царя царей»,— не что иное, как глава государства при состоянии законов, король, который составляет в государстве все и находится повсеместно. Небо — это маска, пользуясь которой, церковь служит государю; защита народа от внешнего врага — маска, под которой ему служит шпага. Эти две маски позволяют церкви и войску стать самой надежной опорой государя. Той же цели служат и другие бесполезные сословия — судейские и финансисты [16]. Именно поэтому бесполезные сословия стоят впереди других, полезных сословий, которые только и должны были бы существовать в разумном государстве, сословий пастухов, земледельцев, ремесленников.

Для человека невозможно вернуться к состоянию дикости. Выйдя из состояния законов, он может прийти, утверждает Дешан, только к состоянию нравов, к состоянию морального равенства. Дешан весьма высоко ценит «Рассуждение о неравенстве» Ж.-Ж. Руссо. Руссо, говорит он, прекрасно показал несчастья нашего социального состояния. Но в то же время Дешан подчеркивает в философии Руссо ряд заслуживающих осуждения недостатков. Руссо не сумел разглядеть порок социального состояния дикости — недостаток единства, который обусловил слабость этого состояния. Руссо не понял, что все религии имеют своей целью освящение пороков существующего общества: отсюда его двойственное отношение к религиям, которые он поражает одной рукой и восстанавливает другой, тогда как ему следовало их все отвергнуть. Наконец, самый существенный недостаток: увидев состояние дикости и наше ложное социальное состояние, он не разглядел истинного состояния общества (то есть будущего состояния нравов) [17].

Так как Руссо не видит будущего общества и возможности перехода к нему, то из его рассуждения можно сделать только один разумный вывод: надо вернуться к состоянию дикости. А так как такое возвращение невозможно, то оказывается, что Руссо написал работу бесполезную, что он лишь усилил наши страдания, описав так ярко наше состояние и не указав никакого средства от наших бед. Из того же непонимания будущего человечества вытекает еще одно важное противоречие в теории Руссо, с одной стороны, признающего, что порочным делают человека неравенство и собственность, а с другой стороны, защищающего идею зависимости положения членов общества от оказываемых ими обществу услуг. При состоянии морального равенства не может быть вопроса о больших или меньших услугах, оказанных обществу: все соревнуются в служении общему благу, никто не претендует на то, чтобы его услуга была более полезной.

В состоянии нравов люди будут исполнены духа бескорыстия, который, по мнению Дешана, в известной мере был присущ первым христианам и основателям орденов. У людей не будет никакой собственности,

[15] Там же, стр. 111—112.
[16] Там же, стр. 116.
[17] Там же, стр. 129—130.

все будет общим [18]. Собственность — порок, присущий природе человека в состоянии дикости и в состоянии законов; при состоянии нравов природа человека будет от него свободна. Естественно, говорят защитники собственности, чтобы тот, кто обрабатывает участок земли, пользовался исключительно ее плодами. Это естественно при наших нравах, возражает Дешан, в обществе, где существует собственность; но это будет противоречить природе, будет противоречить разуму в состоянии нравов, в обществе, где земля будет принадлежать на равном основании всем и где люди будут ее обрабатывать согласно, чтобы сообща пользоваться ее плодами. В таком обществе будет невозможно, чтобы человек обрабатывал участок земли для себя одного. Состояние законов придало собственности особую силу, какой он не мог иметь в состоянии дикости; именно в состоянии законов он породил ряд моральных пороков и искусственных страстей [19].

Человек силен тем, что он живет в обществе, объединяющем его с ему подобными. Он обязан обществу своим благосостоянием и своей безопасностью. Но для того, чтобы человек мог пользоваться всеми преимуществами жизни в обществе, необходимо, чтобы социальный порядок действительно их предоставлял.

Счастье индивида существует лишь там, где обеспечено общее счастье. Эта моральная истина логически связана в философии Дешана с основными принципами его метафизики. «Идея Целого,— говорит он,— равносильна идее порядка, гармонии, единства, равенства, совершенства. Состояние единения или общественное состояние вытекает из идеи Целого, которое само есть единство, единение; люди в целях своего собственного благополучия должны жить в общественном состоянии». Присущая людям тенденция к общности есть выражение в области человеческих отношений тенденции частей к их Целому, к центру, к порядку, к счастью, к совершенному благосостоянию, к равенству, к движению по прямой линии, к однообразию действий, к наиболее простым путям, к устойчивому состоянию, к возможному покою [20].

Моральная истина, утверждающая единство индивидуального блага и блага общественного, общепризнана; но она бесплодна при нашем общественном порядке, поскольку он основывается на невежестве, моральном неравенстве и собственности. Пока эти злосчастные принципы лежат в основе общественного порядка, люди могут создавать лишь отдельные несовершенные общества, между нациями и между индивидами будет продолжаться борьба. Над сознанием людей будут господствовать самые ложные системы, самые абсурдные догмы, самые смешные басни, самые тиранические законы [21]. Рассеять эти мрачные тучи, осветить землю, упразднить законы и поставить на их место нравы, как мы уже знаем, может только постепенное раскрытие и распространение истины.

Разумные потребности людей, утверждает Дешан, состоят в создании прочного общества, в обладании здоровым, приятным жилищем, в том, чтобы быть умеренно занятым полезным и неотягощающим трудом, иметь питание и одежду, иметь с кем наслаждаться. Все то, что выходит за эти пределы, составляет излишества, которые нас убивают. Простота образа жизни обеспечивает ее длительность; простота есть признак истинно разумных нравов. Под властью таких нравов, не зная приказов и повиновения, люди будут жить, имея в изобилии все необходимое, без «твоего и моего», спокойно, однообразно, без душевных страданий, не боясь быть ниже, не стремясь стать выше. Среди них не будет существовать ни зависти, ни ревности, ни одной из тех искусственных страстей, которые соз-

---

[18] Там же, стр. 117—118.
[19] Там же, стр. 121.
[20] Там же, стр. 205—206.
[21] Там же, стр. 155—156.

дают из нашего рода самых неразумных животных, наиболее далеких от того счастья, к которому наш род стремится в силу естественного метафизического закона [22].

Мы уже упоминали о том, что с рукописями Дешана был знаком великий французский философ XVIII в. Дени Дидро. Интересен один отрывок из частного письма Дидро, не предназначенного к печати (письмо к Софи Волан). «Один монах,— писал Дидро,— по имени Дешан, дал мне прочесть одно из самых резких и самых оригинальных произведений, какие мне известны. В нем изложена идея социального устройства, к которому человечество должно прийти после того, как оно, выйдя из дикого состояния и пройдя через состояние организованное, познает всю тщету самых важных установлений и придет, наконец, к пониманию той истины, что человеческий род будет несчастен, пока у него будут короли, священники, судьи, законы, твое и мое, понятие пороков и добродетелей. Посудите, сколько должно было бы доставить мне удовольствия это произведение, как плохо оно ни написано: я внезапно оказался в мире, для которого я рожден... Вернувшись к себе, я начал мечтать о принципах и выводах моего толстого бенедиктинца, по своему виду и по своему тону настоящего старого философа. Его произведение, из которого я не вычеркнул бы ни одной строчки, полно новых идей и смелых утверждений». Не придавая слишком серьезного значения последней фразе Дидро, мы не можем не признать совершенно бесспорным сочувствие великого философа основным принципам «толстого бенедиктинца».

Переход к состоянию нравов связан в представлении Дешана с отказом от всех «искусственных» потребностей, а потому и от всех видов труда, не связанных с потребностями «естественными». В будущем, утверждает он, люди будут изучать природу лишь в той мере, в какой это необходимо, в какой это для них полезно и не требует слишком больших усилий. У людей будущего не будет многих развлечений, которыми люди увлекаются при нашем безумном порядке. У них не будет наших театральных зрелищ с их острыми, но быстро проходящими впечатлениями. У них не будет очаровательных женщин, величественных дворцов, дивных садов и парков, изысканных блюд, драгоценных камней — вещей, которые дают меньше счастья тем, кто ими обладает, чем несчастья тем, у кого их нет. Все эти удовольствия выходят, по мнению Дешана, за пределы истинных потребностей человека, их отсутствия люди не будут и чувствовать, так как они не будут иметь о них никакого представления [23].

Изящные искусства будут чужды пониманию людей, у них будут лишь полезные искусства, как то было во времена патриархов. Изящные искусства являются необходимым элементом наших нравов; мы нуждаемся в них для отдыха от нашего духовного и физического утомления, от скуки. Они нам необходимы, чтобы внести некоторую гармонию в нашу дисгармонию, чтобы насытить наше воображение красотами природы, которых мы лишены в наших городах, или другими предметами, способными доставить нам наслаждение. Но в состоянии нравов, где мы будем заняты легкими работами в соответствии с нашим вкусом и интересом, в обществе, которое обеспечит наше счастье,— какую пользу смогут нам принести такого рода искусства? [24].

При вступлении в состояние нравов, говорит Дешан, надо будет уничтожить все, что мы называем произведениями искусства. Эта жертва будет, конечно, велика. Но ее необходимо принести: зачем сохранять для потомков вещи, которые никому не будут нужны и которые будут лишь свидетельствовать о нашем безумии. В своем аскетическом рвении Дешан не останавливается даже перед тем, что, казалось бы, должно было быть

---

[22] Там же, стр. 104—107.
[23] Там же, стр. 160—162.
[24] Там же, стр. 175—176.

ему ближе всего,— перед книгами. Книги, как и всякого рода документы, должны быть сожжены. Чем больше об этом размышляешь, говорит Дешан, тем больше убеждаешься, что даже наиболее почитаемые книги по физике и метафизике существуют, как и все другие наши книги, лишь в силу нашего невежества в отношений основной истины. В них не будет никакой надобности в состоянии нравов: что нужно будет знать для работы, люди будут узнавать из той открытой книги, которой является для них практика отцов. Существующие ныне книги требуют и подготовляют книгу, которая сделала бы их все ненужными, так как их право на существование основывается на том, что без них эта книга не могла бы появиться, как не могла бы появиться истина без предшествовавших ей абсурдных знаний. Такой завершающей книгой Дешан считает свою книгу, которая откроет людям истину и тем обеспечит их переход из состояния законов в состояние нравов. После того как возвещаемая последней книгой истина получит распространение, она сама станет совершенно не нужна человечеству. С уничтожением последней книги люди освободятся от тяжелого и ненужного им более труда — от изучения искусства чтения и письма. После этого книги, если и смогут быть для чего-либо полезны, то только для топки [25].

В идеальном обществе Дешана люди не разделяются на семейства. Каждое поселение составляет как бы одну семью: «Все женщины будут для мужчин тем же, чем все мужчины будут для женщин,— общим достоянием». Дети не будут принадлежать в отдельности такому-то мужчине и такой-то женщине; они будут принадлежать обществу в целом. Их воспитание с самого раннего детства будет совсем иное, чем у нас; они будут вырваны из-под опеки женщин и будут расти значительно более самостоятельно. Они будут учиться труду, наблюдая, как трудятся старшие. Выросши, они будут уже знакомы со всеми полезными работами и смогут работать там, где это будет нужно для общества. Но как же это, скажут мне, значит, матери не будут принадлежать ее дети? Нет; зачем нужна эта «собственность», за которую дети часто жестоко расплачиваются со своими отцами и матерями [26]. Не надо думать, чтобы этот порядок вызывал какие-либо неудобства. Наоборот, неудобства вызывал всегда и везде существующий в брачных отношениях порядок «моего и твоего». Общность и здесь поведет к миру и единению, к устранению поводов к зависти, ревности и вражде.

Люди будут при господстве состояния нравов жить в поселках деревенского типа. В каждом поселке будут общие жилища, общие амбары, магазины, скотные дворы. Отдельные поселки будут взаимно помогать друг другу, будут совместно создавать общие предприятия, например мельницы. Никаких споров между ними при состоянии равенства и при изобилии всего им необходимого возникать не будет [27].

После победы морального равенства и общности над неравенством и собственностью все изменится в человеческих отношениях и в человеческой природе. Люди не будут знать ни культа, ни взаимной зависимости, ни войны, ни суда, ни финансов, ни вымогательства, ни торговли, ни мошенничества, ни банкротства, ни каких-либо спекуляций, ни воровства, ни убийства, ни морального зла, ни уголовных законов. Все искусственные страсти без всякого исключения, все извращенные вкусы и всякого рода безумства исчезнут; естественные желания, всегда разумно умеряемые, не будут выходить за пределы, начертанные разумом, нашим здоровьем и стремлением к продолжению нашей жизни [28]. В состоянии нравов каждый будет следовать своим наклонностям; но они будут подчинены разуму и будут соответствовать целям общественной гармонии.

[25] Там же, стр. 157—159, 160—162.
[26] Там же, стр. 170—171.
[27] Там же, стр. 163—165.
[28] Там же, стр. 166—167.

Люди состояния нравов будут распределять между собой в соответствии с возрастом, силой и полом необходимые для общества работы. Так как число работающих, а работать станут все без исключения, будет велико, а количество потребностей, при отсутствии роскоши и излишка, мало, то труд не будет для них утомительным и тягостным. Склонность к порядку, к правильной организации труда, к удобству и чистоте во всем, преимущества и удовольствие совместного труда для одной и той же цели — общего блага — будут доставлять им живую радость, предупреждая всякую возможность отвращения к труду, которое мы так часто испытываем [29]. Все виды занятий будут подходить для каждого, так как они будут просты, и каждый будет переходить от одного вида труда к другому. Пагубное разделение людей не только по сословиям, но и по полезным профессиям будет полностью уничтожено. Предвосхищая Фурье в своей характеристике труда в будущем обществе, Дешан выражает уверенность, что труд при порядке нравов будет приближаться к развлечению и удовольствию [30].

При состоянии нравов люди будут говорить на одном общем языке, который будет очень легко изучить, так как он гораздо проще наших языков, которые передают из поколения в поколение абсурдные выдумки наших отцов. Для изучения языка детьми будет вполне достаточно практики [31].

Одежды людей будут очень просты. Они будут удобны, и люди смогут обеспечить себя ими в изобилии. Мебель будет состоять лишь из скамей, табуреток, столов и топчанов, чем-либо прикрытых. Всякого убранства, требующего искусства или напряжения, люди будут избегать. Они сократят количество земли, отведенное под пастбища и виноградники, отводя больше земель под зерновые культуры, овощи и лес, так как считают растительную пищу более полезной для человека. Люди будущего не будут, по мнению Дешана, употреблять ни мяса, ни рыбы, ни соли, ни крепких напитков. Их пища будет состоять из хлеба и воды, из овощей, из фруктов, из молочных продуктов, из масла, из меда и яиц. Эта пища, полагает он, наиболее разумна и наиболее здорова, а к тому же ее приготовление требует меньшего труда. При общности имуществ, когда все принимают участие в обработке земли, она будет приносить несравненно больший урожай, чем приносит в настоящее время [32].

Так как все необходимое люди будут иметь в изобилии, то они не будут заботиться о постройке кораблей для поисков нужных им предметов за морями. Они будут понимать, что природа помещает полезное у них перед глазами, под их ногами и что нужно лишь немного труда и мудрости, чтобы иметь в изобилии все, что им нужно. Идея наших городов и всего, что в них заключается, наших храмов, наших Лувров, наших крепостей, наших арсеналов, наших трибуналов, наших монастырей, наших рынков, наших банков, наших лавок, наших школ, наших академий, наших манежей, наших госпиталей, наших тюрем — эта идея будет им чужда: она безумна сама по себе, и она совершенно несовместима с их нравами [33].

Поселки, не обладающие на своей территории нужными им вещами (деревом, железом, камнем), смогут получать их из других поселков, предоставляя им в случае необходимости в обмен те предметы, которые у них имеются. Но подобный обмен отнюдь не может иметь при состоянии нравов коммерческого характера [34]. Какой-либо организации власти, объединяющей поселки и руководящей их деятельностью, Дешан не пре-

---

[29] Там же, стр. 172.
[30] Там же, стр. 181.
[31] Там же, стр. 173—174.
[32] Там же, стр. 176—180.
[33] Там же, стр. 185—186.
[34] Там же, стр. 186.

дусматривает, приближаясь, таким образом, в вопросе об общественной власти в будущем обществе к антигосударственной концепции Годвина.

Чтобы выйти из состояния рабства, в котором человека держат законы, чтобы открыть истину и перейти к состоянию морального равенства и свободы, нужно было, чтобы рабство вызвало в человеке дух протеста. Дешан утверждает, что современное состояние общества с неизбежностью вызывает возмущение «сердец и умов». Люди стремятся освободиться от всякой зависимости всеми имеющимися у них средствами. Законы налагают узду на самые естественные наши склонности, и наши склонности, встречая сопротивление законов, возмущаются против них. Люди приходят в состояние раздраженности, толкающее их к насилиям. Но отнюдь не в этих насилиях видит Дешан путь к утверждению нового порядка. Очевидность, убеждение в преимуществах этого порядка достаточны, по его мнению, чтобы обеспечить его установление без всякого пролития крови [35].

В представлениях Дешана о переходе к будущему идеальному состоянию есть ряд черт, сближающих его с современными ему просветителями, с которыми он по другим вопросам столь резко полемизирует. Этот переход должен произойти в результате открытия и торжества истины. В распространении этой истины Дешан, как и буржуазные мыслители XVIII в., первенствующую роль отводит культурным, образованным людям. Заставить людей перейти от состояния законов к состоянию нравов, говорит он, могут только усилия образованных людей. У образованных людей наиболее ясно сознание пороков существующего порядка. Народным массам Дешан отводит в изображаемой им картине социального преобразования совершенно пассивную роль [36].

Социальная философия Дешана интересна для историка общественной мысли многими своими сторонами. Она свидетельствует о том, что влияние коммунистических тенденций,— связанных, по правильному указанию Энгельса, с первыми попытками самостоятельного движения того слоя, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата [37],— проникало подчас в весьма неожиданные для нас общественные круги. В соответствии с той общественной средой, в которой эта теория возникла, она дает нам исключительный в своем роде образец сочетания утопического социального построения с совершенно чуждой XVIII в. схоластически-метафизической системой. Наконец, она замечательна как образец теории, доводящей до крайних пределов те черты аскетизма, которые характерны, по словам Маркса и Энгельса, для ранних проявлений коммунистической мысли [38].

---

[35] Там же, стр. 139—141.
[36] Там же, стр. 205.
[37] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 18.
[38] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V. Изд. 1-е, стр. 509.

ИЗ ИСТОРИИ ДРУЖЕСКИХ СВЯЗЕЙ СОВЕТСКОГО И КИТАЙСКОГО НАРОДОВ (1924—1927 годы)

А. Ф. Осетров

В истории развития и укрепления дружбы народов Советского Союза и Китая очень важное место занимает период 1924—1927 годов.

Под влиянием Великого Октября национально-освободительное движение в Китае поднялось на новую ступень. На арену политической борьбы вышел рабочий класс. В 1921 г. образовалась Коммунистическая партия Китая.

В январе 1924 г. в Гуанчжоу состоялся I съезд организованной Сунь Ят-сеном «Национальной партии» (гоминьдан) — партии мелкой и средней национальной буржуазии. «Три принципа» Сунь Ят-сена (национальная независимость единого Китая, республиканский строй, уравнительное землепользование) стали программой этой тогда революционной партии. На I съезде был оформлен тесный блок гоминьдана с Коммунистической партией, а программа гоминьдана была дополнена «тремя политическими принципами» Сунь Ят-сена (союз с Коммунистической партией, союз с СССР, опора на рабочих и крестьян).

Начавшись борьбой с контрреволюционными элементами на юге страны, революция в Китае носила до мая 1925 г. локальный характер. Всеобщая забастовка рабочих, студентов и торговцев Шанхая, принявшая открыто антиимпериалистический характер, привела к распространению революции на весь Китай. В июле 1926 г. после необходимой подготовки войска южного правительства — национально-революционная армия, в которой крупнейшую роль играли коммунисты,— начали знаменитый Северный поход, в результате которого весь Южный и большая часть Центрального и Юго-Восточного Китая были очищены от контрреволюционеров. Поднялась мощная волна крестьянского движения. Миллионы крестьян объединились в союзы и громили помещиков. Гегемоном этой антиимпериалистической и антифеодальной революции постепенно становился пролетариат.

Напуганные угрозой полной победы революции в Китае, империалисты Японии, Англии, США и других стран прибегли к открытой интервенции. Им удалось использовать нерешительность и колебания китайской национальной буржуазии, боявшейся собственного народа. В апреле 1927 г., предварительно сговорившись с шанхайскими компрадорами и представителями иностранных монополий, тогдашний главнокомандующий национально-революционной армией Чан Кай-ши, изменив революции, совершил государственный переворот и обрушился на революционные силы кровавым белым террором. Гоминьдан порвал с коммунистами. После выхода из гоминьдана всех революционных элементов он быстро превратился в реакционную компрадорско-помещичью партию, в наиболее активную силу китайской контрреволюции и в прямую агентуру иностранного империализма.

Бурные события китайской революции 1924—1927 гг. свидетельствовали, что наряду с «русским вопросом», стоявшим в центре мировой политики, возник новый, так называемый «китайский вопрос» и империалисти-

ческие державы, не гнушаясь никакими средствами, стремились разрешить его в пользу иностранного монополистического капитала и китайской контрреволюции. Всеми способами вмешиваясь в гражданскую войну, они в изобилии снабжали китайскую контрреволюцию деньгами, оружием, расстреливали мирное население городов и сел Китая, грубо попирали законные права, честь и национальное достоинство великого китайского народа.

Военная интервенция США, Англии, Японии и других империалистических держав в Китае сопровождалась идеологической интервенцией, которая, как и вооруженная агрессия, осуществлялась под флагом борьбы с «угрозой коммунизма».

В идеологической интервенции участвовали все империалистические державы, но наибольшую активность проявляли США. Задолго до революции 1924—1927 гг. монополисты США стремились подчинить своему влиянию умы китайцев, создать послушные себе кадры китайской интеллигенции, а затем распространить свое господство на всю экономику и политику Китая. Для достижения этой цели они использовали прессу, кино, радио, школы, больницы, приюты для детей. Тысячи американских миссионеров, находившихся в Китае, прикрываясь личиной «благочестия» и «любви к ближнему», выполняли пропагандистские и разведывательные задания империалистов, наживаясь в то же время на поте и крови китайского народа. Подлинный облик американских «просветителей» ярко показал выдающийся деятель японского рабочего движения Сен Катаяма, хорошо знавший Китай. «Обычно,— писал он,— американец приезжает в Китай миссионером и преподает науки в какой-нибудь из многочисленных школ или в университете. Несколько времени спустя мы видим его уже приказчиком в какой-нибудь большой американской фирме Шанхая или Кантона. Затем этот бывший миссионер оказывается журналистом или корреспондентом большой газеты Чикаго или Нью-Йорка. А еще немного позже узнаем, что он или шпион, или офицер американской армии» [1].

Империалисты и их представители в Китае настойчиво проповедовали лживые идеи о «неполноценности» китайского народа, о его «неспособности» к самостоятельному историческому творчеству. Американский эксперт по Китаю Латтимор писал: «Большинство американских специалистов стоит на той точке зрения, что демократическая форма правления никоим образом не подходит для китайцев, их вниманию доступен только император» [2]. В статье «Иностранный контроль над Китаем», опубликованной в «Far Eastern Times» от 9 июня 1923 г., некий Вашио цинично утверждал, что китайцы — по природе своей равнодушные к политике и к судьбам своей родины люди, которых никогда и ничто не объединяло, и что высшим идеалом китайца будто бы является жизнь под эгидой иностранной концессии. В заключение автор этой лживой и полной ненависти к китайскому народу статьи требовал установить международный контроль над Китаем и осуществлять его с помощью военной силы [3].

Идеологи империализма пытались изобразить стремление Китая к свободе и независимости как регресс в его истории и угрозу всему цивилизованному миру. Чтобы оправдать свою разбойничью политику, империалисты пустили в ход лживый тезис, будто бы революция в Китае вовсе не революция, а выступление желтой расы против белой, таящее в себе неисчислимые беды для человечества. Эту же мысль проводят и современные фальсификаторы истории. Так, в опубликованной в 1949 г. книге «Американская политика и китайская революция 1925—1928 гг.» сотрудница американского Института тихоокеанских сношений Дороти

[1] Сен Катаяма. Китай (Экономический очерк). М.-Л. 1926, стр. 55.

[2] См. Цинь Бэнь-ли. История экономической агрессии американского империализма в Китае. М. 1951, стр. 52.

[3] Архив внешней политики (АВП) СССР, ф. 100/а, оп. 8/а, д. 1. п. 136. лл. 75—76.

Борг именует освободительную борьбу китайского народа «антииностранным движением». Антиимпериалистический характер революции, по утверждению Д. Борг,— это идея, придуманная Москвой и навязанная китайским революционерам под воздействием «русских советников» [4].

Иностранная пропаганда приписывала любые выступления против зарубежных империалистов, китайских феодалов и компрадоров «козням московских агентов». Когда в Китае росло стачечное движение, реакционная пропаганда твердила, что стачки и забастовки невыгодны массе рабочих, а нужны только большевикам. В июне 1925 г. через посредство английской газеты «North China Daily News» в Шанхае был распространен анонимный листок под названием «СССР — враг Китая». В этом листке утверждалось, что виновниками забастовок и последовавшего кровопролития являются большевики [5]. Естественно, что эта ложь вызывала возмущение всей передовой китайской общественности. 9 июля 1925 г. делегация профессоров Национального университета посетила временного правителя Китая Дуань Ци-жуя и, заявив, что при данных обстоятельствах стачка — единственный путь заставить японцев и англичан образумиться, решительно протестовала против утверждений английской и японской пропаганды о том, что развернувшееся патриотическое движение есть результат подстрекательства большевиков [6].

Реакционная пропаганда лживо кричала о «кознях» большевиков в Китае. В июне 1925 г. английская полиция в Гонконге арестовала представителя советского нефтяного синдиката, направлявшегося по служебным делам в Гуанчжоу, и на английском пароходе доставила его в Шанхай, в «смешанный суд». Арестованному было предъявлено обвинение в политическом преступлении. В доказательство полицейские власти Шанхая представили суду фальшивое «Удостоверение № 43»: «Предъявитель сего командируется Агитационным Отделом Района в Гонконг и Кантон для организации забастовочных комитетов. Все члены РКП обязаны оказать ему поддержку в выполнении возложенных на него обязанностей, что удостоверяется печатью Агитационного Отдела РКП в Шанхае» [7]. Присутствовавший при обыске полицейский Йорк показал, что он и русский белогвардеец просматривали книжку, принадлежавшую арестованному советскому гражданину, и не нашли в ней ничего, кроме визитной карточки. После этого книжка была оставлена на попечение трех русских белогвардейцев, и в ней неожиданно оказался вышеприведенный «документ» [8].

Советское правительство разоблачило подлинный смысл этой провокации и квалифицировало попытку судить советского гражданина в так называемом «смешанном суде» как надругательство над международным правом и грубейшее нарушение суверенных прав Китая, как неуклюжую комедию, устроенную полицией иностранного сеттльмента для доказательства того, что не она якобы виновна в негодовании, охватившем Китай [9].

Провокация с «Удостоверением № 43» вызвала глубокое возмущение трудящихся масс Китая. Центральный Комитет Компартии Китая 7 июля 1925 г. в манифесте «К народным массам восстающего Китая» заявил: «Не помогут и разговоры о большевизме и большевистской заразе и кознях Советской России, какие бы дутые процессы ни инсценировались, какие бы фальшивые документы ни изготовлялись. Причина проста:

---

[4] D. Borg. American Policy and the Chinese Revolution 1925—1928. New-York. 1949, p. 440.

[5] АВП СССР, ф. 100/а/с, оп. 9, д. 13, п. 116. л. 97.

[6] Там же, ф. 4/с, д. 51493, п. 157, лл. 72—72-а.

[7] Там же, ф. 100/а/с, оп. 9, д. 13, п. 116, л. 53.

[8] Там же, л. 66.

[9] Там же, л. 84.

Китай был знаком с грабежом и насилием империалистов задолго до существования Советской России и появления большевизма» [10].

Однако империалисты еще шире стали раздувать клеветническую кампанию против СССР. Иностранный муниципальный совет напечатал на китайском языке листовки и специальные выпуски под демагогическим названием «Читайте правду», в которых распространялись клевета и ложь о китайском революционном движении, оправдывались действия империалистических держав, лилась грязь на Советский Союз и советское посольство в Китае.

Опубликование в китайских газетах, тесно связанных с иностранным капиталом, листка «Читайте правду» вызвало огромное возмущение китайской общественности. Студенческий союз потребовал прекращения печатания этих пасквилей, угрожая бойкотом газет, публикующих провокационные вымыслы. После этого проимпериалистическая печать стала вести себя менее нагло, но кампания антисоветской и антикоммунистической лжи и клеветы, раздувавшаяся реакцией, не прекратилась.

Империалисты и их пособники пытались изобразить дело так, будто бы все генералы и солдаты национально-революционной армии являются «партийцами» и преследуют большевистские цели. Причем, обвиняя 1-ю национально-революционную армию в большевизме, милитаристы Чжан Цзо-линь и У Пэй-фу заявляли, что они борются против «коммунизма». Реакция распространила слух о том, что 1-я армия якобы заключила секретное соглашение с Россией. В связи с этим генералы 1-й национально-революционной армии были вынуждены разослать всем государственным и общественным организациям, редакциям газет и журналов телеграмму, в которой они отвергали обвинение в коммунизме и провокационные слухи о секретном соглашении с СССР. «Наша армия,— говорилось в телеграмме,— никогда не заключала никаких соглашений с Советской Россией или с другим государством...» [11].

Реакционная печать публиковала сенсационные сведения о секретном соглашении между Советским правительством и маршалом Фын Юй-сянем, даже указывая пункты этого «соглашения». Так, газета «Шунтянь ши-бао» писала, что СССР обязался предоставить Фын Юй-сяню 60 тыс. русских и монгольских солдат, причем каждый солдат будет обеспечен тремя лошадьми (одна — для перевозки съестных припасов, вторая — для амуниции, третья — для самого солдата) и двумя винтовками. Разделенные на три корпуса, эти войска, по сообщению газеты, должны тайно выступить по трем направлениям [12]. Отвечая на эти клеветнические измышления, маршал Фын Юй-сянь в беседе с директором американского агентства «United Press» Роем Говардом заявил: «Ни я, ни моя армия не являемся большевиками в большей степени, чем Америка... Политически я возражаю против всех принципов советизма, но все, кто старается затемнить вопрос, называют меня сторонником советов. У меня находятся на службе итальянские, японские и русские военные эксперты. Последних больше всего... Я не употребляю советских политических методов» [13]. Вместе с тем Фын Юй-сянь подчеркнул в беседе, что «Россия более других высказала готовность признать и поддержать стремление Китая вернуть назад свое потерянное национальное достоинство» [14].

Для того, чтобы широко развернуть антисоветскую и антикоммунистическую пропаганду, четырнадцать держав, имевших консульства в Шанхае (США, Англия, Франция, Португалия, Бельгия, Голландия, Дания и др.), создали в этом городе антикоммунистическую лигу [15]. Эта ли-

---

[10] Там же, л. 101.
[11] Там же, ф. 4/с, д. 51561, п. 161, лл. 29—30.
[12] Там же, д. 51570, п. 162, лл. 81—82.
[13] Там же, д. 51497, п. 157, л. 60.
[14] Там же, д. 61.
[15] Там же, д. 51561, п. 161, л. 37.

га рассылала провокационные обращения к студентам, созывала антисоветские митинги, выпускала манифесты с призывом к борьбе против «красного империализма», направляя свои усилия на то, чтобы изобразить Советский Союз врагом Китая, запугать гоминьдановцев и привлечь их на сторону контрреволюции.

Эта лживая пропаганда оказывала влияние лишь на колеблющиеся элементы китайской национальной буржуазии, но не могла подорвать растущую дружбу между народами СССР и Китая. Китайский народ на собственном опыте убеждался в том, кто его друг, а кто враг, кто вел захватническую политику в Китае и кто относился к нему, как равный к равному. Высмеивая кричавших о «коварных замыслах» Москвы, газета «Цзин бао» писала: «Китайцы должны сопоставить международные договоры и сравнить международные отношения. Если же считают, что СССР, и Япония, и Англия одно и то же, то почему же ни Англия, ни Япония не хотят пойти даже на малейшие уступки в том, что отдал СССР. Разница объясняется тем, что они империалисты, а СССР не империалист»[16]. В ответ на измышление империалистической пропаганды газета «Peopls Tribune» писала, что правительство и национальная армия Китая не получили в помощь от России «тысячи советских агентов», которых видят во сне реакционеры. То обстоятельство, отмечала газета, что несколько советских граждан помогают национальному правительству в качестве советников, имеет второстепенное значение по сравнению с той потрясающей помощью, которую получил Китай от Великой Октябрьской социалистической революции. «Октябрьская революция прорвала объединенный фронт угнетателей, разорвала цепи империализма и возвестила миру те принципы, за которые ведет борьбу китайское национальное движение... Неужели империалисты могут думать, что национальный Китай порвет со своим единственным, верным, испытанным другом ради прекрасных глаз старой деспотической Великобритании?»[17].

О глубоком уважении и искренней симпатии, которые питали друг к другу народы Советского Союза и Китая, свидетельствует множество фактов. Приведем лишь некоторые из них. В июне 1925 г. по инициативе Осоавиахима был организован перелет советских самолетов по линии Москва — Пекин. Цель перелета состояла в том, чтобы еще раз продемонстрировать перед китайским народом дружественную политику Советского Союза, укрепить экономические и культурные связи между СССР и Китаем. Перелет по неисследованной воздушной трассе был серьезным экзаменом для молодой советской авиации и авиапромышленности, он показал, что советские летчики, советские самолеты и авиационные моторы не только не уступают иностранным, но и превосходят их.

Китайский народ восторженно встретил весть о перелете советских самолетов. Для организации встречи воздушной экспедиции был образован общественный комитет из представителей торговой палаты, студенческого союза, рабочих профсоюзов, союза учителей, национального университета, крестьянского союза, антиимпериалистической лиги. Всего в этом комитете участвовали представители 250 организаций[18]. В Китае распространялись листовки, приветствовавшие дружеское начинание Советской России и отмечавшие его особое значение в момент, когда империалисты вели ожесточенную атаку против китайского народа. Для встречи советских летчиков на пекинском аэродроме собралось множество людей, горячо приветствовавших посланцев советского народа. Встречавшие забросали пилотов цветами, а самолеты были покрыты крас-

---

[16] Там же, д. 51562, п. 161, л. 55.
[17] «Правда», 27 октября 1926 года.
[18] «Правда», 14 июля 1925 года.

ными флагами. Участники советской воздушной экспедиции встречались с представителями разных кругов китайской общественности и всюду находили восторженный прием. 24 июля представитель китайской общественности в ответ на приветствия, переданные китайскому народу от имени трудящихся СССР, заявил: «Ваши приветствия мы оцениваем как духовную и материальную помощь Советского Союза в тот момент, когда угнетенный Китай страдает под игом империализма. Прибытие воздушной экспедиции является для нас не только утешением и помощью, но также и стимулом для дальнейшей борьбы против угнетателей. Тот факт, что экспедиция в 50 часов проделала путь, который по железной дороге совершается в 12 дней, является символом все растущей культурной и материальной мощи СССР» [19].

12 августа советские летчики прибыли в Кайфын. 20 августа экспедицию встречали в Шанхае. На аэродроме собрались представители рабочих, студентов, гоминьдана, правительственных учреждений, многочисленных общественных организаций. Всюду виднелись плакаты и лозунги: «Да здравствуют русские летчики!», «Да здравствует Китайская республика!», «Долой неравноправные договоры!». 25 августа различные общественные организации устроили в честь летчиков торжественный банкет, на котором присутствовало много студентов, представителей союза моряков, типографистов и других профессиональных союзов. Ораторы приветствовали советских летчиков как представителей народа, добровольно отказавшегося от неравноправных договоров и проявившего свои симпатии к Китаю. Представитель студенческого союза заявил: «Передайте народам Советских республик, что китайские интеллигенты, рабочие и весь народ никогда не забудут братской помощи, которая была им оказана в дни жестокой борьбы против врагов Китая» [20].

В ответ на злобные выпады империалистов против СССР 1 мая 1926 г. была образована Хубэйская лига сближения Китая с Россией, которая в своем обращении ко «всем организациям, всем редакциям, всем братьям-китайцам» писала, что иностранные захватчики губят Китай уже почти сто лет, земля всюду усеяна костями народа, а канавы и реки наполнены слезами и кровью его. Народ видит, говорилось в обращении, спасение в революции, которая не является изолированной, а должна быть общим революционным делом всего мира. Обращение призывало китайских патриотов к активной поддержке революции, к укреплению связей между Китаем и Россией и заканчивалось словами: «То время, когда Россия и Китай объединят свои революционные силы, будет днем гибели империализма. Конечная победа за нами» [21].

Советский Союз оказывал активную поддержку китайскому народу в его борьбе против иноземных поработителей. Но эта поддержка ни в коем случае не означала вмешательства во внутренние дела Китая. Основой помощи революционному Китаю служили успехи в социалистическом преобразовании СССР, в осуществлении ленинской национальной и внешней политики партии и Советского правительства.

Китайские рабочие, студенты, моряки, прогрессивные общественные и политические деятели, посещавшие Советский Союз, убеждались в том, что единственным выходом для Китая является «идти по пути русских». После ознакомления с жизнью трудящихся Советского Союза китайские моряки с английского парохода «Атлас», выступая в Одесском интернациональном клубе моряков, заявили: «Мы посетили много стран и народов и, наконец, мы попали в СССР. Мы теперь убеждаемся,

[19] «Правда», 26 июля 1925 года.
[20] АВП СССР, ф. 4/с, д. 51495, п. 157, лл. 99—100.
[21] Там же, д. 51568, п. 162, лл. 61—62.

что великое учение Ленина должно быть проведено в жизнь и у нас на родине»[22].

Направляя творческую энергию советского народа на построение социализма, Коммунистическая партия Советского Союза неустанно воспитывала трудящихся в духе дружбы народов, в духе братской солидарности с трудящимися всех стран, ведущими борьбу за национальное и социальное освобождение. Коммунистическая партия дала сокрушительный отпор троцкистско-зиновьевским капитулянтам, отрицавшим народный характер китайской революции и изображавшим ее как «верхушечный» переворот, направленный якобы не на уничтожение империалистического гнета и феодальных пережитков, а на борьбу за таможенную автономию Китая. Троцкисты пытались протащить контрреволюционную идейку о том, что будто бы революция в Китае в силу своего «верхушечного» характера не заслуживает поддержки советского народа и пролетариата других стран.

ЦК ВКП(б) разгромил антиленинские утверждения троцкистов, направленные на подрыв международной солидарности трудящихся и растущей дружбы народов СССР и Китая, защитил и развил дальше ленинские положения о революциях в колониальных и зависимых странах, указал на огромное международное значение, глубоко народный и ярко национальный характер антиимпериалистической, антифеодальной революции в Китае.

Разоблачив троцкистско-зиновьевских капитулянтов, ЦК ВКП(б) помог сознательному пролетариату всего мира правильно определить свое отношение к китайской революции и стать на позицию решительной поддержки освободительной борьбы китайского народа.

Большую роль в борьбе против троцкизма сыграли работы И. В. Сталина, посвященные китайской революции. Определяя отношение партии и советского народа к китайской революции, И. В. Сталин в политическом отчете ЦК ВКП(б) XIV съезду партии заявил: «Здесь правда и справедливость целиком на стороне китайской революции. Вот почему мы сочувствуем и будем сочувствовать китайской революции в её борьбе за освобождение китайского народа от ига империалистов и за объединение Китая в одно государство. Кто с этой силой не считается и не будет считаться, тот наверняка проиграет»[23].

Советские люди, убежденные в справедливом, освободительном характере борьбы китайского народа, с огромным удовлетворением воспринимали каждое известие об успехах революции в Китае, дружески поддерживали китайский народ в дни неудач и временных поражений, делились с ним богатейшим опытом революционной борьбы[24].

В ответ на открытое выступление империалистов в защиту китайской реакции в октябре 1924 г. в СССР было создано общество «Руки прочь от Китая!». В уставе его говорилось, что общество «Руки прочь от Китая!» учреждается с целью: а) оформить сознательное отношение трудящихся СССР к китайскому национально-освободительному движению и к борьбе народов Китая против эксплуатации и гнета империалистов; б) опираясь на массовую самодеятельность общественности СССР, оказывать этому движению помощь во всех доступных формах[25]. Членами общества могли быть как отдельные граждане, так и целые организации.

Активное участие в создании низовых ячеек общества принимали коммунисты и комсомольцы. Во многих партийных организациях состоялись открытые собрания, на которых обсуждались доклады о событиях в Китае и выносились решения о коллективном вступлении членов

[22] Газета «Призыв», 9 февраля 1927 года.

[23] И. В. Сталин. Соч. Т. 7, стр. 293—294.

[24] Об этом подробнее см. Л. Н. Бычков. Солидарность советского народа с китайской революцией (1924—1927). «Вопросы истории», 1953, № 2, стр. 98—104.

[25] АВП СССР, ф. 28/с, д. 6, п. 1, л. 1.

партии в общество. Например, 24 сентября 1924 г. в рабочем клубе поселка Ленино (Иркутск) состоялось общепоселковое партийное собрание, на котором после обсуждения доклада о международном положении и событиях в Китае была принята резолюция, одобрявшая внешнюю политику Советского Союза и выражавщая протест против империалистической агрессии в Китае. Коммунисты вынесли решение о коллективном вступлении в общество «Руки прочь от Китая!» и призвали всех трудящихся поселка последовать этому примеру [26].

Правление и ячейки общества «Руки прочь от Китая!» знакомили своих членов и всех граждан СССР с географией, историей, культурой, народным хозяйством Китая, распространяли литературу о Китае, устраивали лекции, выставки, концерты, спектакли, оказывали помощь агитаторам и пропагандистам, разъяснявшим населению сущность китайского революционного движения.

Во многих комсомольских ячейках при участии общества были созданы кружки по изучению Китая. В библиотеках организовывались «уголки Китая», в которых читатели могли познакомиться с литературой по Китаю, получить справку по тому или иному вопросу китайской революции. На специальных витринах, установленных в клубах, библиотеках, в цехах предприятий, помещались вырезки из газет и журналов, карикатуры и фотографии, посвященные китайским событиям. В клубах проводились молодежные «вечера Китая». На одном из таких вечеров, состоявшемся в Москве, в клубе завода имени Авиахима, после доклада о положении в Китае выступили со своими оркестрами и инсценировкой китайские студенты Коммунистического университета трудящихся Востока имени И. В. Сталина и Университета трудящихся Китая имени Сунь Ят-сена. В конце вечера молодежь просмотрела кинофильм «Китай в огне» [27].

Советские люди активно участвовали во всех мероприятиях, проводимых обществом «Руки прочь от Китая!». На собрании железнодорожников Самары, состоявшемся 27 марта 1927 г., было задано более 60 вопросов о положении в Китае, о перспективах вооруженной борьбы национально-революционной армии, о роли рабочего класса и Компартии Китая в революции, о материальном положении китайских рабочих и т. д. [28]. 5 апреля 1927 г. в Угличе состоялся вечер вопросов и ответов на тему о событиях в Китае. Зал театра был переполнен. После трех кратких вступительных докладов о событиях в Китае было задано около сотни вопросов. Собравшиеся приняли резолюцию против зверств империалистов в Наньцзине [29].

Из Советского Союза в Китай шел непрерывный поток обращений, приветственных писем и телеграмм в адрес Коммунистической партии Китая, рабочих и крестьянских организаций, национально-революционной армии. Трудящиеся СССР организовали сбор средств в помощь семьям китайских рабочих, пострадавших при расстрелах в Шанхае, Циндао, Панкине. Серьезную материальную поддержку китайскому рабочему классу оказывали советские профсоюзы. 11 июня 1925 г. Дальбюро ВЦСПС приняло решение о выделении 1 тыс. руб. в помощь рабочим Шанхая и призвало всех рабочих и служащих Дальнего Востока оказать помощь шанхайскому пролетариату [30]. В 1925—1926 гг. профсоюз советских металлистов послал рабочим Китая 16 101 руб., ЦК профсоюза рабочих водного транспорта — 1 500 руб., союз железнодорожников—15 тыс. руб., союз рабочих пищевой и вкусовой промышленности — 4 105 руб.,

[26] Газета «Власть труда» (Иркутск), 30 сентября 1924 года.
[27] «Комсомольская правда», 16 марта 1927 года.
[28] Газета «Коммуна» (Самара), 29 марта 1927 года.
[29] Газета «Плуг и молот» (Углич), 5 апреля 1927 года
[30] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 5451, оп. 9, д. 139, л. 92.

союз рабочих полиграфического производства — 1 500 руб., союз работников коммунального хозяйства — 4 547 руб. и т. д. [31].

В июне 1925 г. ВЦСПС направил бастовавшим китайским рабочим и семьям убитых 100 тыс. руб. [32], а в начале июля 1925 г. дополнительно отправил для тех же целей еще 50 тыс. рублей [33]. Кроме того, в марте 1927 г. он перевел Шанхайскому совету профсоюзов 100 тыс. руб. на нужды трудящихся, пострадавших при зверской бомбардировке Наньцзина [34]. На Украине был организован сбор средств для осиротевших китайских детей; рабочие Дмитриевской мануфактуры (Иваново-Вознесенск) постановили отработать два часа в пользу своих китайских товарищей; на предприятиях Саратова рабочие отчисляли по одному проценту с заработной платы в фонд помощи семьям расстрелянных в Наньцзине [35].

Выражая чувство глубокой признательности за братскую поддержку, оказанную рабочим Китая, Всекитайская федерация профсоюзов в телеграмме Центральному комитету союза советских металлистов писала: «Ничто не поднимет так нашей силы в тяжелой борьбе с мировым империализмом, как братская моральная и материальная помощь, которую так широко оказывает нам пролетариат, в особенности русские рабочие» [36].

В правление общества «Руки прочь от Китая!», в редакции центральных газет из самых отдаленных мест Советского Союза поступали денежные взносы в помощь китайским рабочим и многочисленные заявления, в которых рабочие, крестьяне, служащие и студенты настоятельно просили об отправке их в Китай для участия в революции в качестве солдат-добровольцев, санитаров, железнодорожников и т. д. Из Нижне-Назарьевска (Сибирский край) писали: «Не хочется быть только зрителем со стороны и помогать только горячими словами революционному Китаю, мало состоять членом общества «Руки прочь от Китая!», надо подсобить не только денежными взносами, но руками и головой» [37]. Особенно горячее желание принять практическое участие в революционной борьбе китайского народа проявляла учащаяся молодежь, целые группы которой изъявляли готовность отправиться в Китай, подкрепляя свои доводы ссылкой на англо-бурскую войну, когда из России беспрепятственно выезжали в Южную Африку тысячи добровольцев [38].

В ряде писем предлагалось немедленно начать сбор в СССР пожертвований деньгами, бельем, теплыми вещами, медикаментами, табаком и сушеными овощами для снабжения солдат национально-революционной армии, приступить к формированию госпиталя на 100 коек, перевязочных и питательных пунктов и т. д. Отвечая на многочисленные заявления трудящихся, правление общества «Руки прочь от Китая!» сообщало к всеобщему сведению, что советские, партийные и профессиональные организации, в том числе и Всесоюзное общество «Руки прочь от Китая!», не занимаются вербовкой для участия в освободительной борьбе китайского народа. Правление разъясняло, что если бы общество отправило в Китай даже не тысячу, а десяток — другой вооруженных добровольцев, то империалисты всех стран закричали бы о вооруженной интервенции СССР в Китае и использовали бы это как повод к открытому походу против революционного Китая под видом защиты его от «советского империализма». К тому же в Китае не было недостатка в людях, так как население Китая, насчитывавшее свыше 400 млн. человек, представляло собою неисчерпаемый запас революционных сил. Правление еще

[31] Там же, оп. 10 д. 299, лл. 1—13.
[32] «Правда», 14 июня 1925 года.
[33] «Правда», 15 июля 1925 года.
[34] «Правда», 1 апреля 1927 года.
[35] «Правда», 29 марта 1927 года.
[36] «Ленинградская правда», 25 июня 1925 года.
[37] АВП СССР, ф. 28/с, д. 6, п. 1, л. 11.
[38] Там же, лл. 11—12.

раз подчеркивало, что задача всех членов общества «Руки прочь от Китая!» заключается главным образом в том, чтобы разъяснять массам происходящие в Китае события и их значение [39].

Большую работу по разъяснению событий в Китае и укреплению дружбы между советским и китайским народами проводила советская печать. Изо дня в день на страницах советских газет сообщалось о героической борьбе рабочих и крестьян Китая, широко освещалась деятельность Китайской компартии и гоминьдана, разъяснялся истинный смысл развернувшихся событий. «Правда» и другие органы советской печати, разоблачая агрессивную политику империалистических держав в Китае, обращали внимание народов на то, что наиболее коварными и опасными врагами освободительного движения являются монополистические круги Соединенных Штатов Америки. В июне 1925 г. в редакционной статье «Легче на поворотах» «Правда» писала: «... Америка ловко ведет свою линию. Она «благожелательна» к Китаю. Она даже не прочь использовать ненависть к иностранному европейскому империализму, чтобы посадить «мирно» за стол империализм американский, отодвинув локтем дружескую китайцам руку трудовых масс СССР. Довольно цинично Америка посматривает на Англию, стремясь спихнуть ее, а вместе с ней и Японию,— с востока Азии» [40]. Расстрелы в Наньцзине, воочию показавшие, что Америка меньше всего была доброжелателем китайской революции, полностью подтвердили правильность этой характеристики американской политики в Китае.

Отмечая выдающуюся роль «Правды» в борьбе против империалистической агрессии, хунаньские организации Компартии Китая и гоминьдана в телеграмме по случаю 15-летия «Правды» писали: «Правда» совершила прекрасные подвиги и служит набатом, будящим угнетенные народы от векового рабства, ведет их к борьбе против капитализма, который будет сметен коммунизмом и социализмом, светит яркой звездой днем и ночью, служит, словно компас в бушующем море, неустанно борется против империалистической интервенции в Китае, указывает путь всему пролетариату и угнетенным народам, борющимся за освобождение; к «Правде» устремлены взоры всего революционного Китая» [41].

Последовательная борьба советского народа в защиту китайской революции вызывала горячий отклик не только среди трудящихся масс Китая, но и среди всех угнетенных народов мира. Выступая на состоявшемся в Брюсселе в феврале 1927 г. антиимпериалистическом конгрессе, в работе которого участвовали представители Китая, Индии, СССР, Англии, Африки, Кубы, Индокитая, Кореи, Южной Америки и других стран, представитель негров Южной Африки заявил: «Только коммунисты принимают всерьез интересы цветных. До нас доходит очень мало сведений о Советской России, но мы поняли, что власть принадлежит там друзьям угнетенных» [42]. Выступления других делегатов конгресса также были проникнуты любовью и благодарностью к Советскому Союзу. При открытии конгресса делегаты пять минут аплодировали в честь Великой Октябрьской социалистической революции. По предложению английской, китайской и индийской делегаций конгресс принял резолюцию, которая требовала отвода иностранных войск из Китая и призывала трудящихся к забастовке, стачкам и другим методам борьбы против отправки войск и оружия в Китай и Индию и через Индию в Китай. Резолюция требовала также отмены неравноправных договоров и права экстерриториальности, передачи иностранных концессий в Китае китайскому национальному правительству. От индийской делегации резолюцию подписал Д. Неру [43].

---

[39] Там же, лл. 12, 13.
[40] «Правда», 16 июня 1925 года.
[41] «Правда», 8 мая 1927 года.
[42] «Правда», 15 февраля 1927 года.
[43] «Правда», 16 февраля 1927 года.

★

Значительным вкладом в дело укрепления советско-китайской дружбы явилась борьба советского народа за сохранение и упрочение мира во всем мире, за срыв военных планов империалистов, направленных против Советского Союза и Китая.

Империалистические пропагандисты кричали, что внешняя политика России, несмотря на свержение монархии и установление Советской республики, осталась по-прежнему империалистической. Россия, мол, желает хаоса и войны в Китае для того, чтобы захватить Монголию, Синьцзян, Северную Маньчжурию, а это угрожает жизненным интересам всего мира. Поэтому, призывала реакционная печать, надо объявить войну России. Так, редактор издававшегося в Шанхае журнала «Far Eastern Review» Бронсон Рэй в статье «Как можно остановить Россию» клеветнически заявлял, что политика СССР в Китае означает войну против Англии и Японии, и утверждал, что «это дает полные легальные основания для интервенции указанных держав против России» [44].

Главную ставку в осуществлении интервенционистских планов против Советского Союза империалистическая пропаганда делала на США. Газета «Far Eastern Times» особо подчеркивала, что «всякая нация, которая поднимется с оружием против России, будет пользоваться американской поддержкой...» [45]. Лидер английских консерваторов Чемберлен выступил с предложением мобилизовать все силы Европы и США против СССР. В качестве первого шага к реализации этого предложения английское правительство направило эскадру военных кораблей в Балтийское море. 15 июня 1925 г. в Хельсинки прибыли четыре английских крейсера и девять других кораблей под командованием адмирала Келли [46]. Пребывание английской эскадры в Балтийском море вызвало оживление белогвардейской эмиграции и других антисоветских групп. В Северной Африке, в Югославии, Болгарии, Греции, Венгрии, Польше, Германии ускоренно формировались белогвардейские отряды, участились провокационные налеты на советскую территорию, развернулась лихорадочная деятельность по созданию системы экономических блоков и соглашений (план Доуэса, Локарнские соглашения, так называемые «гарантийные договоры» и т. д.). На всех этих соглашениях, указывал VI расширенный пленум ИККИ, лежала неизгладимая печать гегемонии американского империализма [47]. Все они направлены были своим острием против Советского Союза и означали расстановку сил для новой войны.

Учитывая создавшуюся обстановку, XIV съезд ВКП(б) поручил Центральному Комитету партии вести такую политику, которая обеспечивала бы экономическую независимость СССР от капиталистического окружения и укрепление обороны страны. В области внешней политики съезд поставил задачи: а) всемерно укреплять союз рабочего класса СССР с пролетариатом капиталистических стран и с угнетенными народами колоний и зависимых стран, б) вести политику мира, которая должна стоять в центре всей внешнеполитической деятельности правительства и определять все его основные выступления [48].

ЦК ВКП(б) и Советское правительство последовательно и твердо проводили в жизнь решения съезда партии, опровергая своей миролюбивой политикой все клеветнические измышления империалистической

---

[44] АВП СССР, ф. 4/с, д. 51570, п. 162, л. 82.
[45] Там же, д. 51497, п. 157, л. 160.
[46] «Правда», 17 июня 1925 года.
[47] «Коммунистический Интернационал в документах (1919—1932)». М. 1933, стр. 531.
[48] См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», Ч. II. Госполитиздат. Изд. 7-е, стр. 75.

буржуазии и срывая ее агрессивные замыслы, направленные против советского и китайского народов.

Советский Союз с глубоким уважением относился к суверенным правам Китая и, следуя духу и букве советско-китайского договора от 31 мая 1924 г., принимал действенные меры к тому, чтобы устранить всякие помехи на пути дальнейшего укрепления подлинно равноправных, дружественных отношений между СССР и Китаем.

Советское правительство шло навстречу правительству Китая по всем вопросам, в которых был заинтересован китайский народ. 5 мая 1926 г. МИД Китайской Республики в письме на имя посла СССР в Китае сообщило о тяжелом положении, в котором оказалось народное просвещение в Бэйцзине в связи с большой финансовой задолженностью [49]. В ответной ноте от 10 мая 1926 г. советское посольство заявило, что оно считает необходимым безотлагательно прийти на помощь народному просвещению в Бэйцзине, и выразило от имени Советского правительства согласие на то, чтобы из русской доли «боксерской» контрибуции, находившейся в китайской таможне, было немедленно выделено 100 тыс. долларов на поддержку народного просвещения в Бэйцзине [50]. В середине сентября 1926 г. комиссия по управлению и распределению русской доли «боксерской» контрибуции в составе одного советского и трех китайских представителей выдала для нужд народного просвещения 200 тыс. долларов, а в ноябре того же года — 300 тыс. долларов [51].

Миролюбивая и дружественная политика СССР в отношении Китая не позволила империалистам втянуть Китай в войну против СССР, хотя реакционные круги и прилагали все силы, чтобы осуществить эту авантюру. Начиная с конца 1924 г. наемник империалистов Чжан Цзо-линь начал систематический поход против профсоюзов на КВЖД и завершил его серией наглых антисоветских провокаций, которые, по мысли их организаторов и вдохновителей — иностранных империалистов,— должны были похоронить советско-китайское соглашение о временном управлении Китайской Восточной железной дорогой от 31 мая 1924 г. и дополнительное соглашение, подписанное в Шэньяне 20 сентября 1924 года. Однако, вопреки расчетам империалистов, благодаря усилиям Советского правительства, поддержанным советским и китайским народами, конфликт на КВЖД был урегулирован. Выражая удовлетворение по поводу этого, «Правда» писала: «Граждане СССР и широкие массы Китая будут, несомненно, крайне рады тому, что удалось избежать острого конфликта. Все мы выражаем твердую волю к миру, миру и еще раз миру». «Правда» подчеркивала, что Советское правительство, следуя своей неуклонной политике мира, будет и впредь отстаивать принцип неограниченного суверенитета Китая [52].

Урегулирование взаимоотношений между СССР и Китаем не отвечало планам империалистических держав, поэтому они плели все новые и новые интриги против Советского Союза. В 1927 г., когда борьба в Китае достигла наибольшей остроты, а внутренние противоречия империалистической системы еще более усилились, антисоветский поход принял особенно широкий и разнузданный характер. 23 февраля 1927 г. английское правительство направило правительству Советского Союза резкую ноту с необоснованным обвинением его в антибританской деятельности. 6 апреля того же года чжанцзолиновские агенты совершили провокационный налет на советское полпредство в Бэйцзине. Нападению подверглись советские консульства в Шанхае и Тяньцзине. Вскоре после этого началось публикование якобы захваченных в полпредстве «документов коммунистического заговора». Погром в советских дипломатических учре-

[49] АВП СССР, ф. 4/с, д. 51568, п. 162, лл. 64—65.
[50] Там же, л. 66.
[51] Там же, д. 51575, п. 162, л. 64.
[52] «Правда», 29 января 1926 года.

ждениях был совершен по указке иностранных империалистов. В ноте китайского посольства в Москве, направленной 8 апреля 1927 г. в НКИД СССР, признавалось, что обыск в помещениях Дальневосточного банка и в старых русских казармах, находившихся в непосредственном ведении советского посольства, был произведен военными и полицейскими властями с предварительного согласия дипломатического корпуса [53].

Империалистические державы надеялись спровоцировать вооруженное выступление СССР против Чжан Цзо-линя, чтобы получить повод для расширения империалистической интервенции в Китае, для войны против Советского Союза. Разоблачая реакционные круги США, принимавшие активное участие в организации антисоветских провокаций в Китае, Центральный Комитет Компартии США в воззвании к американским рабочим заявлял: «Правительство Соединенных Штатов вместе с другими империалистами участвует в этом нападении. Американские империалисты опасаются, что победа китайской революции ослабит их положение на Филиппинах и усилит сопротивление их захватнической политике в Мексике, Никарагуа и во всей Латинской Америке. Империалисты Соединенных Штатов в настоящий момент с особенной силой стремятся завоевать мировую гегемонию» [54].

Однако, как ни старалась реакция, попытка запугать и спровоцировать СССР не удалась. В ноте китайскому правительству от 9 апреля 1927 г. правительство Советского Союза выразило решительный протест против антисоветских провокаций и твердо заявило, что оно не даст себя спровоцировать кому бы то ни было и будет всеми силами отстаивать дело мира между народами. «Советское правительство,— говорилось в ноте,— не сомневается при этом, что оно в этом своем стремлении к миру встретит дружную поддержку трудящихся масс всех стран, в том числе прежде всего — народов Китая и СССР» [55].

Народные массы СССР и Китая горячо одобрили и поддержали миролюбивую политику Советского правительства. Узнав о том, что милитарист Чжан Цзо-линь потребовал высылки советского посла из Китая, Женская ассоциация провинции Хунань в письме на имя посла СССР писала: «Наша лига от имени всех женщин в провинции Хунань поддерживает дружественные сношения России и Китая и г-на Посла и высказывается против сумасбродного, выходящего из всяких границ поступка, собаки империалистов, Чжан Цзо-линя» [56]. С таким же решительным протестом против злобных антисоветских выпадов империалистов и их агентуры выступали все прогрессивные общественные организации Китая. В письме советскому послу Хубэйская лига сближения Китая с Россией заявляла: «Союз глубоко верит, что СССР — добрый друг нашей революции. Наш народ хорошо понимает темные планы империалистов, и на нашу революционную борьбу это (речь идет об антисоветских выпадах империалистов.— *А. О.*) не повлияет» [57].

В свою очередь, советские люди единодушно заявляли, что нет такой силы, которая могла бы подорвать единство, сплоченность советского народа и его готовность к любой, пусть самой суровой, борьбе под руководством ВКП(б). «Мы,— говорилось в резолюции митинга рабочих Чертовищенской фабрики Иваново-Вознесенской губернии,— не порвем той солидарности с порабощенным китайским народом, которая с каждым днем крепнет благодаря правильной политике Советского правительства» [58].

Ослепленные ненавистью к демократии и социализму, правящие круги Великобритании пошли даже на такой неблагоразумный, противо-

[53] АВП СССР, ф. 100/а, оп. 11, д. 2, п. 12, л. 90.
[54] «Правда», 16 апреля 1927 года.
[55] «Правда», 10 апреля 1927 года.
[56] АВП СССР, ф. 4/с, д. 51568, п. 162, л. 59.
[57] Там же, л. 58.
[58] «Приволжская правда» (Кинешма), 20 апреля 1927 года.

речащий интересам и воле английского народа шаг, как односторонний, ничем не обоснованный разрыв торговых и дипломатических отношений с СССР. Вскрывая перед всем миром подоплеку этой империалистической политики, Советское правительство в ноте от 28 мая 1927 г., адресованной правительству Великобритании, указывало, что основной причиной разрыва является поражение консервативного правительства в Китае и попытка прикрыть это поражение диверсией в сторону Советского Союза [59].

В связи с разрывом Англией дипломатических отношений с СССР Центральный Комитет ВКП(б) принял обращение «Ко всем организациям ВКП(б), ко всем рабочим и крестьянам». В этом обращении ЦК ВКП(б) показал, что важнейшим, определяющим противоречием всей международной обстановки являлось противоречие между воинствующим империализмом, с одной стороны, пролетарской диктатурой в СССР и освободительной революцией в Китае, с другой стороны. Империализм стремился разрешить это противоречие путем организации войны против СССР, путем вооруженного подавления освободительной борьбы китайского народа. Указав на опасность империалистической интервенции против Советского Союза, ЦК ВКП(б) еще раз подчеркнул, что на все провокации и угрозы реакционных сил Коммунистическая партия, Советское правительство и весь советский народ отвечали и будут отвечать последовательным осуществлением политики мира. «Все видели,— говорилось в обращении ЦК ВКП(б),— мирную политику нашей партии и СССР. Все знают, что мы неуклонно боролись и боремся за мир. Все возможное нами делалось и делается во имя сохранения мира» [60].

Заявив о непреклонной решимости Коммунистической партии и впредь проводить политику мира, ЦК ВКП(б) призвал советских людей ответить на возраставшую угрозу войны еще более напряженными усилиями на фронте хозяйственного строительства и в деле укрепления обороны страны.

В ответ на обращение ЦК ВКП(б) советский народ усилил борьбу за индустриализацию страны, за подъем сельского хозяйства, за дальнейшее укрепление оборонной мощи Советского государства. В то же время советский рабочий класс продолжал оказывать посильную материальную помощь китайским товарищам. Когда в июне 1927 г. вдова Сунь Ят-сена Сун Цин-лин от имени Общества помощи уханьским солдатам обратилась в ВЦСПС с просьбой помочь раненым солдатам революционной армии, ВЦСПС ассигновал из своих средств 30 тыс. рублей и предложил всем профорганизациям Советского Союза оказать материальную поддержку Обществу помощи уханьским солдатам [61].

Советский народ не забывал своих китайских друзей в самые тяжелые для них времена чанкайшистского террора. В августе 1927 г. «Правда» обратилась к трудящимся всего мира с призывом еще более развернутым фронтом повести борьбу против империалистической интервенции и зверств чанкайшистской клики в Китае. «Именно теперь,— писала «Правда»,— молодая Коммунистическая партия Китая, высоко держащая знамя борьбы за китайскую независимость, за объединение китайского народа, должна быть окружена стеной сочувствия со стороны трудовых масс всего мира» [62].

29 июля — 9 августа 1927 г. состоялся объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). Подчеркнув, что так называемые русский и китайский «вопросы» являются для международного империализма наиболее острыми вопросами политики, пленум указывал, что империализм был заинтересован в этих «вопросах» по двум направлениям: по направлению экономи-

[59] «Правда», 29 мая 1927 года.
[60] «Правда», 1 июня 1927 года.
[61] «Беднота», 26 июня 1927 года.
[62] «Правда», 20 августа 1927 года.

ческой экспансии (рынки, сферы вложения капиталов, источники сырья) и по линии превентивной войны против революции. Пленум ЦК и ЦКК разоблачил агрессивные замыслы империалистических правительств; заклеймил поведение лидеров правых оппортунистов (Каутский, Макдональд и др.) и «ультралевых» (Маслов, Фишер и др.), прикрывавших и оправдывавших интервенцию в Китае и подготовку войны против СССР; пригвоздил к позорному столбу троцкистско-зиновьевских капитулянтов, которые в момент обострения военной опасности повели бешеную атаку против ВКП(б) и китайских революционеров. Пленум разоблачил клеветнические утверждения троцкистов об окончательном поражении китайской революции и на основе глубокого анализа внутреннего и внешнего положения Китая сделал вывод о том, что «временное поражение революции будет сменено в сравнительно короткий срок новым ее подъемом»[63].

Правильность этого вывода была подтверждена событиями, ознаменовавшими начало второй революционной гражданской войны в Китае.

★

Моральная и материальная поддержка советского народа вдохновляла борцов за новый, свободный и процветающий Китай, умножала их силы и энергию. Указывая на огромное значение этой поддержки для дела китайской революции и укрепления дружбы между народами Китая и Советского Союза, Мао Цзэ-дун в докладе на VII съезде КПК (1945 г.) говорил: «Советский Союз первым отказался от неравноправных договоров и заключил с Китаем новые, равноправные договоры. Во время 1-го съезда гоминьдана, созванного Сунь Ят-сеном в 1924 году, и позднее, в период Северного похода, Советский Союз был единственным государством, которое оказывало поддержку освободительной войне Китая... Китайский народ выражает свою благодарность советскому правительству и советскому народу за всю эту помощь»[64].

Рожденная Октябрьской революцией дружба советского и китайского народов с честью выдержала суровую проверку в огне революционной борьбы, закалилась и окрепла, стала образцом братской дружбы для всех народов земного шара.

---

[63] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. II, стр. 251.

[64] Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Т. 4, стр. 552.

СОДРУЖЕСТВО РУССКИХ И ГРУЗИНСКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ НАРОДНИКОВ В 70—80-х годах XIX века

З. Л. Швелидзе

Реформа 1861 г. открыла новый период в истории освободительного движения России, когда разночинец, по словам В. И. Ленина, стал главным, массовым деятелем этой эпохи, а «господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, стало народничество» [1].

Народничество как политическое революционное движение приобрело в первые два десятилетия после реформы 1861 г. характер движения всероссийского. Оно распространилось и на окраины страны, в частности на Закавказье. В нем приняли участие довольно широкие круги национальной интеллигенции, а также некоторая часть крестьян и рабочих. Сильное развитие оно получило и в Грузии.

Начало народнического движения в Грузии почти совпало с первыми шагами народников в Центральной России. И русское и грузинское народничество было порождено условиями жизни пореформенной России. Крестьянская реформа в Грузии была проведена в 1864—1865 гг. в интересах помещиков, сохранивших и после отмены крепостного права значительную часть своих феодальных привилегий. На плечи грузинского крестьянства, помимо остатков крепостного права, легло тяжелое бремя капиталистической эксплуатации. Все это усугублялось колониальным порабощением народных масс русским царизмом.

В пореформенной Грузии, как и в России, слабо была развита промышленность, господствовало мелкое крестьянское и ремесленное хозяйство при почти полном отсутствии рабочего класса, который в то время в Грузии еще только зарождался.

«Отсталость России,— писал В. И. Ленин,— естественно объясняет большую прочность в нашей стране различных отсталых учений социализма» [2]. Это указание В. И. Ленина в еще большей степени относится к Грузии. Грузинская разночинная интеллигенция стремилась найти средства для избавления народа от тройного гнета. Часть этой интеллигенции, ознакомившись с программой русских народников, прониклась верой в их учение и полностью восприняла их идейные и политические взгляды.

Грузинское народническое движение представляло собой ответвление русского народничества, так как его идейные и организационные истоки находились в России. Грузинские народники, как и русские, не понимали объективной закономерности развития капитализма как во всей России, так и в Грузии, считали не рабочий класс, а крестьянство основной движущей силой революции, победа которой должна была, по их взглядам, привести к социализму, с идеалистических позиций определяли роль личности в истории. Эта близость взглядов русских и грузинских народников выражалась не только в области идейной, но и в практической организационной деятельности.

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 224.
[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 9, стр. 408.

В 70—80-х годах в народнических организациях Грузии вели революционную работу не только грузины, но и русские, украинцы, армяне, азербайджанцы, осетины и представители других национальностей. Грузинские революционные народники в отличие от буржуазных грузинских националистов стояли за тесную связь с Россией. По их мнению, только революция в масштабе Российской империи могла принести свободу всем народам, в том числе и грузинскому, поэтому, по словам известного народника Ш. Давиташвили, «они упорно готовились к разрушению силами революционеров русского государственного строя». «Грузия,— писал он в своих воспоминаниях,— тесно связана с Россией. Грузинский народ не может освободиться, если не будет разрушен государственный строй в России. Следовательно, если молодежь Грузии служит делу русской революции, то этим она помогает не только русскому народу, но помогает и интересам Грузии» [3].

Вместе с тем следует отметить, что грузинское народническое движение имело и некоторые отличные от русского народничества черты [4], обусловленные социально-экономическими и политическими особенностями развития Грузии и ее положением в составе России как страны угнетенной. Перед Грузией стояли задачи не только социального, но и национального освобождения. В связи с этим национальный вопрос занимал в воззрениях грузинских народников гораздо большее место, чем у русских. В. И. Ленин, говоря о русских революционных народниках, указывал, что недостатком их мировоззрения являлось «непонимание их социалистических обязанностей по отношению к нациям подавленным, пережевывание предрассудков, перенятых от «великодержавной» буржуазии» [5].

В пропаганде грузинских народников содержалось определенное требование о том, что в случае «социальной революции» должна быть предоставлена свобода всем угнетенным народам. Но одновременно они призывали грузинский народ «организоваться» под одним общим с русским «социал-революционным знаменем» [6] и выступали против отделения Грузии и всего Закавказья от России.

Своеобразным было отношение грузинских народников к вопросу о крестьянской общине, являвшейся краеугольным камнем в учении русских народников. Поскольку в грузинских селениях отсутствовали характерные для русской деревни общинные порядки, народники, на первых порах, пытались убедить местное крестьянство в пользе введения общинного владения землей. Известный идеолог грузинских народников А. Пурцеладзе писал, что если в Грузии «не будет такого землевладения, какое имеется во многих русских селах, тогда улучшение положения бедных крестьян невозможно и успех будут иметь хозяйства очень состоятельных людей» [7]. Но грузинские народники вскоре убедились в невозможности введения в Грузии общинного землевладения и вместо этого пытались организовать «сельские ассоциации», «товарные склады», «общественные хлебные магазины», которые предполагалось построить на принципе равноправия и взаимной поруки. Газета «Дроеба», орган грузинской разночинной интеллигенции, писала, что эти ассоциации должны воспрепятствовать захвату земель в частную собственность, обеспечить коллективную обработку, установить практически круговую поруку, так как «обособленная сила у нас всегда останется бессильной и бесполезной» [8]. Народники утверждали также, что ассоциации будут полезны для крестьянства

[3] Ш. Давиташвили. Народническое движение в Грузии (Воспоминания). Тбилиси. 1940, стр. 40.

[4] З. Л. Швелидзе. Народническое движение в Грузии 70-х годов XIX в. Тбилиси. 1951 (кандидатская диссертация).

[5] В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 406.

[6] И. С. Джабадари. «Процесс 50-ти». Журнал «Былое», 1907, № 9, стр. 179.

[7] Журнал «Гутнис Деда», 1874, № 11, стр. 5.

[8] «Дроеба», № 10, 10 марта 1867 года.

лишь в том случае, если в них не проникнут капиталистические элементы [9].

Отличительной чертой грузинских народников была также особая трактовка вопросов развития капитализма в Грузии. Подобно своим русским собратьям и учителям, они враждебно относились к капиталистическому строю, однако в целях улучшения материальных условий жизни крестьянства допускали возможность заключения выгодных сделок на поставку крестьянами сырья и продуктов питания хозяевам капиталистических предприятий. Таким образом, грузинские народники, как об этом говорил А. Пурцеладзе, считали возможным примириться с развитием капитализма, но стремились оградить от него деревню, ограничивая связи крестьян с промышленниками лишь выгодной торговлей [10].

И, наконец, своеобразие воззрений народников Грузии проявилось в отношении к индивидуальному террору. Хотя грузинские народники разделяли точку зрения русского народничества о «героях и толпе», но тактика индивидуального террора никогда не была для них основным практическим средством борьбы. Русские народники считали необходимым условием освобождения народов России в первую очередь убийство царя, поэтому члены грузинских организаций находили террор против местных властей излишним.

Итак, грузинское народничество, возникшее под непосредственным влиянием русского, имело благодаря местным условиям отличительные черты, которые не исключали единства взглядов русского и грузинского народничества по коренным вопросам.

Передовые представители русской и грузинской интеллигенции совместно боролись против социального неравенства, как в тайных обществах, действовавших внутри Российской империи, так и за границей. В 70-х годах существовала довольно крупная грузинская колония в Цюрихе, с которой имели связь почти все грузинские эмигранты и студенты, находившиеся за границей.

Группа революционно настроенной молодежи, входившая в эту колонию, весной 1873 г. организовала общество под названием «Угели» («Ярмо»). Члены общества были тесно связаны с находившимися в Швейцарии русскими революционерами и французскими коммунарами. В то время за границей устанавливались интернациональные связи между революционерами России и Западной Европы.

«Благодаря вынужденной царизмом эмигрантщине, — писал В. И. Ленин,— революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире» [11]. Среди членов общества «Угели» не было полного единства взглядов. Большинство этой организации стояло на буржуазно-националистической платформе. Меньшинство же разделяло взгляды революционного народничества.

В августе 1874 г. в Женеве на расширенном конгрессе этого общества присутствовали русские народники Ткачев, Гольденберг, Элпидин и французские коммунары Ле Франсэ, Монтельс, Бабик и др.[12]. Они поддержали точку зрения народнического меньшинства конгресса И. Джабадари, А. Цицишвили, М. Чикоидзе, А. Елиозишвили и других, которые утверждали, что кавказцы не должны требовать отделения от России,

---

[9] См. А. Пурцеладзе. Письма о деревенской жизни. Журнал «Сасопло газеты», 1875, №№ 5, 11.

[10] См. «Гутнис Деда», 1874, № 5, стр. 4.

[11] В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 9.

[12] «Былое», 1907, № 9, стр. 177.

а должны объединиться с передовыми представителями русского народа в совместной борьбе против царизма. Большинство же конгресса во главе с Г. Церетели, С. Месхи, П. Измайловым считало основным условием социального освобождения народов Закавказья их отделение от России.

Архивные документы и воспоминания отдельных лиц свидетельствуют о том, что грузины — члены общества «Угели» — Н. Николадзе, Г. Церетели, Д. Миколадзе, А. Елиозишвили, Г. Елиозишвили, А. Цицишвили, О. Гурамишвили, Олимпиада и Екатерина Николадзе, М. Церетели, А. Макашвили, Р. Чолокашвили, А. Нанейшвили и др. находились в близких отношениях с русскими и европейскими революционерами.

Существуют убедительные доказательства того, что Николадзе был знаком с Карлом Марксом. Об этом писал покойный профессор С. Хундадзе: «Относительно К. Маркса он (Николадзе.— *З. Ш.*) лично мне передал, что в период его пребывания за границей он получил предложение от К. Маркса взять на себя представительство Интернационала в Закавказье. По разным причинам Николадзе отказался от этого предложения» [13]. Такое предложение вполне могло быть сделано К. Марксом, так как Интернационал нуждался в своих представителях внутри России, в том числе и в Закавказье. Ведь недаром третье отделение 19 января 1872 г. секретным циркуляром предупреждало начальника тифлисского губернского управления, что «Интернациональное общество... для распространения своего мировоззрения направляет в Россию своих уполномоченных. Просим ваше высокоблагородие обратить на это внимание и если что-нибудь приметите, немедленно сообщите об этом Третьему отделению канцелярии его величества» [14]. Но наиболее прочную связь члены этого общества установили с теоретиками и практическими деятелями народничества М. Бакуниным, П. Ткачевым, Н. Морозовым, В. Фигнер, С. Саблиным и другими.

Женщины — члены общества «Угели» — Ольга Гурамишвили, Екатерина Николадзе и Машо Церетели часто присутствовали на заседаниях секции Интернационала в Женеве. Здесь познакомился с ними русский революционер Н. Морозов. В своих мемуарах он писал: «Когда я не был еще членом Интернационала и приходил на его заседания в качестве гостя, я почти всегда видел там молодое трио из юных девиц, сидевших обыкновенно как раз против меня на другой стороне залы собрания... И вот это молодое трио, на которое я часто заглядывался в Интернационале, было здесь представлено в группе молодежи, просившей Тверетинова познакомить меня с нею. Все тотчас обступили меня и стали расспрашивать о моих приключениях в народе и о выводах, к которым я пришел в результате своей пропаганды. Они с величайшим вниманием слушали мои рассказы. Мы все очень сочувствуем этому,— сказала мне М. Церетели» [15].

Участие грузинской молодежи в заседаниях Интернационала и связь их с русскими эмигрантами подтверждаются и некоторыми архивными материалами. В документе, сохранившемся в отделе личных фондов Центрального государственного исторического архива в Москве, говорится, что находившиеся в Швейцарии грузины имели своего представителя в Интернационале по фамилии Джорджадзе, который пользовался большим влиянием среди членов русской секции Интернационала [16].

Ввиду того, что существовала тесная связь между грузинскими сту-

---

[13] Журнал «Дроша» («Знамя»), 1934, № 14—15, стр. 7.

[14] Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) Грузинской ССР, ф. 7 с, 1873 г., д. 1, л. 115.

[15] Н. А. Морозов. Повести моей жизни. Т. I. М. 1947, стр. 447—448.

[16] Центральный государственный исторический архив (ЦГИА), ф. 825, оп. 1, д. 313, л. 1.

дентами и русскими революционерами-эмигрантами, общество «Угели» расценивалось царскими властями как часть «заграничного славянского Комитета», который ставил своей целью «распространение в Закавказском крае революционной пропаганды» [17].

Внутри Российской империи народники вели напряженную работу. С начала 70-х годов XIX в. народнические кружки возникли почти во всех уездах Тифлисской и Кутаисской губерний. В течение 70—80-х годов они были тесно связаны как между собой, так и с петербургскими и московскими народническими организациями, получали от них советы и указания, литературу и финансовую помощь. Связь народнических кружков России и Грузии осуществлялась путем переписки, а также посредством личного участия грузинских народников в работе русских нелегальных кружков и, наоборот, в форме сотрудничества с приезжавшими в Грузию русскими революционерами.

Грузинские народники стремились разжечь в крестьянах бунтарский дух. Народники С. Мгалоблишвили, А. Пурцеладзе, Ш. Давиташвили, М. Кипиани, И. Киходзе вели пропаганду среди крестьян Горийского, Зугдидского и других уездов [18]. Они распространяли запрещенную литературу, переводя ее с русского на грузинский язык и печатая в нелегальной типографии в селении Тквиави, Горийского уезда. В селениях народники устраивали тайные собрания, на которых призывали крестьян к восстанию против правительства [19]. Они заявляли, что восстание должно начаться, как только вспыхнет крестьянская революция в России. Народники считали, что крестьяне Грузии готовы к восстанию, так как часты были случаи столкновений между правительственными карательными отрядами и крестьянами. Эти столкновения иногда перерастали в стихийные крестьянские волнения.

Особенно большие надежды народники возлагали на Западную Грузию, в частности на крестьян Мингрелии, Сванетии и Гурии, так как там в 70-х годах наиболее сильно проявлялось недовольство крестьян. Чтобы быть ближе к этим районам, народники в середине 70-х годов перенесли сюда свой руководящий центр. Они установили связь с восставшими в 1874—1876 гг. крестьянами Мингрелии и Сванетии и попытались возглавить это движение; вовлекли в свои кружки часть крестьян Гурии и Мингрелии [20]. Но крестьянство в своей массе не пошло за ними, и таким образом, деятельность народников, основанная на утопической теории, в конечном счете потерпела крах.

В 1873—1874 гг. в Петербурге действовала нелегальная организация грузинской студенческой молодежи, которая в материалах жандармерии называется «кружком грузин». В него входили Рафаил и Елизавета Казбеги, Михаил Кипиани и др. Кружок ставил своей целью путем пропаганды вызвать восстание среди крестьян. Он имел тесную связь с русскими революционными кружками и отдельными революционерами. Например, Р. Казбеги вел шифрованную переписку с русскими революционерами Петром Макаревичем и Андреем Желябовым, Е. Казбеги поддерживала тесный контакт с народницей Анной Макаревич [21].

---

[17] Там же, л. 2.

[18] ЦГИА Грузинской ССР, ф. 7 с, 1876 г., д. 19, лл. 59—60; д. 20, л. 310; ф.7, 1876 г., д. 2506, л. 39; С. Мгалоблишвили. Воспоминания. Тбилиси. 1938, стр. 83; Ш. Давиташвили. Указ. соч., стр. 67—68.

[19] ЦГИА Грузинской ССР, ф. 7 с, 1876 г., д. 20, лл. 68, 309—310; д. 21, л. 40; ф. 7, 1876 г., д. 2506, л. 16; С. Мгалоблишвили. Указ. соч., стр. 83—84; Ш. Давиташвили. Указ. соч., стр. 30.

[20] ЦГИА Грузинской ССР, ф. 7 с, 1876 г., д. 21, лл. 33—34, 55.

[21] ЦГИА, ф. 112, 1875 г., д. 224, лл. 14, 47.

Параллельно с «кружком грузин» в Петербурге был организован так называемый «кружок кавказцев», в котором состояли Игнатий Иоселиани, Иосиф и Константин Бакрадзе, Лаврентий и Полиевкт Квицаридзе, Исидор Кикодзе и др. Они принимали активное участие в «хождении в народ», но после неудачи этого движения «кружок кавказцев» прекратил свое существование. Одна часть его членов (И. Иоселиани, И. Бакрадзе и др.) уехала в Грузию и там продолжала революционную работу, другая (Г. Зданович, И. Кикодзе и др.) осталась в России и приняла активное участие в деятельности московской организации народников [22]. В группу «москвичей» входили также грузины И. Джабадари, М. Чикоидзе, А. Гамрекелидзе, А. Цицишвили и др.

Московская группа, оформившаяся в 1874—1875 гг. как «Всероссийская социал-революционная организация», создала руководящий центр, который назывался «Администрацией». Члены этой группы после неудачи «хождения в народ», которую они объясняли отсталостью и темнотой русских крестьян, решили изменить свою тактику. Они стали работать с городскими рабочими и готовить из их среды пропагандистов для установления более тесного союза между интеллигенцией и крестьянством. В городских рабочих они еще не разгадали представителей нового класса и считали их просто более сознательными крестьянами.

С целью установления связи с рабочими народники С. Бардина, В. Фигнер, Б. Каминская, И. Джабадари, О. Любатович и др. поступили чернорабочими на фабрики и заводы.

Свою деятельность «москвичи» развернули в Иваново-Вознесенске, Туле, Киеве, Одессе и других городах России. Они организовали нелегальные кружки из четырех — семи человек, которые подчинялись руководящему центру — «Администрации».

Московская организация была дружным коллективом, объединявшим русскую и грузинскую революционную молодежь. Участники этой организации были проникнуты духом интернационализма и совместно боролись за победу русской революции. «Никто из моих земляков,— писал впоследствии И. Джабадари,— принимающих участие в нашем процессе, о сепаратизме и не думал, а работал исключительно для торжества русской социальной революции, которая одна даст свободу всем народам России, а следовательно, и нам, грузинам» [23].

Грузинские революционеры, входившие в московскую группу, не были оторваны от общественной жизни Грузии. Они были тесно связаны с работавшими там народниками, помогали им в подготовке грузинских крестьян к участию в общерусской крестьянской революции, вели постоянную переписку с членами народнических кружков Грузии, давали им советы, посылали революционную литературу, приезжали на Кавказ для знакомства на месте с постановкой революционной работы. Так, в 1875 г. с этой целью в Закавказье приезжал М. Чикоидзе. В течение того же года А. Цицишвили дважды (в январе и феврале) ездил в Грузию для ознакомления с деятельностью народнических организаций в Тифлисе и Кутаисе и с целью продажи своего личного имущества для получения средств на нужды революционных организаций [24].

Один из участников организации «москвичей» — И. Кикодзе — был настолько тесно связан с народническими кружками в Гори и Кутаисе, что жандармы считали его членом этой организации [25]. Доказательством этих связей могут служить дошедшие до нас письма. Например, член московской организации Г. Зданович в письме к одному из лидеров грузинского народнического движения, М. Кипиани, предупреждал грузин-

[22] «Деятели революционного движения в России». Т. II. Вып. 1, М. 1930, стр. 348—349; Т. II, вып. 2, стр. 517, 566—567; «История классовой борьбы в Закавказье». Тбилиси. 1930, стр. 98.

[23] «Былое», 1907, № 8, стр. 2.

[24] ЦГИА, ф. 112, 1876 г., д. 155, лл. 117—118; д. 160, л. 75.

[25] ЦГИА Грузинской ССР, ф. 7 с, 1876 г., д. 20, лл. 10—11.

ских народников о происходивших в Москве арестах и давал указания на случай провала организации. Полицией были обнаружены также письмо «москвича» М. Чикоидзе, адресованное во Владикавказ на имя народника Г. Атабегова; пространное письмо-инструкция А. Цицишвили на имя горийского народника И. Химшиашвили; коллективное письмо к М. Кипиани, написанное И. Джабадари, М. Чикоидзе, А. Гамкрелидзе, А. Цицишвили в тюрьме, в котором они призывали грузинских народников не прекращать революционной пропаганды и позаботиться об освобождении арестованных в Москве товарищей [26].

Первый провал московская народническая организация потерпела в апреле 1875 г., а в конце того же года она была полностью разгромлена. Дело «москвичей» закончилось известным «процессом 50-ти». По делу этой организации были привлечены и рабочие, в том числе Петр Алексеев, произнесший на суде яркую речь. Пламенные слова этой речи: «Подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах» [27]— стали пророческими.

«Процесс 50-ти» закончился 14 марта 1877 года. Девять мужчин и шесть женщин были приговорены к каторге от 5 до 10 лет, остальные — к тюремному заключению и ссылке на разные сроки [28].

После разгрома московской группы оставшаяся на свободе грузинская молодежь вместе с другими членами этой группы приняла участие в деятельности новой народнической организации — «Земля и воля».

В 1876 г. студенты высших учебных заведений Петербурга создали нелегальную кассу взаимопомощи; среди ее активных участников упоминается работавший в Петербурге Константин Бакрадзе, который поддерживал связь с грузинскими революционерами Тбилисской и Кутаисской губерний [29].

В 1877—1878 гг. вместе с русской молодежью молодые грузины участвовали в сходках протеста, проводимых в Петербурге и Москве в связи с судебным «процессом 193-х». 13 мая 1878 г. на одной из таких сходок студент С. Харадзе произнес пламенную речь, в которой призывал к «упрочению семьи революционеров», и свое выступление закончил словами: «Да здравствует свобода!» [30].

Студент медико-хирургической академии Р. Павленишвили был связан с организацией «Земля и воля». На демонстрации, устроенной по случаю похорон землевольца Чернышева, он выступил с речью, закончив ее словами: «Смерть царю! Да здравствует русский народ!» [31]. За это Павленишвили был исключен из академии и выслан из Петербурга. По свидетельству народника С. Мгалоблишвили, Р. Павленишвили до своего ареста поддерживал систематическую связь с грузинскими народниками, снабжал их революционной литературой. Во время каникул он вел пропаганду среди крестьян Горийского уезда [32].

Молодежь Грузии не только участвовала в работе русских землевольческих кружков, но в 1876 г. сама организовала в Петербурге нелегальный кружок самообразования, в котором участвовали грузины, русские и армяне — С. Чрелашвили, А. Нанейшвили, Ольга и Аршак Сафаровы, Ст. Вермишев и др. [33]. Члены этого кружка ставили себе целью изучение революционной литературы, для чего приобретали нужные книги.

---

[26] ЦГИА Грузинской ССР, ф 7 с, 1876 г., д. 21, л. 14.

[27] См. Н. С. Каржанский. Московский ткач Петр Алексеев. М. 1954, стр. 115—116.

[28] См. «Процесс 50-ти». М. 1906, стр. 161—162.

[29] ЦГИА Грузинской ССР, ф. 7 с, 1876 г., д. 20, л. 211.

[30] ЦГИА, ф. 112, 1878 г., д 214, л. 7

[31] ЦГИА Грузинской ССР, ф. 7, д. 2516, л. 15.

[32] С. Мгалоблишвили, Указ. соч., стр. 72.

[33] ЦГИА Грузинской ССР, ф. 7 с, д. 20, л. 293.

Организация существовала на средства ее участников и на пожертвования профессора физики И. Р. Тархнишвили, сочувствовавшего революционным народникам. Программой кружка была программа русских народников. Среди деятелей русского революционного движения конца 70-х годов можно упомянуть грузин Марию Комахадзе и Давида Гогоберидзе. М. Комахадзе за сбор средств для политических арестантов в декабре 1879 г. в административном порядке была сослана в Олонецкую губернию [35].

Хотя все эти факты свидетельствуют об участии грузинской молодежи в работе землевольческих кружков, но прямых указаний об организационной связи между «Землей и волей» и народническими организациями Грузии у нас нет, о ней можно судить лишь предположительно. Уточнение этого вопроса является предметом дальнейшего исследования.

Нам неизвестно, участвовали ли грузинские народники в деятельности организаций «Черный передел» и «Народная воля». Только М. Чикоидзе установил связь с «Народной волей» в 1881 г. после побега из Сибири, куда он был сослан по приговору суда («процесс 50-ти»). Приехав в Петербург, он сблизился с народовольцами, по поручению которых распространял газету «Народная воля» и прокламации, издаваемые Исполнительным комитетом. С этой целью в апреле 1882 г. он направился в западные губернии, там был арестован и на следующий год сослан на 10 лет в Якутию, где и умер в 1887 году [36].

В изучаемый нами разночинский период русского освободительного движения на основе общей революционной борьбы против царизма складывалась тесная дружба между передовыми представителями русского, грузинского и других народов России.

Выше уже было показано, какое участие принимали грузины в нелегальных революционных организациях России. В свою очередь, и многие молодые русские революционеры вели антиправительственную пропаганду в Грузии. Эту работу проводили не только те русские, которые были уроженцами Грузии (Виктор Меленчук, Мария и Варвара Надеждины, Анна Домбровская и др.), но и те, кто приезжал туда из центральных городов России. Пропаганда велась среди населения, в особенности среди русских духоборов, живших в Ахалкалакском уезде. В 1873—1874 гг., когда в России приняло широкие размеры «хождение в народ», русские пропагандисты стремились убедить духоборов, которые, по их мнению, были враждебно настроены к царизму, в необходимости восстания против властей.

В феврале 1874 г. под вымышленной фамилией доктора Зеленского в Грузию приехал студент медицинского факультета Харьковского университета Александр Неймарк. Но ему не удалось ничего сделать, так как вскоре он был арестован и отправлен в Одессу, где особая комиссия уже занималась расследованием его революционно-пропагандистской работы [37].

В апреле того же года в Грузию прибыли Виктор Данилов и Григорий Лебедев. В. Данилов состоял в петербургской народнической организации. Еще в феврале 1874 г. он заехал в Харьков, установил связь с местной студенческой нелегальной организацией и вместе с членом этой организации Г. Лебедевым выехал в Грузию. По приезде в Тифлис они встретились с народниками В. Надеждиной, А. Домбровской, М. Надеждиной-Шавердашвили и др. [38] и договорились о проведении пропаганды среди духоборов.

В конце мая Данилов направился в Ахалкалакский уезд, в село Во-

---

[35] «Деятели революционного движения в России». Т. II., вып. 2, стр. 625.
[36] О. Любатович. Далекое и недавнее. М. 1930, стр. 97, 140.
[37] ЦГИА, ф. 112, 1874 г., д. 75, лл. 6—7.
[38] Там же, д. 103, лл. 8—13.

ронцовку, где, переодевшись в крестьянскую одежду, нанялся косить сено у Кузьмы Бучева. Туда же приехала М. Надеждина-Шавердашвили, установившая конспиративную связь с Даниловым. Они вели пропаганду среди крестьян, собирали тайные сходки и читали на них запрещенные цензурой книги. У Данилова часто собиралось по 10—15 крестьян, которым, как об этом сказано в документах судебного процесса, он внушал «мысли против верховной власти, религии и частной собственности на землю» и призывал их к низвержению существующего строя [39].

В августе 1874 г. Данилов перешел из Воронцовки в село Горелово. Здесь он работал сельским писарем. Вместе с местным духобором А. Николаевым Данилов вел антиправительственную пропаганду среди крестьян. О его деятельности стало известно властям, и 27 сентября он был арестован. До 3 декабря его держали в Ахакалакской тюрьме, затем в Метехском замке в Тифлисе, а 24 января 1875 г. перевели в Харьков, где уже велось следствие по делу харьковского народнического кружка, с которым он был связан [40].

Вскоре арестовали и Надеждину-Шавердашвили, которую вместе с другими участниками «хождения в народ» обвинили в подготовке ниспровержения монархии в Российской империи путем насильственного государственного переворота, а также в распространении среди крестьян запрещенных книг [41].

Данилов и Надеждина-Шавердашвили привлекались по делу «193-х». Приговором Особого присутствия правительствующего Сената Данилов был осужден на пожизненное поселение в Сибири, а Надеждину-Шавердашвили оставили под надзором полиции с запрещением выезда с места жительства [42].

Поездки в Грузию русских народников и участие их в местном революционном движении не прекращались и после краха «хождения в народ».

Во второй половине 70-х годов среди русских народников, работавших в Грузии, видное место занимал петербургский революционер Сергей Швецов. Весной 1876 г. он приехал в Тифлис и сблизился с народником Игнатием Иоселиани, еще ранее вернувшимся из Петербурга. Проживал Швецов нелегально под двумя фамилиями — Быкова и Боярского [43]. За время пребывания в Тифлисе он установил связь не только с интеллигенцией, но и с пролетариями, поступив чернорабочим в одну из типографий города. В этом ему помог местный народник Арсен Каландадзе, вышедший из рабочей среды. В письмах к петербургским народникам Леониду Шрамкову и Ивану Демкевичу Швецов писал о тяжелом положении рабочих тифлисской типографии и о возможности развернуть среди них революционную пропаганду [44]. В октябре 1876 г. в Грузии начались массовые аресты. Швецов был также арестован и под специальным конвоем направлен в распоряжение петербургского жандармского управления, где уже велось следствие о его пропагандистской работе в Новгородском уезде.

Еще летом 1876 г. за распространение в Тифлисе запрещенных книг были привлечены к суду студент Петербургского университета Алексей Кузьмин и студент Технологического института Кузьма Симченко. При обыске у Симченко был найден номер народнического журнала «Вперед!». Следствие установило, что Кузьмин и в особенности Симченко вели среди молодежи Грузии пропаганду против правительства. Симченко

---

[39] «Процесс 193-х». М. 1906, стр. 75.

[40] ЦГИА, ф. 112, 1874 г., д. 315, т. 104, л. 25; «Деятели революционного движения в России». Т. III, вып. 2, стр. 170.

[41] «Процесс 193-х», стр. 179—180.

[42] Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 1282, оп. 2, д. 5, лл. 10—17.

[43] ЦГИА Грузинской ССР, ф. 7 с, 1876 г., д. 20, л. 57.

[44] Там же, л. 58.

был в административном порядке заключен в тюрьму сроком на один месяц [45].

К концу 70-х годов, после раскола «Земли и воли», приезды в Грузию русских народников прекратились. Но с начала 80-х годов, когда террористическая борьба народовольцев против властей приняла наиболее острый характер, в Грузии вновь появились русские революционеры, установившие связь с местными народниками. В это время в Тифлисе и Гори были созданы народовольческие кружки, объединявшие русскую и грузинскую молодежь. В создании и укреплении народовольческих кружков Тифлиса и Гори и координации их деятельности с Исполнительным комитетом «Народной воли» большую роль сыграли русские профессионалы-народовольцы, приезжавшие в Грузию в разное время со специальными поручениями Исполнительного комитета. Так, в августе 1881 г. по заданию Исполнительного комитета «Народной воли» в Грузии побывала Анна Прибылева-Корба. Она соблюдала строгую конспирацию, не сообщая своего настоящего имени. Местные революционеры называли ее «Анна Петровна» или «Варвара Степановна». Ею была установлена связь с местными народниками Степаном Чрелашвили, поручиком 16-го Мингрельского полка А. Антоновым, А. Нанейшвили, А. Елиозишвили, Г. Тер-Григорьянцем. Она познакомилась также с Марией Шервалидзе, которая «выполняла роль посредницы между приезжими в Тифлис агитаторами-революционерами и офицерами Мингрельского полка» [46]. Антонов получил от Корбы задание организовать тайный кружок из революционно настроенных офицеров и раздать им привезенные ею листовки. Кружок был создан. На одном из его собраний на квартире поручика Липмана Корба заявила, что она действует по заданию Исполнительного комитета «Народной воли», объяснила цели и задачи народовольцев и предложила руководствоваться программой этой организации. Здесь же были собраны денежные средства «для нужд тайного общества» [47].

Корба участвовала в совещаниях горийской организации народовольческого «Тайного комитета», беседовала о целях и задачах «революционной партии», помогала наметить план будущей работы и призывала держать постоянную связь с «русской революционной партией». По ее совету грузинские народники приступили к составлению проекта программы грузинской народовольческой партии. С этой целью была создана комиссия в составе М. Кипиани, Ш. Давиташвили и Г. Гварамадзе, которая выработала проект программы на русском языке. К сожалению, его текст не сохранился.

В мае 1882 г. Исполнительный комитет «Народной воли», нуждаясь в средствах для ведения своей работы, решил организовать похищение денег из Горийской казны. Экспроприацию должны были осуществить Г. Чернявская и А. Немоловский при содействии Ш. Давиташвили [48]. Однако жандармы помешали этому [49].

Зимой и весной 1883 г. были арестованы многие члены народовольческих кружков Тифлиса и Гори: П. Якимов, А. Цицишвили, И. Липман, Н. Алиханов, В. Макухин, В. Держановский, А. Антонов, В. Меленчук, Владимир и Надежда Якимовы, Ш. Давиташвили, М. Кипиани, М. Шервашидзе, Л. Вачнадзе, С. Чрелашвили, А. Елиозишвили, А. Нанейшвили и др. Всего под следствием находилось 28 человек.

Анализ следственных материалов дает представление о социальном и национальном составе этой организации. В нее входили представители различных социальных слоев. Среди 28 арестованных было 23 дворянина,

---

[45] Там же, 1876—1880 гг., оп. 3, д. 2490, лл. 4—11.
[46] ЦГИА, ф. 1405, 1883 г., оп. 83, д. 11312, л. 20.
[47] «Былое», 1906, № 8, стр. 162.
[48] ЦГИАЛ, ф. 1405, 1883 г., оп. 83, д. 11312, л. 17.
[49] Ш. Давиташвили. Указ. соч., стр. 89—92; ЦГИАЛ, ф. 1405, 1883 г., оп. 83, д. 11312, л. 30.

три выходца из семей духовенства и два крестьянина. В нее входили люди в возрасте от 20 до 36 лет, принадлежавшие к разным национальностям (16 русских, 9 грузин, 2 армянина и 1 осетин). Революционное движение в тот период охватило и армию, о чем свидетельствует наличие среди арестованных 11 военных. Следует также отметить, что в революционное движение впервые в истории России вступил большой отряд женщин[50]. Все эти люди считали делом своей жизни борьбу за свержение царизма путем подготовки и проведения крестьянской революции. Практическое выполнение этой задачи выражалось в пропаганде среди крестьян, солдат, интеллигенции и отчасти среди рабочих. Неудачи, постигшие революционных народников на этом пути, не умаляют их заслуг в деле расширения круга революционных бойцов и сближения их с народом. Именно в этом видел В. И. Ленин характерную особенность разночинского периода освободительного движения в России.

В разночинский период революционно настроенная русская и грузинская молодежь внутри Российской империи и за границей плечом к плечу боролась за свержение царизма.

Грузинские разночинцы своей работой в русских тайных революционных обществах и русские своей деятельностью в народнических кружках Грузии в условиях колониального гнета русского царизма во многом способствовали упрочению революционного содружества между русским и грузинским народами.

---

[50] ЦГИАЛ, ф. 1405, 1883 г., оп. 83, д. 11312, лл. 6—7, стр. 15—33.

ИСТОРИОГРАФИЯ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Статьи и обзоры

ИЗУЧЕНИЕ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ ПЕРИОДА ФЕОДАЛИЗМА В РОССИИ (ДО НАЧАЛА XIX века)

А. А. Зимин, А. А. Преображенский

История борьбы трудящихся масс за свое освобождение от ига эксплуататоров сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции стала одной из центральных тем советской исторической науки. Интерес к этой проблеме вызывался прежде всего тем, что, изучая классовую борьбу, показывая народные массы в непосредственном революционном действии, историки получали возможность глубже вскрывать сущность классовых противоречий и порождающих их общественно-экономических закономерностей той или иной исторической эпохи.

В дореволюционной буржуазной науке антифеодальные народные движения фактически оставались за пределами научного исследования и нередко рассматривались как бессмысленные мятежи городской «черни» или «разбойничьи» выступления отдельных крестьянско-казацких отрядов. Даже в таких капитальных трудах, как «История России» С. М. Соловьева и «Курс русской истории» В. О. Ключевского, мы не находим сколько-нибудь систематического освещения многовековой борьбы крестьян и посадов против социального гнета. Роль народа как важнейшей движущей силы исторического процесса не находила должного освещения на страницах трудов дореволюционных историков. В современной буржуазной науке решающая роль народных масс в истории игнорируется или сознательно искажается. Поэтому советским историкам предстояла большая работа в различных аспектах данной темы, сопряженная с огромными трудностями. Необходимо было найти и систематизировать хранившиеся в архивах ценнейшие материалы, произвести аналитическое исследование летописных и других источников и на основе этого показать многообразие форм классовой борьбы в период феодализма, выяснить те этапы, которые она прошла, и показать ее влияние на различные стороны социально-экономического и политического развития страны.

Методологической основой в этих исследованиях является для советских историков марксистско-ленинское учение — исторический материализм. Основоположники марксизма-ленинизма, касаясь в своих трудах народных выступлений, против угнетателей, неоднократно указывали на крайнюю слабость разрозненных крестьянских восстаний в прошлом, на их неорганизованность, стихийность, отмечая в то же время героизм погибавших за правое дело участников этих восстаний и огромное влияние крестьянских выступлений на все развитие общественной жизни.

К. Маркс и В. И. Ленин особое внимание уделяли крестьянской войне под предводительством С. Т. Разина. В речи, произнесенной 1 мая 1919 г., В. И. Ленин охарактеризовал Степана Разина как представителя «мятежного крестьянства», который сложил свою голову в борьбе за свободу [1].

В течение сорока лет советская историческая наука проделала большой путь. В первый период ее зарождение и развитие проходили в напряженной борьбе с рецидивами буржуазных теорий и с вульгарно-социологическими представлениями школы М. Н. Покровского. Подъем советской исторической науки начался во второй период, после известных постановлений ЦК партии о преподавании истории в школе (1934—1936 годы).

[1] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 304.

Уже в 20—30-е годы проблема истории классовой борьбы заняла одно из центральных мест в советской историографии. В это время наряду с первыми исследовательскими работами, написанными с марксистских позиций, появились многочисленные научно-популярные издания, целью которых было ознакомление широких слоев трудящихся нашей страны с наиболее важными событиями борьбы крестьянства за свою свободу. Даже суровые годы Великой Отечественной войны не прервали работу советских историков над этой важнейшей проблемой. Особенных успехов советские историки достигли в послевоенный период, когда был создан ряд обобщающих монографий и коллективных трудов, значительно продвинувших вперед исследовательскую работу по изучению классовой борьбы эпохи феодализма.

Советские историки разрабатывают и общие теоретические проблемы и конкретные вопросы истории крестьянских войн и городских движений. Для осуществления этой задачи особое значение приобретает издание наиболее содержательных диссертаций, посвященных классовой борьбе, многие из которых, к сожалению, до сих пор еще находятся в рукописях [2]. В дискуссиях об особенностях крестьянских войн [3], при обсуждении обобщающих статей и трудов [4] ставились вопросы о движущих силах отдельных крестьянских восстаний, об этапах борьбы народных масс против феодального гнета, о связи национального освободительного движения с классовой борьбой и т. п.

Изучение всех этих вопросов было существенно облегчено выявлением и публикацией новых источников. Большую роль в дальнейшей разработке ведущих проблем истории классовой борьбы сыграли обобщающие труды советских историков: «Очерки истории СССР», «История Москвы» и др. В лучших трудах, посвященных этой теме, вопросы классовой борьбы рассматриваются в тесной связи с теми экономическими и политическими задачами, которые наиболее полно выражали главнейшие общественные потребности эпохи.

Довольно глубокое и полное освещение получила история классовой борьбы в древней Руси (в IX — начале XII века) в трудах Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина, С. В. Юшкова и других историков.

Во многих исследованиях показано, что уже в этот древний период развития нашей страны характерными чертами народных выступлений против феодалов были стихийность, крайняя локальность, отсутствие ясно сформулированных конечных целей борьбы, слабая организованность. Как правило, все они начинались в городах и втягивали часть окружающего сельского населения, но охватывали они все же сравнительно небольшое число трудящихся.

Работами советских историков установлено, что восстания крестьян (смердов) в Суздальской земле (1024 г.), на Белоозере (1068—1071 гг.), а также городские движения в Новгороде в 1015 г., Киеве в 1068 и 1113 гг. были вызваны усилением эксплуатации и закрепощения трудящихся в связи с дальнейшим становлением и развитием феодальных отношений на Руси [5]. Некоторые изменения в положении отдель-

---

[2] Перечень защищенных в послевоенные годы диссертаций (до 1954 г. включительно) см. «Вопросы истории», 1952, № 7; 1954, № 6; 1955, № 11. Размеры журнальной статьи не позволяют рассмотреть здесь неопубликованные кандидатские диссертации. Но следует подчеркнуть, что выводы и конкретный материал ряда неопубликованных диссертаций нашли отражение в нашей литературе, прежде всего в «Очерках истории СССР».

[3] В. И. Лебедев. К вопросу о характере крестьянских движений в России XVI—XVII веков. «Вопросы истории», 1954, № 6; В. В. Мавродин, И. З. Кадсон, Н. И. Сергеева, Т. П Ржанникова. Об особенностях крестьянских войн в России. «Вопросы истории», 1956, № 2, А. Красин. О характере крестьянских войн XVII—XVIII вв. Болотникова, Разина, Пугачева. Журнал «Преподавание истории в школе», 1951, № 6, стр. 83—87.

[4] В. В. Мавродин К вопросу о роли классовой борьбы в истории феодализма в России. «Вестник» Ленинградского университета, 1950, № 2, стр. 76—90; А. М. Самсонов. Антифеодальные народные восстания в России и церковь. М. 1955.

[5] В. В. Мавродин. Очерки по истории феодальной Руси. Л. 1949, стр. 143—192; его же. К вопросу о восстаниях смердов. Журнал «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 6, стр. 76—83; А. В. Арциховский и С. В. Киселев. К истории восстания смердов 1071 г. Журнал «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 7—8, стр. 53—54; Н. Н, Воронин. Восстание смердов в XI веке. «Исторический журнал», 1940, № 2, стр. 54—61; П. П. Смирнов. Сказанье о холопьей войне в древней Руси. «Ученые записки» Московского городского педагогического института имени В. П. Потемкина. 1947. Т. 2. Вып. 2, стр. 3—52; М. Ткаченко. Повстання в Києві в 1068—1069 рр. «Наукові записки». Кн. 1. Видавництво Академии наук УССР. 1943.

ных групп феодально-зависимого населения на Руси, в частности в положении смердов, холопов и закупов, были тесно связаны с успехами классовой борьбы народных масс в тот период [6].

Много внимания уделили советские историки анализу важнейшего памятника древнерусского права — Русской Правде. Они показали, что отдельные ее части возникали в тесной связи с важнейшими событиями социально-политической истории XI—XII вв. и, в частности, с обострением классовой борьбы [7]. Так, «Правда Ярославичей», по обоснованному предположению ряда исследователей, появилась в 1072 г., после происшедшего в 1068—1071 гг. восстания на Белоозере. Некоторые историки связывают также Пространную Правду с событиями киевского восстания 1113 г., а Краткую Правду (ее появление или редактирование) — с новгородским восстанием 1136 г. и т. д.

Следующий этап истории классовой борьбы на Руси приходится на период феодальной раздробленности XII—XIII вв., причем сама эта феодальная раздробленность, приведшая к изменению политической структуры общества, в значительной степени определялась развитием классовой борьбы в стране [8]. Особенности городских движений в Новгороде [9], восстаний смердов в Галицко-Волынской земле [10], выступлений народных масс в Ростово-Суздальском княжестве подвергались специальному исследованию, хотя в этой области еще многое остается неясным. Недостаточно вскрыта, например, зависимость хода борьбы городского плебса в Новгороде от противоречий внутри новгородского боярства; слабо связываются известные волнения в Суздальщине с социально-экономическим развитием этой земли и т. п. Нуждаются в специальном изучении те особые формы народного протеста, которые проявлялись в борьбе ранних ересей против господствовавшей христианской религии [11].

Ценное исследование по истории крестьянских городских восстаний на Руси в XI—XIII веках принадлежит перу М. Н. Тихомирова [12]. На основе углубленного анализа разнообразных сохранившихся источников, из которых многие привлечены впервые (в том числе ряд памятников древнерусской литературы), автору удалось нарисовать широкую картину борьбы крестьян и горожан древней Руси против феодального гнета. Заслугой М. Н. Тихомирова является его пристальное внимание к активному противодействию крестьянства захвату общинных земель и процессу закрепощения. Он впервые показал тесную связь между городскими восстаниями и движением смердов и закупов. Это особенно важно потому, что в средние века все крупные восстания начинались в деревне [13]. В монографии М. Н. Тихомирова собран также новый и яркий материал о восстаниях в отдельных центрах феодально-раздробленной Руси (в Новгороде, Галицко-Волынской земле, Владимире, Смоленске и др.).

---

[6] Б. Д. Греков. Киевская Русь. М. 1953; С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М. 1949; Л. В. Черепнин. Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси. «Исторические записки». Кн. 56. 1956, стр. 23, 52, 264.

[7] М. Н. Тихомиров. Исследования о Русской Правде. М.-Л. 1941; Л. В. Черепнин. Русская Правда и летопись, как источники по истории классовой борьбы. Сборник «Академику Б. Д. Грекову». М. 1952, стр. 89—99; С. В. Юшков. Русская Правда. М. 1950; А. А. Зимин. К истории текста Краткой редакции Русской Правды. «Труды» Историко-архивного института. Т. 7. 1954, стр. 155—208.

[8] В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. О периодизации истории России эпохи феодализма. «Вопросы истории», 1951, № 2, стр. 59.

[9] Восстанию 1136 г. в Новгороде специально посвящена статья Б. Д. Грекова «Революция в Новгороде Великом в XII веке». «Ученые записки» Института истории РАНИОН. Т. IV. 1929, стр. 10, 13—21, а также статья А. Г. Захарченко. Восстания смердов и «черных людей» и покорение племен в Новгороде в конце XII и начале XIII века. «Ученые записки» Ленинградского государственного университета. 1939, № 48, стр. 38—45.

[10] В. В. Мавродин. Очерки по истории феодальной Руси, стр. 179—191; его же. О народных движениях в Галицко-Волынском княжестве в XII—XIII веках. «Ученые записки» Ленинградского государственного университета. Т. XLVIII. Вып. 3. 1939; В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М. 1950, и др.

[11] См. статью Д. А. Казачковой «Зарождение и развитие антицерковной идеологии в Древней Руси XI в. (печатается в сборнике «Вопросы истории религии и атеизма». Т. V).

[12] М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII веков. М. 1956. Некоторые вопросы городских движений рассматриваются в книге М. Н. Тихомирова. «Древнерусские города». Изд. 2-е. М. 1956, стр. 185—213.

[13] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 3. Изд. 2-е, стр. 52.

В работах Б. Д. Грекова, Л. В. Черепнина и В. Т. Пашуто показано, что страшное татаро-монгольское иго не могло сломить волю русского народа к своему освобождению. Одной из важнейших особенностей русского исторического процесса XIII—XV вв. было сочетание классовой борьбы с выступлениями против татаро-монгольских поработителей. Вскоре после установления монгольского ига в различных городах вспыхнули восстания. В 1257 г. новгородцы отказались давать дань татарским «численникам», проводившим перепись русских земель. В 1259 г. в Новгороде вспыхнул «мятеж велий». В 1262 г. восстания уже охватили центральные районы Руси: Ростов, Суздаль и Ярославль. В 1289 г. снова имели место народные выступления в Ростове. Как отмечает В. Т. Пашуто, все эти восстания были одной из причин, вынудивших татаро-монголов отказаться от системы «откупов». Сбор ордынского выхода (дани) был передан самим русским князьям.

Новое усиление борьбы против татаро-монгольского ига наблюдалось в 20-х годах XIV века. В 1320 г. в результате народного выступления татары были изгнаны из Ростова. Особенно широкий размах приняло движение в 1327 г. в Твери — одном из крупнейших русских центров того времени. Все эти восстания были подавлены, но татаро-монгольские ханы вынуждены были ликвидировать ненавистную для русского народа систему баскачества [14].

Народные восстания сыграли заметную роль в постепенном уничтожении татаро-монгольского ига.

Серьезный интерес представляют различные формы борьбы крестьянства против феодального гнета в XIV—XV веках. Этот вопрос явился предметом специального исследования Л. В. Черепнина, который на широком и свежем материале актов и житий показал многообразие этих форм, начиная от отдельных покушений на феодальную собственность (порубка леса, захват земель и т. п.) и кончая убийством феодалов и их слуг [15].

В работах ряда советских историков выявлены интересные факты борьбы горожан против русских феодалов в XIV и XV веках. Известны, в частности, восстания бедноты Костромы (1304 г.), выступление «черных людей» Нижнего Новгорода против бояр. В 1340 г. имели место волнения в Брянске; в 1440 г. — в Смоленске [16]. Часто население русских городов выступало против своих феодалов, не желавших организовать борьбу против татаро-монголов. Так, в 1382 г. «черные люди», несмотря на противодействия бояр, взяли в свои руки оборону Москвы от полчищ Тохтамыша [17]. Позднее, в 1443 г., народные массы помешали выезду из столицы бояр, не желавших оборонять родной город от татар.

В последнее время ставится вопрос и об антифеодальных еретических движениях в XIV и XV веках. Так, А. И. Клибанову удалось установить наличие в Твери довольно распространенных еретических настроений уже в первой половине XIV в. («ереси» Анкиндина и Федора II) [18]. В конце XIV в. в Пскове вспыхнуло еретическое движение стригольников, которое также подверглось специальному исследованию [19].

Отдельные русские земли, как это доказано в работах Л. В. Черепнина, И. В. Лепко, Н. Н. Масленниковой и других, присоединялись к Москве в XV — начале XVI в. в обстановке резкого обострения внутриклассовых противоречий. Это прежде всего относится к истории Великого Новгорода и Пскова. Они были центрами,

---

[14] В. Т. Пашуто. Героическая борьба русского народа за независимость. XIII век. М. 1956, стр. 222; А. А. Зимин. Народные движения 20-х годов XIV в. и ликвидация системы баскачества в Северо-Восточной Руси. «Известия» Академии наук СССР. Серия истории и философии. Т. IX, № 1. 1952, стр. 61—65.

[15] Л. В. Черепнин. Формы классовой борьбы в Северо-Восточной Руси в XIV—XV веках. «Вестник» Московского университета, № 4. 1952, стр. 111—124; ср. также А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края в XV—XVI веках. М.-Л. 1951, стр. 190 и сл.

[16] В. Богданов. Смоленское восстание «черных людей» в 1440 г. Журнал «Борьба классов», 1936, № 2, стр. 51—55

[17] Подробнее об этом см. М. Н. Тихомиров. Московское восстание 1382 г. «История Москвы». Т. 1. М. 1952, стр. 54—58.

[18] Работа А. И. Клибанова «Послание Василия Калики в Тверь» печатается в сборнике «Вопросы истории религии и атеизма». Т. V.

[19] А. Д. Седельников. Следы стригольнической письменности. «Труды» Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) (ОДРЛ). Т. 1. 1934, стр. 130 и др.; Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальное еретическое движение на Руси XIV — начала XVI века. М.-Л. 1955; Н. П. Попов. Памятники литературы стригольников. «Исторические записки». Кн. 7, стр. 34—58.

где большое распространение получили различные церковные ереси, а в отдельных случаях дело доходило и до открытых восстаний. Во второй половине XV в. новгородская беднота выступила против боярской олигархии, и Ивану III удалось использовать антибоярские настроения массы новгородцев, что значительно облегчило включение Новгорода в состав единого Русского государства [20].

Несколько более сложный характер носили движения в Пскове в 80-х годах XV в., а также события 1510 года. Псковским событиям 1483—1486 гг. посвящено несколько специальных работ советских историков [21]. Не все стороны этого движения вполне ясны ввиду скудости сохранившихся источников. Последние исследователи псковских событий — Н. Н. Масленникова и Б. Б. Кафенгауз — привели веские доводы в пользу того, что в 80-х годах XV в. в Пскове имело место выступление горожан, а не движение смердов, как полагал Б. Д. Греков.

Менее изучено волнение в Москве в 1480 г. во время нашествия хана Ахмата.

Значительные размеры приобрело реформационно-гуманистическое движение конца XV—XVI веков. Советские историки значительно расширили источниковедческую базу, совершенно необходимую для всестороннего изучения новгородско-московской ереси конца XV — начала XVI века. Если дореволюционная историография судила о взглядах еретиков по сочинениям их идейных врагов, то за последнее время найдены и опубликованы произведения русских вольнодумцев того времени, позволяющие глубже понять их передовые воззрения. Так, А. И. Клибанов исследовал и издал «глоссы» Ивана Черного, его же послесловие к «Еллинскому летописцу» [22], «Написание о грамоте» [23] и другие памятники.

Ю. К. Бегунов подверг разбору «Кормчую», составленную еретиком Иваном Волком Курицыным, Д. С. Лихачев — «Еллинский летописец» [24] и т. п.

Всесторонний анализ источников по истории еретического движения дал Я. С. Лурье. Ему удалось выяснить обстоятельства сложения основного источника по истории ереси «Просветителя» Иосифа Волоцкого, обнаружить и опубликовать ряд других весьма интересных материалов [25].

В итоге работы советских историков установлено, что ересь конца XV и начала XVI в. носила реформационно-гуманистический характер [26] и сыграла крупную роль

---

[20] А. А. Строков. Восстание Степанки в 1418 г. «Новгородский исторический сборник». 1938, № 3—4, стр. 86—108; Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV и XV веках. М. 1955, стр. 83 и сл.; И. В. Лепко. Социально-политическая борьба в Великом Новгороде в 1477—1478 годах. «Ученые записки» Вологодского государственного педагогического института. Т. 9. 1951, стр. 3—57.

[21] С. В. Юшков. Псковская аграрная революция в конце XV в. «Известия научного общества марксистов», 1925, № 3 (11); В. И. Герасимова. Присоединение Пскова к Московскому государству. «Ученые записки» Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена. Т. 8. 1948, стр. 122 и сл.; С. Н. Чернов. Заметки о псковских смердах и волнениях 80-х годов XV в. «Труды» Горьковского государственного педагогического института имени Горького. Т. III. 1939; Б. Д. Греков. Движение псковских смердов 1483—1486 гг. и «смердьи грамоты». «Исторические записки». Кн. 20. 1946; Б. Б. Кафенгауз. Восстание в Пскове в 1483—1486 годах. «Исторические записки». Кн. 50. 1955, стр. 297—308; Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы в XIV—XV веках. Т. 1. М.-Л. 1948, стр. 44 и сл.; Н. Н. Масленникова. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л. 1955, стр. 73 и сл.

[22] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 277 и сл. (приложение).

[23] А. И. Клибанов. Написание о грамоте. Сборник «Вопросы истории религии и атеизма». Т. III. М. 1955, стр. 325—379.

[24] Ю. К. Бегунов. Кормчая Ивана Волка Курицына. «Труды» ОДРЛ. Т. XII. 1956, стр. 141—159; его же. Соборные приговоры как источник по истории новгородско-московской ереси. «Труды» ОДРЛ. Т. XIII. 1957, стр. 214—224; Д. С. Лихачев. «Еллинский летописец», второго вида и правительственные круги Москвы конца XV в. «Труды» ОДРЛ. Т. VI. 1948, стр. 100—120.

[25] Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 256 и сл.

[26] См. А. И. Клибанов. Написание о грамоте, стр. 325—379; его же. Самобытийная ересь. Сборник «Вопросы истории религии и атеизма». Т. IV. М. 1956, стр. 203—229; Я. С. Лурье. Первые идеологи московского самодержавия. «Ученые записки» Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена. Т. 78. 1948, стр. 81—106; Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 223. Ср. также Б. А. Рыбаков. Воинствующие церковники XVI в. Журнал «Антирелигиозник», 1934, № 3, стр. 21—31; Б. Титлинов. Религиозные «бунты» и «инквизиция» на Руси. Журнал «Русские пропилеи», 1923, № 3, стр. 29—51; И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в. М.-Л. 1947, стр. 64; «История Москвы». Т. 1, стр. 123—124.

в истории русского вольнодумия, в освобождении общественной мысли от церковной оболочки.

Вопросы истории классовой борьбы в Русском государстве в первой половине XVI в. разработаны весьма слабо. Кроме общего очерка, написанного А. Г. Маньковым [27], можно назвать только несколько работ, в которых эти вопросы освещены в той или иной степени. И. И. Смирнов и П. П. Смирнов занимались городскими движениями во время боярских мятежей 30—40-х годов XVI в. (в частности, 1537 и 1542 годов). П. П. Смирнов высказал интересную мысль о появлении в это время контакта «верхушек московского посада с боярством, который держался потом до конца XVI в. и в начале XVII в.» [28]. Впрочем, С. В. Бахрушин решительно отрицал антифеодальную направленность московского «волнения» в 1537 г. и событий 1542 г., считая их обычными эпизодами борьбы за власть между феодальными группировками [29].

Ряд интересных сведений об обстоятельствах, обострявших социально-политическое положение в стране в 20—40-х годах XVI в., собрал Н. Е. Носов [30]. Автор, в частности, связал введение губной реформы конца 30-х годов XVI в. с усилением «татьбы» и «розбоев», за которыми скрывались в большинстве случаев открытые выступления крестьянства против феодального гнета.

Однако в целом многочисленные стихийные протесты крестьянства в первой половине XVI в. не получили еще должного анализа в трудах советских историков. Не собран богатый актовый материал, не разработана в полной мере методика его исследования. Например, стереотипные формулы губных грамот — «чинятца розбои и татьбы великие» — иногда рассматриваются как авторитетное свидетельство об усилении классовой борьбы в том или ином районе России. Не всякое сведение о «розбоях» должно относить к антифеодальным выступлениям. Среди «розбойников» встречались нередко и деклассированные элементы, вышедшие из среды господствовавшего класса. Не всегда возможно полностью использовать материал житий. Некоторые жития, сообщающие о мучениях, которым подвергался тот или иной «святой», сложились в более позднее время и часто в своей основе имеют не конкретный исторический факт, а агиографический штамп. Дальнейшее углубление источниковедческого анализа материалов о классовой борьбе этого периода все еще остается насущной задачей историков.

Наиболее значительная волна народных волнений прокатилась по России в середине XVI века. Московское восстание 1547 г. всесторонне исследовано советскими историками, которые показали, что оно сочеталось с восстаниями в Пскове, Опочке и других городах [31].

В результате изысканий советских историков выявлены новые источники по истории московского восстания 1547 г., в частности обнаружен М. Н. Тихомировым [32] и изучен С. О. Шмидтом новый текст продолжения Хронографа редакции 1512 г., в котором сообщается, что москвичи — черные люди — собирались «вечьем», то есть речь шла об организованном выступлении народных масс, а не о боярском заговоре, как полагали дореволюционные историки [33]. Реакционное боярство только пыта-

---

[27] А. Г. Маньков. Классовая борьба. «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в.». М. 1955, стр. 93—101.

[28] И. И. Смирнов. Классовая борьба в Московском государстве в первой половине XVI в. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10, стр. 74—108; его же. Мятеж Андрея Старицкого 1537 г. «Исторические записки». Кн. 50. 1955, стр. 290—291; П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. I. М.-Л., 1947, стр. 104 и сл.

[29] С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. 1. М. 1952, стр. 208.

[30] Н. Е. Носов. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.-Л. 1957, стр. 227.

[31] С. О. Шмидт. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева. М. 1949, автореферат, стр. 4; С. В. Бахрушин. Классовая борьба в русских городах XVI—начала XVII вв. «Ученые записки» Московского государственного университета. Вып. 156. М. 1952, стр. 19—49; см. также С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. 1, стр. 204—206; И. И. Смирнов. Московское восстание 1547 г. «Вопросы истории», 1953, № 12, стр. 105—113; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV—начало XVII в.», стр. 283 и сл.

[32] М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР. Т. 1. М. 1940, стр. 134, 162.

[33] С. О. Шмидт. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. «Исторический архив». Кн. VII. 1951, стр. 254—299; его же. Миниатюры Царственной книги, как источник по истории Московского восстания 1547 г. «Проблемы источниковедения». Сборник V. М. 1956, стр. 265—268.

лось использовать его в своих корыстных целях.

Вопрос о связи городских движений в 40-х годах XVI в. с волнениями в деревне изучен еще недостаточно.

В советской исторической литературе установлено, что 50-е годы XVI в. были временем нового подъема реформационного движения. Характерной чертой этого подъема явилось оформление так называемой «плебейской оппозиции», выражавшей идеологию городских низов и крестьянской бедноты. Учение Феодосия Косого, провозгласившего идеи равенства народов, уничтожение феодального гнета, особенно глубоко в последнее время изучалось историками [34]. В интересной работе В. И. Корецкого [35] сделана попытка вскрыть социальные корни учения Косого, а А. И. Клибанов показал материалистические тенденции в философских взглядах этого «еретика» [36].

Одной из особенностей русского реформационного движения середины XVI в. было то, что в нем не заметно сколько-нибудь значительного участия посадских людей. Это объясняется относительной отсталостью русского города того времени. Идеологом бюргерской оппозиции являлся фактически тогда вольнодумный сын боярский Матвей Башкин [37]. По своим социальным и религиозно-философским взглядам к нему приближался виднейший русский публицист середины XVI в. И. С. Пересветов [38].

Историки русской общественной мысли обратили внимание на то, что рост классовой борьбы в стране оказывал заметное воздействие на отдельных более дальновидных идеологов господствовавшего класса. В исторической литературе до сих пор ведется спор о социальной сущности взглядов Ермолая-Еразма, выступившего в середине XVI в. с проектом унификации крестьянских повинностей и смягчения феодального гнета. Если И. У. Будовниц вслед за В. Ф. Ржигой склонен был видеть в нем идеолога крестьянства [39], то Т. А. Колесникова считает Ермолая-Еразма дворянским публицистом [40]. Оставаясь в целом на позициях господствовавшего класса, Ермолай-Еразм считал необходимым в условиях обострения классовой борьбы пойти на удовлетворение отдельных крестьянских требований [41].

Изыскания И. И. Смирнова, В. И. Корецкого и других историков показали, что и в суровые годы опричнины крестьяне продолжали бороться против крепостнической эксплуатации. Локальные и разрозненные выступления крестьян против помещиков и монастырей смутно отмечаются в источниках, к сожалению, плохо сохранившихся [42].

---

[34] Р. Г. Лапшина. Феодосий Косой — идеолог крестьянства XVI в. «Труды» ОДРЛ. Т. IX. 1953, стр. 235—250; Д. К. Шелестов. Свободомыслие в учении Феодосия Косого. Сборник «Вопросы истории религии и атеизма». Т. II. М. 1954, стр. 194—217.

[35] В. И. Корецкий. К вопросу о социальной сущности «нового учения» Феодосия Косого. «Вестник» Московского университета, 1956, № 2, стр. 105—124.

[36] А. И. Клибанов. Самобытийная ересь, стр. 325 и сл.

[37] И. У. Будовниц. Указ. соч., стр. 257 и сл.; А. А. Зимин. Матвей Башкин — вольнодумец XVI в. Сборник «Вопросы истории религии и атеизма». Т. IV, стр. 230 и сл.

[38] Л. Н. Пушкарев. И. Пересветов и его связи с русской литературной традицией. В книге «Сочинения И. Пересветова». М.-Л. 1956, стр. 59; А. А. Зимин. И. С. Пересветов и русские вольнодумцы XVI в. Сборник «Вопросы истории религии и атеизма». Т. III. М. 1955, стр. 311—324. В последнее время А. Л. Саккетти и Ю. Ф. Сальников (на наш взгляд, без достаточных оснований) пытаются отрицать наличие известной близости Пересветова к Башкину (А. Л. Саккетти, Ю. Ф. Сальников. О взглядах И. Пересветова. «Вопросы истории», 1957, № 1, стр. 117—124; ср. рецензию А. И. Клибанова на издание «Сочинений И. Пересветова». Журнал «История СССР», 1957, № 3).

[39] В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. «Летопись занятий Археографической комиссии». Вып. 33. Л. 1926, стр. 188.

[40] Т. А. Колесникова. Общественные взгляды Ермолая-Еразма. «Труды» ОДРЛ. Т. IX. 1953, стр. 251—265.

[41] «История СССР». Т. 1. М. 1956, стр. 265.

[42] И. И. Смирнов. Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в. «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 5—6, стр. 59—73; Д. П. Маковский. Влияние товарно-денежных отношений на развитие вотчинного (монастырского) хозяйства в XVI в. «Сборник научных работ Смоленского научно-исследовательского института». Вып. 1. Смоленск. 1957, стр. 352; А. В. Эмаусский. Из истории борьбы за землю и крестьян в Арзамасском уезде в XVI—XVII вв. Киров. 1934, стр. 13 и сл.; В. И. Корецкий. Известия о волнении крестьян в вотчине Антониева-Сийского монастыря в 70-х годах XVI в. «Исторический архив», 1957, № 4.

Одной из форм сопротивления крестьян, получившей распространение с 70—80-х годов XVI в., были неуплата налогов и побеги на южные и восточные окраины Русского государства «в поисках лучшей доли». В ответ на крепостнические мероприятия русского правительства (введение «заповедных лет», установление пятилетнего срока сыска беглых крестьян и т. п.) постепенно к концу XVI в. складываются предпосылки крестьянской войны начала XVII века [43]. В конце XVI в. происходит крупное волнение в Иосифо-Волоколамском и Антониево-Сийском монастырях [44]. В 1584 и 1586 гг. восставшие городские низы Москвы активно выступили против зажиточных слоев посада и вмешались в политическую борьбу в столице [45]. В 1586 г. в Соли Вычегодской был убит один из Строгановых — Семен Аникеевич [46], а в 1591 г. произошло крупное восстание в Угличе [47].

Крестьянская война, потрясшая в начале XVII в. всю феодально-крепостническую Россию, была заметной вехой в истории освободительной борьбы трудящихся масс нашей страны против самодержавия. Поэтому советские историки с пристальным вниманием изучают происходившие в самом начале XVII в. события, связанные с борьбой крестьян и холопов против феодалов.

Уже в 30-х годах XX в. о восстании под руководством И. И. Болотникова появился ряд работ научно-популярного характера [48] и сборник, содержавший отрывки из ранее известных источников [49]. Одновременно в научный оборот начал вводиться новый круг архивных источников, позволивший ярче и глубже изучить это крупнейшее выступление крестьян и холопов в начале XVII века [50].

М. Н. Тихомиров опубликовал интереснейшую запись из Хронографа XVII в., в которой содержатся неизвестные дотоле подробности о восстании Болотникова [51]. Р. Г. Королева обнаружила Расходную книгу Разрядного приказа начала XVII века [52]. Этот документ позволяет уточнить данные о социальном составе восставших и о последовательности отдельных моментов восстания. Опубликован также ряд других, не менее интересных памятников [53].

Крупным событием в изучении восстания Болотникова является выход в свет обобщающей монографии И. И. Смирнова [54]. Внимательный и всесторонний анализ источников позволил автору нарисовать широкое полотно массового антифеодального движения, охватившего огромную территорию Русского государства. Исследование И. И. Смирнова существенно помогло разработке сложных вопросов истории классовой борьбы в период феодализма. Автор продолжает свою работу и в настоящее время, внося на основании

---

[43] См. В. Д. Королюк и И. И. Смирнов. Обострение классовой борьбы в конце XVI — начале XVII в. Восстание Хлопка. «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в.», стр. 485 и сл.; В. И. Корецкий. Очерки по истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в. М. 1957, автореферат, стр. 8.

[44] Н. Чаев. Из истории крестьянской борьбы за землю в вотчинах Антониево-Сийского монастыря в XVII в. «Исторический архив» Кн. I. М.-Л. 1936. стр. 37; И. И. Смирнов. Восстание Болотникова 1606—1607. М. 1951, стр. 55 и сл.

[45] С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. 1, стр. 213—214.

[46] А. А. Введенский. Крестьяне Строганова в XVI—XIX вв. «Труды» Тбилисского государственного университета. Т. X. 1939, стр. 29.

[47] И. А. Голубцов. «Измена» Нагих. «Ученые записки» Института истории РАНИОН. Т. IV. 1929, стр. 55—70.

[48] В. Н. Нечаев. Болотников. М. 1931; Ц. Аронович. Восстание Болотникова (1606—1607). «Исторический журнал», 1938, № 1, стр. 113—126; И. Берхин. Крестьянское восстание под руководством Болотникова. «Преподавание истории в школе», 1946, № 5, стр. 40—49.

[49] «Крестьянская война в Московском государстве начала XVII века». Л. 1935.

[50] Г. Н. Бибиков. Новые данные о восстании Болотникова «Исторический архив». Кн. 1, стр. 5—24. И. И. Смирнов. Английские известия 1607 г. о восстании Болотникова. «Исторические записки», Кн. 13, 1942, стр. 291—302.

[51] М. Н. Тихомиров. Новый источник по истории восстания Болотникова. «Исторический архив», 1951, № 6, стр. 81—130.

[52] А. А. Зимин и Р. Г. Королева. Документ Разрядного приказа. «Исторический архив». Кн. VIII. М. 1953, стр. 21—60.

[53] «Пискаревский летописец». «Материалы по истории СССР». Т. II. М. 1955, стр. 131—134; Р. В. Овчинников. Боярский список 1607 года. «Исторический архив». Кн. VIII, стр. 71—79; Е. И. Вейнберг. Челобитные смоленского помещика — участника похода против Болотникова. Там же, стр. 61—70.

[54] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова 1606—1607 г. Л. 1949; 2-е изд. М. 1951. См. рецензии на эту книгу: К. В. Базилевича — «Советская книга», 1949, № 10, стр. 57—61; В. В. Мавродина — «Вопросы истории», 1949, № 8, стр. 135—138; В. И. Шункова — «Известия АН СССР. Серия истории и философии». Т. 6. 1949. № 4, стр. 368—372.

новых материалов коррективы и дополнения в свои собственные построения [55].

До сих пор историки имели дело лишь с материалами, составленными, как правило, лицами, враждебно относившимися к восставшим крестьянам и холопам. Теперь В. И. Корецкий издал обнаруженные им документы, вышедшие непосредственно из лагеря восставших [56], а А. И. Копанев и А. Г. Маньков подготовили к печати комментированное издание всех известных источников по истории восстания Болотникова.

Вместе с тем нельзя сказать, что решены все важные проблемы истории крестьянской войны в начале XVII века. Прежде всего существуют разногласия по вопросу о том, какие события следует связывать с крестьянской войной начала XVII века. В настоящее время широкое распространение получила точка зрения, фактически отождествляющая крестьянскую войну начала XVII в. с восстанием Болотникова [57]. Однако имеется и другое мнение, что эта крестьянская война не исчерпывалась восстанием Болотникова, что восстание было лишь ее кульминационным моментом. Например, восстание Хлопка (1603 г.), охватившее значительные районы центра России и грозившее столице Русского государства, нельзя относить только к «предвестникам» восстания Болотникова [58]. Оно является уже началом крестьянской войны, как совершенно справедливо считают Е. Н. Кушева и В. Д. Королюк [59].

Критикуя неверное представление М. Н. Покровского о самозванце, как о «крестьянском царе» [60], некоторые советские историки стали рассматривать события этого периода только как иностранную интервенцию, а основную опору Лжедмитрия I видеть лишь в вооруженной поддержке поляков. С этим трудно полностью согласиться. Думается, что прав в данном случае В. Д. Королюк, считающий, что главной причиной успехов Лжедмитрия была поднимавшаяся волна крестьянской войны, которой он сумел воспользоваться [61].

Характеризуя идейный замысел сцены под Кромами из музыкальной драмы Мусоргского «Борис Годунов», газета «Правда» 13 июля 1947 г. отмечала, что в ней показано «стихийное крестьянское восстание против царя». И действительно, в это время в Лжедмитрии I крестьяне видели не интервента, а освободителя от ненавистного Бориса — боярского, в понимании народа, царя. О поддержке Лжедмитрия I крестьянами и горожанами южнорусских городов свидетельствуют многочисленные факты, в частности переход на его сторону населения и в первую очередь крестьян Комарицкой волости, которая позднее была одним из основных центров восстания Болотникова [62].

Существует также мнение, что крестьянская война начала XVII в. не заканчивается разгромом восстания Болотникова, а продолжается еще долгие годы вплоть до 1614 г., когда были наконец подавлены все ее основные очаги.

Весьма сложное явление, относящееся к завершающему периоду крестьянской войны, представляет собою движение, возглавленное Иваном Заруцким, одним из участников восстания Болотникова. Если для последователей М. Н. Покровского (С. И. Тхоржевского и др.) Заруцкий оказался как бы непосредственным предшественником Разина [63], то позднее Заруцкого стали считать лишь авантюристом,

---

[55] И. И. Смирнов. Краткий очерк истории восстания Болотникова. М. 1953; его же. Крестьянская война под предводительством И. И. Болотникова. «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV—начало XVII в.», стр. 503—528; его же. К истории восстания под руководством Болотникова. «Вопросы истории», 1955, № 10, стр. 111—116. Ср. также Р. В. Овчинников. О начальном периоде восстания И. И. Болотникова. «Вопросы истории», 1955, № 1, стр. 116—120.

[56] «К истории восстания Болотникова». «Исторический архив», 1956, № 2, стр. 126—143.

[57] См., например, «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV—начало XVII в.», стр. 503.

[58] И. И. Смирнов. Восстание Болотникова 1606—1607 годов. Изд. 2-е, стр. 55.

[59] Е. Н. Кушева. К истории холопства в конце XVI — начале XVII вв. «Исторические записки». Кн. 16. 1945, стр. 55; В. Д. Королюк. Москва в первые годы крестьянской войны и интервенции. «История Москвы». Т. 1, стр. 285.

[60] М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. М. 1932, стр. 4—66; см. В. И. Пичета. Крестьянская война и борьба с иностранной интервенцией в начале XVII в. Сборник статей «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского». Ч. I. М.-Л. 1939; ч. II. М.-Л. 1940.

[61] «История Москвы». Т. 1, стр. 289—294.

[62] И. Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М. 1937, стр. 81.

[63] Тхоржевский писал: «Заруцкий как бы указывает дорогу Разину» (С. И. Тхоржевский. Народные волнения при первых Романовых. Птрг. 1924, стр. 50).

главой шайки искателей приключений и наживы [64], что едва ли справедливо. Движение Заруцкого еще нуждается в специальном исследовании. У нас уже сейчас имеются данные утверждать, что крестьяне, холопы и особенно казаки были активными участниками отрядов Заруцкого. Так, в одной из грамот, отправленных 31 декабря 1612 г. в связи с созывом Земского собора, говорится, что Заруцкий, «прибрав к себе воров, холопей боярских и пашенных мужиков, которые не хотят покою християнскова и тишины, в резанских пригородах стоит» [65]. О социальной направленности движения Заруцкого можно судить по десяткам челобитий весны и лета 1613 г. дворян рязанских городов (Черни, Крапивны, Елецка, Соловы, Новосиля, Орла и Мценска). В этих челобитиях говорилось о разорении поместий «казаками» и Заруцким, конфискации имущества, казни дворян и т. п. [66].

Крестьянская война XVII в. нанесла сильнейший удар по всему феодально-крепостническому строю. Будучи ответом на возраставшее угнетение холопов и крестьян, она прежде всего задержала примерно на половину столетия окончательное закрепощение крестьян.

В. И. Корецкий высказал весьма интересное предположение, что применение, а может быть, даже и издание закона (сохранившегося в деле 1622 г.) о запрещении помещикам кабалить своих собственных крестьян [67], следует рассматривать как уступку, вырванную восставшими крестьянами у феодалов [68].

Освоение беглыми крестьянами южных окраин России, начало крестьянской колонизации Сибири, рост казачества также были последствиями крестьянской войны, оказавшими большое воздействие на восстановление и подъем экономики России в XVII веке. Вместе с тем приведенный выше обзор литературы по крестьянской войне начала XVII в. показывает, что в этой проблеме еще много спорных вопросов, ждущих изучения.

После крестьянской войны в начале XVII в. обострение классовой борьбы в России продолжалось. Это, в частности, подтверждается последними наблюдениями Б. Ф. Поршнева, изучавшего внутреннее положение в России в годы Смоленской войны (1632—1634 годы) [69].

Городские движения середины XVII в. привлекли пристальное внимание советских историков. Наряду с появившимися в свет популярными работами, посвященными классовой борьбе в XVII в., в частности городским восстаниям [70], были созданы ценные исследовательские труды, продвинувшие вперед разработку основных проблем, вставших перед нашими историками при изучении классовой борьбы с позиций марксизма-ленинизма.

Советские исследователи городских восстаний середины XVII в. много потрудились с целью разыскания и публикации новых документов; обратили особенное внимание на вопрос о движущих силах и социальном составе участников народных восстаний. В результате многолетних исследований ряда историков (С. В. Бахрушина, П. П. Смирнова, М. Н. Тихомирова, К. В. Базилевича и др.) и творческих дискуссий была доказана антифеодальная направленность городских восстаний 1648—1650 годов. Эти восстания были поставлены в связь с общим социально-экономическим развитием Русского государства, обусловившим развертывание борьбы торгово-ремесленного населения посадов против засилья крупных феодалов-землевладельцев и царских чиновников, против возрастания тяглового обложения.

В трудах П. П. Смирнова [71] обстоятельному анализу подвергнут обширный круг

---

[64] В. Н. Бернадский. Конец Заруцкого. «Ученые записки» Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена. Т. XIX. 1939, стр. 130; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в.», стр. 603.

[65] Государственная библиотека имени В. И. Ленина. Отдел рукописей. Музейное собрание № 4651, л. 806 об.

[66] «Первые месяцы царствования Михаила Федоровича». «Чтения в Обществе истории и древностей Российских» (ОИДР), 1915, кн. IV, стр. 75—77, 84, 103, 104, 118, 124, 136, 171, 73 и сл.

[67] А. И. Яковлев. Холопы и холопство в XVII в. Т. 1. М.-Л. 1943, стр. 350.

[68] В. И. Корецкий. Очерки по истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в. (кандидатская диссертация. М. 1957, стр. 227).

[69] Доклад Б. Ф. Поршнева в Институте истории АН СССР (1957 г.).

[70] См., например, С. И. Тхоржевский. Указ. соч., стр. 77 и сл.

[71] П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба в первой половине XVII века. Тт. 1, 2. М. 1947—1948; его же. Правительство Б. И. Морозова и восстание в Москве 1648 г. Ташкент. 1929; его же. Из истории классовой борьбы в городах Московского государства XVII века. «Исторический сборник», 1934, № 3, стр. 81—131.

источников, связанных с положением посадов и классовой борьбой посадских людей.

Отводя много места наиболее острым формам социального протеста (восстаниям, волнениям) на посадах, П. П. Смирнов вместе с тем очень ярко и выпукло обрисовал обстановку повседневной, нередко малозаметной, но, тем не менее, упорной и настойчивой борьбы посадов с «беломестцами». Именно это повседневное сопротивление проникновению феодалов на посады, выражавшееся в подаче челобитных, создавало ту питательную среду, из которой вырастали вооруженные выступления. Под давлением посадского населения царское правительство было вынуждено ускорить созыв Земского собора и провести некоторые меры по ограничению беломестного землевладения на посадах и осуществить в 1649—1652 гг. так называемое «посадское строение» в масштабах всего государства.

Видное место в работах П. П. Смирнова заняло изучение одного из крупнейших городских восстаний XVII в. — московского восстания 1648 года. Однако С. В. Бахрушин, посвятивший этому движению специальную статью [72], не согласился с оценкой П. П. Смирновым роли служилых людей как главной силы восстания. По его мнению, основным ядром этого восстания были «черные» люди посада. С некоторыми коррективами, внесенными в последующее время самим С. В. Бахрушиным [73] и другими историками, эта концепция была в основном воспринята и развита в ряде коллективных трудов, опубликованных в последние годы [74].

О восстаниях 1648—1650 гг. в других городах России (в Устюге Великом, Соли Вычегодской, Курске, Воронеже и др.) написаны интересные работы с использованием новых материалов центральных и местных архивов [75]. Данные работы установили связь между выступлениями в Москве и на периферии, отметили участие в них сельского населения, показали внушительные масштабы городских движений этого периода. Тем самым была выяснена роль классовой борьбы народных масс в созыве Земского собора и выработке Уложения 1649 г., в изменении внутренней политики правительства.

Народные движения, имевшие место в городах вскоре после Уложения 1649 г., также явились объектом исследования советских историков. М. Н. Тихомиров в своей книге «Псковское восстание 1650 года» [76] подробно охарактеризовал это крупное движение, длившееся шесть месяцев и заставившее правительство принять самые экстренные меры, вплоть до созыва специального Земского собора. Особо следует подчеркнуть, что Псковское восстание нашло широкий отклик и поддержку в соседних пригородах и в сельских местностях, охватив большую территорию. Перу того же автора принадлежит статья о восстании 1650 г. в Новгороде, которое имело определенную связь с выступлением в Пскове [77].

---

[72] С. В. Бахрушин. Московский мятеж 1648 г. «Сборник в честь проф. М. К. Любавского». Птрг. 1917, стр. 709—774.

[73] С. В. Бахрушин. От редактора. В книге П. П. Смирнова «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.». Т. 2, М.-Л. 1948, стр. 730—736; его же. Научные труды. Т. II. М. 1954, стр. 92—100.

[74] С. В. Бахрушин, А. А. Новосельский Московское восстание 1648 г. «История Москвы». Т. 1, стр. 577—587; А. А. Новосельский, А. Н. Сперанский. Городские восстания в Русском государстве в середине XVII в. Земский собор. «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век». М. 1955, стр. 224—249. В этом году найден и изучен документ, сообщающий новые факты об этом восстании (см. В. И. Буганов. Описание Московского восстания 1648 г. в Архивском сборнике. «Исторический архив», 1957, № 4, стр. 227—230).

[75] Назовем, например, следующие работы: К. В. Базилевич. Мятеж в Великом Устюге в 1648 г., «Ученые записки» Института истории РАНИОН. Т. V. 1928, стр. 271—296; Г. А. Новицкий. Восстание в Курске в 1648 г. (из истории классовой борьбы в городах Московского государства в XVII в.). Журнал «Историк-марксист», 1934, № 6, стр. 24—36; Е. В. Чистякова. Воронеж в середине XVII в. и восстание 1648 г. Воронеж. 1953. О волнениях в Козлове и др. южных городах см. «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век», стр. 240—244. О классовой борьбе в Ярославле см. Е. М. Тальман. Борьба посада Ярославля с светскими и духовными феодалами в первой половине XVII в. «Исторические записки». Кн. 20. 1946, стр. 96—129.

[76] М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 года. Из истории классовой борьбы в русском городе XVII века. М.-Л. 1935; ср. его же. Псковский мятеж XVII века. Из истории борьбы общественных классов в России. М. 1919.

[77] М. Н. Тихомиров. Новгородское восстание 1650 г. «Исторические записки». Кн. 7. 1940, стр. 91—114. См. также М. Островская. К истории социальной борьбы в Новгороде XVII века. «Север» (Вологда), 1924, № 1(5), стр. 33—57.

Восстание 1662 г. в Москве обычно квалифицировалось в дореволюционной литературе как «медный бунт». В его всестороннем изучении большая заслуга принадлежит К. В. Базилевичу [78]. Советской исторической наукой были приняты выводы его исследований об антифеодальной направленности выступления, в основе которого лежала борьба низших слоев торгово-ремесленного населения Москвы против крупного торгово-ростовщического капитала и феодально-крепостнического государства с его системой тяжелых налогов, поборов и обязательных служб, против существования особых феодальных прав, стеснявших экономическое развитие посада.

К. В. Базилевич отметил ряд сходных черт в московских восстаниях 1648 и 1662 гг., рассматривая их как звенья единой цепи классовой борьбы в городах Русского государства XVII века.

Почти одновременно с выходом в свет монографии К. В. Базилевича была опубликована интересная во многих отношениях статья А. Н. Сперанского «К вопросу о сущности и характере Псковского восстания 1650 года (по поводу книги М. Н. Тихомирова 1935 г.)» [79], имеющая более широкое значение, чем просто отклик на книгу М. Н. Тихомирова. А. Н. Сперанский поставил в этой статье принципиальные вопросы не только характеристики городских восстаний в частности, но и вообще классовой борьбы в Русском государстве XVII века. Сопоставление социального состава движений 1648 и 1650 гг. привело А. Н. Сперанского к мысли, что Уложение 1649 г. оказало определенное влияние на размежевание классовых сил, участвовавших в этих восстаниях. Если в московском и других восстаниях 1648 г. известные круги дворянства выступали против правительства, поддерживая посад, то в восстаниях 1650 и 1662 гг. наблюдается иная картина. Служилое сословие, как правило, не принимало участия в городских восстаниях и даже содействовало их подавлению. Получив по Уложению удовлетворение своих требований в отношении крестьян, дворянство охладело к борьбе посада. С другой стороны, посадские низы находили поддержку в крепостном крестьянстве, для которого Уложение с отменой «урочных лет» сыска принесло юридическое оформление его зависимости от помещиков.

В этой связи автор статьи выдвигает соображение о большей близости характера восстаний 1650 г. к движению С. Т. Разина, чем к восстаниям 1648 г., что уже обозначает новый этап в развитии классовой борьбы. Таким образом, изучение расстановки сил в классовой борьбе XVII в. стало более глубоким и всесторонним.

Классовая борьба в русских городах во второй половине XVII в. пока еще очень слабо изучена. Кроме фундаментальной монографии К. Н. Сербиной, посвященной Тихвинскому посаду [80], до сих пор нет на эту тему специальных работ.

В несколько лучшем положении находится изучение классовой борьбы в городах Сибири во второй половине XVII века. Важной предпосылкой правильной марксистской оценки сибирских городских восстаний XVII в. явилось создание ценных работ по социально-экономической истории Сибири (С. В. Бахрушин, В. И. Шунков, В. Н. Шерстобоев, З. Я. Бояршинова и др.). Трудами советских историков доказано, что Сибирь в XVII в. в основном переживала те же экономические и общественные процессы, что и Европейская Россия, что в Сибири также господствовали феодальные отношения. Буржуазно-националистическим, «областническим» теориям о якобы «особом» пути развития Сибири был нанесен решительный удар. Данное обстоятельство содействовало более глубокому изучению классовых противоречий и их проявлений в Сибири в общей классовой борьбе, развертывавшейся на территории феодальной России в XVII веке. В работах Ф. А. Кудрявцева, З. Я. Бояршиновой, В. А. Александрова и других отразились взгляды советских исследователей на восстания в Томске, Иркутске, Илимске, Нерчинске и Красноярске [81].

---

[78] К. В. Базилевич. Восстание в Москве в 1662 г. Чч. 1, 2. «Известия» АН СССР. 7-я серия. Отделение общественных наук. № 4. Л. 1935, стр. 305—343; № 5, стр. 425—456; его же. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.-Л. 1936. Под редакцией К. В. Базилевича опубликован сборник документов «Городские восстания в Московском государстве XVII в.». М.-Л. 1936.

[79] «Историк-марксист», 1936, № 5, стр. 124—138.

[80] К. Н. Сербина. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII веках. М.-Л. 1951, стр. 376—423.

[81] Ф. А. Кудрявцев. Восстания крестьян посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVII в. Иркутск. 1939; З. Я. Бояршинова. Волнения в Томске в XVII в. «Вопросы истории», 1956, № 6, стр. 109—115; В. А. Александров. Народные восстания в Восточной Сибири во

Вполне понятен тот большой интерес, который проявили наши историки к восстанию под предводительством С. Т. Разина. Уже в первые годы Советской власти стали выходить в свет научно-популярные книги, брошюры и статьи, освещающие народные движения прошлого, прежде всего восстания, во главе которых встали Степан Тимофеевич Разин и Емельян Иванович Пугачев. Среди работ 20-х — начала 30-х годов XX в. о восстании Разина можно назвать труды С. И. Тхоржевского, Н. Н. Фирсова, М. Я. Феноменова, И. И. Полосина, М. Н. Тихомирова, М. В. Нечкиной и др. [82]. Конечно, все эти работы имели в свое время известное положительное значение. Они вводили в научный оборот некоторые новые фактические данные, популяризировали среди широких слоев трудящихся нашей страны историю революционных традиций трудового народа России. Но большинство монографий о движении С. Т. Разина, изданных до постановлений партии и правительства о преподавании гражданской истории в школах, к нашим дням устарело, некоторые их теоретические положения не являются марксистскими и не могут быть приняты современной советской наукой. Так, уже в те годы в научной печати были подвергнуты резкой критике работы С. И. Тхоржевского, методологические позиции которого в ряде случаев были чужды марксистскому пониманию исторического процесса [83]. В заметной степени на работах того времени по истории классовой борьбы в период феодализма сказалось влияние исторических воззрений М. Н. Покровского и его «школы».

В те же годы над изучением восстания С. Т. Разина довольно интенсивно работали историки и краеведы местных научных учреждений. Ими написаны работы, представляющие определенный научный интерес свежестью своего материала, почерпнутого из архивов. Естественно, что в первую очередь данной темой занялись историки Поволжья — главного очага движения С. Т. Разина. Появились очерки и этюды о Нижегородском, Симбирском и Саратовском уездах в связи с восстанием С. Т. Разина [84].

В работах И. В. Степанова была подвергнута рассмотрению значительная категория поволжского трудового населения («гулящие люди» и отходники-крестьяне), среди которого призывы С. Т. Разина находили горячий отклик [85]. Не так давно опубликована статья Е. В. Чистяковой об одном из ближайших предвестников надвигающейся крестьянской войны (походе В. Уса) [86].

Плодотворно и обращение к изучению положения казачества как одной из социальных групп, поддержавших крестьянство в дни войны 1670—1671 годов [87].

Чрезвычайно важным достижением представляется разработка советскими историками вопроса об участии нерусских народностей Поволжья и Приуралья в крестьянской войне под предводительством С. Т. Разина. Советские исследователи открыли важную страницу в истории классовой борьбы нерусских трудовых масс в тесном

второй половине XVII века. «Исторические записки». Кн. 59. 1957, стр. 255—309.

[82] С. И. Тхоржевский. Стенька Разин. Исторический очерк. Птрг. 1923; Н. Фирсов. Народные движения в России до XIX века. Историко-социологические очерки. М. 1924; его же. Разин и разиновщина. Пугачев и пугачевщина. Казань. 1930; М. Я. Феноменов. Разиновщина и пугачевщина. М. 1923; М. Н. Тихомиров. Разинщина. М.-Л. 1930; И. И. Полосин. Крестьянская революция (XVII в.). М. 1926; М. В. Нечкина. Разиновщина и пугачевщина. М. 1933; И. Семенцовский. К истории казни Ст. Разина. Журнал «Каторга и ссылка». 1932, № 3, стр. 128—136; Н. С. Чаев. К истории разиновщины. «Вестник АН СССР». 1933, № 4, стб. 29—40, и другие работы.

[83] М. Мартынов. Против буржуазных тенденций в советской исторической науке. Журнал «Проблемы марксизма», 1930, № 5—6.

[84] Н. Ржига. Разиновщина и раскол. «Краеведческий сборник». Т. 1. Н. Новгород. 1924, стр. 115—134; М. Звенигородская. Социальные взаимоотношения в XVII в. и разиновщина в Симбирском крае. «Край Ильича». Казань. 1926. № 1, стр. 33—39; Л. Венедиктов. Заселение Поволжья и казацко-крестьянское движение в XVII в. «В крепостную эпоху на Средней Волге». М.-Самара. 1934, стр. 6—27; см. также А. А. Гераклитов. История Саратовского края в XVI—XVIII веках. Курс лекций. Саратов. 1923, стр. 244—264.

[85] И. В. Степанов. Гулящие — работные люди в Поволжье в XVII в. «Исторические записки». Кн. 36. 1951, стр. 142—164; его же. Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина в Среднем Поволжье. «Ученые записки» Ленинградского государственного университета. № 205. Серия исторических наук. Вып. 24. 1956, стр. 125—166, и другие работы.

[86] Е. В. Чистякова. Крестьянское движение в Подмосковье и поход Василия Уса. (1666 г.). «Вопросы истории», 1953, № 8, стр. 128—133.

[87] Н. С. Чаев. Донское казачество. «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век», стр. 264—271; Е. Н. Кушева. Яицкое казачество. Там же, стр. 271—277.

содружестве с русскими крестьянами, посадскими людьми и казаками. Наряду с опубликованными в последние годы обобщающими трудами по истории ряда республик Поволжья (Татарии, Мордовии, Чувашии) данная тема получила отражение на страницах других научных изданий. В 1936 г. в Йошкар-Оле увидели свет материалы об участии марийцев в движении С. Т. Разина [88], несколько позже вышла статья М. М. Каликаева и Н. А. Мартынова [89] на ту же тему.

Соответствующие данные о поддержке движения С. Т. Разина мордовским народом имеются в статьях М. И. Зевакина и И. Воронина [90]. Недавно опубликована работа И. П. Панькова, показывающая на основании документов Центрального государственного архива древних актов борьбу чувашского народа в годы восстания С. Т. Разина [91].

Советские историки (К. И. Стецюк, В. А. Дядиченко и др.) убедительно показали связь крестьянской войны 1670—1671 гг. с нарастанием антифеодального движения народных масс Украины [92].

В 1955—1957 гг. предприняты новые попытки с учетом выявленных в последние годы источников и проделанной исследовательской работы воссоздать в целом картину крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина. В. И. Лебедев в 1955 г. издал книгу, рассчитанную на учителей средней школы и подводящую итог разработки данной темы [93]. В 1957 г. Госполитиздат выпустил работу И. В. Степанова [94]. Краткий исследовательский очерк крестьянской войны выполнен для «Очерков истории СССР» А. А. Новосельским и Н. С. Чаевым [95]. Эти небольшие по объему работы, внося свой вклад в исследование истории восстания С. Т. Разина, в то же время показывают, что советским историкам еще предстоит большая работа по созданию крупных монографических трудов об этой крестьянской войне 1670—1671 годов.

За время Советской власти были достигнуты определенные успехи в отношении выявления и опубликования документальных источников, характеризующих восстание С. Т. Разина.

В 1926 г. был издан сборник документов, в состав которого вошли отдельные материалы о движении С. Т. Разина [96]. Б. Д. Греков обнаружил и напечатал в 1927 г. новые материалы, вошедшие в фонд наиболее важных источников по истории этой крестьянской войны [97]. В 1931 г. Центрархив выпустил сборник документов, специально посвященный «Разинщине» [98]. Несколько позже К. Н. Сербина выступила с интересной публикацией обнаруженных ею в делах Тихвинского монастыря документов о ссыльных разинцах [99].

Значительную помощь окажет историкам издаваемый Институтом истории АН СССР и ЦГАДА трехтомный сборник документов «Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина», две книги которого уже вышли [100]. Данный сборник представ-

---

[88] «Марийская автономная область». № 7—8. Йошкар-Ола. 1936, стр. 61—80.

[89] М. М. Каликаев и Н. А. Мартынов. Участие народа мари в крестьянской войне под руководством Степана Разина в 1670—1671 годах. «Труды» Марийского научно-исследовательского института социалистической культуры. Вып. 2. Козьмодемьянск. 1940, стр. 3—28.

[90] М. И. Зевакин. К вопросу об участии мордовского народа в крестьянской войне под руководством Разина. «Записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР». История и археология № 11. Саранск. 1949, стр. 201—222; И. Воронин. Сподвижник Степана Разина. Там же, стр. 155—159.

[91] И. П. Паньков. Новые материалы о крестьянской войне под предводительством Степана Разина. «Ученые записки» Чарджоуского государственного педагогического института. Вып. 1. 1956, стр. 51—65.

[92] К. И. Стецюк. Вплив повстання Степана Разіна на Україну. Киев. 1947, и другие работы этого автора; В. А. Дядиченко. Антифеодальні повстання в Росії і на Україні в XVII—XVIII ст. Киев. 1954.

[93] В. И. Лебедев. Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина. М. 1955.

[94] И. В. Степанов. Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина. М. 1957.

[95] «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век», стр. 277—312.

[96] «Крестьянские движения XVII—XVIII веков». Сборник документов и материалов с примечаниями. Составитель В. П. Виктоpов. М. 1926.

[97] Б. Д. Греков. Новые материалы о движении Степана Разина. «Летопись занятий постоянной историко-археографической комиссии». Вып. 1 (34). Л. 1927, стр. 203—238.

[98] Сборник «Крестьянство и национальности в революционном движении 1666—1671 гг. Разинщина». М. 1931.

[99] К. Н. Сербина. Несколько новых документов из истории восстания С. Разина. «Исторический архив». Т. I, стр. 73—84.

[100] «Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина». Сборник документов. Составитель Е. А. Швецова. Т. I. М. 1954; т. II, ч. 1. М. 1957.

ляет собой систематически подобранное и научно прокомментированное издание основных источников, многие из которых впервые обнаружены.

Как показывают исследования последних лет, крестьянская война 1670—1671 гг. нашла отклик на далеком Севере в своеобразной форме старообрядческого движения, вылившегося в конечном счете в антиправительственное Соловецкое восстание (1668—1676 годы). В 1954 г. в Петрозаводске опубликована работа Н. А. Барсукова, автор которой привлек архивный материал и подробно, обстоятельно рассмотрел Соловецкое восстание, выявив его движущие силы и демократическую направленность [101]. Следует также упомянуть сжатый очерк Н. С. Чаева о расколе и Соловецком восстании [102].

Надо сказать, что расколу как явлению общественного порядка, имеющему не только значение религиозного течения, но и определенную классовую окраску, в нашей литературе уделялось до сих пор крайне мало внимания. Лишь недавно Л. Е. Анкудинова выступила с интересной статьей «Социальный состав первых раскольников» [103], в которой сделала попытку разобраться в этом сложном и малоизученном вопросе. Изучение раскола как массового общественного движения поможет конкретно представить общие и своеобразные черты данного явления в сравнении с аналогичными движениями в Западной Европе.

Влияние восстания С. Т. Разина на последующее развитие классовой борьбы в южных уездах государства в начале 80-х годов XVII в. (выступление Ильи Иванова и другие крестьянские движения) исследовано в статье Л. В. Черепнина [104].

Советские научные труды за истекшее 40-летие не ограничивались изучением только открытых вооруженных выступлений трудовых масс против феодально-крепостнического гнета в XVII веке. Опираясь на марксистско-ленинское учение о классовой борьбе, историки проделали большую и важную работу по изучению «будничной», повседневной борьбы в различных ее проявлениях. Объектом изучения в этом плане стали массовые побеги крестьян и холопов, являвшиеся одной из наиболее распространенных форм социального протеста в XVII и XVIII веках. Первой советской работой о беглых крестьянах XVII в. была статья А. А. Новосельского, опубликованная еще в 1926 году [105]. В ней автор обратил внимание на очень внушительные размеры бегства крестьян и холопов в южные и юго-восточные районы страны, особенно после Уложения 1649 г., юридически оформившего крепостное право. Обильный архивный материал, положенный в основу работы, дал возможность А. А. Новосельскому показать, что крестьяне отвечали на усиление эксплуатации массовым бегством на окраины страны. Заселяя новые территории, они содействовали росту производительных сил русского феодального общества. Следовательно, стихийная классовая борьба трудящихся имела своим следствием поступательное развитие экономики страны, вовлечение в хозяйственный оборот новых земельных площадей, что при земледельческом характере экономики России имело чрезвычайно важное значение. В последующих работах А. А. Новосельский неоднократно возвращается к теме о беглых и их роли в народной колонизации окраин [106].

---

[101] Н. А. Барсуков. Соловецкое восстание (1668—1676 гг.). Петрозаводск. 1954. В 1936 г. на эту же тему опубликована статья А. Бирзе. Соловецкое восстание. «История в школе», 1936, № 6, стр. 5—20.

[102] Н. С. Чаев. Церковный раскол и Соловецкое восстание 1668—1676 годов. «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век», стр. 312—325.

[103] «Вестник» Ленинградского университета. № 14. Серия истории, языка и литературы. Вып. 3. 1956, стр. 54—68. О связи народных движений с расколом применительно к Москве см. статью Н. В. Устюгова «Церковный раскол и народные движения». «История Москвы». Т. 1, стр. 597—602.

[104] Л. В. Черепнин. Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства. «Исторические записки». Кн. 4. 1938, стр. 41—75. См. также подборку «Волнения крестьян белгородских митрополичьих деревень в 1682 г.». «Красный архив», 1936, № 6, стр. 150—174.

[105] А. А. Новосельский. Побеги крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII века. «Труды» Института истории РАНИОН. Вып. 1, 1926, стр. 327—354.

[106] А. А. Новосельский. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII веке. «Исторические записки». Кн. 4. 1938, стр. 21—40; его же. Отдаточные книги беглых как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII веке. «Труды» Историко-архивного института. Т. 2. 1946, стр. 125—152; его же. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М. 1948, и др. Публикацию отдаточных книг см. С. М. Каштанов. Отдаточные книги Троице-Сергиева монастыря. «Исторический архив». Т. VIII, стр. 198—220.

В трудах других советских историков были рассмотрены вопросы о беглых крестьянах ряда местностей России XVII века. О беглых крестьянах вотчин Троице-Сергиева монастыря, расположенных в Нижегородском, Владимирском, Суздальском, Юрьевском и Муромском уездах, напечатал статью А. Г. Маньков [107]; о беглых крестьянах Рязанского уезда появилась работа И. А. Булыгина [108]; о побегах крестьян в Поволжье накануне восстания С. Т. Разина недавно вышла в свет статья Т. И. Смирновой [109].

Уездам русского Севера и развертывавшейся там классовой борьбе крестьянского и посадского населения посвящены работы А. А. Введенского, Р. Б. Мюллер, П. А. Колесникова и других историков [110].

Советским историкам принадлежит ряд исследований о классовой борьбе в районах колонизации Урала в XVII веке. Сопротивление крестьян некоторых зауральских слобод крепостническим поползновениям и попыткам земельных захватов со стороны Невьянского Богоявленского монастыря освещено в статье Б. Б. Кафенгауза [111]. Борьба черносошных крестьян Западного Урала против воеводской администрации и фискального гнета государства получила отражение в недавних работах о Кунгурском крае в XVII— начале XVIII века [112].

Ценный вклад в исследование вопросов классовой борьбы внесен советскими историками-сибиреведами. Картина массового бегства тяглых людей в Сибирь ярко и убедительно нарисована в работах В. И. Шункова, В. Н. Шерстобоева, З. Я. Бояршиновой и др. В. И. Шунков, изучив заселение западносибирских уездов в течение XVII в., доказал, что основной контингент переселенцев составляли беглые тяглые люди. Он остановился также и на борьбе сибирского крестьянства против увеличения «десятинной пашни», «государевых изделий» и притеснений местной администрации. От настигавшего их и в Сибири гнета крестьяне вновь искали спасения в бегстве, нередко совершая и открытые выступления [113]. В. Н. Шерстобоев описал крестьянские волнения в Илимском уезде, на них же остановился Ф. Г. Сафронов, сообщивший также данные о бегстве крестьян из бассейнов Лены и Илима в Даурию [114].

По мере хозяйственного развития России в XVII в. и постепенного роста в ее экономике удельного веса товарного производства и промышленного труда увеличивалась категория так называемых работных людей, занятых на промышленных предприятиях и на водном транспорте. Среди советских историков, создавших труды о классовой борьбе работных людей, необходимо упомянуть Н. В. Устюгова. Еще в 1940 г. он опубликовал статью, в которой показал условия труда и борьбы наемных работников водного транспорта. В своей фундаментальной монографии о солеваренной промышленности Соли Камской в XVIII в. Н. В. Устюгов детальнейшим образом исследовал положение варничных и подсобных работников, установил капиталистические тенденции в работе солеваренных предприятий и обрисовал классовую борьбу солеваров против владельцев предприятий и местной администрации. Автору удалось выявить в требованиях наемных работных людей признаки профессиональных требований рабочего класса на ранних ступенях его развития. Он также описал неизвест-

---

[107] А. Г. Маньков. Побеги крестьян в вотчинах Троице-Сергиева монастыря в первой четверти XVII в. «Ученые записки» Ленинградского государственного университета. Серия исторических наук. Вып. 10. 1941, стр. 45—74 (с таблицами).

[108] И. А. Булыгин. Беглые крестьяне Рязанского уезда в 60-е годы XVII в. «Исторические записки». Кн. 43. 1953, стр. 131—149.

[109] Т. И. Смирнова. Побеги крестьян накануне выступления С. Разина. «Вопросы истории», 1956, № 6, стр. 129—131.

[110] А. А. Введенский. Классовая борьба и «одиначество» в Поморье в XVI—XVII веках. «Вопросы истории», 1955, № 8, стр. 116—123; Р. Б. Мюллер. Борьба крестьян Шунгского погоста с Тихвинским монастырем (в свете изучения имущественного расслоения крестьян). «Исторические записки». Кн. 43, 1953, стр. 237—245; П. А. Колесников. Из истории классовой борьбы вологодских крестьян в XVII веке. Вологда. 1957.

[111] Б. Б. Кафенгауз. Из истории колонизации Урала в XVII в. «Доклады и сообщения исторического факультета Московского государственного университета». Вып. 7. 1948, стр. 33—45.

[112] А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в. М. 1956; его же. Классовая борьба в Кунгурском крае XVII — начала XVIII в. Сборник «На Западном Урале». 1956, стр. 53—80.

[113] В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII века. М.-Л. 1946, стр. 212—236.

[114] В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня. Т. 1. Пашня Илимского воеводства в XVII в. Иркутск. 1949, стр. 184 и сл.; Ф. Г. Сафронов. Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илима в XVII веке. Якутск. 1956, стр. 130—140.

ную ранее стачку солеваров Соликамских и Сереговских промыслов [115].

Конец XVII в. отмечен крупными антиправительственными восстаниями стрельцов. Им посвятили свои работы А. Н. Штраух и С. К. Богоявленский [116]. В «Очерки истории СССР» также включена статья о восстании 1682 года [117].

Последние советские труды об этом стрелецком «бунте» рассматривают его как реакционное движение, не связанное с антифеодальной борьбой трудящихся, преследовавшее узкокастовые, корыстные цели сохранения ряда привилегий. Однако стрелецкие восстания еще нуждаются в дальнейшем специальном изучении. У стрельцов было двойственное положение в русском феодальном обществе XVII века. С одной стороны, это были представители привилегированной военнослужилой прослойки, получавшие «государево жалованье». С другой стороны, особенно в мирное время, это сплошь и рядом мелкие ремесленники и торговцы, интересы которых тесно соприкасались с интересами посадского люда. Поэтому стрелецкие движения, будучи сложными и противоречивыми по своему характеру, требуют дальнейшей углубленной разработки.

Первая четверть XVIII в.— эпоха, связанная с преобразовательной деятельностью Петра,— и до революции находилась в центре внимания историков. Советские ученые, руководствуясь марксистско-ленинской методологией, сказали новое слово в изучении данного периода отечественной истории, богатого примерами классовой борьбы. Изыскания в архивах помогли ввести в научный оборот большое количество ранее неизвестных источников, что обеспечило создание ценных исследовательских трудов в области изучения классовой борьбы этого времени.

Астраханское восстание (1705—1706), в котором участвовали мелкие служилые люди и посадские низы Астрахани, исследовано в статьях В. И. Лебедева. Им же обнародованы и некоторые документы, касающиеся событий в Астрахани [118]. Дальнейшая разработка фонда Преображенского приказа — сыскного учреждения при Петре I — дала ряд дополнительных материалов, и ее результаты в кратком изложении отражены в вышедших в 1954 г. «Очерках истории СССР» [119]. Авторы названных работ справедливо расценили Астраханское восстание и примыкавшие к нему выступления в Гурьеве, Красном Яре и других пунктах как крупные народные движения городских низов, солдат и стрельцов против резко возросшего феодального гнета. Вопрос об участии стрельцов в Астраханском восстании затронут также в статье М. Д. Рабиновича [120].

Восстанию 1707—1708 гг. посвящены монографии В. И. Лебедева, Н. С. Чаева и ряд статей [121]. Эти исследования установили, что ведущей силой восстания было крестьянство, искавшее на Дону спасения от закрепощения, усиленно проводимого правительством в интересах помещиков. Конкретный ход восстания, широкие размеры движения и его антифеодальные лозунги подробно охарактеризованы в этих трудах.

---

[115] Н. В. Устюгов. Работные люди на Сухоно-Двинском водном пути в первой половине XVII в. «Исторические записки». Кн. 6. 1940, стр. 167—174; его же. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. К вопросу о генезисе капитализма в русской промышленности. М. 1957, стр. 258—268.

[116] А. Н. Штраух. Стрелецкий бунт 1682 г. М. 1928; С. К. Богоявленский. Хованщина. «Исторические записки». Кн. 10. 1941, стр. 180—221.

[117] С. К. Богоявленский, Н. В. Устюгов. Стрелецкое восстание 1682 г. «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век», стр. 325—336.

[118] В. И. Лебедев. Астраханское восстание 1705—1706 годов. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 9—10, стр. 56—78; его же. Астраханское восстание 1705—1706 годов (по пыточным речам повстанцев в Преображенском приказе). «Ученые записки» Московского городского педагогического института имени В. П. Потемкина. Т. 2, вып. 1. 1941, стр. 3—32; его же. Астраханское восстание 1705—1706 годов. Документы. «Историк-марксист», 1935, № 4, стр. 77—86.

[119] Н. Б. Голикова, А. В. Чернов. Астраханское восстание. «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в.». М. 1954, стр. 240—253.

[120] М. Д. Рабинович. Стрельцы в первой четверти XVIII в. «Исторические записки». Кн. 58. 1956, стр. 273—305.

[121] В. И. Лебедев. Булавинское восстание. М.-Л. 1934; его же. Из истории Булавинского восстания (1707—1708). Журнал «Борьба классов», 1933, № 10, стр. 134—143; его же. «Историк-марксист». 1933, № 3, стр. 44—64; Н. С. Чаев. Булавинское восстание (1707—1708). М. 1934; его же. Булавинское восстание (1707—1708). «Вестник» АН СССР. № 6, 1934, стб. 21—28; В. И. Лебедев, Е. П. Подьяпольская. Восстание на Дону в 1707—1708 годах. «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в.», стр. 253—273.

Источники, освещающие движение 1707—1708 гг., были изданы отдельным сборником еще в 1935 году [122]. В 1955 г. ряд дополнительных материалов был помещен В. И. Лебедевым в журнале «Исторический архив» [123]. В настоящее время находятся в печати документы, обнаруженные Е. П. Подьяпольской.

Советские авторы отметили и документально доказали, что во время борьбы восставшие имели поддержку со стороны украинских казаков и крестьян, в чем сказались дружественные связи двух братских народов. Они развеяли также распространенную в дореволюционной историографии версию о якобы «предательском» характере восстания под предводительством К. Булавина, совпавшего по времени с нашествием Карла XII на земли Украины и Белоруссии. Однако сказанное выше не означает, что в нашей литературе решены все вопросы изучения восстания 1707—1708 годов. Едва ли правомерно, что за последние 20 с лишним лет не было издано ни одной монографии об этом восстании. Новые материалы ждут и новых обобщений.

Изучение архивных первоисточников открыло картину народных движений первой четверти XVIII века. Теперь известно, что восстания в Астрахани и на Дону сочетались с многочисленными крестьянскими волнениями в разных районах России [124]. Благодаря работе Н. Б. Голиковой проясняется вопрос о своеобразных формах социального протеста трудовых масс в начале XVIII в., что явилось причиной резко возросшего количества политических «преступлений», зарегистрированных в делопроизводстве Преображенского приказа [125]. Как свидетельствуют работы советских историков, первые шаги широкого промышленного строительства того времени вызвали к жизни упорную классовую борьбу работных людей и приписных крестьян, вливавшуюся в общее русло народных движений. В монографии А. П. Глаголевой прослежена борьба мелких товаропроизводителей — кузнецов и рудоплавильщиков, а также работных людей и приписных крестьян группы погостов Олонецкого уезда [126]. В солидном, богато документированном труде Б. Б. Кафенгауза [127] обрисована борьба заводских рабочих и приписных крестьян против крупнейших частных промышленников России — Демидовых. Появились работы, освещающие Кунгурское восстание 1703 г. и начальный этап борьбы приписных крестьян и мастеровых людей Урала [128]. Волнения работных людей в Вятском крае в первые годы XVIII в. описаны в работах А. В. Эмаусского [129]. В большой и интересной книге Е. И. Заозерской содержатся ценные сведения о борьбе работных людей Хамовного двора и других московских предприятий в начале 20-х годов XVIII века [130].

Менее представлена в советской исторической литературе вторая четверть XVIII века. По-настоящему историческими исследованиями указанного периода стали заниматься преимущественно после войны. Это сказалось и на разработке истории классовой борьбы данного отрезка времени. Специальных исследований очень немного.

П. К. Алефиренко посвятила свою статью движению монастырских крестьян, выражавшемуся чаще всего в форме подачи челобитных [131]. В работах С. И. Волкова прослеживается классовая борьба другой

---

[122] Сборник «Булавинское восстание (1707—1708)». М. 1935.

[123] В. И. Лебедев. О подавлении народного восстания 1707—1708 гг. «Исторический архив», 1955, № 4, стр. 179—195.

[124] «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в.», стр. 247—279.

[125] Н. Б. Голикова. Политические процессы в царствование Петра I (по материалам Преображенского приказа). Изд. МГУ. М. 1957.

[126] А. П. Глаголева. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII в. М. 1957, стр. 199—203, 222—225.

[127] Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых. Т. 1. М.-Л. 1949.

[128] А. А. Преображенский. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в. М. 1956; его же. Классовая борьба уральских крестьян и мастеровых людей в начале XVIII в. «Исторические записки». Кн. 58. 1956, стр. 246—272.

[129] А. В. Эмаусский. Вятские беглые работные люди в начале XVIII в. Сборник «По родному краю». Вып. 3. Киров. 1955, стр. 141—171; его же. Исторический очерк Вятского края XVII—XVIII веков. Киров. 1956, стр. 109—124. В этой книге освещены и другие факты классовой борьбы в Вятском крае XVII—XVIII веков.

[130] Е. И. Заозерская. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М. 1953, стр. 139—142, 191 и сл.

[131] П. К. Алефиренко. Борьба монастырских крестьян в 30—50-х годах XVIII в. «Доклады и сообщения Института истории АН СССР». Вып. 3. М. 1954, стр. 151—163.

крупной категории крестьянства — дворцовых крестьян [132].

Удачную попытку обобщенного изложения истории крестьянского движения на протяжении второй четверти XVIII в. предприняла Е. И. Индова [133], использовавшая новые источники. В ее статье показывается все большая активизация крестьянских выступлений, заставившая правительство часто прибегать к помощи воинских команд для усмирения недовольных. Свежую страницу из истории классовой борьбы открыл своей работой В. Ю. Гессен. Он исследовал почти нетронутый предыдущей историографией вопрос о волнениях в армии. Вчерашние крестьяне, надев военные мундиры, не оставались «спокойными» и в рядах вооруженных сил — главной опоры царизма. Тот же автор в другой статье показал, что бегство как наиболее распространенный вид протеста податных сословий на практике не всегда было столь «пассивным», как это подчас считают некоторые наши исследователи. Беглые нередко совершали вооруженные нападения на помещичьи усадьбы [134].

Обострение социальных противоречий на русских мануфактурах второй четверти XVIII в. отражено в трудах Н. И. Павленко и Е. И. Заозерской. Монография Н. И. Павленко рассказывает о классовых выступлениях рабочих и приписных крестьян металлургических предприятий России [135]. Очерк Е. И. Заозерской знакомит с общей картиной борьбы на русских мануфактурах [136]. Из данного очерка явствует вывод о значительном в этот период подъеме движения работных людей крупной промышленности. Архивные изыскания открыли немало нового в сравнении с тем, что было известно на эту тему из дореволюционных работ В. И. Семевского. Подобный рост классовой борьбы на мануфактурах объяснялся не только увеличением количества предприятий, а следовательно, и числа занятых на них работников. Он был вызван также усилением крепостнических тенденций в политике правительства и предпринимателей, расширением применения принудительного труда.

Дальнейшее нарастание классовой борьбы завершилось во второй половине XVIII в. крестьянской войной под предводительством Е. И. Пугачева, которая потрясла феодальный царский режим и ударила по «благородному сословию» со всей силой народной ненависти к угнетателям. Этому периоду отведено видное место в исследованиях советских историков. Весьма примечательно, что в советской литературе о данном времени широко представлены работы, выполненные в разных городах Советского Союза. Нельзя не приветствовать этот факт, ибо только благодаря совместным усилиям наших историков, исследующих локальные вопросы на основе местной документальной базы, возможно создание обобщающих трудов, больших монографий. Должно быть принято во внимание также чрезвычайное многообразие природных и экономических условий отдельных районов нашей страны, что требует не только тщательного, но и, если можно так выразиться, «индивидуального» подхода в каждом конкретном случае при разработке той или иной темы. Достаточно вспомнить, как изучал послереформенную Россию В. И. Ленин, подчеркнувший необходимость учитывать порайонные особенности.

Крестьянской войне 1773—1775 гг. предшествовала в разных уголках России волна крестьянских восстаний и волнений, которым посвящен ряд исследований. Появлению последних в немалой степени способствовало наличие документов и сравнительно лучшая их сохранность в периферийных архивах в сравнении с документацией предшествующего времени. Многие

[132] С. И. Волков. Дворцовые крестьяне Подмосковья во второй четверти XVIII в. «Вопросы истории», 1953, № 9, стр. 111—116; его же. Из истории управления дворцовыми крестьянами. «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». Сборник статей. М. 1952, стр. 266—272.

[133] Е. И. Индова. Крестьянское движение. «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в.». М. 1957, стр. 201—219. Ср. К. В. Сивков. Из истории крестьянских восстаний XVIII в. Восстание 1744 г. в Псковской провинции. «Известия» Тверского педагогического института. Вып. 2. 1926, стр. 76—94.

[134] В. Ю. Гессен. Волнения в армии. «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в.», стр. 233—246; его же. Нападение беглых крестьян на помещичьи вотчины в 20—30-х годах XVIII в. «Вопросы истории», 1954, № 12, стр. 103—110.

[135] Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М. 1953, стр. 473—512.

[136] Е. И. Заозерская. Волнения мануфактурных рабочих и приписных крестьян. «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в.», стр. 219—233.

исследования местных историков охватывают весь XVIII в., но основной материал в них большей частью относится ко второй половине столетия.

Чаще всего эти работы посвящались определенной категории крестьян (помещичьих, монастырских и др.), а также крестьянам той или иной территории, безотносительно к их ведомственной принадлежности.

Монография К. Н. Шепетова на примере владений Шереметевых дает картину борьбы крепостных крестьян крупных помещичьих имений, особенно обострившейся во второй половине XVIII века. Здесь имеются также сведения о связи волнений шереметевских крестьян с восстанием Е. И. Пугачева [137].

А. Вершинский коснулся борьбы монастырских крестьян, именовавшихся после секуляризации «экономическими» [138]. Н. В. Горбань в большой статье убедительно показал движение крестьян духовного ведомства в пределах Тобольской епархии на протяжении XVIII века [139]. Монография А. А. Савича осветила интересный участок классовой борьбы XVIII в.— крестьянские волнения на Урале [140]. Работы Н. Воронина и А. Иванова сообщили ценные сведения о крестьянском движении во Владимирском крае, а статья С. И. Ерохина — в соседнем, Нижегородском [141].

Заслуживают внимания работы, в которых вопросы классовой борьбы поставлены в связь с изучением деятельности Уложенной комиссии. Здесь можно назвать исследования И. И. Крыльцова, П. В. Иванова и Н. Л. Рубинштейна [142].

В ряде работ рассматриваются положение и борьба так называемых однодворцев — своеобразной группы населения, приближавшейся по своему положению к государственным крестьянам. Потомки мелкого служилого люда XVII в. «по прибору», однодворцы выступали в XVIII в. против засилья помещиков, хозяйничавших в черноземных уездах центра России [143]. Применительно к Дону об этом времени пишет А. П. Пронштейн [144].

На основе накопленного материала предпринимались попытки дать общую картину крестьянского движения второй половины XVIII века. Н. Л. Рубинштейн посвятил этой теме специальную статью [145]. К. В. Сивков, создавший немало содержательных трудов по истории крестьянских движений XVIII в., обобщил соответствующие сведения в своей статье, помещенной в «Очерках истории СССР» [146].

Неослабевающее внимание советских

---

[137] К. Н. Шепетов. Крепостное право в вотчинах Шереметевых (1708—1885). М. 1947, стр. 147—159 и сл.

[138] А. Вершинский. К истории волнений среди экономических крестьян в XVIII и начале XIX в. «Известия Тверского педагогического института». Вып. 4. Тверь. 1928, стр. 78—86.

[139] Н. В. Горбань. Движение крестьян духовных вотчин Тобольской епархии в XVIII в. «Ученые записки» Омского государственного педагогического института. Вып. 4. Омск. 1949, стр. 75—193.

[140] А. А. Савич. Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVIII—XX веках. М. 1931.

[141] Н. Воронин. Крестьянское движение в XVIII столетии во Владимирском крае. Сборник «Из прошлого Владимирского края». Т. 1. Владимир. 1930, стр. 5—33; А. Иванов. Крестьянское движение во Владимирской губ. в конце XVIII в. Владимир. 1926; С. И. Ерохин. Нижегородское крестьянство XVIII в. в борьбе с крепостниками. Журнал «Горьковская область», 1938, № 12, стр. 99—105.

[142] И. И. Крыльцов. «Подлые люди» в составе Законодательной комиссии 1767—1774 годов. «Бюллетень Среднеазиатского государственного университета». Вып. 3. Ташкент. 1924, стр. 57—60; его же. Из истории классовой борьбы в России XVIII в. «Третий род людей» в составе б. Законодательной комиссии 1767—1774 годов. «Труды» Белорусского государственного университета. Факультет права і гаспадаркі. № 21. Минск. 1928, стр. 129—147; П. В. Иванов. К вопросу о социально-политической направленности «Наказа» Екатерины II. «Ученые записки» Курского государственного педагогического института. Вып. III. Курск. 1954; Н. Л. Рубинштейн. Уложенная комиссия в 1754—1766 годах и ее проект нового Уложения «О состоянии подданных вообще» (К истории социальной политики 50—60-х годов XVIII в.). «Исторические записки». Кн. 38. 1951, стр. 208—251.

[143] В. М. Поторочина. К истории воронежских однодворцев в XVIII в. «Известия» Воронежского государственного педагогического института. Т. 19. 1956, стр. 107—131; В. И. Недосекин. Обострение борьбы за землю между помещиками и однодворцами Воронежской губернии. Там же, стр. 133—154; см. также работы Ф. И. Лаппо (о них ниже).

[144] А. П. Пронштейн. Усиление помещичьего гнета на Дону в XVIII в. «Вопросы истории», 1955, № 6, стр. 56—66.

[145] Н. Л. Рубинштейн. Крестьянское движение в России во второй половине XVIII века. «Вопросы истории», 1956, № 11, стр. 34—51.

[146] «Очерки истории СССР. Период феодализма. 2-я половина XVIII в.». М. 1956, стр. 166—178.

историков привлекала и привлекает классовая борьба на мануфактурах, в частности в 50-х — начале 70-х годов XVIII века. С опубликованием в 1937 г. материалов о движениях приписных крестьян и работных людей (под названием «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в.») введена в науку часть обширной документации, хранящейся в советских архивах. Кроме монографий К. А. Пажитнова, Ю. И. Гессена, А. В. Предтеченского, М. Балабанова [147] и др., изданных в 20-х — начале 30-х годов, которые в общих чертах охарактеризовали классовую борьбу рабочих, советская литература особенно после второй мировой войны пополнилась многими ценными трудами по истории отдельных выступлений на заводах и фабриках, а также общими очерками движений мануфактурных рабочих и приписных крестьян.

Б. Б. Кафенгауз изучил восстание в Ромодановской волости (близ Калуги), приписанной к заводам Демидова. Классовая борьба работных людей Липецких частных заводов освещена в статье В. А. Гараничева [148]. О длительных волнениях крестьян и работных людей Авзяно-Петровских заводов в 50—60-х годах XVIII в. имеется работа П. А. Вагиной. Крупное Кижское восстание исследовано Я. А. Балагуровым [149]. Жестокая обстановка угнетения тружеников сибирских заводов и рудников, классовая борьба сибирских работных людей и крестьян стали предметом изучения в работах Т. Агаповой и других [150]. Движение приписных крестьян во второй половине XVIII в. в общероссийском плане было в последние годы рассмотрено В. Н. Бернадским и М. П. Вяткиным [151].

Отмечая существенные достижения в изучении классовой борьбы на мануфактурах, необходимо заметить, что пока еще слабо учитывается динамика самих движений, не всегда показывается специфика требований работных людей и приписных крестьян на тех или иных исторических этапах.

Слабее, чем борьба крестьян и мануфактурных работников, освещены городские восстания во второй половине XVIII века. Лишь движения трудящихся Москвы, в частности так называемый «чумный бунт», отражены в статьях Е. Звягинцева и П. К. Алефиренко [152]. Из работ последних лет следует назвать статьи А. В. Софоновой и В. Н. Бернадского [153]. Своеобразие социальных противоречий и их проявлений в условиях дальнейшего роста буржуазных связей и всероссийского рынка пока не нашли места на страницах нашей научной печати. Это в равной степени относится к классовой борьбе как в городе, так и в деревне.

---

[147] К. А. Пажитнов. Рабочее движение при крепостном праве. М. 1923; Ю. И. Гессен. История горнорабочих СССР. Т. 1. М. 1926; А. В. Предтеченский. Волнения рабочих в крепостную эпоху. М. 1934; М. Балабанов. Очерки по истории рабочего класса в России. Ч. 1-я. Крепостная Россия. Изд. 4-е, М. 1926.

[148] Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX веках. Т. 1, стр. 242 и сл.; В. А. Гараничев. Волнения работных людей на Липецких заводах кн. П. И. Репнина в 60-х годах XVIII в. «Ученые записки» Смоленского государственного педагогического института имени К. Маркса. Вып. 2. Смоленск. 1953, стр. 42—61.

[149] П. А. Вагина. Волнения приписных крестьян на Авзяно-Петровских заводах в 50—60-х годах XVIII в. «Ученые записки» Свердловского государственного педагогического института. Вып. 11; Я. А. Балагуров. Кижское восстание 1769—1771 годов. Очерк истории восстаний олонецких приписных крестьян. Петрозаводск. 1951.

[150] Т. Агапова. Из истории классовой борьбы на алтайских горных предприятиях в XVIII веке. «Краеведческие записки». Вып. 1 (из дореволюционного прошлого). Барнаул. 1956, стр. 69—91; ее же. Положение народных масс и классовая борьба на сибирских горных предприятиях (конец XVIII—60-е годы XIX века), «Ученые записки» Кабардинского государственного педагогического института. Вып. 7. 1955, стр. 89—105.

[151] В. Н. Бернадский. Движение приписных крестьян в 50—70-х годах XVIII в. «Вопросы истории», 1953, № 8, стр. 41—56; М. П. Вяткин. Борьба работных людей и приписных крестьян на мануфактурах в 50—60-х годах XVIII в. «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в.», стр. 179—193.

[152] Е. Звягинцев. Чума в Москве в XVII и XVIII веках. «Исторический журнал», 1937, № 2, стр. 52—59; П. К. Алефиренко. Чумный бунт в Москве в 1771 году. «Вопросы истории», 1947. № 4, стр. 82—88; ее же. Классовая борьба, политическая жизнь и общественная мысль Москвы в 1725—1800 годах. «История Москвы». Т. II. М. 1953, стр. 360—427.

[153] А. В. Софонова. Положение трудящихся Петербурга и их классовая борьба в 60—70-е годы XVIII в. «Ученые записки» Вологодского государственного педагогического института. Т. 14. 1954, стр. 3—46; В. Н. Бернадский. Классовая борьба в русском городе в третьей четверти XVIII в. «Ученые записки» Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена. Т. 131. 1957, стр. 237—266.

Не будет преувеличением сказать, что самое большое количество советских работ из истории классовой борьбы народных масс в период феодализма относится к крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева. Охарактеризовать их в полном объеме здесь нет возможности.

Публикация документов о крестьянской войне и ее отдельных эпизодах началась вскоре после Октябрьской революции. Особенный интерес был проявлен к отысканию и изданию источников, исходивших из лагеря восставших [154]. В течение 1926—1931 гг. был подготовлен С. А. Голубцовым и издан Центрархивом трехтомный сборник, включивший значительную группу документов о восстании Е. И. Пугачева [155]. Здесь были представлены материалы из «архива Пугачева» (манифесты, указы, письма), следственная документация и официальная правительственная переписка. Кроме упоминавшегося выше сборника В. Викторова, в котором была помещена часть материалов о восстании Пугачева, в 1935 г. вышел в свет специальный тематический сборник [156]. Продолжал печатать источники о движении Пугачева журнал «Красный архив», в котором опубликованы тексты допросов Е. И. Пугачева и некоторых его сподвижников [157].

На местах в предвоенные годы также были напечатаны некоторые документы. Так, в 1937 г. вышел сборник «Емельян Пугачев в Нижнем Поволжье», годом ранее были изданы материалы о движении Е. И. Пугачева в Прикамье [158] и т. д. В статьях и заметках обращалось внимание на значение тех или иных архивных фондов в качестве источников для изучения крестьянской войны 1773—1775 годов [159]. Крестьянская война получила известность за рубежом и довольно широко там комментировалась. В интересном сообщении О. Е. Корнилович приведены свидетельства западных современников о «бунте» Пугачева [160].

В послевоенные годы публикации новых архивных материалов о крестьянской войне стали появляться реже. Из напечатанных в последнее время документов назовем подборки Е. И. Индовой, В. Н. Автократова, Р. В. Овчинникова и Л. Н. Слободских, В. Г. Филова [161]. Сейчас уже назрела необходимость подготовки фундаментального корпуса источников о крестьянской войне 1773—1775 годов.

Что касается работ о восстании Е. И. Пугачева, то в большом количестве они стали выходить в свет еще в 1920-х годах. Кроме названных выше (в связи с восстанием С. Т. Разина), имеются специальные исследования С. И. Тхоржевского. Они базировались на интересном архивном материале, но страдали серьезными методологическими ошибками [162]. М. Н. Покровский, влияние которого сильно чувствуется в литературе 20 — начала 30-х годов, неоднократно обращался к истории движения Е. И. Пугачева, но оценка восстания в работах М. Н.

---

[154] Журнал «Русская старина», 1918, январь — февраль, стр. 67—69; «Красный архив», 1925, № 1, стр. 193—206 и другие издания.

[155] «Пугачевщина». Тт. I—III. М.-Л. 1926—1931.

[156] «Восстание Емельяна Пугачева». Сборник документов. Подготовлен к печати М. Мартыновым. Л. 1935.

[157] «Красный архив», 1935, № 2—3, стр. 159—237 (допрос Пугачева в Москве); № 1, стр. 162—172 (допрос Хлопуши).

[158] «Емельян Пугачев в Нижнем Поволжье». Сталинград. 1937; «К истории Пугачевского движения в правобережье Камы» (архивные материалы). «Записки» Удмуртского научно-исследовательского института. Т. 4. Ижевск. 1936, стр. 118—143.

[159] А. Н. Филиппов. Новые материалы по истории Пугачевского движения. «Ученые записки» Института истории РАНИОН. Т. 4. 1929, стр. 181—193; А. В. Пруссак. Архив Артиллерийского исторического музея как источник по изучению Пугачевского движения. «Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея Красной Армии». Т. 1. М.-Л. 1940, стр. 263—269 и другие работы.

[160] О. Е. Корнилович. Общественное мнение Западной Европы о Пугачевском бунте. «Анналы», 1923, № 3, стр. 149—176.

[161] Е. И. Индова. Борьба приволжских дворцовых крестьян. «Исторический архив». Т. VIII. М. 1953, стр. 278—306; В. Н. Автократов. Движение крестьян в Нижегородской губернии. Там же, стр. 307—332; «Новые документы о крестьянской войне 1773—1775 годов в России» (вводная статья Р. В. Овчинникова и Л. Н. Слободских). «Исторический архив». 1956, № 4, стр. 127—148; В. Г. Филов. Отклики Пугачевского движения на Алтае (по документам Алтайского краевого государственного архива). «Краеведческие записки». Вып. 1 (из дореволюционного прошлого). Барнаул. 1956, стр. 92—143 (напечатаны тексты 18 документов за 1773—1776 годы).

[162] С. И Тхоржевский. Социальный состав Пугачевщины. «Труд в России». Л. 1925, № 1, стр. 85—108; его же. Крестьянство и Пугачевщина. К вопросу о социальном содержании Пугачевщины (по неизданным материалам). «Записки научного общества марксистов». Л. 1928, № 4, стр. 47—73; его же. Пугачевщина в помещичьей России. М. 1930.

Покровского была дана довольно противоречивая. Наряду с верными положениями о грандиозном размахе движения, о его антикрепостнической основе, о глубоком влиянии восстания на всю последующую внутреннюю политику правительства М. Н. Покровский допустил немало ошибок. Он, например, был склонен преувеличивать сознательность и организованность восставших, а также роль торгового капитала в качестве предпосылки крестьянской войны. Он подчас отождествлял работных людей заводов того времени с промышленным пролетариатом эпохи развитого капитализма [163]. Неправ был М. Н. Покровский и в оценке взаимоотношений участников крестьянской войны, принадлежавших к различным национальностям. Он, по существу, не вскрывал глубоких классовых корней антифеодальной и антиколониальной борьбы нерусских трудящихся.

Мобилизация обширного материала центральных и местных архивов сделала возможным создание трудов об основных очагах восстания, о руководителях движения и реакции трудящихся масс других районов России на события крестьянской войны, наконец, об участии в восстании народов Поволжья и Урала.

Движению на Урале в годы войны посвящены работы А. Берса, А. А. Савича, Д. Кашинцева, А. В. Пруссак, М. Н. Мартынова и других [164].

О широком круге районов, охваченных борьбой поднявшихся крестьян, работных людей и других угнетенных, говорят исследования народных выступлений в Поволжье и прилегающих к нему районов центральной полосы России [165], Москвы и Петербурга [166], Сибири [167].

Труды советских историков неопровержимо доказали, что крестьянская война 1773—1775 гг. не была делом только русского народа. Борьба русских трудовых масс теснейшим образом переплеталась с борьбой народов царской России против социального и национального гнета. Общность положения многонациональных угнетенных масс России создавала общность целей в борьбе. В ходе крестьянской войны крепли и развивались давние дружеские связи русского народа с народами восточных окраин России. Известно, что Башкирия была одним из наиболее важных районов крестьянской войны. Участию башкир в борьбе против царских войск и деятель-

---

[163] М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке с древнейших времен до конца XIX в. М.-Л. 1932, стр. 128—129; его же. К вопросу о Пугачевщине. «Историк-марксист», 1932, № 1—2, стр. 75—77 и другие его работы.

[164] А. Берс. Пугачевщина на Урале. Екатеринбург. 1924; А. А. Савич. Пугачевщина на Урале. «Экономика» (Пермь), 1925, № 4, стр. 58—60; Д. Кашинцев. Горнозаводская промышленность Урала и крестьянская война 1773—1774 годов. «Историк-марксист», 1936, № 1, стр. 133—185; А. В. Пруссак. Заводы, работавшие на Пугачева. «Исторические записки». Кн. 8. 1940, стр. 174—207; М. Н. Мартынов. Пугачевский атаман Иван Белобородов на Урале. «Исторический журнал», 1943, № 5—6, стр. 33—40; его же. Саткинский завод во время восстания Пугачева. «Исторические записки». Кн. 58. 1956, стр. 208—235. Н. И. Сергеева. Крестьяне и работные люди заводов южного Урала в крестьянской войне 1773—1775 гг. Труды Ленинградского государственного библиотечного института имени Н. К. Крупской. Т. 2. 1957, стр. 33—48.

[165] С. И. Соколов. Пугачевщина в Тамбовском крае по материалам местного губархива. «Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края», 1928, № 3, стр. 42—58; К. Сальников. Пугачевщина на Средней Волге. «В крепостную эпоху на Средней Волге». М.— Самара. 1934, стр. 28—60; А. Шефер. Пугачевцы в Самаре. Журнал «Волжская новь», 1940, № 9, стр. 235—240; С. Петров. Пугачев в Пензенском крае. Изд. 2-е. Пенза. 1956; Э. С. Коган. Волнения крестьян пензенской вотчины А. Б. Куракина во время движения Пугачева. «Исторические записки». Кн. 37, 1951, стр. 104—124; Д. И. Малинин. Отголоски Пугачевщины в Калужском крае. Калуга. 1930.

[166] А. Н. Филиппов. Москва и Пугачев в июле и августе 1774 г. «Труды Общества изучения Казакстана (Киргизского края)». Т. 6. Оренбург. 1925, стр. 245—294; С. А. Голубцов. Московская провинциальная власть и дворянство в ожидании Пугачева. «Старая Москва». Сборник 1. М. 1929, стр. 7—50; А. В. Софонова. Положение трудящихся Петербурга и их классовая борьба в 60—70-е годы XVIII в. «Ученые записки» Вологодского государственного педагогического института. Т. 14. 1954, стр. 3—46.

[167] П. Орлов. Пугачевщина в Сибири (по материалам Омского губархива). «Сибирские огни», 1925, № 6, стр. 127—146; А. Н. Филиппов. Пугачевское движение в Сибири. «Северная Азия». Кн. 3. М. 1926, стр. 67—78; кн. 4, стр. 73—89; Н. В. Горбань. Крестьянство Западной Сибири в крестьянской войне 1773—1774 гг. «Вопросы истории», 1952, № 11, стр. 124—133; В. Г. Филов. Отклики Пугачевского движения на Алтае (по документам Алтайского краевого государственного архива). «Краеведческие записки». Вып. 1. Барнаул. 1956, стр. 92—143.

ности сподвижника Е. И. Пугачева — Салавата Юлаева посвящено несколько работ [168]. К. А. Котков и М. Зевакин исследовали крестьянское движение в Мордовии в годы восстания Е. И. Пугачева [169], М. А. Садаков и И. Д. Калюжный показали участие в этой войне удмуртов [170], а Г. П. Ямсков — чувашского народа [171]. О связях повстанцев с казахами рассказано в работах А. Ф. Рязанова и А. П. Чулошникова [172].

Влияние крестьянской войны 1773—1775 гг. на народные антикрепостнические движения на Украине показано в статьях А. С. Черевань [173].

Некоторые итоги разработки в советской историографии вопросов крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева получили отражение в научно-популярных трудах и статьях обобщающего характера, опубликованных в последние два десятилетия [174].

Работы советских историков о крестьянской войне 1773—1775 гг. во многом способствовали уяснению основных линий исторического развития России в последующий период. Дальнейшая консолидация господствующего класса, укрепление дворянской диктатуры во всех звеньях власти, с одной стороны, и рост освободительного движения в кругах наиболее передового дворянства (Радищев, декабристы), с другой, — таковы важнейшие следствия крестьянского восстания под руководством Е. И. Пугачева.

Можно надеяться, что результаты, достигнутые в исследовательской работе о крестьянской войне 1773—1775 гг., позволят в недалеком будущем создать капитальные монографии; это, разумеется, не исключает продолжения и углубления исследовательской работы по более частным темам данной проблемы.

Чрезвычайной важности вопрос, помогающий понять идеологию крестьян в ту эпоху, поднят в работах К. В. Сивкова и А. Н. Коган [175]. Самозванство — характерная форма, в которую облекались широкие народные движения XVII—XVIII вв. в

---

[168] П. Ищериков. Подлинная подпись (автограф) Салавата Юлаева и Пугачевский манифест на татарском языке. «Башкирский краеведческий сборник» № 1. Уфа. 1926, стр 53—56; его же. Салават Юлаев — вождь башкирского народа и сподвижник Пугачева. «Преподавание истории в школе», 1951, № 1, стр. 47—60; А. Николаенко. Вождь башкирского народа, пугачевский бригадир Салават Юлаев. «Исторический журнал», 1940, № 11, стр. 77—88; ее же. Башкирия перед восстанием Пугачева. «Сборник Государственного музея революции СССР». Т. 1. М. 1947, стр. 93—119; ее же. Крестьянская война 1773—1775 годов под предводительством Е. И. Пугачева на территории Башкирии. Салават Юлаев. «Очерки по истории Башкирской АССР». Т. I, ч. 1. Уфа. 1956, стр. 218—253; «Салават Юлаев. К 200-летию со дня рождения». Уфа. 1952.

[169] К. А. Котков. Крестьянское движение на территории Мордовии во 2-й половине XVIII века. Саранск. 1949; М. Зевакин. Пугачев в Саранске. Журнал «Литературная Мордовия», 1952, № 6, стр. 236—248.

[170] М. А. Садаков. Участие удмуртов в крестьянской войне под руководством Пугачева (1773—1775). «Записки» Удмуртского научно-исследовательского института истории, языка, литературы и фольклора при Совете Министров Удмуртской АССР. Вып. 11. Ижевск. 1949, стр. 3—33; И. Д. Калюжный. Общие предпосылки крестьянской войны в России. Там же. Сб. 9. Ижевск. 1940, стр. 38—77.

[171] Г. П. Ямсков. Участие чувашского народа в крестьянской войне 1773—1775 годов под предводительством Е. И. Пугачева. «Преподавание истории в школе». 1956, № 1, стр. 40—47.

[172] А. Ф. Рязанов. Пугачевское восстание и хан Малой Орды — Нурали (по материалам Центрархива СССР). «Советская Киргизия», 1924, № 8—9, стр. 151—155; А. Чулошников. Казак-киргизские кочевые орды и Пугачевщина (1773—1774). Журнал «Новый восток». 1929, № 25, стр. 201—215.

[173] А. С. Черевань. Крестьянская война в России под руководством Е. Пугачева и антикрепостническое движение в 50—70-х годах XVIII в. на Украине. «Доклады научных конференций Пермского государственного университета». Вып. 5—6. 1951, стр. 17—25. См. его же. Из истории антикрепостнического движения накануне крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева. «Ученые записки» Карельского педагогического института. Т. 3. Вып. I. Петрозаводск. 1956, стр. 25—33.

[174] А. И. Гайсинович. Пугачев. М. 1937; М. В. Жижка. Емельян Пугачев. М. 1950; М. П. Вяткин. Емельян Пугачев (стенограмма публичной лекции...). Л. 1951; В. И. Лебедев. Крестьянская война под руководством Е. Пугачева. М. 1951; А. И. Андрущенко и С. Л. Марголин. Крестьянская война 1773—1775 годов. «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в.», стр. 193—238 и др.

[175] К. В. Сивков. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. «Исторические записки». Кн. 31, 1950, стр. 88—135; А. Н. Коган. Распространение самозванства в русской деревне в период Пугачевского восстания. «Ученые записки» Куйбышевского государственного педагогического и учительского института. Вып. 7. 1943, стр. 217—225.

России. Указанные статьи (прежде всего богатая по содержанию работа К. В. Сивкова) приводят большой фактический материал, свидетельствующий, что чаще всего самозванцами становились представители угнетенного народа (беглые крестьяне, солдаты и др.). Движение самозванцев носило, как правило, черты социального протеста (авантюристы, преследовавшие лишь личные цели, были довольно редки среди самозванцев). К. В. Сивков обстоятельно разобрал 21 случай такого рода самозванства, причем указал, что после казни Пугачева число самозванцев не только не уменьшилось, а, напротив, увеличилось.

О том, что воля трудового народа в борьбе против эксплуататоров не была сломлена после жестокого подавления крестьянской войны 1773—1775 гг., говорят работы советских историков, посвященные классовой борьбе в России последней четверти XVIII века [176]. Они касаются волнений, являвшихся как непосредственным следствием крестьянской войны, ее продолжением, так и самостоятельным проявлением непрекращавшейся классовой борьбы.

Движение работных людей и приписных крестьян в последней четверти XVIII в. представлено в советской историографии работами В. Н. Ашуркова, П. Е. Матвиевского, Н. В. Воронова и других [177].

Опыт систематизированного и обобщенного изложения крестьянского движения и борьбы на мануфактурах после восстания Е. И. Пугачева предпринят в статье П. Г. Рындзюнского и М. П. Вяткина, опубликованной в 1956 году [178].

С конца XVIII в. Россия вступила в период разложения феодально-крепостнической формации. Деятельность Радищева и восстание декабристов открыли уже новый этап в освободительном движении, которое в конечном счете привело к падению крепостного права.

★

За сорок лет советские историки проделали большую и чрезвычайно плодотворную работу по изучению классовой борьбы трудящихся масс нашей страны в период феодализма. Выяснен закономерный характер борьбы непосредственных производителей против крепостнической эксплуатации, установлена связь этой борьбы с конкретными условиями социально-экономической жизни русского феодального общества в различные исторические периоды.

Борьба русского народа против своих эксплуататоров находила живой отклик в национальных районах России, оказывала воздействие на рост национально-освободительного движения на Украине, в Поволжье и других местах Русского государства. Трудящиеся массы нерусских народов нашей страны часто принимали самое активное участие во многих крестьянских выступлениях и восстаниях в России в XVII—XVIII веках.

Углубленная научная разработка вопросов истории классовой борьбы показала ее огромное влияние на различные стороны социально-экономического и государственного строя страны, на развитие обще-

---

[176] А. Ф. Рязанов. Отголоски Пугачевского восстания на Урале и в Киргиз-Кайсацкой малой орде и в Поволжье (по материалам Центрархива Казакской ССР). «Труды Общества изучения Казакстана (Киргизского края)». Т. 6, Оренбург. 1925. стр. 195—241; Н. И. Савин. Волнения крепостных в вотчинах Барышниковых, Дорогобужского уезда, Смоленской губернии. Дорогобуж. 1926; А. П. Пьянков. Пережитки Пугачевщины на Урале в 80-х годах XVIII столетия (из работ в Пермском окружном архиве). «Пермский краеведческий сборник». Вып. 3. 1927, стр. 99—102; Ф. И. Лаппо. Восстание однодворцев села Стаканова в 1776 г. «Исторические записки». Кн. 44. 1953, стр. 306—319; Н. Л. Рубинштейн. К характеристике вотчинного режима и крестьянского движения в конце 70-х годов XVIII века (по материалам Псковской, Новгородской и Тверской губерний). «Исторические записки». Кн. 40. 1952, стр. 140—153; Н. П. Гриценко. Борьба удельных крестьян Среднего Поволжья за землю в конце XVIII — начале XIX в. «Вопросы истории», 1954, № 10, стр. 108—115; С. А. Чекменев. К истории волнений ставропольских крестьян в конце XVIII и в первой половине XIX в. «Ученые записки» Пятигорского государственного педагогического института. Гуманитарные науки. Т. 10. 1955, стр. 245—275; Г. Т. Рябков. Крестьянское движение в Смоленской губернии в период разложения крепостничества. Конец XVIII — первая половина XIX в. Смоленск. 1957.

[177] В. Н. Ашурков. Тульские оружейники и их классовая борьба в XVII — первой четверти XIX века. Тула. 1947; П. Е. Матвиевский. Бунтари Глушковской мануфактуры. Курск. 1949; Н. В. Воронов Стачка московских кирпичедельцев летом 1779 г. «Исторические записки» Кн. 37. 1951, стр. 290—303.

[178] П. Г. Рындзюнский и М. П. Вяткин. Крестьянское движение и борьба работных людей в 70—80-х годах. «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в.», стр. 238—247.

ственно-политической мысли. Много сделано и в области публикации источников, в особенности в издании документов, вышедших из лагеря восставших крестьян и холопов; эти документы в дореволюционной буржуазно-дворянской историографии игнорировались.

Вместе с тем советским историкам предстоит еще серьезная работа по исследованию важнейших проблем истории классовой борьбы периода феодализма. Недостаточно изучены особенности этой борьбы в феодально-раздробленной Руси. Не решены еще многие спорные вопросы русского реформационно-гуманистического движения конца XV—XVI века. Нужно всесторонне подойти к дальнейшему рассмотрению крестьянской войны начала XVII в., не ограничиваясь освещением одного восстания под предводительством Ивана Болотникова. Назрела необходимость в создании обобщающих монографических трудов по истории крупнейших крестьянских войн в XVII—XVIII вв., которые следует рассматривать в сопоставлении с аналогичными восстаниями в других странах Европы и Азии. Городские движения второй половины XVII и XVIII вв. ждут своего дальнейшего исследования.

В советской историографии уделяется значительное внимание изучению зарождения и развития буржуазных отношений в недрах феодального строя. Однако в исследованиях о классовой борьбе не всегда учитывается и показывается влияние складывавшихся капиталистических отношений на характер, формы и объективное содержание классовой борьбы как в городе, так и в деревне XVII—XVIII веков. Расслоение крестьянства, выделение из его среды зажиточной верхушки, эксплуатирующей наемный труд, разорение деревни, позиция тех или иных групп крестьянства в изменявшихся условиях классовой борьбы XVII—XVIII вв. — эти и многие другие вопросы должны привлечь более пристальное внимание советских исследователей.

До сих пор недостаточно внимания обращалось на изучение таких характерных явлений народных движений прошлого в России, как самозванство, царистская идеология и т. д.

За последние годы оживилась научно-исследовательская работа по изучению истории нашей страны на местах. В дальнейшем историкам национальных республик и областей, а также других научных центров предстоит ввести в научный оборот новые материалы, хранящиеся в государственных архивах, и проанализировать все многообразие освободительного движения трудящихся на огромной территории нашей страны. Все это тем более необходимо, что настало время, как нам кажется, подумать о подготовке большого, обобщающего труда, посвященного истории классовой борьбы на всем протяжении существования феодальной формации в России.

Рецензии

История СССР

«Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине». Ч. 2. Госполитиздат. 1957. 740 стр. Тираж 200 000. Цена 20 руб.

Советский народ и миллионы людей за рубежами нашей Родины свято чтят имя вождя и учителя трудящихся всего мира Владимира Ильича Ленина, внимательно изучают его жизнь и деятельность, его гениальные труды. Поэтому понятен интерес, который вызывают воспоминания о Ленине родных, соратников, учеников и товарищей, кому довелось встречаться и работать с Владимиром Ильичем.

Воспоминания о В. И. Ленине начали издаваться в 30-х годах. Однако эти публикации были разрознены и не равноценны по своему содержанию, к тому же они длительное время не переиздавались, не систематизировались и стали библиографической редкостью, малодоступной современному широкому читателю. В последние годы и особенно после XX съезда КПСС проводится большая работа по сбору и из-

данию различных материалов о В. И. Ленине. В 1955—1957 гг. вышло в свет несколько сборников, книг и брошюр с воспоминаниями о незабвенном Ильиче. Среди них сборник «Воспоминания родных о В. И. Ленине», книги П. Н. Лепешинского «На повороте», К. Цеткин «Воспоминания о В. И. Ленине», Ц. С. Бобровской-Зеликсон «Страницы из революционного прошлого», Н. К. Крупской «Воспоминания о В. И. Ленине», Г. М. Кржижановского «Великий Ленин», В. Д. Бонч-Бруевича «В. И. Ленин в Петрограде и Москве (1917—1920 гг.)», сборник воспоминаний петроградских рабочих «Ленин — вождь Октября» и другие.

Крупным вкладом в мемуарную литературу о В. И. Ленине является издание двухтомного сборника «Воспоминаний о В. И. Ленине», подготовленного Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и выпущенного Госполитиздатом. В этом издании собраны наиболее интересные и значительные воспоминания о В. И. Ленине, характеризующие различные периоды его жизни, освещающие многие стороны кипучей и разносторонней деятельности великого Ленина.

Первый том сборника посвящен жизни и деятельности Ленина с начала его вступления на путь революционной борьбы до победы Великой Октябрьской социалистической революции. Второй том освещает послеоктябрьский период жизни и деятельности великого вождя Коммунистической партии и Советского государства.

В воспоминаниях ярко характеризуется титаническая борьба Коммунистической партии под руководством В. И. Ленина за укрепление молодой Советской республики, за защиту октябрьских завоеваний от внутренних и внешних врагов, за организацию социалистического строительства.

Авторы воспоминаний рассказывают о том, как Ленин заботился об укреплении колоссального авторитета партии большевиков, какое огромное значение он придавал руководящей и направляющей роли партии в социалистическом преобразовании народного хозяйства страны, единству партии, коллективности руководства, усилению связи партии с широкими народными массами. Соратники и ученики В. И. Ленина подчеркивают, что вождь партии и народа решительно боролся против оппортунистов, против малейших искажений марксизма, отстаивал и развивал революционную теорию, учил быть принципиальными, непримиримыми к врагам рабочего класса.

Страницы сборника воссоздают облик великого Ленина, раскрывают его многогранную деятельность как руководителя Коммунистической партии и Советского государства, вождя мирового революционного движения. В них содержится богатейший материал, нередко освещающий такие стороны жизни и работы В. И. Ленина, которые не могли отразиться ни в каких документах. Поэтому сборник имеет большую познавательную ценность, является важнейшим источником для всех изучающих историю КПСС, советского общества, жизнь и деятельность В. И. Ленина.

Воспоминания А. А. Андреева, С. М. Кирова, Н. К. Крупской, И. В. Сталина и других рисуют живой образ Ленина как организатора первого в мире социалистического государства, как великого государственного деятеля, в котором с необыкновенной силой сочетались теоретическая мощь, политическая мудрость и прозорливость, несгибаемая воля и мужество, глубокое знание народа, его сокровенных чаяний и нужд.

О деятельности В. И. Ленина на посту председателя Совета Народных Комиссаров рассказывают в своих воспоминаниях А. Г. Шлихтер, М. Н. Скрыпник, М. Н. Коковихин, Я. С. Ганецкий и другие. Советское государство не могло укрепиться без создания совершенно нового аппарата государственной власти, аппарата, поставленного на службу интересам рабочих и крестьян. Образование этого аппарата, определение основных принципов его работы является одной из величайших заслуг В. И. Ленина. Создавать новый аппарат приходилось в чрезвычайно трудных условиях: не было ни подготовленных кадров, ни опыта, который можно было бы использовать. А без такого государственного аппарата невозможно было организовать защиту великих завоеваний Октября от посягательств внутренних и внешних врагов, восстановить народное хозяйство и приступить к строительству социализма. Под руководством Ленина в течение первых месяцев после установления Советской власти был сломлен саботаж старых чиновников, разрушен буржуазный государственный аппарат и вместо него создан новый, подлинно демократический, советский аппарат.

С самого начала существования советского аппарата Ленин всячески заботился о его совершенствовании. Он настойчиво боролся с косностью, волокитой и бюрократизмом, требовал большой оперативности в работе, быстрого и точного выполнения

распоряжений Советской власти. Эта сторона деятельности В. И. Ленина отражена в воспоминаниях Л. А. Фотиевой, А. И. Елизаровой, М. И. Гляссер, Ш. М. Манучарьянц, Н. П. Горбунова и других. «В декабре 1921 г. Владимиру Ильичу, — рассказывает Л. А. Фотиева, — стало известно, что жалобы и заявления трудящихся, посылаемые из приемной СНК руководителям центральных советских учреждений для разрешения их по существу, сплошь и рядом оставались без ответа и исполнения. Возмущенный таким безответственным отношением к делу, Владимир Ильич в письме руководителям центральных учреждений писал: «Предлагаю немедленно подтянуться. Машина советской администрации должна работать аккуратно, честно, быстро. От ее расхлябанности не только страдают интересы частных лиц, но и все дело управления принимает характер мнимый, призрачный» (стр. 211).

Считая недопустимым раздувание штатов, создание лишних инстанций и ведомств, которые затрудняли оперативную работу, Ленин добивался, отмечают авторы воспоминаний, чтобы советский аппарат был простым, гибким и дешевым. Н. П. Горбунов приводит, например, следующее указание Ленина, относящееся к 1921 г.: «Проследить и нажать на дело разгрузки Москвы от лишних, менее необходимых для работы центральных и московских органов, учреждений. Сократить распухшие и распространившиеся ведомства. Все, что можно, выселить из Москвы или уплотнить...» (стр. 58).

В воспоминаниях подчеркивается, что Ленин настойчиво боролся за неукоснительное и точное соблюдение советских законов, решительно выступал против малейших нарушений революционной законности. По его настоянию в 1919 г. отдел законодательных предположений Наркомюста издал брошюру «Исполняйте законы Советской республики». Ленин сам редактировал ее. Брошюра была разослана всем членам Совета Народных Комиссаров. Работавшие несколько лет вместе с Лениным М. А. Володичева и Л. А. Фотиева рассказывают, что Владимир Ильич воспитывал «больших» и «малых» работников в духе строгого уважения советских законов. Когда Ленин, вспоминает Л. А. Фотиева, «обнаруживал неисполнение какого-либо постановления или распоряжения Советской власти, он неизменно требовал наказания виновного» (стр. 206).

Во всей своей партийной и государственной деятельности, пишут А. А. Андреев, А. В. Луначарский и другие, Владимир Ильич являл собой пример дисциплинированности и принципиальности. Он никогда не подавлял окружающих своим авторитетом, постоянно советовался с членами ЦК, правительства, партийными, советскими, профсоюзными работниками, чутко прислушивался к мнению партийной массы. Человек необычайной скромности, он не терпел самовлюбленности, зазнайства и высокомерия.

Строго соблюдая нормы партийной жизни, Ленин последовательно проводил принцип коллективности в руководстве, не претендовал на то, чтобы его слово было решающим. «При малейшем оттенке разногласия во мнениях и предложениях, — говорит А. А. Андреев, — голосование было правилом на всех заседаниях ЦК и СТО. Главное, чего Ленин всегда добивался, — это чтобы люди поняли, убедились в правильности доводов или постановки задачи...» (стр. 35).

Авторы воспоминаний указывают на то, что В. И. Ленин решительно пресекал малейшие попытки умалить или ослабить руководящую роль партии, оберегал единство ее рядов, беспощадно критиковал всех, кто отступал от генеральной линии партии, от марксизма. Великий вождь неустанно напоминал, что партия рабочего класса должна быть единой, крепкой, монолитной, ибо в этом ее сила и непобедимость.

Руководя Коммунистической партией и Советским государством, В. И. Ленин глубоко вникал во все стороны жизни молодой Советской республики, проводил величайшую работу в самых различных областях партийного и государственного строительства. В первые годы существования Советской власти самым насущным являлся вопрос обороны страны от вооруженного нападения внутренней и внешней контрреволюции. В эту тяжелую пору со всей силой проявились необычайные способности В. И. Ленина как военного стратега. О его выдающейся роли в создании Красной Армии и Советского Военно-Морского Флота, в организации защиты социалистического Отечества рассказывают в своих воспоминаниях С. С. Каменев, С. И. Аралов, А. Ф. Мясников, М. С. Кедров, В. П. Антонов-Саратовский, С. К. Тимошенко и другие. Владимир Ильич возглавил оборону страны, руководил перестройкой тыла для снаб-

жения армии вооружением и продовольствием, разрабатывал планы многих основных операций, важнейшие директивы командующим фронтами. Лениным были даны основные, принципиальные установки по организации Красной Армии и Военно-Морского Флота. Он явился инициатором многих решений, связанных с обороной Республики, укреплением советских вооруженных сил.

В. И. Ленин был величайшим военным организатором и руководителем, основоположником советской военной науки. Он мастерски решал вопросы войны, исходя из глубокого анализа соотношения классовых сил, опираясь на гранитный фундамент марксизма, мудро сочетая политическую и военную стратегию. Ни одно важное решение партии и правительства по военным вопросам не принималось без участия В. И. Ленина. Он оперативно решал сложнейшие задачи, поражая всех глубиной понимания военного дела. С. С. Каменев писал: «Руководство Владимира Ильича гражданской войной... является законченной наукой о войне всей страной. Эта наука особенно ценна теперь, когда война выливается в технические формы борьбы, когда вся борьба разворачивается вглубь на громадные пространства и когда население страны уже не сможет в порядке самотека приспособляться к войне» (стр. 252).

Громадный авторитет Ленина, правильная политика Коммунистической партии, тесно связанной с народом, как убедительно показано в воспоминаниях, вызывали невиданную энергию в массах, вдохновляли трудящихся на героические подвиги на фронте и в тылу. Под руководством Коммунистической партии советский народ разгромил своих внутренних и внешних врагов, отстоял завоевания Октябрьской революции.

Победоносно закончив войну с белогвардейцами и интервентами, Советская республика приступила к мирному хозяйственному строительству. Для решения трудных задач восстановительного периода необходимо было выработать и осуществить соответствующую экономическую политику, которая позволила бы укрепить союз рабочих и крестьян, направить их энергию на восстановление разрушенного войной хозяйства и с максимальным эффектом использовать скудные ресурсы страны. Такую политику выработала партия под руководством В. И. Ленина. Это была новая экономическая политика, рассчитанная на создание фундамента социалистической экономики, построение социалистического общества. О роли Ленина в восстановлении экономики страны, в подъеме промышленности и сельского хозяйства, в развитии тяжелой индустрии говорят в своих воспоминаниях С. В. Малышев, И. И. Радченко, А. Д. Цюрупа, А. В. Винтер, Ф. В. Ленгник и другие.

В. И. Ленин разработал основные положения плана строительства социализма в нашей стране. Этот план предусматривал социалистическую индустриализацию страны, преобразование сельского хозяйства и проведение культурной революции. Решающая роль в социалистическом переустройстве народного хозяйства отводилась крупной машинной индустрии. Во многих своих работах Владимир Ильич, обращаясь к партии и рабочему классу, говорил, что тяжелая индустрия является основой основ экономики социалистического общества, а потому все, даже малейшие сбережения должны идти на развитие тяжелой промышленности. «...Без спасения тяжелой промышленности, — предупреждал Ленин, — без ее восстановления мы не сможем построить никакой промышленности, а без нее мы вообще погибнем, как самостоятельная страна» [1].

Старейший большевик Г. М. Кржижановский вспоминает, какое огромное значение придавал Ленин электрификации страны: «О Владимире Ильиче говорили: «Великий инициатор и вдохновитель государственной электрификации России». В этих словах нет никакого преувеличения. Включение доклада об электрификации России в повестку дня VIII Всероссийского съезда Советов — всецело дело рук Владимира Ильича» (стр. 554). Он стремился поднять на решение задачи электрификации народного хозяйства ученых и электротехников России, держал под своим постоянным наблюдением строительство первых электростанций — Шатурской, Волховской, Каширской.

В воспоминаниях А. В. Винтера, Г. О. Графтио и других рассказывается о том, что В. И. Ленин уделял большое внимание вопросам планирования, подчеркивая необходимость сочетания во всех планах научного подхода с опытом трудящихся. По инициативе Ленина была создана Государственная плановая комиссия, которая разработала единый государственный хозяй-

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 388

ственный план; в основе его лежал знаменитый план ГОЭЛРО, ставший второй программой партии. Ленин считал, что все «планы» и все «плановые программы» без плана электрификации ничего не стоят (стр. 563). Выдвигая план электрификации России, он твердо верил в его осуществление, потому что за это дело взялись трудящиеся, совершившие великую революцию и установившие народную власть.

В. В. Куйбышев, Ф. В. Ленгник вспоминают, что Ленин постоянно говорил о решающем условии строительства социализма — неуклонном повышении производительности труда на основе внедрения новейшей техники в промышленности и в сельском хозяйстве. При Советской власти, указывал он, массы должны сознательно относиться к труду, укреплять производственную дисциплину, организовывать свой труд по-новому. В. В. Куйбышев пишет, что Ленин «прощупывал все явления народнохозяйственной жизни страны, где можно было бы обнаружить новые и новые ростки социализма» (стр. 48). Владимир Ильич внимательно и бережно относился к первым проявлениям социалистического отношения к труду, пристально всматривался в творческий опыт трудящихся. Он пестовал идею субботников, разъясняя при этом, что рост производительности труда — это в конечном счете самое важное, самое главное для победы коммунизма.

Говоря о социалистическом преобразовании страны, Ленин подчеркивал, что рабочий класс может построить социализм, только сомкнувшись с крестьянством. Укрепление союза рабочих и крестьян он рассматривал как важнейшую задачу Коммунистической партии. В своих воспоминаниях М. И. Калинин, Н. К. Крупская, А. Д. Цюрупа вновь и вновь пишут об этом ленинском указании. «Товарищ Ленин,— отмечает М. И. Калинин,— первый указал на необходимость сочетания в борьбе с угнетателями рабочих и крестьян, он не только указал, а на примере доказал, что только при таком сочетании, как рабочие плюс крестьяне и сплачивающая их Коммунистическая партия, возможна победа рабочих и крестьян над их врагами, что крестьянство сильно постольку, поскольку оно идет в союзе с рабочими» (стр. 47).

Известно, что В. И. Ленин определил конкретные пути вовлечения крестьян в строительство социализма, считая наиболее понятным для них путь сельскохозяйственной кооперации. «Где бы ни выступал Ильич, — пишет Н. К. Крупская, — всюду говорил он о крестьянстве и обобществлении земли... Выступая на I Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун 11 декабря 1918 г., Ленин говорил: «Жить по-старому, как жили до войны, нельзя, и такое расхищение человеческих сил и труда, какое связано с мелким отдельным крестьянским хозяйством, дальше продолжаться не может. Вдвое и втрое поднялась бы производительность труда, вдвое и втрое был бы сбережен человеческий труд для земледелия и человеческого хозяйства, если бы от этого раздробленного мелкого хозяйства совершился бы переход к хозяйству общественному» (стр. 202).

Прекрасно зная жизнь и быт крестьянства, Владимир Ильич учил партийных и советских работников, как нужно проводить политику Советской власти в деревне. В этом отношении весьма интересны воспоминания Р. Б. Борисовой. «...Советские организации, — советовал Ленин, — должны помочь коммунам, но старайтесь послать туда людей, хорошо знающих сельскую жизнь и крестьянское хозяйство. Крестьяне не терпят, когда ими командуют люди, не знающие их быт. И у вас в уезде крестьяне на собственном опыте будут убеждаться в преимуществах коммун. Вот тогда у вас пойдет дело успешней» (стр. 359).

Сам В. И. Ленин был тесно связан с крестьянами, часто беседовал и советовался с ними, живо откликался на их просьбы. У него был даже установлен специальный приемный день для крестьянских «ходоков». О том, какое большое значение придавал Ленин беседам с крестьянами, о его отношении к нуждам деревни рассказывают в своих воспоминаниях М. Н. Скрыпник, Ф. П. Дидук, Н. П. Горбунов и другие. Вот как описывает, например, Ф. П. Дидук встречу украинских крестьян с Лениным: «Владимир Ильич долго расспрашивал нас о жизни на селе, особенно интересовался крестьянами-бедняками. Его беспокоило наступление весеннего сева — есть ли семена? А чем пахать — есть? Не забывал он и о других нуждах села. Владимир Ильич поручил специальной комиссии рассмотреть и дать Совнаркому предложения по всем затронутым нами вопросам. А нам сказал, чтобы мы были на совещании комиссии... Владимир Ильич попросил передать привет украинским крестьянам» (стр. 612).

В воспоминаниях И. В. Сталина, С. М. Кирова, А. В. Луначарского, Н. К. Круп-

ской, В. А. Карпинского и других говорится о Ленине как гениальном теоретике. Огромную и разностороннюю практическую деятельность по руководству партией и страной В. И. Ленин сочетал с глубокой теоретической работой. Научно обобщая опыт строительства Советского государства, изучая творческую инициативу масс, он развивал марксистскую науку, вносил неоценимый вклад в теорию революционного движения.

Как и Маркс, Ленин являл собой образец подлинного корифея науки. Исследуя проблемы, он проникал в самую суть явлений, в глубинные процессы исторического развития; его подход к фактам всегда был строго научным. «Чтобы действительно знать предмет,— говорил он,— надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения. Это во-1-х. Во-2-х, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении»..., изменении... В-3-х, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-4-х, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна»...[2]. В своей научной работе Владимир Ильич следовал этим принципам. «Сочетание глубочайшего теоретика,— говорил С. М. Киров,— с не менее глубоким практиком сделало из него огромного, необычайного революционера, какого еще не видал мир» (стр. 44).

Исследуя новые исторические процессы, обобщая опыт освободительного движения, творческую деятельность масс и достижения мировой науки, В. И. Ленин далеко вперед продвинул марксистскую философию, политическую экономию, научный социализм. Нет ни одного крупного вопроса в общественной жизни и науке, в разработке которого он не оставил бы неизгладимого следа. Его произведения — блестящий образец применения теории к практике, к жизни.

Большое место в воспоминаниях Н. К. Крупской, А. В. Луначарского, К. Цеткин, Г. В. Чичерина занимает вопрос о повышении культурного уровня трудящихся, получивших после революции возможность приобщиться к достижениям мировой науки и культуры. В плане культурной революции, как свидетельствуют авторы воспоминаний, Владимир Ильич на первое место выдвигал «общеполитический вопрос» о ликвидации неграмотности, ибо без этого немыслимо было начинать строительство социализма. «...Ильич налегал на нас, просвещенцев,— вспоминает Н. К. Крупская,— требовал, чтобы шире организовывали учебу среди взрослых рабочих, крестьян, красноармейцев, не формально подходили к учебе, не по-казенному, а ширили горизонт учащихся, пропитывали всю учебу духом партийности. Требовал, чтобы всеми путями открывали доступ к высшему образованию тем, кому были раньше эти пути заказаны» (стр. 396). В. И. Ленин видел, как велика была вызванная революцией тяга рабочих и крестьян к знаниям, культуре. И поэтому он даже в самое тяжелое для страны время настаивал на открытии вузов, рабфаков, совпартшкол, курсов, библиотек, советовал устраивать спектакли, концерты, рассылать повсюду передвижные выставки, просветительные поезда.

Исключительную заботу проявлял Ленин о школе и учителях. Он считал, что школа должна быть связана с жизнью, с политикой партии и государства. «...Я постоянно слышал от него,— вспоминал А. В. Луначарский,— такие советы: «Надо сделать само учительство, саму просвещенскую массу проводниками не только общей культуры, но и наших коммунистических идей в самую глубину деревни, не говоря уже о городе» (стр. 651). Владимир Ильич обосновал задачу организации политехнического образования, которое должно знакомить учащихся с основами современной индустрии и сельского хозяйства. Политехнизацию школы он рассматривал как одно из условий ликвидации различия между умственным и физическим трудом.

В. И. Ленин придавал огромное значение всемерному развитию отечественной науки. Он делал все для того, чтобы достижения науки, техники и культуры были поставлены на службу народу, социализму. Владимир Ильич направлял деятельность Академии наук, обращая внимание ученых на систематическое изучение и обследование естественных ресурсов и производительных сил страны. В апреле 1918 г. Ленин написал «Набросок плана научно-технических работ»[3], где говорилось об основных путях

---

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 72.

[3] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 27, стр. 288—289.

перестройки промышленности и дальнейшего экономического развития России. Эти ленинские установки стали программой работы Академии наук и всех хозяйственных органов страны.

Видные советские деятели и ученые — А. Д. Цюрупа, С. В. Малышев, И. И. Радченко и другие — рассказывают, что Ленин пристально следил за развитием отдельных отраслей народного хозяйства, внедрением новейших достижений науки и техники, занимался множеством разнообразных конкретных вопросов промышленности и сельского хозяйства. И. М. Губкин вспоминает, например, как тщательно и неустанно следил Владимир Ильич за восстановлением и развитием нефтяной промышленности. «Необходимо усилить внимание и заботу о Баку» (стр. 307),— настаивает он и просит внести в Совет Труда и Обороны программу систематических мер помощи Баку с привлечением заграничных закупок.

Читая воспоминания П. А. Острякова, И. И. Радченко, В. К. Тупикова, мы видим, как глубоко интересовался Владимир Ильич развитием техники и техническими усовершенствованиями. Его захватывала творческая дерзость ученых и техников. Весьма характерен в этом отношении случай с внедрением гидравлического способа добычи торфа, предложенного инженером Р. Э. Классоном. «28 октября 1920 года,— пишет И. И. Радченко,— В. И. Ленин разослал ряду адресатов письма, в которых указывалось, что внедрение гидравлического торфососа инженера Классона, механизирующего добычу торфа, имеет большое значение для народного хозяйства и электрификации страны. В. И. Ленин предлагал признать работы по применению гидравлического способа добычи торфа работами первостепенной государственной важности и потому особо срочными. По предложению Ленина было создано Управление по делам гидравлического добывания торфа (при Главторфе). Для реализации этого первого крупного изобретения в области торфотехники Советское правительство не пожалело ни сил, ни средств» (стр. 96).

Техническую реорганизацию народного хозяйства, отмечается в ряде воспоминаний, Ленин считал возможным проводить только на строго научной основе, с привлечением крупных ученых и специалистов. Вместе с учеными и специалистами он разрабатывал программы работ, давал направление для решения той или иной проблемы, подчеркивая при этом необходимость постоянной, активной связи науки с жизнью, с народом. Тесное сотрудничество ученых с рабочими и крестьянами Ленин рассматривал как необходимое условие культурного прогресса. Перед союзом представителей науки, пролетариата и техники, учил он, не устоит никакая темная сила. В то же время Владимир Ильич требовал внимательного отношения к труду ученых и специалистов. Сам он проявлял трогательную заботу о выдающихся деятелях передовой русской науки: И. П. Павлове, И. В. Мичурине, К. А. Тимирязеве, К. Э. Циолковском и других. По его инициативе они были обеспечены Советским государством всем необходимым для успешной реализации своих научных планов.

В. И. Ленин блестяще разбирался в самых разнообразных вопросах науки и техники, поражая своей научной осведомленностью. Эта сторона ленинского гения отражена во многих воспоминаниях. Так, в одной беседе с Лениным П. А. Острякову пришлось касаться вопросов электронной теории, строения вещества, электромагнитных волн. «Ответные реплики Ленина,— пишет он,— приводили меня порой в смущенье. «Откуда он все это знает?» — нередко мелькала мысль. Лишь через несколько лет я прочел классическую работу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», книгу, столь необходимую для каждого инженера, и увидел, что мое изложение электронной теории на самом деле не требовалось. Эрудиция Владимира Ильича как теоретика-физика была столь же необъятна, как и социолога» (стр. 594—595).

Соратники и товарищи Ленина по работе пишут в своих воспоминаниях, что он хорошо знал и любил литературу, искусство, музыку. А. В. Луначарский пишет: «Он любил русских классиков, любил реализм в литературе, в живописи». Луначарский приводит интересное замечание Ленина о коллекции изданий, посвященных крупнейшим художникам мира. «Какая увлекательная область история искусства. Сколько здесь работы для марксиста» (стр. 322). Затем А. В. Луначарский говорит, что Владимир Ильич советовал использовать искусство и как агитационное средство, имея в виду украшение зданий красочно исполненными надписями революционного содержания, сооружение памятников великим революционерам. Высоко ценя подлинную красоту в искусстве, Ленин жестоко вы-

смеивал футуризм и вычурность; он советовал исходить от прекрасного, брать его как образец для формирования художественной культуры социалистического общества. «Ленин часто говорил о необходимости при реконструкции столицы,— вспоминает И. В. Жолтовский,— сохранить памятники древнего зодчества, все ценное, что создано художественным гением русского народа. В этой связи он подчеркивал значение культурного наследия, говорил, что нужно использовать достижения науки, техники, искусства» (стр. 320).

Воспоминания Г. В. Чичерина, Н. Нариманова, Л. Б. Красина содержат материал о руководстве В. И. Лениным внешней политикой Советского государства, борьбой за мир, за установление деловых связей со всеми странами. Они показывают, что Лениным были разработаны основные принципы советской внешней политики: уважение суверенитета и национальной независимости всех народов, невмешательство во внутренние дела других государств, развитие экономических и культурных связей со всеми народами, мирное сосуществование государств. Один из первых ленинских декретов — декрет о мире явился первым историческим актом советской внешней политики, возвещающим о том, что Советское государство стоит за мир во всем мире, что ему чужда политика захвата чужих территорий, порабощения слабых народов, политика войны.

Владимир Ильич был замечательным дипломатом. Его советы, тексты ответов на запросы иностранных государств служат образцами дипломатического искусства и гибкости во внешней политике. Г. В. Чичерин так характеризует Ленина как руководителя советской внешней политики: «Его неподражаемый политический реализм нередко спасал нас от ошибок, на которые были способны другие товарищи, более склонные поддаваться впечатлениям» (стр. 167).

Изумительными чертами Ленина являлись его политическая зоркость, прекрасное знание многогранной жизни в России и во всем мире. «Он умел,— отмечает Н. П. Горбунов,— по незаметным для другого глаза явлениям, верно и безошибочно схватывать и определять малейшие изменения взаимоотношений классовых сил. Достигал он этого путем огромного количества связей как с организациями, так и с отдельными лицами. Рядом простых вопросов он умел проверить серьезность данных своего собеседника, критически их проанализировать, быстро ухватить суть дела, выделить нужные факты, казавшиеся порой, на первый взгляд, незначительными и маловажными; по этим фактам он строил свои гениальные выводы и прогнозы» (стр. 57).

В. И. Ленин был первый в истории государственный деятель, так тесно связанный с народом и так глубоко верящий в народ. Об этом говорится в воспоминаниях П. П. Александрова, П. А. Данилова, Г. С. Соколова, А. В. Иванова, И. А. Горохова и других. Ленин был всегда с массами. К нему шли рабочие, крестьяне, красноармейцы, партийные и советские работники, деятели науки и культуры. Он всегда радушно встречал посетителей, внимательно их выслушивал. «Мы все видели в Ленине, — рассказывает В. П. Антонов-Саратовский,— большого человека и мудрого друга, которому можно сказать все, «до дна души», который поймет, научит, даст правильное направление твоей деятельности, вдохнет в тебя творческую энергию» (стр. 145).

Ленин любил беседовать с рабочими и крестьянами. Так он лучше узнавал их думы, чаяния, интересы. Встречи с трудящимися давали ему богатый материал для анализа важных явлений и событий. Он не только учил массы, но и сам учился у них. «Будучи главой Советского правительства, Владимир Ильич,— вспоминает В. А. Карпинский,— охотно беседовал с рабочими и крестьянами. Для него знать мнение, настроение рабочего и крестьянина было не менее важно, чем знать мнение членов ЦК партии и Совета Народных Комиссаров» (стр. 699).

Помещенные в сборнике воспоминания А. И. Безыменского и Е. М. Герр характеризуют Ленина как лучшего друга и воспитателя советской молодежи. Его речь на III съезде РКСМ стала программой работы комсомола. Владимир Ильич всегда напоминал о том, что молодежь должна настойчиво овладевать знаниями, чтобы стать активными строителями коммунистического общества. Особое внимание он обращал на воспитание молодежи в духе высокой коммунистической морали.

Являясь руководителем Коммунистической партии и Советского государства, В. И. Ленин был в то же время общепризнанным вождем международного революционного движения трудящихся, к голосу которого чутко прислушивались угнетенные и эксплуатируемые во всех странах. Вид-

ные деятели международного рабочего движения К. Цеткин, М. Кашен, У. Галлахер, А. Запотоцкий, Цюй Цю-бо, Сен-Катаяма рассказывают о Владимире Ильиче как об основателе III, Коммунистического Интернационала, друге и учителе коммунистов Запада и Востока, вожде мирового пролетариата. «Никто до Ленина,— пишет М. Кашен,— не вел человечество через более важный этап исторического развития. Теперь даже в лагере противников ленинизма не оспаривают той истины, что этот великий государственный деятель был выдающейся личностью. Серьезные представители исторической науки отмечают колоссальное историческое значение событий, которыми руководил Ленин начиная с 1917 года — момента падения царизма. Известно, что Ленин был не только человеком действия, которому не было равных по энергии, но что он обладал также обширными универсальными знаниями» (стр. 524).

Возглавляя III, Коммунистический Интернационал, Владимир Ильич отдавал много сил и энергии делу развития и укрепления международного рабочего и коммунистического движения. Зарубежные коммунисты учились у Ленина всемерно защищать марксистскую теорию, решительно бороться с ревизионизмом. Ссылаясь на опыт нашей Коммунистической партии, Ленин указывал на необходимость систематической работы коммунистических и рабочих партий в массах, установления единства действий рабочего класса, воспитания трудящихся в духе пролетарского интернационализма.

В. И. Ленин внимательно следил за развитием международного революционного движения, хорошо знал положение рабочего класса в различных странах, живо интересовался деятельностью зарубежных, тогда еще молодых коммунистических партий. Ленин, рассказывает М. Кашен, советовал французским коммунистам создавать предпосылки для действенной борьбы против империалистического режима, организовать издание марксистской газеты, укреплять дисциплину в партии для всех и в первую очередь для тех, «кто удостоился чести занимать в ней ответственные посты», вести пропаганду среди народов, угнетаемых французским империализмом. Ленин давал советы У. Галлахеру о строительстве коммунистической партии в Англии, высказывал Кларе Цеткин свое мнение по вопросу развития международного женского движения. «...Этот человек, — подчеркивает П. Вайян-Кутюрье,— сохранил в себе до конца сознательной жизни удивительную способность чувствовать и мыслить, как китайский кули, как носильщик-негр. Угнетенный аннамит, индус были ему так же понятны, были такой же открытой книгой, как ленинградский металлист, как парижский текстильщик, как шахтер из Новой Виргинии» (стр. 626).

Многие авторы воспоминаний — П. Д. Мальков, В. Н. Розанов, А. М. Сысоева, Н. В. Крыленко, И. И. Борисов, В. Г. Сорин,— имевшие счастье работать и встречаться с Лениным, знали его как человека необычайной обаятельности и отзывчивости, скромности и простоты. Он не позволял себе никаких излишеств. Кровно связанный с народом, Владимир Ильич Ленин воплотил в себе лучшие черты народа. Когда Алексей Максимович Горький спросил сормовского рабочего Дмитрия Павлова, какова, на его взгляд, самая характерная черта Ленина, тот ответил: «Простота. Прост как правда». Таким знали великого революционера, вождя и учителя трудящиеся всего мира. «И когда я вспоминаю все, что могу вспомнить о нем,— говорит В. А. Карпинский,— всегда думаю и чувствую, что Владимир Ильич был коммунистом не только по идеям своим, по своей общественной деятельности, а и в частной жизни, в быту, был прообразом тех совершенных людей, какие будут жить в коммунистическом обществе» (стр. 704).

Воспоминания, включенные в сборник, воссоздают яркий образ великого вождя Коммунистической партии и советского народа В. И. Ленина.

Однако в сборнике имеются, на наш взгляд, и некоторые пробелы. Прежде всего в нем крайне мало материалов о роли Ленина в развитии отечественной науки, народного просвещения, культуры. Между тем в сборник могли быть включены интересные воспоминания Г. М. Кржижановского «Ленин и наука», обогатили бы сборник и воспоминания В. А. Карпинского, Н. Н. Накорякова о том, как Владимир Ильич занимался вопросами культурного строительства, развития советской литературы, библиотечного и издательского дела. В. И. Ленин проявлял большую заботу о воспитании молодежи, о развитии юношеских организаций. Но в сборнике всего лишь два воспоминания, посвященных роли В. И. Ленина в создании комсомола. Очень мало в сборнике воспоминаний

петроградских и московских рабочих, близко знавших В. И. Ленина.

Несмотря на эти недостатки, собранные в рецензируемом сборнике воспоминания воссоздают многие характерные черты и детали деятельности и жизни великого Ленина, воскрешают перед читателем его светлый образ.

П. И. Федотов

«Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции» (Сборник документов). Под редакцией кандидата военно-морских наук Р. Н. Мордвинова. Составители: Н. Д. Болдырева, Т. С. Дмитренко и А. А. Муравьев. Академия наук СССР. Институт истории. Главное архивное управление. Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР. Изд-во АН СССР. М.-Л. 1957. 436 стр. Тираж 3 500. Цена 24 руб. 10 коп.

Активная роль моряков Балтийского флота в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции общеизвестна. Об этом написано в специальных исследованиях и сказано в ряде общих работ по истории Октября. Только за послевоенные годы на эту тему защищено несколько кандидатских диссертаций [1], опубликованы две монографии [2] и ряд статей. Однако до сих пор у нас не было сборника документов, в котором освещались бы роль и участие балтийских моряков в подготовке и проведении социалистической революции [3].

Составители рецензируемого сборника так определили свои задачи: «...показать роль матросских масс в важнейших событиях периода перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую; ...показать причины, обусловившие переход на сторону восставшего народа такой крупной военной силы, как Балтийский флот; дать новые сведения о некоторых незаслуженно забытых моряках — героях Великого Октября» (стр. 5). Надо сказать, что с этими задачами составители в основном справились.

Документы, включенные в сборник (большинство из них полностью публикуется впервые), рисуют яркую картину революционных событий на Балтийском флоте в период от свержения самодержавия до ликвидации антисоветского мятежа Керенского — Краснова, показывают нараставший процесс большевизации матросских масс, их активное участие в подготовке и проведении социалистической революции. Материалы систематизированы по пяти разделам, охватывающим основные периоды революционной борьбы в 1917 г.: 1) «Моряки Балтийского флота в Февральской буржуазно-демократической революции (26 февраля — 6 марта)»; 2) «Нарастание революционного кризиса в стране и борьба за большевизацию матросских масс (7 марта — 2 июля)»; 3) «Революционная мобилизация матросских масс в период июльского кризиса и разгрома корниловского мятежа (3 июля — 1 сентября)»; 4) «Большевизация матросских масс в период подготовки вооруженного восстания (2 сентября — 23 октября)»; 5) «Участие моряков Балтийского флота в вооруженном восстании (24 октября — 1 ноября)». Такая систематизация нам представляется в целом правильной.

Первый раздел сборника знакомит читателя с документами, показывающими участие моряков в свержении самодержавия, революционные события тех дней в Кронштадте, Гельсингфорсе, Ревеле и на кораблях Балтийского флота, создание на кораблях и в частях флота выборных матросских комитетов, сыгравших значительную роль в революционной мобилизации матросских масс (док. №№ 30, 33, 34, 38, 39 и другие). Эти документы свидетельствуют о

---

[1] См. диссертации А. Богданова, А. Лебедева, А. Сумина и др.

[2] П. Сивков. Моряки Балтийского флота в борьбе за власть Советов в 1917 году. М. 1946; А. В. Богданов. Моряки-балтийцы в 1917 году. М. 1955.

[3] Изданный в 1932 г. Партиздатом сборник документов «Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне» охватывает главным образом послеоктябрьский период.

быстром нарастании у матросов революционных настроений, правда, принимавших подчас еще формы стихийного возмущения и расправы с особо реакционными офицерами.

Значительный интерес представляют документы второго раздела сборника, рассказывающие о росте большевистского влияния среди балтийских матросов. Как видно из материалов (док. №№ 42, 46 и др.), уже с первых дней революции руководящие партийные органы уделяли большое внимание организации партийной работы на Балтийском флоте, направляли в военно-морские базы большевистские газеты, литературу, опытных работников. Особый интерес представляют документы, говорящие о великом доверии балтийских матросов к В. И. Ленину (док. №№ 52, 56, 65) и его встречах с моряками (док. №№ 48, 49, 65). Моряки Балтики принимали живейшее участие в революционных событиях тех дней: в демонстрациях 21 апреля (док. № 61) и 18 июня (док. №№ 109, 110, 111, 112, 113), в протесте против затеянного Временным правительством наступления на фронте (док. №№ 119, 121, 123), активно боролись против антинародных мероприятий буржуазного правительства. Ряд документов раздела освещает известный «конфликт» революционного Кронштадта с Временным правительством (док. №№ 73, 74, 75, 76, 77, 78), поддержку кронштадтцев трудящимися страны (док. №№ 79—87).

Третий и четвертый разделы сборника дают представление о событиях на Балтике с июльских дней до непосредственной подготовки Октябрьского вооруженного восстания. Значительная часть этих документов характеризует участие матросов в июльской демонстрации, активное сопротивление матросских масс граду репрессий и потокам клеветы, которые обрушило Временное правительство на моряков Балтийского флота. Материалы свидетельствуют об ускорении большевизации матросов после июльских событий. Матросы массами выходили из соглашательских партий и переходили в ряды большевиков (док. №№ 148, 161, 182, 191). Рост большевистского влияния на флоте отмечали в своих выступлениях на VI съезде РСДРП(б) делегаты Кронштадта и Гельсингфорса И. П. Флеровский (док. № 178) и В. Н. Залежский (док. № 179). Поэтому не случайно, что абсолютное большинство матросов Балтийского флота поддержало взятый партией курс на вооруженное восстание (док. №№ 186, 190, 210 и др.), приняло деятельное участие в разгроме корниловщины (док. №№ 193, 196, 199, 200, 201, 202, 203).

После разгрома корниловщины Балтийский флот оказался в авангарде борьбы за победу социалистической революции. Уже 19 сентября Центральный комитет Балтийского флота (Центробалт) на совместном заседании с представителями судовых комитетов и матросской фракции Гельсингфорсского Совета провозгласил, что Балтийский флот «больше распоряжений Временного правительства не исполняет и власти его не признает...» (док. № 227).

Как известно, В. И. Ленин, разрабатывая план вооруженного восстания, видное место отводил Балтийскому флоту. Опубликованные в сборнике документы воскрешают яркие факты деятельности флотских большевиков и руководимых ими матросских организаций по выполнению ленинского плана. Исследователь найдет в сборнике интересные материалы об организационной и военно-технической подготовке флота к восстанию (док. №№ 214, 242, 250, 261, 262, 277 и другие), о политической платформе матросов накануне Октября (док. №№ 230, 231, 233, 235, 245, 246 и другие). Выражая волю революционных матросов, второй съезд представителей Балтийского флота 26 сентября 1917 г. принял решение предложить ВЦИК «немедленно созвать Всероссийский съезд Советов; в случае отказа съезд предлагает Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов взять на себя инициативу созыва Всероссийского съезда Советов, который и должен взять власть в свои руки» (док. № 231).

Картина состояния Балтийского флота и настроений матросских масс, ярко обрисованная в документах первых четырех разделов, подводит читателя к пониманию той выдающейся роли, которую сыграл Балтийский флот в Октябрьском вооруженном восстании. Балтика в дни Октября — ей посвящены материалы пятого, самого обширного (в нем 122 документа из 405, представленных в сборнике) раздела. Эти материалы говорят о том, что балтийские матросы безоговорочно поддержали начавшееся в Петрограде восстание, отдав себя в распоряжение Военно-революционного комитета при Петроградском Совете (док. №№ 283—290, 295—298, 302). Реализуя ленинский план вооруженного восстания,

ВРК широко использовал боевые силы флота, вызвав в Петроград для участия в борьбе за власть Советов боевые корабли и отряды матросов. Флотские революционные организации быстро и точно выполняли предписания ВРК (см. док. №№ 305—307, 309, 311, 314, 322, 324, 329, 349 и многие другие). Ряд документов знакомит с конкретными боевыми действиями кораблей и матросских отрядов в ходе вооруженного восстания и подавления сопротивления сил контрреволюции (док. №№ 325, 326, 327, 351, 355—360, 361—364, 370—373).

Таково вкратце содержание сборника. Представленные в нем документы дают в целом правильную и относительно подробную картину участия моряков Балтийского флота в подготовке и проведении социалистической революции. Сборник привлечет внимание не только тех, кто интересуется историей революционной борьбы русских моряков, но и всех тех, кто изучает историю Октября.

Революционное движение в русском флоте было составной, неразрывной частью борьбы трудящихся нашей Родины против царизма, буржуазии и помещиков. В героическом 1917 году особо значительной стала роль моряков Балтийского флота, который базировался в непосредственной близости к центрам, где решалась судьба революции. Исследователь борьбы партии за создание политической армии революции найдет в сборнике немало интересных материалов, позволяющих раскрыть особенности этой борьбы в своеобразных условиях Балтийского флота, рисующих напряженную и успешную деятельность большевиков в преодолении соглашательских иллюзий у части матросов. Личный состав Балтийского флота принимал активное участие во всех революционных событиях, знаменовавших переломные моменты перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Из сборника можно почерпнуть много интересных фактов и деталей, которые позволяют более четко понять и охарактеризовать конкретную деятельность, тактику и политику партии на различных этапах подготовки и проведения социалистической революции, раскрыть ее особенности применительно к тем или иным условиям, к той или иной обстановке, складывавшейся на определенных участках борьбы.

Материалы сборника помогут нашим исследователям уяснить, почему партия и ее вождь В. И. Ленин рассчитывали на решительную поддержку восставшего пролетариата Балтийским флотом, как, правильно анализируя обстановку, сложившуюся к октябрю 1917 г., они справедливо рассматривали флот как одну из решающих сил восстания. Многочисленные документы сборника, характеризующие стремительный процесс большевизации Балтийского флота за восемь революционных месяцев 1917 г., позволяют значительно глубже исследовать этот интересный вопрос, еще раз убедиться в мудрости и обоснованности большевистской тактики в процессе подготовки социалистической революции.

Большевистская партия не только политически обеспечила успех восстания: много сил и внимания она уделяла его военно-технической подготовке. Документы сборника конкретно раскрывают эту деятельность большевиков, позволяют глубже изучить такие интересные вопросы, как взаимосвязь политической и военной работы партии накануне и в период Октября, роль в Октябрьском вооруженном восстании массовых организаций трудящихся (Советы, матросские комитеты и т. п.), завоеванных большевиками, боевая деятельность легального штаба восстания — Военно-революционного комитета при Петроградском Совете, и другие.

К достоинствам сборника следует отнести и обширный вспомогательный аппарат. Примечания (подстрочные и помещенные в конце книги), хроника событий, указатели (именной, кораблей и воинских частей, географических наименований), перечень использованных источников и перечень документов, которыми составители снабдили сборник, не только облегчают пользование им, но и способствуют более точному и глубокому уяснению событий и фактов. Археографическая обработка документов также не вызывает каких-либо серьезных замечаний.

Таким образом, можно констатировать, что составителями и редакторами сборника проделана в целом полезная работа; наша документальная историография пополнилась новым ценным изданием, которое поможет более углубленно изучить историю Великой Октябрьской социалистической революции.

Однако положительная оценка сборника не может избавить от ряда претензий к нему.

Прежде всего о его составе. Главными материалами сборника послужили коллекции Центрального государственного архива

Военно-Морского Флота, и это естественно, ибо в ЦГАВМФ сосредоточены основные и наиболее многочисленные документы по данной теме. Они были дополнены материалами других архивов страны (ЦГАОР и СС, ГАОР и СС ЛО, ГИАЛО), периодической печати, ранее изданных сборников документов и некоторых литературных источников. Несомненно, все это обогатило сборник. Но, к сожалению, идя по правильной дороге обогащения издания возможно более широким кругом источников, составители остановились на полпути — оказался забытым ряд материалов как некоторых архивохранилищ, так и имеющихся публикаций. Это обстоятельство, как представляется нам, и явилось одной из основных причин некоторых существенных недостатков сборника, о которых речь будет ниже.

Хотя темой сборника является «Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции», было бы неверным решать ее в отрыве от характеристики событий, происходивших в стране, оставлять в стороне ряд основополагающих, в первую очередь партийных, документов, которые оказали определяющее влияние на ход событий и на Балтийском флоте. В этой связи непонятно, почему, например, в сборнике отсутствуют такие материалы, как Апрельские тезисы В. И. Ленина, его знаменитые письма о подготовке вооруженного восстания, резолюции ЦК РСДРП(б) от 10 и 16 октября 1917 г. и ряд других важнейших партийных документов. Включение их в сборник позволило бы более ясно представить, как партия направляла развитие революции и как революционные матросы практически боролись за осуществление выработанной партией программы и тактики.

Поместив в сборнике довольно много документов о «конфликте» Кронштадтского Совета с Временным правительством летом 1917 г., составители почему-то не включили в сборник статью В. И. Ленина «Один принципиальный вопрос» [4], в которой дана блестящая политическая оценка существа этого «конфликта». То же надо сказать и о разговоре В. И. Ленина с заместителем председателя Центробалта 27 октября 1917 г. [5], также почему-то не приведенном в сборнике.

Эти ничем не оправданные упущения приводят к тому, что в ряде случаев позиция матросов или матросских организаций выглядит как установившаяся стихийно, хотя в действительности она определялась соответствующей политикой партии, изложенной в партийных решениях и направляющих статьях В. И. Ленина.

В предисловии к сборнику составители оговаривают: «Ввиду того, что до сих пор не удалось разыскать некоторые документы, в сборнике не представилось возможным осветить более подробно... деятельность большевистских партийных организаций во флоте» (стр. 9). Однако все же имелась возможность значительно полнее представить документы по такому важному вопросу, как деятельность большевистских организаций на флоте и помощь им со стороны руководящих партийных органов. Для этого нужно было прежде всего обратиться к материалам Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, гораздо шире, чем это сделано, использовать большевистские газеты «Голос правды», «Пролетарское дело», «Волна», «Прибой», «Утро правды», «Звезда» и др. В них неоднократно печатались протоколы партийных собраний, заседаний партийных комитетов Кронштадта, Гельсингфорса, Ревеля и базировавшихся там кораблей и частей флота. Наконец, интересный материал по этому вопросу содержится в опубликованных в 20-х годах и в последнее время [6] воспоминаниях ряда большевистских деятелей, работавших тогда среди балтийских моряков.

Активное участие матросов в революционном движении объяснялось прежде всего тем, что среди них была значительная прослойка выходцев из рабочего класса. Анализируя революционное движение в войсках в 1905 г., В. И. Ленин писал: «...вождей движения давали т е э л е м е н т ы военного флота и армии, которые рекру-

---

[4] См. В. И. Л е н и н. Соч. Т. 24, стр. 497—499.

[5] См. В. И. Л е н и н. Соч. Т. 26, стр. 232—234.

[6] См. В. З а л е ж с к и й. Борьба за Балтийский флот. «Молодая гвардия». 1925; И. К о л б и н. Балтийский флот в 1917 г. Ленпартиздат. 1933; В. А н т о н о в-О в с е е н к о. В революции. Госполитиздат. 1957; журналы: «Пролетарская революция», в котором напечатаны воспоминания В. З а л е ж с к о г о (№ 1 за 1923 г.), Ф. Р а с к о л ь н и к о в а (там же), «Красная летопись», где опубликованы воспоминания Н. П о д в о й с к о г о (№ 7 за 1923 г.), «Исторический архив», в котором помещены воспоминания М. Р о ш а л я (№ 5 за 1956 г.) и многие другие.

тировались главным образом из среды промышленных рабочих и для которых требовалась наибольшая техническая подготовка...»[7]. Своим классовым составом флот значительно отличался от армии, в которой преобладали крестьяне. Поэтому и была столь плодотворной работа большевиков среди матросов. Один из видных партийных работников на флоте, К. Орлов, писал: «Что такое для меня был флот? Не что иное, как огромный завод с хорошим оборудованием, а корпуса (экипажи) — общежитие заводских рабочих, куда собрали со всех концов России мастеровых лучшей квалификации, а следовательно, и с пролетарским самосознанием»[8]. Особенно высоким процент рабочих был среди матросов Балтийского флота, что сыграло важнейшую роль в их большевизации и вовлечении в активную борьбу за победу социалистической революции. К сожалению, на страницах сборника читатель не найдет материалов, характеризующих социальный состав балтийских моряков, хотя такие данные, несомненно, есть и в статистических сборниках, и в документах командования флотом и вооруженными силами, и в воспоминаниях участников революционной борьбы на флоте[9], и в ряде других источников. Это серьезное упущение составителей приводит к тому, что в сборнике остается нераскрытым классовый состав матросов — активных участников революции; они выступают как какая-то особая прослойка революционных борцов, а не как один из отрядов рабочего класса, за которым шло трудящееся крестьянство, одетое в матросскую форму.

Пролетарский состав балтийских матросов, их большевистские настроения прекрасно учитывала наша партия, не только широко используя балтийцев для подготовки победы социалистической революции в центре, но и черпая из их среды многочисленные кадры партийных работников, организаторов и агитаторов для провинции. Эта важнейшая сторона революционной деятельности балтийских матросов не получила должного освещения в материалах сборника. В нем по этому вопросу опубликовано лишь несколько случайных документов (№№ 216, 265, 281), которые не дают должного представления о роли балтийских моряков в подготовке социалистической революции в стране. В частности, совсем не представлена деятельность кронштадтских и других землячеств, не показана работа различных балтийских делегаций, направлявшихся на другие флоты, фронты и в районы страны, революционная деятельность отдельных матросов в провинции. Между тем материалов по этому вопросу немало и в архивах[10], и в периодической печати тех лет, и в воспоминаниях участников событий.

Большевистская партия оказывала свое влияние на матросские массы главным образом через судовые комитеты. Рост влияния большевиков неизменно сказывался и на составе комитетов, из которых изгонялись представители соглашательских партий. Комитеты по мере их большевизации становились фактической властью на кораблях. Эти процессы, равно как и практическая деятельность судовых комитетов, очень слабо отражены в материалах сборника. Им посвящено немногим более десяти документов (№№ 131, 269, 301, 317, 337, 361, 373, 377, 391—394), которые не могут достаточно полно осветить этот интересный и важный вопрос.

Слабо, на наш взгляд, документы сборника характеризуют и деятельность существовавших в базах Балтийского флота Советов. Во-первых, эти документы не отражают процесса их создания, их стремительной большевизации. Во-вторых, давая более или менее ясное представление о работе и позиции Кронштадтского Совета, материалы сборника значительно меньше говорят о Гельсингфорсском и особенно Ревельском. Между тем положение в этих Советах и борьба, развертывавшаяся вокруг них, сильно отличались от обстановки, существовавшей в Кронштадтском Совете, который почти сразу и безоговорочно стал на большевистские позиции. Тем самым в сборнике в известной мере упрощенно изображается положение на Балтийском флоте в 1917 г., не раскрываются трудности борьбы большевиков за матросские массы.

Этот недостаток усугубляется в некоторой степени и тем, что в сборнике вообще преобладают материалы о Кронштадте и значительно менее представлены документы, связанные с событиями в Гельсингфор-

[7] В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 237.

[8] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА), ф. 70, оп. 3, ед. хр. 855, л. 85.

[9] См., например, воспоминания И. И. Вахрамеева (журнал «Дружба народов», 1957, № 4, стр. 139).

[10] Интересные документы отложились, в частности, в фонде переписки ЦК партии с местными организациями (ЦПА, ф. 17).

се и Ревеле. А ведь основные силы Балтийского флота были в 1917 г. сосредоточены как раз не в Кронштадте, а именно там. При этом надо иметь в виду и то, что в Ревеле и в меньшей мере в Гельсингфорсе положение было более сложным, чем в Кронштадте. Например, в ревельской базе довольно длительное время бытовали оборонческие настроения, преодоление которых потребовало серьезных усилий большевиков.

Этих недостатков составители сборника могли бы избежать, если бы и в данном случае использовали более широкий круг источников, в частности газеты тех дней, в которых довольно часто публиковались протоколы и отчеты заседаний Советов, базовых комитетов и других организаций, отражавшие в значительной мере положение, которое складывалось на базах

В заключение хочется высказать пожелание: почин, сделанный составителями сборника, надо продолжить. Наши исследователи должны получить в свое распоряжение новые публикации документов, которые характеризовали бы революционную деятельность моряков других русских флотов и флотилий, освещали роль моряков в установлении и упрочении Советской власти в стране, в борьбе с иностранными интервентами и внутренней контрреволюцией. Такие сборники, как и рецензируемая книга, необходимы не только тем, кто занимается историей нашего флота, но и всем, кто исследует историю советского общества. Они найдут в них материал, способствующий более углубленному изучению различных проблем этой славной истории.

С. С. Хесин

А. ТУРСУНБАЕВ. *Победа колхозного строя в Казахстане.* Казгосиздат, Алма-Ата. 1957. 326 стр. Тираж 12 000. Цена 6 руб. 80 коп.

Перевод многомиллионного крестьянства Советского Союза на путь социализма, осуществленный на основе кооперативного плана великого Ленина под руководством Коммунистической партии и Советского государства, — ярчайшая страница истории построения социалистического общества в СССР.

Деятельность Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства по претворению в жизнь ленинского кооперативного плана, великий опыт, накопленный советским народом в строительстве социалистической, колхозной жизни, имеют всемирно-историческое значение. Переход единоличных крестьянских хозяйств на путь социализма через кооперацию — одна из главных закономерностей строительства социализма, обязательная для всех стран с мелкотоварным производством. Однако до сих пор история коллективизации сельского хозяйства в СССР изучалась несколько односторонне: внимание историков ограничивалось главным образом исследованием событий, происходивших в центральных районах страны. Изучение же опыта национальных, особенно среднеазиатских советских республик до последнего времени явно отставало. Вот почему следует всячески приветствовать появление книги А. Б. Турсунбаева, посвященной истории коллективизации сельского хозяйства Казахстана.

Перед автором стояли сложные задачи: выявить общие закономерности социалистического переустройства сельского хозяйства в Казахстане и специфические формы его осуществления, вытекающие из социально-экономических особенностей республики; показать предпосылки массовой коллективизации, подготовку и проведение сплошной коллективизации и ликвидацию на ее основе кулачества как класса; выяснить роль коллективизации в решении сложнейшей и труднейшей задачи перехода Казахской республики к социализму, минуя стадию капиталистических отношений.

Следует признать, что в основном А. Б. Турсунбаев справился с этими задачами. Совершенно правильно исходное положение автора о том, что коллективизация в Казахстане, являясь органической составной частью процесса коллективизации всего сельского хозяйства СССР, в конкретных условиях республики имела ряд специфических черт.

Своеобразие социалистического строительства в казахском ауле заключалось в том, что здесь переход к социализму совершался в основном от докапиталистических отношений. Крестьянская масса кочевых и

полукочевых районов к моменту развертывания сплошной коллективизации не была еще подготовлена для перехода к общественным формам хозяйства в такой степени, как в передовых частях страны. Поэтому в кочевых и полукочевых аулах коллективизация должна была проводиться более медленными темпами и в несколько иных формах колхозного строительства, чем в сравнительно развитых районах. «В казахском ауле,— пишет автор,— Коммунистическая партия, народные массы должны были решать такие задачи, которых русская деревня не знала в пору коллективизации сельского хозяйства. Главными из этих специфических задач были ликвидация остатков патриархально-феодальных отношений, родовой идеологии и авторитарности, борьба с откочевками и уничтожение причин, рождающих откочевки, перевод тысячных масс кочевников на оседлость и создание новых форм расселения казахских крестьян и др.» (стр. 318).

Автор подчеркивает, что в Казахстане «победа колхозного строя означала вместе с тем и победу некапиталистического пути развития казахского народа, утверждение казахских трудящихся на социалистическом пути развития, их дальнейшую консолидацию в социалистическую нацию» (там же).

Исходя из этих положений, А. Б. Турсунбаев основное внимание уделил изучению особенностей коллективизации в конкретных условиях Казахстана, показу того, как были решены ее специфические задачи.

В первой главе автор осветил исторические предпосылки массовой коллективизации сельского хозяйства Казахстана и деятельность партийных и государственных органов по ее подготовке. Затем он пишет о первых шагах кооперативно-колхозного строительства в Советском Казахстане, о развитии кооперативного движения среди кочевого и полукочевого населения и роли государственных торговых пунктов — факторий. Правда, автор не уделил последним значительного места в своем исследовании. Между тем весьма показательно было бы сопоставление деятельности капиталистических факторий, хищнически эксплуатировавших и грабивших отсталые кочевые народы, с деятельностью советских факторий, которые не только вели торговлю на выгодных для местного населения условиях, но и несли с собой культуру, агитировали за новые, передовые формы социально-экономической жизни.

С большим интересом читается история организации одного из первых коллективных хозяйств Казахстана — Обуховской коммуны, созданной в Бухтарминском районе рабочими Обуховского и Семенниковского заводов Петрограда в ответ на призыв В. И. Ленина. К сожалению, автор не проследил дальнейшей судьбы этой коммуны.

В первой главе А. Б. Турсунбаев подробно освещает также огромную организаторско-хозяйственную работу, которая была проделана после XV съезда ВКП(б) по подготовке массовой коллективизации в конкретных условиях Казахстана. Особое значение в этом отношении имела борьба с феодальными и кулацкими элементами, занимавшими сильные экономические позиции в деревнях и аулах.

Во второй, третьей и четвертой главах автор рассматривает процесс социалистического переустройства сельского хозяйства в Казахстане.

Вторая глава открывается параграфом, выясняющим особенности коллективизации сельского хозяйства Казахстана, которые определили методы, темпы и формы ее осуществления. Здесь дается конкретный анализ особенностей социально-экономического развития республики, а также ее отдельных районов. Наиболее подготовленными к массовой коллективизации были районы зерновых и технических культур. Постановлением ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» эти районы Казахстана были отнесены к группе районов, где коллективизация должна была быть в основном завершена весной 1932 г. в форме сельскохозяйственной артели.

Следующую группу составляли земледельческо-скотоводческие районы, где казахское население вело полукочевой образ жизни. Здесь, с одной стороны, имелись факторы, содействующие массовой коллективизации: серьезный подрыв позиций феодальных элементов в результате конфискации у них скота и передела пахотных и сенокосных угодий, значительное развитие сельскохозяйственной кооперации и др.; но, с другой стороны, здесь отсутствовали МТС, совхозы, старые колхозы и были сильны остатки докапиталистических отношений. Это тормозило развертывание массовой коллективизации. Поэтому в указанных районах она должна была осуществляться более медленными темпами, и основной ее формой становились товарищества по совместной обработке земли и косьбе (ТОЗ). На-

конец, последняя группа районов — это наиболее отсталые скотоводческие районы Центрального Казахстана, где преобладало кочевое хозяйство. Здесь не было еще условий для проведения массовой коллективизации, а возможно было лишь создание простейших производственных объединений. Автор прослеживает ход коллективизации по этим трем основным группам районов Казахстана. Он убедительно и конкретно показал значение МТС, тракторных колонн и совхозов для осуществления массовой коллективизации в оседло-земледельческих районах. Подробно освещена деятельность местных партийных организаций, аульных и сельских Советов, батрацко-бедняцких групп при Советах, колхозах, сельскохозяйственных кооперативах в борьбе за социалистическую реконструкцию деревни и аула. В работе охарактеризованы мероприятия партии и Советской власти по всемерному усилению активности батрацко-бедняцких и середняцких масс и вовлечению женщин в колхозное строительство. Автор показал участие в коллективизации рабочего класса, в особенности двадцатипятитысячников.

Составным и необходимым элементом осуществления сплошной коллективизации явилась политика ликвидации кулачества как класса. В исследовании А. Б. Турсунбаева дана правильная теоретическая постановка проблемы и конкретно показано ее решение в зерновых и хлопковых районах республики.

Наибольший интерес, с точки зрения изучения особенностей социалистического переустройства сельского хозяйства Казахстана, представляет освещение хода коллективизации в животноводческих районах республики, в которых коллективизация была неразрывно связана с решением труднейшей задачи — планового перевода кочевого населения на оседлый образ жизни. В труде А. Б. Турсунбаева исследована огромная плодотворная работа, которая была проделана партийными и государственными органами по устройству 84 тыс. хозяйств, намеченных к переводу на оседлый образ жизни в 1929—1930 годах. Автор убедительно раскрыл огромное прогрессивное значение оседания кочевого и полукочевого населения Казахстана. Этот процесс встретил самое яростное сопротивление феодальных и кулацких элементов. «Ни одна из байских провокаций, — пишет автор, — не принесла столько горя и страданий казахскому народу, как откочевки, суть которых заключалась не столько в том, что сами баи в целях сокрытия всего награбленного ими добра откочевывали, сколько в том, что они провоцировали, толкали на этот путь тысячи и тысячи казахских трудящихся. Люди оставляли насиженные места, привычные занятия, разбазаривали скот, имущество и уходили неведомо куда и неведомо с какой целью» (стр. 144).

Достоинство труда А. Б. Турсунбаева состоит и в том, что процесс социалистического переустройства сельского хозяйства Казахстана показан в нем как революционный переворот, совершенный по инициативе Коммунистической партии и Советской власти сверху при активной поддержке трудящихся масс снизу. В исследовании освещена руководящая и направляющая роль Коммунистической партии, организующая роль Советского государства, отражена и большая активность бедняцко-середняцких слоев деревни и аула в борьбе за колхозный строй в Казахстане.

На основе активности трудящихся масс успешно осуществлялась сплошная коллективизация сельского хозяйства Казахстана. В III и IV главах автор подробно исследует ход и завершение массовой коллективизации сельского хозяйства республики. В этих главах содержится много ценного и поучительного материала, в частности по вопросам коллективизации отсталых скотоводческих районов.

Быстрому росту коллективизации способствовала огромная помощь, оказанная Советским государством, прежде всего через животноводческие совхозы. Если в 1929 г. в Казахстане было всего 6 совхозов, то к 1 августа 1931 г. их стало 93. Совхозы оказывали колхозам и единоличным крестьянским хозяйствам большую производственную, организационную и культурную помощь. Можно полностью согласиться с утверждением А. Б. Турсунбаева о том, что «создание крупных социалистических животноводческих хозяйств в районах, где до этого были почти одни только кочевые и полукочевые хозяйства скотоводов, базировавшиеся на отсталой, примитивной технике, явилось революционизирующим фактором для формирования новых социально-экономических отношений в ауле» (стр. 193).

Коллективизации в скотоводческих районах во многом содействовали машинно-сенокосные станции, которые начали создаваться государством весной 1931 г. и по своим функциям были близки МТС зерновых районов. На 1 августа 1931 г. в скотоводческих районах Казахстана уже имелось

108 МСС, которые обслуживали 1 650 колхозов и 230 животноводческих товариществ. Одним из основных показателей деятельности МСС служила степень коллективизации крестьянских хозяйств в районах, которые они обслуживали. Из приведенных автором данных видно, что в зонах обслуживания МСС темпы коллективизации были наиболее высокими.

Уделив главное внимание изучению и освещению положительного опыта в осуществлении коллективизации, автор вместе с тем не проходит мимо серьезных ошибок и искривлений партийной линии в колхозном строительстве, в частности в животноводческих районах в 1930—1932 годах. Эти ошибки и искривления состояли в нарушении принципа добровольности объединения в коллективные хозяйства, в форсировании темпов коллективизации административными методами. В некоторых районах Казахстана под предлогом борьбы с родовыми пережитками проводилось принудительное создание крупных колхозов путем разукрупнения родовых аулов, переселения отдельных групп колхозников в другие колхозы и т. д. Без учета конкретных условий и возможностей проводился форсированный перевод товариществ по обработке земли на устав сельскохозяйственной артели. Этой порочной практике способствовала ошибочная директива Казахского краевого комитета ВКП(б), данная в 1931 году.

Решающее значение для исправления ошибок и извращений в колхозном строительстве в кочевых и полукочевых районах, в борьбе за успешное завершение социалистического преобразования аула имело постановление ЦК ВКП(б) от 17 сентября 1932 г. «О сельском хозяйстве и, в частности, о животноводстве Казахстана».

Много места в исследовании А. Б. Турсунбаева отведено вопросам борьбы за организационно-хозяйственное укрепление колхозов в 1933—1934 годах. На большом и интересном конкретном материале он осветил деятельность политотделов МТС и ее значение для укрепления колхозов. Автор обстоятельно выяснил роль МТС в решении этой задачи. Последняя глава исследования заканчивается характеристикой организационно-хозяйственного состояния колхозов к концу 1934 года.

Отмечая достоинства исследования А. Б. Турсунбаева, следует вместе с тем указать и на недостатки, спорные места, неточности, которые, на наш взгляд, имеются в этом серьезном труде.

Прежде всего нельзя признать правильными хронологические рамки исследования. Автор ограничился изучением процесса коллективизации сельского хозяйства Казахстана до 1934 года, оставив вне своего внимания последующие годы. Несомненно, к 1934 г. были одержаны решающие успехи в социалистическом переустройстве сельского хозяйства Казахстана. Однако этот процесс полностью тогда еще не завершился: вне колхозов оставалось свыше 14% крестьянских хозяйств; в скотоводческих районах Казахстана преобладала простейшая ступень коллективизации — ТОЗы, которые ограничивали возможность расширенного воспроизводства, создания многоотраслевого, высокотоварного хозяйства. Автор в своей работе пишет, что «к концу 1934 года в Казахстане налицо были все признаки того, что переход ТОЗов на устав сельскохозяйственной артели становился объективной необходимостью» (стр. 316). Самый этот переход осуществился в 1935—1937 годах. Мог ли при этом условии автор, поставивший себе целью исследовать победу колхозного строя в Казахстане, произвольно отказаться от изучения процесса перерастания ТОЗов в сельскохозяйственные артели? Надо полагать, что нет. Задача организационно-хозяйственного укрепления колхозов к концу 1934 г. также еще не была решена. 1935—1937 годы сыграли первостепенную роль. На основе Примерного устава сельскохозяйственной артели и закрепления за колхозами навечно занимаемых ими земель, на основе развернувшегося в эти годы массового социалистического соревнования, движения передовиков сельского хозяйства были достигнуты решающие успехи в организационно-хозяйственном укреплении колхозов всей страны, в том числе и в Казахстане. Поэтому автор напрасно исключил из сферы изучения 1935—1937 годы—годы окончательной победы колхозного строя в Казахстане и во всем СССР.

С нашей точки зрения, этот недостаток объясняется тем, что процесс социалистического переустройства аула и деревни в работе А. Б. Турсунбаева освещается без достаточной связи с общим ходом социалистического строительства в Казахстане и решения исторической задачи перехода казахского народа к социализму, минуя капитализм. Переход к социализму в основном завершился к концу второй пятилетки и явился результатом решения ряда важнейших проблем: установления и укрепления совет-

ской государственности под руководством и при направляющей деятельности Коммунистической партии; национальной консолидации казахского народа; осуществления социалистической индустриализации республики; социалистического переустройства сельского хозяйства; культурной революции. Разумеется, исследователь истории коллективизации сельского хозяйства не может и не должен заниматься глубоким изучением всех проблем. Но так как в процессе социалистического преобразования республики они тесно связаны и обусловливают друг друга, он должен был проследить, какое влияние оказывало решение этих важнейших проблем на ход коллективизации сельского хозяйства. К сожалению, в труде А. Б. Турсунбаева это в должной степени не сделано. Почти полностью выпала из поля зрения автора проблема социалистической индустриализации Казахстана и ее значение для осуществления коллективизации сельского хозяйства республики. Автор ограничивается общей постановкой вопроса о роли социалистической индустриализации СССР для коллективизации сельского хозяйства всей страны и Казахстана.

Между тем первостепенное значение для упрочения колхозного строя в Казахстане имела политика социалистической индустриализации республики, создание здесь промышленных очагов, строительство железных дорог, формирование кадров национального рабочего класса и т. д. Автор обязан был конкретно проследить влияние этих важнейших факторов на крестьянские массы и раскрыть взаимосвязь и взаимную обусловленность исторических процессов индустриализации Казахстана и социалистической реконструкции его сельского хозяйства.

А. Б. Турсунбаев уделил большое внимание развитию политической надстройки и ее роли в осуществлении социалистической реконструкции сельского хозяйства. Однако мы не можем согласиться с трактовкой одного из центральных вопросов этой проблемы — лозунга о «советизации аула». Характеризуя сущность лозунга, А. Б. Турсунбаев пишет: «Советизация аула в условиях Казахстана была конкретным выражением общесоюзного лозунга оживления Советов» (стр. 54). Проводимое автором безоговорочное отождествление лозунга «Советизация аула», осуществлявшегося в Казахстане, с лозунгом «Оживление Советов», провозглашенного Октябрьским пленумом ЦК ВКП(б) в 1924 г., является, на наш взгляд, несостоятельным. В содержании обоих лозунгов много общего, однако они не тождественны: если лозунг «Советизация аула» имел своей главной задачей изгнание из аульных Советов проникших туда феодально-кулацких элементов и превращение аульных Советов в подлинные органы диктатуры пролетариата, руководимые Коммунистической партией, то в Центральной России борьба с кулацкими элементами, проникшими в Советы, не являлась основным содержанием лозунга «Оживление Советов», так как степень проникновения их в Советы не была значительной. Здесь центральной задачей являлось оживление деятельности Советов, усиление их связей с массами, создание вокруг Советов широкого крестьянского актива, ликвидация крупных недостатков в работе Советов, укрепление революционной законности и т. д. Лозунг «Советизация аула» предполагал осуществление ряда революционно-демократических мероприятий, направленных на подрыв экономических и политических позиций феодально-кулацких элементов. Лозунг «Оживление Советов» подобных мер не предусматривал.

Для уяснения вопроса о соотношении этих двух лозунгов приведем выдержку из письма секретаря Казахстанского крайкома ВКП(б) Ф. И. Голощекина на имя И. В. Сталина по интересующей нас проблеме.

«... мы с 5-й конференции,— говорится в письме,— взяли основную линию на «советизацию аула».

В отличие от лозунга «лицом к деревне» мы, во-первых, приступили к этому вопросу на 2 года позже, чем в других республиках Союза.

Во-вторых, мы поставили вопрос не об «оживлении Советов», а об организации действительных Советов трудящихся, ибо то, что имелось и имеется сейчас в ауле, не может быть названо таковыми.

В-третьих, мы исходили из учета особенностей и отличий от русской деревни, в виде существования остатков родов и родовых отношений, родовой борьбы кочевого и полукочевого быта.

В-четвертых, мы исходим из особенностей социально-экономических отношений аула, которые отличаются от русской деревни тем, что революция не затронула старые, дореволюционные отношения, оставив в полной мере экономическое и политическое господство сильных родов и бая. Аул не имел комбедов, осереднячения и т. д. Бай ис-

пользует не только свою экономическую мощь, но и родовые отношения.

В-пятых, строительство во всех областях до 5-й конференции шло, не затрагивая аул, шло под углом решения национальных задач, не касаясь классовых задач внутри нации».

И далее Ф. И. Голощекин излагает те конкретные мероприятия, которые намечены 5-й конференцией и последующими пленумами Казкрайкома по осуществлению советизации аула. Это прежде всего мероприятия, направленные на изменение социально-экономических отношений в ауле: земельная реформа, которая должна носить характер передела лугов и пахотных угодий, налог на байство и др., затем ряд мероприятий по проведению избирательной кампании и организации советской работы в ауле, и, наконец, организация бедноты в союз «Кошчи» и т. д.

На письмо Ф. И. Голощекина И. В. Сталин ответил: «Я думаю, что политика, намеченная в настоящей записке, является в основном единственно правильной политикой» [1].

Из сказанного видно, что нельзя согласиться с безоговорочным отождествлением лозунгов «Советизация аула» и «Оживление Советов». Наконец если это один и тот же лозунг, то нельзя понять, почему потребовалось два различных названия для одного и того же лозунга.

При характеристике состояния аульных Советов к середине 20-х годов А. Б. Турсунбаев приукрашивает действительную картину. Подобное же приукрашивание действительности допускает, на наш взгляд, автор и при оценке результатов перевыборов аульных Советов в 1925—1926 годах. На стр. 56 читаем: «Таким образом, повышение активности трудящихся аула и деревни в период выборной кампании 1925—1926 годов и вовлечение в эту кампанию широких слоев аульного населения свидетельствовали о значительных успехах Коммунистической партии и Советской власти в деле советизации аула. Это свидетельствовало также о росте классового самосознания аульной бедноты, батрачества и середняков». Этот вывод противоречит действительным результатам избирательной кампании 1925—1926 годов.

Прежде всего отметим, что фактический материал, приведенный А. Б. Турсунбаевым, не дает оснований для таких оптимистических выводов. Автор сослался на несколько малозначащих фактов, почерпнутых в основном из отчета Джетысуйского губкома ВКП(б). Но он не привел итоговых данных об участии населения в выборах, о социальном и партийном составе избранных Советов и др. Поэтому общий вывод автора о результатах избирательной кампании 1925—1926 гг. остается бездоказательным.

Однако дело не только в отсутствии итоговых данных, без которых невозможно дать объективную оценку. Дело в том, что в «Материалах к отчету Джетысуйского Губкома ВКП(б) на VII губпартконференции» 1927 г. дается характеристика итогов избирательной кампании 1925—1926 гг., противоположная той, которая создается при чтении труда А. Б. Турсунбаева. В этих материалах говорится, что «наибольшую активность на выборах проявили кулацко-байские элементы, в то время, как у бедноты и батрачества этого не было», что «Союз кошчи, комитеты взаимопомощи, будучи массовыми бедняцкими организациями, не выступали на выборах как таковые, а оказались разбитыми по родовым и национальным признакам на отдельные группы. Поэтому влияние байства и кулачества, не встречая особо сильных препятствий, нашло свое выражение и в составе выборных органов». В отчете подчеркивается, что партийная организация не сумела организовать бедноту и сплотить ее с середняками на выборах. Из этого документа видно, что в выборах участвовало всего около 39% избирателей. В состав Советов было выбрано только около 11% бедноты.

Следовательно, приведенные автором отдельные положительные примеры из отчета Джетысуйского губкома не являются типичными и не характеризуют общих результатов избирательной кампании по губернии, а тем более по республике. Пленум Казкрайкома в апреле 1926 г. записал об итогах выборов 1925—1926 годов: «На перевыборах господствующую роль играло байство (аткамынеры), подчинившее себе все слои аула, вплоть до аульного коммуниста. Это влияние обнаруживалось и на некоторых уездных съездах».

Все это коренным образом отличается от той оценки избирательной кампании 1925—1926 гг., которую дал А. Б. Турсунбаев.

Более подробно и объективно автор осветил избирательную кампанию 1927 года. Однако и в этом случае не приведены ито-

[1] «6-я Всеказахская конференция ВКП(б) 15—23 ноября 1927 года». Стенографический отчет. Кзыл-Орда. 1927, стр. 90—91, 95.

говые данные: процент участия избирателей в выборах, социальный состав вновь избранных Советов и т. д.

Недостаток показа осуществления лозунга «Советизация аула» в труде А. Б. Турсунбаева заключается и в том, что вне поля зрения автора остались такие важные вопросы, как улучшение и оживление деятельности самих Советов, повышение их роли в хозяйственном и культурном строительстве, укрепление революционной законности и т. д. Не получило нужного освещения административно-хозяйственное районирование Казахстана, осуществленное в 1928 г. и сыгравшее огромную роль в решении задачи советизации аула, приблизившее советский аппарат к массам.

Вызывают возражения отдельные принципиальные положения работы, относящиеся к социально-экономической характеристике доколхозного аула и деревни. Автор стоит на той точке зрения, что процесс осереднячивания деревни и аула являлся выражением того, что советская деревня и в доколхозный период развивалась по социалистическому пути. Сам процесс осереднячения автор объявляет одной из крупнейших задач социалистической революции (см. стр. 52).

Такая точка зрения является, на наш взгляд, несостоятельной. Осереднячение крестьянства не было задачей социалистической революции и не являлось выражением развития деревни по социалистическому пути. Осереднячение деревни явилось следствием прежде всего конфискации помещичьей земли и раздела ее среди крестьян по принципу уравнительного землепользования. Это были мероприятия по своему характеру буржуазно-демократические, а не социалистические. В. И. Ленин подчеркивал, что «идея уравнительности имеет прогрессивное и революционное значение в буржуазно-демократическом перевороте. Дальше этот переворот идти не может. Доходя до конца, он тем яснее, тем скорее, тем легче обнаруживает перед массами недостаточность буржуазно-демократических решений, необходимость выйти за их рамки, перейти к социализму. ...уравнительность землепользования есть идеализирование капитализма с точки зрения мелкого производителя» [2].

В некоторой мере осереднячение деревни явилось результатом «раскулачивания» в 1918 г., осуществленного с помощью комбедов. Но поскольку конфискованная у кулаков часть земли, скота, инвентаря была разделена между беднотой и маломощными середняками, «раскулачивание» хотя и резко ослабило кулачество, однако не привело к соответствующему развитию социалистических форм хозяйства в деревне. В последующие годы Советское государство своей политикой помощи бедноте, ограничения и вытеснения кулачества способствовало росту середняцкой группы крестьянства.

Однако сам по себе рост середняцких хозяйств вовсе не означал роста социалистических элементов в деревне. Середняцкое хозяйство — это типичное мелкотоварное производство, которое под воздействием объективных экономических законов ежедневно и ежечасно, стихийно и в массовом масштабе рождает капитализм.

Правда, Советская власть, руководимая Коммунистической партией, своей экономической политикой всячески ограничивала действие таких объективных законов, которые вели к росту капиталистических элементов в деревне, вытесняла отдельные отряды кулачества, всячески поддерживала выраставшие в деревне социалистические элементы. Были ли элементы социализма в доколхозной деревне? Безусловно, были! Они состояли прежде всего из совхозов — последовательно социалистических предприятий, а также колхозов и других кооперативных объединений.

Нельзя согласиться с оценкой А. Б. Турсунбаевым социально-экономической природы передела пахотных и сенокосных угодий, проведенного в Казахстане в 1926—1927 годах. В рецензируемом труде читаем: «...передел пахотных и сенокосных угодий выходил за рамки задач буржуазно-демократической революции. Главным образом он, конечно, был направлен против патриархально-феодальных отношений в сельском хозяйстве. Но поскольку эти отношения в ауле слились с элементами капитализма, постольку передел ударял и по этим элементам капитализма, приобретая тем самым характер социалистического преобразования.

Социалистический характер передела пахотных и сенокосных угодий сказался и в том, что после него начался бурный рост производственного кооперирования крестьянских хозяйств, рост социалистических элементов сельского хозяйства» (стр. 57). Из приведенного текста видно, что автор усиленно подчеркивает социалистический характер передела, не имея на то никаких

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 28, стр. 286.

оснований, так как по своей социально-экономической природе это было буржуазно-демократическое преобразование.

Социалистическим можно считать лишь то преобразование, которое заменяет капиталистические или докапиталистические производственные отношения социалистическими. А разве передел сенокосных и пахотных угодий привел непосредственно к установлению социалистических производственных отношений в ауле? И объявлять эту реформу социалистическим преобразованием — значит стирать разницу между социалистическими и буржуазно-демократическими преобразованиями.

Ряд вопросов в труде А. Б. Турсунбаева исследован и освещен недостаточно.

В работе нет цельной характеристики социально-экономического развития Казахстана до революции, нет данных о распределении пахотных земель и пастбищ накануне Октября. Процент оседлого населения показан только в четырех уездах Семиреченской области, но не во всем Казахстане. Недостаточно конкретно изложены важнейшие аграрные мероприятия Советской власти, проведенные на территории Туркестанской АССР и Казахстана в первые годы их существования.

Автор не всегда убедительно подтверждает свои положения. Приведем пример: после рассказа о перегибах, допущенных в ходе коллективизации, он пишет: «В связи со всем этим уровень коллективизации по Казахстану снизился с 72 процентов в январе 1930 года до 27,4 процента в июне» (стр. 158). Рассмотрев на следующих страницах мероприятия по решительному исправлению ошибок и закреплению первых успехов массовой коллективизации в марте — мае 1930 г., автор отмечает: «Благодаря этому колхозное движение ширилось и укреплялось, что можно видеть из следующих данных: в октябре 1928 года в колхозы было объединено 1,65 процента крестьянских хозяйств республики, в октябре 1929 года — 6,9 процента, а на 1 июня 1930 года — 27,4 процента» (стр. 165).

А. Б. Турсунбаев прибегает к неправильному, по нашему мнению, способу доказательства. Чтобы показать расширение и укрепление колхозного строя в результате мероприятий весны 1930 г., вместо сопоставления уровней коллективизации накануне и после проведения этих мероприятий сопоставляются июнь 1930 г. с 1928 и 1929 годами. Таким образом, то, что автор хотел доказать, остается недоказанным, поскольку рост коллективизации в 1928 и 1929 гг. был уже объяснен в надлежащем месте соответствующими причинами.

Однако дело не только в этом. Бросается в глаза ряд других обстоятельств. Во-первых, уровень коллективизации в июне 1930 г. (27,4%) он использует для доказательства двух диаметрально противоположных процессов: на стр. 158 он приводится в подтверждение массового отлива крестьян из колхозов в результате перегибов, а на стр. 165 уже используется для показа расширения и укрепления колхозного движения весной 1930 года. Во-вторых, налицо несоответствие показателей, которые использует автор. В самом деле, на стр. 158 он утверждает, что в январе 1930 г. процент коллективизации по Казахстану равнялся 72, приведена сноска на архив Казфилиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 141, оп. 2, ед. хр. 3308, л. 81. А на стр. 132 автор пишет, что «к началу февраля 1930 г. по всей республике было объединено в колхозы уже 40,8 процента всех бедняцких и середняцких хозяйств» (также имеется ссылка на ЦГАОР КазССР, ф. 247, оп. 1, д. 26, л. 86). Естественно, возникает вопрос, как же это могло случиться, что в январе 1930 г. процент коллективизации равнялся 72, а к началу февраля того же года равнялся 40,8? Ведь известно, что в это время еще никакого массового отлива из колхозов не было, он начался только в марте. В-третьих, приходится пожалеть, что в работе А. Б. Турсунбаева отсутствует конкретный анализ имевшего место весной 1930 г. массового отлива из колхозов. Автор сопоставляет здесь уровень коллективизации в январе и июне 1930 года. Это, как нам думается, неправильно, так как отлив начался не ранее марта, и поэтому для сравнения нужно было брать уровень февраля; затем, уже в апреле — мае, сильно сказались мероприятия по преодолению перегибов и закреплению колхозов, поэтому июньский уровень коллективизации не является показательным для характеристики массового отлива из колхозов. Правильней было бы проследить уровень коллективизации за ряд месяцев первого полугодия 1930 года.

Далее, следовало бы конкретнее рассмотреть, что собой представлял этот отлив. Автор правильно пишет о ликвидации «бумажных» колхозов и о выходе колеблющихся середняков из здоровых колхозов. Но, к сожалению, это сделано только в декларативной форме, без анализа фактического материала. И эта очень интересная и важная

проблема изучена А. Б. Турсунбаевым недостаточно.

На стр. 166 автор утверждает, что в 1930 г. «труд колхозника оказался более производительным, чем труд единоличника», что «в колхозах средства производства использовались гораздо полнее и эффективнее, чем в индивидуальных крестьянских хозяйствах». Однако он не подкрепил это утверждение никакими конкретными данными, и оно для читателя остается чисто декларативным, тем более, что уже на следующей странице автор нарисовал тяжелую картину состояния колхозов: «В большинстве колхозов крайне плохо была поставлена организация труда... Особенно плохо обстояло дело с организацией труда в казахских колхозах» и т. д.

А. Б. Турсунбаев неоднократно критикует в своей работе буржуазных националистов, в борьбе с которыми шло социалистическое строительство в Казахстане. Однако критика носит слишком общий характер. Автор не называет конкретных носителей зла, а говорит о всех вообще.

Следует отметить как общий недостаток исследования А. Б. Турсунбаева и то, что в нем почти нет конкретных имен строителей колхозов, деятелей политотделов, партийных, советских работников и т. д.

Несмотря на отмеченные выше недостатки, труд А. Б. Турсунбаева представляет собой серьезное исследование по истории борьбы за победу колхозного строя в Казахстане и, несомненно, является значительным вкладом в советскую историческую науку.

И. Б. Берхин

Л. В. ЧЕРЕПНИН. *Русская историография до XIX века.* Курс лекций. Издательство Московского университета. 1957. 305 стр. Тираж 4 500. Цена 11 руб.

Разработка проблем историографии в течение длительного времени являлась одним из наиболее отстававших участков советской исторической науки. Отставание в этой области продолжает сохраняться в известной мере и до настоящего времени в том смысле, что мы еще не располагаем капитальными исследованиями по основным вопросам историографии, а также не имеем монографий о крупнейших историках нашей страны.

Однако в последние годы в изучении историографии, в особенности русской, наметился перелом. Об этом свидетельствует выход в свет первого тома «Очерков истории исторической науки в СССР» (т. I. М. 1955). Доказательством новых успехов в разработке проблем русской историографии является издание рецензируемого труда Л. В. Черепнина.

Книга Л. В. Черепнина отличается многими бесспорными достоинствами. В ней подводятся итоги работы советских ученых в области изучения вопросов русской историографии, а также выдвигается и получает разрешение ряд новых проблем, освещенных автором на основе самостоятельного исследования. Кроме того, Л. В. Черепнин реализует задачи учебно-методического характера, поскольку его книга является учебным пособием для студентов-историков.

Книга открывается обширной вводной лекцией, в основном правильно рассматривающей предмет и задачи историографии, ее содержание и отношение к исторической науке в целом, вопросы о принципе партийности в историографии, о периодизации курса, об отношении к предшествующей историографической литературе и некоторые другие.

В последующих лекциях Л. В. Черепнин детально характеризует развитие исторических знаний в России начиная с древнейших времен и кончая XVIII веком. Несомненной заслугой автора является его стремление показать специфические особенности этих знаний на каждом из этапов, выделенных им в развитии русской историографии, постепенное обогащение знаний в результате расширения проблематики и совершенствования методов изучения истории. Л. В. Черепнин прослеживает вызревание научных элементов в исторических знаниях, убедительно раскрывает классовую основу исторических представлений, что дает ему возможность показать условия возникновения и сущность новых направлений в русской историографии. Слож-

ный процесс развития исторической мысли в России автор рассматривает в связи с изменениями в социально-экономическом и политическом строе страны, в связи с классовой и внутриклассовой борьбой, происходившей в тот или иной период ее истории.

В книге даны разносторонняя характеристика виднейших представителей русской историографии и оценка их произведений. Автор подчеркивает самостоятельность и яркий национальный характер русской исторической мысли, не игнорируя вместе с тем ее связи с зарубежной философской и исторической наукой. Уделяя основное внимание проблемам истории России, разрабатывавшимся в трудах русских ученых, Л. В. Черепнин отмечает интерес представителей русской историографии к вопросам всеобщей истории.

В работе учтены результаты исследований советских историков, литературоведов и достижения в развитии вспомогательных исторических дисциплин. Автор тщательно анализирует источники, по-новому трактуя многие из них, и убедительно обосновывает свои выводы. Он пересматривает некоторые сложившиеся представления и вносит свой вклад в изучение русской историографии до XVIII в. включительно.

Л. В. Черепнин уделяет в книге значительное внимание оценке идейного содержания древнерусских летописей и характера воззрений летописцев. Известно, что дореволюционные и советские историки проделали значительную работу в изучении русского летописания. Однако летописи до недавнего времени исследовались преимущественно с филологической и источниковедческой точек зрения. Заслуга историографического изучения летописей принадлежит советским историкам, в частности Д. С. Лихачеву и М. Н. Тихомирову [1]. Продолжая и углубляя работу в этом направлении, Л. В. Черепнин широко и убедительно раскрывает идейное содержание «Повести временных лет» и созданных на ее основе летописных сводов, показывает их патриотическую направленность и связь с устной народной традицией. Вместе с тем автор выявляет в исторических памятниках черты классовой ограниченности летописцев. Так, говоря об особенностях феодальных представлений, отразившихся в летописных сводах, Л. В. Черепнин возражает Д. С. Лихачеву, полагающему, что религиозно-дидактические комментарии «Повести временных лет» были только данью средневековому этикету писательского ремесла. По справедливому мнению Л. В. Черепнина, «богословская трактовка событий представляет собой их оценку с позиции господствующего класса... Богословское мировоззрение органически присуще летописцу, оно накладывает отпечаток на всю его концепцию» (стр. 43). Завершая во второй лекции характеристику «Повести временных лет», автор отмечает ее значение как исторического произведения, «в котором не просто механически собраны отдельные факты, а имеется попытка в них разобраться, оценить историческое прошлое Руси в плане того феодального средневекового мировоззрения, выразителем которого был русский летописец» (стр. 50).

Рассматривая в третьей лекции развитие исторических знаний в период феодальной раздробленности (начало XII — середина XV в.), Л. В. Черепнин высказывает интересные мысли о двух тенденциях, отразившихся в исторических памятниках этого периода,— стремлении к политической замкнутости и сохранении единства Руси. В летописях, возникших в рассматриваемый период в отдельных княжествах, автор видит в отличие от Д. С. Лихачева не возрождение устных родовых традиций, а новый тип исторических произведений, своеобразное явление, связанное «с политическим укреплением отдельных местных княжеских линий, вызывавшим потребность зафиксировать их историю» (стр. 55). Содержателен анализ Галицко-Волынской летописи (стр. 55—57), основой которого явилось осуществленное в свое время автором первоначальное изучение этого интересного исторического памятника [2]. Важны замечания Л. В. Черепнина относительно проявления в новгородском летописании интереса к деятельности широких кругов населения. Автор видит в этом показатель прогрессивного развития русского летописания (стр. 60). Представляет значительный интерес сопоставление идейного содержания «Слова о полку Игореве» со «Словом о погибели Русской земли» и «Задонщиной», произведенное в книге (стр. 72—76).

Новые моменты содержатся и в характе-

[1] Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.-Л. 1947; см. также главы «Очерков истории исторической науки в СССР» (т. 1), написанные М. Н. Тихомировым.

[2] См. Л. В. Черепнин. Летописец Даниила Галицкого. «Исторические записки», 1941, № 12.

ристике исторических знаний на Руси в период ликвидации феодальной раздробленности и образования централизованного Русского государства (вторая половина XV—XVI в.), которой посвящена четвертая лекция курса. Здесь оцениваются летописные своды Твери и Новгорода, в которых уже выявлялось стремление выйти за рамки местной изолированности и отразились претензии на общерусское значение, сочетавшиеся с антимосковскими тенденциями. Однако ведущая роль в летописании рассматриваемого периода все же принадлежала Москве. В московских летописях наиболее отчетливо проводилась идея общерусского единства. Вместе с тем они все более определенно приобретали официальный характер. Доказательством этого, по мнению Л. В. Черепнина, явилось сосредоточение летописания начиная с XVI в. в Посольском приказе, о чем свидетельствует как сохранившаяся официальная документация, легшая в основу московских летописей, так и опись утраченных документов этого приказа (стр. 86—87). Официальный характер московского летописания подтверждается также его использованием в политических целях, особенно в дипломатической практике того времени.

Раскрывая идейное содержание важнейших московских летописей, Л. В. Черепнин прослеживает их связь с киевским летописанием, оценивает характерные особенности нового типа исторических произведений — хронографов и таких повествовательных сочинений, как «Степенная книга», «История о Казанском царстве», «История о великом князе московском» Курбского, начавших с середины XVI в. вытеснять летописи. Не ограничиваясь оценкой содержания, автор определяет особенности их формы, постепенное расширение источниковедческой основы и своеобразную трактовку в них исторических событий, выявлявшую новые черты мировоззрения авторов названных памятников.

Такой же подход к анализу исторических произведений характерен для автора и при оценке им исторических знаний в Русском централизованном государстве XVII в. (лекция пятая). Здесь подробно рассмотрены сказания и повести начала XVII в., отмечены особенности в подходе к историческим явлениям у авторов этих произведений, связанные со сложной общественно-политической обстановкой того времени. «Обострение классовых противоречий,— пишет Л. В. Черепнин,— мощное антифеодальное движение, которое впервые захватило всю территорию Русского государства и вовлекло громадные массы трудового крестьянства и посадских низов, нашествие иноземных захватчиков, широкое народно-освободительное движение, направленное на защиту страны,— все это порождало у писателей интерес к окружающему и заставляло их подходить к явлениям прошлого и настоящего с мерилом гораздо более сложным, чем это делали авторы более раннего времени» (стр. 118). Подчеркивая резко выраженный классовый характер исторических произведений начала XVII в., их публицистическую заостренность и связь с политической борьбой своего времени, Л. В. Черепнин отмечает расширение и углубление интереса к прошлому как характерную особенность рассматриваемого периода. Появление исторических памятников с демократической, антифеодальной направленностью указывает на возникновение таких черт в исторических знаниях того времени, как интерес к человеческой личности, ее роли в истории. Эти новые особенности исторической мысли свидетельствуют, по мнению автора, «об отражении в исторических представлениях явлений, связанных с процессом формирования русской нации» (стр. 118).

В лекции подробно рассмотрены последние летописные своды XVII в., в частности «Новый летописец» во всех его редакциях, прослежен процесс замирания летописания, дана характеристика правительственной деятельности в области создания официальных исторических произведений, а также оценка «Синопсиса» Иннокентия Гизеля. Содержание этих произведений, как показал автор, отражает идеологию господствующего класса, укреплявшего абсолютистское государство. Вместе с тем в лекции рассмотрены патриотические повести, возникшие в среде донского казачества и отразившие антифеодальные тенденции. Завершается лекция характеристикой переводной исторической литературы XVII века.

В следующих лекциях, начиная с шестой и кончая десятой, подробно излагается и анализируется развитие исторических знаний в России на протяжении XVIII века. Следует отметить характеристики работы А. И. Манкиева «Ядро российской истории» и других исторических произведений первой четверти XVIII в. (работы Шафирова, хроник Северной войны, сочинений Феофана Прокоповича и Б. И. Куракина). Здесь читатель найдет, по сравнению с предшест-

вующей историографической литературой, новые интересные материалы и обобщения.

Значительное внимание уделил Л. В. Черепнин оценке воззрений крупнейшего дворянского историка второй четверти XVIII в. В. Н. Татищева, осветив его социально-политические и социологические взгляды, а также роль в развитии вспомогательных исторических дисциплин.

Достоинством книги Л. В. Черепнина является анализ социологических воззрений наиболее видных деятелей и представителей русской исторической науки XVIII века.

Освещая научную деятельность великого русского ученого М. В. Ломоносова в области истории, Л. В. Черепнин отметил большую ценность и новизну его исторических взглядов, обусловленные патриотизмом и глубоким пониманием исторического процесса. Вместе с тем автор вносит поправки в одностороннюю характеристику исторических воззрений М. В. Ломоносова, отразившуюся в ряде работ советских исследователей, справедливо отмечая сложность и противоречивость этих взглядов, наличие в них слабых сторон (стр. 209—211).

Более подробно, чем об этом писалось раньше, Л. В. Черепнин рассматривает вопрос о значении для исторической науки труда С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатской» (стр. 211—213).

Получили оценку в книге политические и теоретические основы воззрений дворянского историка М. М. Щербатова. Раскрыты также оригинальность трудов и глубина исторических взглядов его современника И. Н. Болтина. В этом отношении книга Л. В. Черепнина отличается от соответствующих разделов «Очерков истории исторической науки в СССР» (т. I), где названным историкам не уделено должного внимания.

Рассматривая процесс зарождения буржуазной историографии в России, Л. В. Черепнин раскрывает содержание трудов И. И. Голикова, В. В. Крестинина, М. Д. Чулкова. Отличаются содержательностью характеристики воззрений С. Е. Десницкого, Я. П. Козельского и И. А. Третьякова, незаслуженно забытых историографической литературой. Оценка же взглядов двух последних в историографическом плане вообще дается в этой работе впервые.

Автор показывает взаимоотношение русской и западноевропейской исторической мысли на примере анализа взглядов представителей русской историографии XVII века. Этот вопрос за последнее время в ряде случаев обходился молчанием или освещался в литературе крайне односторонне: либо допускалась недооценка самостоятельности развития русской исторической мысли и ставились под сомнение достижения русских ученых, либо полностью отрицалось влияние западноевропейской мысли на русскую. В книге Л. В. Черепнина получает убедительное обоснование тезис о самостоятельности русской исторической мысли, но вместе с тем не отрицается и известное влияние на нее западноевропейских идей. При этом автор подчеркивает, что характер использования зарубежных достижений русскими деятелями определялся классовым существом их воззрений, задачами, которые они себе ставили и в соответствии с которыми воспринимали эти достижения.

Книга Л. В. Черепнина завершается характеристикой исторических взглядов первого русского революционера — А. Н. Радищева. Опираясь на предшествующую литературу, Л. В. Черепнин раскрывает глубину и содержательность понимания А. Н. Радищевым исторического процесса, подчеркивает его заслуги в разработке ряда важных проблем русской и всеобщей истории с революционно-патриотических позиций, указывает на существенные заслуги основоположника революционного направления в русской историографии в развитии передовой исторической мысли в нашей стране. Но автор отмечает также и противоречия во взглядах А. Н. Радищева, их слабые стороны, преодолевая тем самым недостатки предшествующих работ, в которых содержались тенденции «улучшения» и модернизации исторических воззрений А. Н. Радищева.

Говоря о положительных сторонах книги, следует указать на ее методические качества как учебного пособия. В этом смысле отбор материала, соблюдение необходимой его дозировки в пределах отдельных лекций, ясность и живость изложения, наконец, перевод языка летописей на современный язык являются несомненными достоинствами лекционного курса Л. В. Черепнина.

Однако в содержательной и ценной работе Л. В. Черепнина имеются существенные недостатки. Одни вопросы не получили в ней, на наш взгляд, должного освещения, другие нуждаются в уточнении и более глубоком анализе, а некоторые вообще требуют дополнительного изучения.

Обращает на себя внимание неполнота определения задач историографии во вводной лекции, имеющей установочное зна-

чение (стр. 5). К ним следовало бы добавить такую, как необходимость освещения в курсе историографии самого историографического изучения. К сожалению, эта важная задача в книге недостаточно ясно сформулирована и слабо разрешена. Относительно С. М. Соловьева, например, лишь сказано, что он уделял «значительное внимание вопросам историографии» (стр. 22), но его историографические работы даже не названы. Нет анализа работ К. Н. Бестужева-Рюмина и В. С. Иконникова. Во всех последующих лекциях к оценке историографических работ буржуазных историков, а также их суждений по конкретным вопросам русской историографии автор больше уже не возвращается.

Историографические работы советских историков оцениваются в крайне общей форме. Особенно досадна такая оценка в отношении первого тома «Очерков истории исторической науки в СССР», так как это издание непосредственно предшествовало книге Л. В. Черепнина и вызвало в свое время несколько печатных откликов. В некоторых из них отдельные вопросы получили одностороннюю или субъективную оценку рецензентов, выдвинувших на первый план не достоинства, а главным образом недостатки этого труда [3]. Л. В. Черепнину следовало бы определеннее выразить свое отношение к «Очеркам» и правильно ориентировать читателей в их оценке. Это было бы желательным и потому, что, справедливо поправляя некоторых авторов этого труда, Л. В. Черепнин вместе с тем во многом продолжает правильную линию «Очерков». Обоснование автором тезиса о самостоятельности русской исторической мысли, то значительное внимание, которое он уделяет ее передовым представителям, и ряд других моментов подтверждают этот вывод.

Более четко следовало решить и вопрос о периодизации русской историографии эпохи феодализма. Можно согласиться с предложенной Л. В. Черепниным общей периодизацией, которая делит русскую историографию до XIX в. на два основных периода. Гранью между ними является начало XVIII в. (см. стр. 20—21). Однако выделение этапов внутри этих периодов в ряде случаев вызывает возражения. Начиная с XVII в. этапы выделяются по векам, половинам и четвертям века, что создает впечатление искусственного членения материала. Следовало бы, кроме того, разъяснить, почему завершающей хронологической гранью книги избран конец XVIII века. Эта грань не имеет научного обоснования, так как никаких существенных качественных сдвигов в развитии исторической науки в конце XVIII в. не произошло. Очевидно, мы имеем дело с простым распределением учебного материала, о чем следовало предупредить читателя.

Несколько односторонне изложен вопрос об использовании в летописании устной традиции народного творчества, отразившего историческую проблематику. Автор неоднократно и справедливо указывает на такое использование, но он должным образом не объясняет, как использовалось народное творчество, каким образом оно перерабатывалось идеологами господствующих классов и приспособлялось ими в летописях и других исторических произведениях к своим классовым целям [4].

Причины постепенного перехода от летописных произведений к повествовательным, нелетописным, начавшегося со второй половины XVI в., в книге остались, по существу, не раскрытыми (стр. 97). Автору следовало бы, по нашему мнению, связать данный процесс с обострением классовых противоречий в России XVI в. и с той внутриклассовой борьбой феодалов, в ходе которой исторические произведения использовались как важное идейное оружие борющимися сторонами. У авторов нелетописных произведений отбор и освещение исторического материала определялись, как правило, конкретными политическими целями, что вело за собою тематическую ограниченность, исключавшую необходимость общих обзоров русской истории. При таких условиях летописная форма, конечно, стесняла авторов исторических работ и была ими оставлена.

Вызывает удивление отсутствие в книге Л. В. Черепнина характеристики сибирского летописания XVII века. Такая характеристика дала бы возможность конкретно показать значительное расширение исторических интересов, создание новых центров местной историографии и усложнение исторических знаний во второй половине XVII века. Сибирские летописи этого периода, и в особенности ценная летопись Семена Ремезова, отличались своеобразной

[3] См. «Вопросы истории», 1956, № 7.

[4] Об этом вопросе применительно к русской литературе XI — начала XIII в. см. Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М.-Л. 1952, стр. 206—231.

проблематикой, они создавались на основе ряда новых источников и потому представляют несомненный интерес для понимания прогрессивного развития исторических знаний в XVII веке. Наличие обширной литературы вопроса—трудов С. В. Бахрушина, А. И. Андреева, Д. С. Лихачева,— а также общих обзоров, затрагивающих эту тему[5], создавало необходимую основу для ее рассмотрения в рецензируемой работе.

Основным недостатком в освещении русской историографии XVIII в. в книге Л. В. Черепнина следует признать неоправданную неравномерность внимания к оценке отдельных вопросов. Так, обстоятельно освещая социально-политические и теоретические основы исторических взглядов В. Н. Татищева и М. М. Щербатова, автор крайне бегло рассматривает вопросы русской истории, получившие освещение в крупных обобщающих трудах, созданных этими историками. Оценка ими основных этапов и крупнейших событий русской истории не приводится вовсе или касается только отдельных из них, но и в этом случае она дается лишь в общей форме. Поэтому своеобразие взглядов, а также место названных историков в русской историографии должным образом не раскрываются. Между тем в историографической работе такие вопросы должны освещаться особенно обстоятельно. Автор сделал это, например, в отношении И. Н. Болтина и А. Н. Радищева. Тем более следовало проделать такую работу на основе трудов В. Н. Татищева и М. М. Щербатова.

Некоторые вопросы, имеющие в историографической работе подсобное значение, заняли в книге Л. В. Черепнина излишне много места. Это прежде всего относится к вопросам исторического источниковедения. Вряд ли нужна была, например, такая подробная характеристика содержания публикаций и издательской деятельности Н. И. Новикова (стр. 286—288). Излишне много внимания уделяет автор И. И. Голикову. Кроме того, в отдельных случаях не следовало так подробно излагать биографические сведения. Это в особенности относится к биографиям В. Н. Татищева и И. И. Голикова.

Другим недостатком в освещении русской историографии XVIII в. в книге Л. В. Черепнина является некоторая изолированность характеристик отдельных представителей русской исторической мысли. Не следует забывать, что многие из них работали в одно время, например, М. М. Щербатов, И. Н. Болтин, С. Е. Десницкий, А. Н. Радищев. Поэтому желательны сравнения и противопоставления их взглядов, указания на характер отношений между этими деятелями. Между тем в книге Л. В. Черепнина даже не излагается, например, вопрос об оживленной полемике между И. Н. Болтиным и М. М. Щербатовым. Не отмечена возможность некоторого влияния трудов С. Е. Десницкого и И. А. Третьякова на исторические взгляды А. Н. Радищева. Подобные изолированные очерки, посвященные отдельным деятелям, не создают полного представления о различных направлениях в русской историографии XVIII в., о борьбе между ними.

Л. В. Черепнин пытается пересмотреть одностороннюю отрицательную оценку деятельности немецких историков в России XVIII в., которая нашла отражение в некоторых исторических работах последних лет. Однако в ряде случаев он и сам не соблюдает необходимой точности. Это проявилось, например, в оценке Г. З. Байера. Исправляя отдельные крайние суждения об этом историке, как переоценивающие Байера, так и отрицающие всякое научное значение его работ (стр. 188—191), автор должен был в своей обобщающей оценке его деятельности подчеркнуть, что именно Байер выступил создателем порочной норманской «теории», нанесшей огромный вред русской исторической науке, что своими работами он уводил научную мысль с того пути прогрессивного развития, который пролагали ей в то время В. Н. Татищев и М. В. Ломоносов.

Освещение вопроса об изучении русскими историками истории народов России не являлось специальной задачей автора. Однако такие сведения следовало бы в книге расширить. Как известно, заслуги русской исторической науки в этом отношении очень велики. История народов Восточной Европы, Азии, особенно Сибири осталась бы во многом неизвестной без исторических трудов, созданных в России. Подобные указания еще лучше подкрепили бы тезис о самостоятельности и оригинальности русской исторической науки, который обосновывается в книге, подчеркнули бы мировое значение русской историографии.

К недостаткам книги следует отнести

[5] См. «Очерки истории СССР. XVII век». М. 1955, стр. 587—590.

и отсутствие в ней библиографического указателя, который в учебном пособии совершенно необходим. Подстрочные указания на литературу, имеющиеся в книге, недостаточны, к тому же они в отдельных случаях нуждаются в усовершенствовании. Так, не было нужды при оценке исторических взглядов В. Н. Татищева ссылаться на статьи, посвященные его экономическим и социально-политическим взглядам (стр. 164), в то время, как имеются специальные работы по рассматриваемому вопросу. Работа С. А. Покровского о Десницком, неуместно указанная в сноске на стр. 277, заслуживала большего внимания, так как в ней подробно освещены воззрения и деятельность этого выдающегося ученого.

Книгу следовало также снабдить именным указателем.

Отмеченные нами недостатки, носящие в ряде случаев частный характер, не изменяют общей высокой оценки рецензируемой работы и легко могут быть исправлены в следующем ее издании.

Содержательная и интересно написанная книга Л. В. Черепнина представляет собой ценный вклад в советскую историографическую литературу. Она еще раз убеждает, насколько плодотворна научная разработка проблем историографии для всестороннего исторического образования. Эта книга принесет пользу советским историкам и, несомненно, будет содействовать улучшению преподавания историографии.

В. Е. Иллерицкий

Всеобщая история

Б. А. РОМАНОВ. *Очерки дипломатической истории русско-японской войны.* 1895—1907. Издание второе, исправленное и дополненное. Академия наук СССР. Институт истории. Изд-во АН СССР. М.—Л. 1955, 696 стр. Тираж 3 000. Цена 37 руб. 65 коп.

Книга недавно скончавшегося доктора исторических наук Б. А. Романова подводит итог научным изысканиям, которые автор вел более трех десятилетий. Его первая крупная работа — «Россия в Маньчжурии (1892—1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма» — вышла в свет в 1928 году. В 1947 г. Б. А. Романов опубликовал «Очерки дипломатической истории русско-японской войны», заслужившие одобрение советских историков. Однако в адрес «Очерков» были сделаны критические замечания как во время устных обсуждений, так и в печати[1]. Стремление автора учесть эти замечания и привело к новому, исправленному и дополненному изданию книги (см. стр. 5—6).

В новом издании объем книги вырос почти вдвое. В первой части («На путях к войне»), где рассматривается десятилетний период подготовки войны, сделаны существенные дополнения, в частности о политике США на Дальнем Востоке. Вторая и третья части — «Война 1904—1905 гг.» и «Политические итоги войны»,— по существу, написаны заново. Автор широко использовал материалы из архивов царского правительства, английские, французские, немецкие и американские публикации дипломатических документов, различные неофициальные собрания документов, обширную мемуарную литературу и т. п. Читатель получил ценный научный труд по истории дипломатической борьбы между империалистическими державами на Дальнем Востоке.

Известно, что после второй мировой войны в буржуазной исторической литературе, особенно в США, в еще большей степени, чем прежде, распространяется фальсифицированная версия происхождения империалистического конфликта на Дальнем Востоке в начале XX века. Россия объявляется главным агрессором, а другие страны, в частности США,— «защитниками» территориальной неприкосновенности Китая, добивавшимися якобы лишь свободы торговли с ним. Япония, воюя против России, защищала будто бы только торговые права амери-

[1] См. «Вопросы истории», 1948, № 8.

канцев и англичан в Маньчжурии [2]. Советские ученые выступают против подобного извращения истории и стремятся дать действительно объективную картину развития событий [3]. Хорошо документированная, насыщенная огромным фактическим материалом, книга Б. А. Романова является новым значительным вкладом в создание подлинно научной истории развития международных отношений в первых десятилетиях эпохи империализма.

В исследовании сложнейших перипетий дипломатической борьбы Б. А. Романов исходил из оценки русско-японской войны, данной в трудах В. И. Ленина [4]. В полном соответствии с известными высказываниями В. И. Ленина автор всей своей книгой убедительно доказывает, что война была порождена столкновением империалистических интересов царской России и Японии, и хотя эту империалистическую войну непосредственно развязала Япония, за ее спиной стояли англо-американские империалисты.

Агрессивность политики империалистических кругов этих стран, их роль в развязывании войны против России вскрыты и исследованы во втором издании книги более полно.

Вскрывая империалистический характер политики Японии, Англии и США на Дальнем Востоке, Б. А. Романов отнюдь не преуменьшает агрессивности царского самодержавия. Империалистическая политика царизма вскрыта им с исчерпывающей полнотой. В книге показана глубокая пропасть, отделявшая российское самодержавие от русского народа. Автор предпринял серьезную попытку изучить и показать не только связи внутренней политики с общими принципами внешней политики, но также и связи внутренней политики с конкретными дипломатическими актами царизма. Он широко использует материалы о состоянии экономики России, развитии революционного движения, о противоречиях внутри эксплуататорских классов и борьбе в придворных кругах; ему удалось проследить конкретное влияние этих разнообразных факторов на дипломатические действия царского правительства. Руководствуясь известными ленинскими положениями о роли финансового капитала в колониальной политике, автор сумел показать (правда, не во всех случаях одинаково обстоятельно) влияние монополий на политику участвовавших в конфликте держав.

Следует, однако, отметить, что во втором издании не удалось избежать имевшей место и в первом издании [5] диспропорции при освещении внешней политики тех или иных государств. Приведенные Б. А. Романовым факты и документы об агрессивном характере политики царизма по своему объему значительно превосходят аналогичный материал о политике Японии и тем более других участников империалистической игры на Дальнем Востоке. Эта неравномерность отмечалась и самим автором: «По наличию доступного мне и изученного мною материала, естественно, оказалось возможным глубже и шире осветить здесь дальневосточную политику России...» (стр. 4).

Дело, однако, не только в количественной несоразмерности указанных материалов. Представляется, что и в самом освещении истории зарождения и развития империалистического конфликта на Дальнем Востоке есть известная противоречивость.

Формулируя выводы относительно причин возникновения русско-японской войны, Б. А. Романов пишет: «Империалистический конфликт из-за монополии на маньчжурском и корейском рынках был подготовлен всем ходом капиталистического развития России и Японии. Поскольку эту политику рынка в Маньчжурии практически пытался проводить с 1896 г. царизм — это ставило Россию под удар со стороны сильнейших империалистических претендентов на этот рынок (в частности Англии и США). Напала на царскую Россию, поскольку та не уходила с этой политикой, другая сторона: войну подготовила, открыла и вела Япония при закулисном участии Англии и США» (стр. 281).

Автор не оставляет сомнений в том, что он считает политику всех участников конфликта империалистической. Но почему

---

[2] Укажем на одну из последних работ, проповедующих эту фальсификаторскую концепцию: Ch. Vevier. United States and China. 1906—1913. A Study of Finance and Diplomacy. New Brunswick. New Jersey, 1955, p. 113.

[3] См. коллективный труд «Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949)». Изд. 2-е. М. 1956; А. Л. Гальперин. Англо-японский союз. 1902—1921 годы. М. 1947; его же. Дипломатическая подготовка Портсмутской мирной конференции японо-англо-американским блоком. «Исторические записки». Т. 50. 1955; А. Добров. Дальневосточная политика США в период русско-японской войны. М. 1952, и др.

[4] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 7, стр. 183; т. 8, стр. 37, 316—317, 448—451 и др.

[5] См. «Вопросы истории», 1948, № 8, стр. 127.

конфликт разрешился именно войной? Если судить по точному смыслу приведенной цитаты, то ответ таков: дело кончилось войной из-за того, что Россия вела «политику рынка» и другим претендентам на маньчжурский рынок ничего не оставалось, как только прибегнуть к силе. Такое объяснение представляется нам недостаточным. Оно не дает должного отпора зарубежным фальсификаторам, утверждающим, что только Россия была виновницей войны, а Англия, США и даже Япония добивались лишь «равных прав» на торговлю в Маньчжурии.

Чтобы правильно объяснить, почему империалистические противоречия на Дальнем Востоке привели к войне, необходимо иметь в виду не только столкновение российской «политики рынка» в Маньчжурии с притязаниями других претендентов на этот рынок. Надо учесть также и то, почему царизм вел эту «политику рынка», а его соперники добивались тогда как будто лишь сохранения в Маньчжурии «открытых дверей». Стремление Витте закрыть доступ в Маньчжурию капиталам соперничающих государств определялось относительной финансово-экономической слабостью царской России. Российский капитал не мог надеяться на успех в «свободной конкуренции». Монополии же Англии и США, опираясь на свое экономическое превосходство, рассчитывали именно путем «свободной конкуренции» вытеснить своих соперников. Следовательно, американо-английская политика «открытых дверей» и российская политика закрытия маньчжурского рынка — это лишь различные тактические средства достижения одних и тех же империалистических целей. Для понимания своеобразия империалистических противоречий на Дальнем Востоке важно иметь в виду высказывание В. И. Ленина: «В Японии и России монополия военной силы, необъятной территории или особого удобства грабить инородцев, Китай и пр. отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного, новейшего финансового капитала» [6]. Но ни Англия, ни США не собирались отступать. Ситуация сложилась так, что эти сильнейшие претенденты на маньчжурский рынок смогли выдвинуть на передний план Японию, поскольку слабая в финансово-экономическом отношении Япония (так же как и царская Россия) стремилась не допустить других капиталистов на маньчжурский рынок и готова была силой добиваться своей цели, но нуждалась для этого в дипломатической и финансовой поддержке Англии и США.

Как правильно отмечает в другом случае Б. А. Романов, «выгодный для японской дипломатии конъюнктурный парадокс заключался теперь в том, что свою чисто захватническую, завоевательную империалистическую программу японское правительство могло повести под «пацифистским» флагом американо-английской «доктрины» «открытой двери» и защиты «неприкосновенности» Китая в Маньчжурии...» (стр. 140). Поскольку ни англо-японо-американская, ни российская стороны не отказывались от своих империалистических устремлений, конфликт перерос в войну.

В рецензируемой книге убедительно показана финансово-экономическая слабость России, диктовавшая царизму «политику рынка» в Маньчжурии, вскрыт империалистический характер доктрины «открытых дверей» и т. д. Но так как о российской «политике рынка» Б. А. Романов говорит больше и убедительнее всего, и поскольку в приведенной выше итоговой формулировке причин русско-японской войны акцент сделан опять-таки на этой «политике рынка», у читателя может сложиться одностороннее впечатление о роли российской «политики рынка» среди комплекса причин, вызвавших войну. Правда, автор в главе одиннадцатой весьма подробно показывает, что, оказавшись перед непосредственной угрозой войны, царизм готов был пойти на серьезные уступки. Япония, подстрекаемая Англией и США, не приняла этих уступок и форсировала начало военных действий. Вполне определенно автор книги формулирует свой вывод о том, что агрессором в войне 1904—1905 гг. выступила не только Россия, но и Япония (стр. 280). Но отмеченная выше диспропорция в объеме материалов, характеризующих политику Японии и России, и некоторые не вполне отточенные формулировки порождают у читателя известную противоречивость в представлениях о том, почему империалистический конфликт на Дальнем Востоке привел к войне.

Одну из существенных задач своего исследования Б. А. Романов видел в показе планомерного захватнического характера политики японского империализма (стр. 4). Он в общем верно характеризует японский империализм в качестве военно-феодального и прослеживает, как агрессивные круги Японии шаг за шагом развивали свою экспансию в Корее и Китае, готовили и осуще-

[6] В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 104.

ствили войну против России. Менее удовлетворит читателя характеристика позиций основных группировок внутри правящего лагеря Японии, поскольку она дана весьма сжато и схематично.

Думается, что Б. А. Романов не использовал всех возможностей, которыми он располагал для изучения внутреннего положения Японии и связи его с внешней политикой. Автор мог бы в большей степени опереться на исследования советских ученых. Так, А. Л. Гальперин с достаточной определенностью пишет о наличии в правящих кругах Японии влиятельной группировки, враждебной англо-японскому союзу. Он показал также, что Ито и после переговоров с Ламсдорфом и Витте в Петербурге в ноябре 1901 г. считал возможным соглашение с Россией [7]. Некоторые дополнительные данные о развитии японского монополистического капитала на рубеже XIX—XX вв. имеются в работе Я. А. Певзнера [8] и др.

Хотя темой книги Б. А. Романова является дипломатическая история войны, продолжавшейся менее двух лет, автор подробно исследует дипломатическую борьбу между державами с момента начала русско-японского конфликта в период китайско-японской войны 1894—1895 гг. до русско-японского соглашения 1907 года. Это позволило глубже изучить происхождение, развитие и итоги одного из крупнейших межимпериалистических столкновений периода до первой мировой войны. При таких широких хронологических рамках, естественно, невозможно было одинаково полно осветить все важные события, имевшие место в то время. Но автор сумел систематически исследовать главные линии развития международных отношений на Дальнем Востоке в течение этих тринадцати лет. Б. А. Романов стремился восстановить картину дипломатической активности всех крупнейших империалистических держав, прямо или косвенно участвовавших в дальневосточном конфликте.

В рецензируемой книге впервые в нашей литературе столь детально и глубоко исследована связь событий на Дальнем Востоке в начале XX в. с ходом межимпериалистической борьбы в Европе. «...Ни происхождение,— заявляет автор,— ни ход, ни развязку русско-японской войны нельзя конкретно и до конца понять вне связи ее с генеральной линией развития мировых международных отношений, определявшейся год от году все явственней вызреванием англо-германского империалистического конфликта» (стр. 4). Поэтому Б. А. Романов счел необходимым вовлечь в орбиту своего исследования не только факты дипломатической истории собственно русско-японской войны, но и изучить взаимосвязь империалистического конфликта на Дальнем Востоке с развитием международных отношений в Европе.

Может показаться неожиданным включение в книгу специальных разделов о развитии марокканского кризиса. Однако автор убедительно доказал необходимость изучения влияния русско-японской войны на развитие кризиса, возникшего в связи с известной акцией Вильгельма II. Опираясь на документы, Б. А. Романов доказывает, что Германия могла вмешаться в судьбу Марокко и вместе с тем поставить перед серьезным испытанием только что возникшую англо-французскую Антанту, поскольку Франция была фактически лишена возможности получить помощь своего русского союзника, воевавшего с Японией. Правящие круги Франции летом 1905 г. были заинтересованы в быстрейшем заключении мира между Россией и Японией не только потому, что они, как и буржуазия других стран, видели в этом важное условие укрепления царизма в борьбе с революцией, но и потому, что прекращение войны на Дальнем Востоке «возвращало» царизм в Европу и усиливало Францию в марокканском кризисе. Т. Рузвельт был заинтересован в мирном разрешении этого кризиса, между прочим, потому, что война в Европе могла сорвать его расчеты на сохранение серьезных противоречий России и Японии и после прекращения войны между ними, противоречий, которые американский империализм рассчитывал использовать в интересах своей экспансии в Китае.

Наконец, научный горизонт исследования Б. А. Романова еще более расширяется благодаря появлению во втором издании специальных глав, посвященных последствиям русско-японской войны не только на Дальнем Востоке, но и в Европе. В книге показано, что русско-японская война и Портсмутский мир были важным этапом на

---

[7] А. Л. Гальперин. Англо-японский союз. 1902—1921 годы, стр. 62, 65—66; ср. Б. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907. Изд. 2-е. М.-Л. 1955, стр. 155—156.

[8] Я. А. Певзнер. Монополистический капитал Японии («дзайбацу») в годы второй мировой войны и после войны. М.-Л. 1950. Введение.

пути к англо-русскому соглашению 1907 года. Автор умело раскрывает сложную дипломатическую игру всех ее участников, и это позволяет читателю следить за его мыслью и не теряться в обилии фактов. Важным приемом исследования, искусно применяемым Б. А. Романовым, является синхронное сопоставление дипломатических акций и переговоров в различных столицах. Это позволяет установить общую картину и последовательное развитие событий.

Широта международного аспекта рецензируемой книги представляется нам серьезной заслугой автора. В эпоху империализма интересы и противоречия монополий различных стран так тесно переплетаются и это оказывает настолько сильное влияние на внешнюю политику держав, что становится необходимым изучить не только связи и противоречия, выступающие на поверхности, но и «глубинные», как это и сделано Б. А. Романовым (в частности, в марокканском эпизоде).

Разумеется, и это признает сам автор (см. стр. 9), все многосторонние связи истории русско-японской войны и общего хода международных отношений отнюдь не исчерпаны в данном исследовании. Это относится, в частности, к вопросу об англо-русских противоречиях на Дальнем Востоке, о которых можно и нужно было сказать полнее, и особенно об англо-русских противоречиях в других районах Азии, что необходимо для освещения важного вопроса о происхождении англо-японского союза. Почему Англия пошла в 1902 г. на заключение союза с Японией? Б. А. Романов подчеркивает две стороны: во-первых, стремление Англии с помощью союза с Японией сорвать российскую «политику рынка» в Маньчжурии (стр. 278, 281 и др.); во-вторых, стремление Англии использовать этот союз, чтобы не допустить превращения России в союзника Германии, а в перспективе — привлечь Россию на свою сторону (стр. 158—160 и др.) [9]. Автору следовало бы в большей мере показать, что для Англии союз с Японией был инструментом борьбы против России повсюду, где сталкивались империалистические интересы обеих стран, и в частности на Ближнем Востоке. Автор сам замечает: «...для Англии ее противоречия с Россией не ограничивались Маньчжурией, которая являлась предметом дипломатического обмена в борьбе за «пояс буферных территорий, подчиненных английскому контролю» (Тибет, Персия, Афганистан). Но поскольку и до тех пор, пока царская дипломатия не шла на соглашение об этом «поясе», Англия крепко держала единый фронт с Японией и США в вопросе об «открытой двери» в Маньчжурии» (стр. 278). К сожалению, этот важный тезис не раскрыт в книге должным образом. Правда, в третьей главе Б. А. Романов кратко описывает русско-английские переговоры 1898 г. «об общем соглашении», но англо-русские противоречия в целом показаны недостаточно. Если бы это было сделано полнее, то связь между ходом и исходом русско-японской войны и англо-русским соглашением 1907 г. была бы показана в книге более убедительно.

Общеизвестно, что империалистические интересы Англии и царской России сталкивались в то время на огромном пространстве — от Малой Азии до Тихого океана. Это отмечает и Б. А. Романов (стр. 278). В книге приводится ленинская характеристика столкновения колонизаторских интересов Англии и царской России [10] (стр. 227). Однако именно под этим углом зрения англо-русские противоречия исследуются недостаточно, вследствие чего в книге не дается убедительного доказательства того, что заключение союза с Японией и подстрекательство ее к войне с Россией рассматривались английским империализмом как средство не только вытеснения царской России из Маньчжурии, но и ослабления позиций царской России в других районах, где сталкивались колониальные устремления Англии и России. Только после ослабления России и ее отступления в Азии по всей линии английская дипломатия могла решить задачу привлечения России на сторону англо-французской Антанты [11]. Пред-

---

[9] По смыслу авторского замечания (стр. 166) получается, что если бы царское правительство подписало соглашение с Китаем о выводе русских войск из Маньчжурии не весной 1902 г., а в марте 1901 г., англо-японо-американский блок на Дальнем Востоке не сложился бы. Это справедливо, вероятно, только в отношении конкретных сроков и формул англо-японского союзного договора. В целом же англо-японский союз, как это не раз отмечается и в книге Б. А. Романова, был порожден более глубоким переплетением и столкновением империалистических интересов (см. об этом А. Л. Гальперин. Англо-японский союз. 1902—1921 годы).

[10] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 115—116.

[11] Разумеется, имели большое значение германо-русские противоречия, финансовые

ставляется поэтому, что английскую политику того времени на Дальнем Востоке надо теснее связывать как с англо-германским антагонизмом, так и с англо-русскими противоречиями в Азии.

Во втором издании книги Б. А. Романова значительно полнее освещены место и роль США в империалистическом столкновении на Дальнем Востоке. Новые параграфы в главах третьей («Конвенция «Кассини» и проект Баша») и седьмой («Англо-японский союз и США»), специальная восьмая глава («США на пороге XX столетия. 1895—1903 гг.») и ряд дополнений на других страницах первой части книги показывают, что США и в то время играли активную роль в империалистической борьбе за Китай и вместе с Англией подстрекали Японию к войне против России. Оперируя фактами, почерпнутыми из американских источников и литературы, автор показывает, как в конце XIX — начале XX в. американский империализм, уже стремясь к мировому господству, осуществлял отдельные акты экспансии, в частности на Дальнем Востоке, имевшие большое значение для дальнейшего развертывания борьбы за Азию. В лице милитаристской Японии правящие круги США рассчитывали найти удобное орудие для расширения позиций американских монополий на Дальнем Востоке. Автор дает читателю возможность взглянуть на США глазами тогдашних европейских политиков, публицистов, которые начинали осознавать угрозу «американизации мира». Б. А. Романову удалось показать действительное значение американской политики на рубеже XIX и XX вв. без преувеличений. Следует отметить, что в первой части книги общая характеристика развития американского империализма, к сожалению, не сопровождается подробным освещением некоторых важных конкретных актов дальневосточной политики США (например, заключение торгового договора с Китаем в 1903 году). Хотелось бы получить более развернутую характеристику политики «открытых дверей» в Китае.

Многие страницы рецензируемой книги посвящены описанию политики США в период самой войны. Значительный интерес представляет анализ политики, которую американская дипломатия (и прежде всего президент Т. Рузвельт) проводила для того, чтобы обеспечить Японии выгодные для нее условия мира и в то же время создать более благоприятную обстановку для американской экспансии на Дальнем Востоке. Основные факты, связанные с посредничеством Т. Рузвельта в мирных переговорах между Россией и Японией, уже изложены в нашей литературе [12]. Эти вопросы автором исследовались более детально; он приводит новые сведения, например, интересное сообщение о том, что уже в июне 1904 г. японская дипломатия предприняла первую неофициальную попытку выяснить возможность американского посредничества и позицию США относительно условий будущего мира (см. изложение письма Рузвельта Спринг Райсу от 13 июня 1904 г. о завтраке с японским посланником Такахара и бароном Канеко, стр. 339—341).

В первом издании книги Б. А. Романова не была подвергнута специальному исследованию история переговоров в Портсмуте. Этот существенный пробел был отмечен при обсуждении книги. В рецензируемом издании портсмутским переговорам специально посвящена большая шестнадцатая глава, в которой более подробно, чем в других работах советских авторов, описан весь ход мирной конференции. Значительный интерес представляют последние главы книги («От Портсмута к Антанте — в Европе»; «От Портсмута к Антанте — на Дальнем Востоке»). В них впервые в нашей литературе подробно исследуется влияние русско-японской войны на дальнейшее развитие международных отношений не только на Дальнем Востоке, но и в Европе.

Хочется отметить и яркую форму изложения. Книга читается с большим интересом. Автор мастерски рисует портреты политических деятелей, дипломатов.

Л. А. Березный

связи и т. д. Но в данном случае речь идет о разрешении или ослаблении англо-русских противоречий в Азии как об одном из важных условий присоединения России к Антанте.

[12] А. Добров. Указ. соч.; А. Л. Гальперин. Дипломатическая подготовка Портсмутской мирной конференции японо-англо-американским блоком.

А. Д. ЛЮБЛИНСКАЯ. *Источниковедение истории средних веков.* Изд-во Ленинградского университета. 1955. 372 стр. Тираж 4 000. Цена 10 руб.

Автор рецензируемого учебного пособия справедливо указывает (в предисловии и во введении к своей книге) на отсутствие общих курсов источниковедения эпохи западноевропейского феодализма как в зарубежной, так и в русской дореволюционной историографии. Работа А. Д. Люблинской заполняет этот весьма существенный пробел, что имеет значение для дальнейшего развития советской медиевистики.

Однако задача, стоящая перед составителем подобного пособия, очень сложна.

Широта охвата хронологических рамок и конкретного содержания курса средневековой истории, необходимость изобразить и истолковать три различные стадии феодального развития на протяжении более десяти столетий (с V до середины XVII в.) и притом в целом ряде стран Западной Европы, наконец, обилие и разнообразие исторических источников — все это ставит перед автором весьма трудный вопрос: какой метод избрать для характеристики столь разнородного материала источников, каким способом дать читателю представление о специфических чертах разных групп исторических памятников, отражающих ход развития различных стран и периодов?

Трудность задачи усугубляется еще и тем, что самый предмет изложения малодоступен читателю, потому что знание не только совокупности этих источников, но даже самых основных типов памятников нельзя предполагать у большинства читателей (в частности у студентов). Но и при наличии частичного знакомства с некоторыми группами источников читателю не всегда легко разобраться в особенностях других групп памятников, установить соотношение между их разными видами.

А. Д. Люблинская намечает правильный и наиболее целесообразный выход из этих затруднений. Главной целью своего пособия она ставит «выявление закономерности... развития тех или иных видов исторических источников в тесной связи с общим ходом развития стран Европы в эпоху феодализма, а также в определении, что именно дает тот или иной источник историку-исследователю» (стр. 3).

Однако при таком — повторяем, совершенно правильном — подходе к своей задаче перед автором возникают новые трудности, так как изложение источниковедения в тесной связи с общим ходом самого исторического развития требует развернутой постановки и даже частичного освещения по крайней мере основных проблем этого исторического развития. Между тем такая подробная трактовка в рамках учебного пособия по источниковедению невозможна.

Прекрасно сознавая это, А. Д. Люблинская помещает в начале каждого раздела и каждой главы краткую характеристику основных вопросов исследования данного периода или данной страны и стремится классифицировать источники в зависимости от того, что дают разные их группы для решения этих проблем. В соответствии с этим книга распадается на три главные части: «Раннее средневековье», «Развитой феодализм», «Позднее средневековье». Каждому из этих основных разделов предпослана общая оценка источников соответствующих периодов (V—IX вв., X—XV вв. и XVI—середины XVII века).

Такое деление книги можно только приветствовать. Сомнения вызывает лишь включение в основной раздел — «Поздняя античность» — характеристики источников по истории древних германцев и славян. Это включение автор мотивирует тем, что «по своему характеру они целиком принадлежат античности и не могут быть подведены под категорию раннефеодальных источников» (стр. 3). Последнее бесспорно. Однако по своему содержанию эти источники дают важный материал для изучения процесса разложения первобытнообщинного строя у новых народов Европы, пришедших на смену античности. Поэтому то обстоятельство, что эти произведения принадлежат перу античных авторов и написаны в эпоху господства античного рабовладельческого строя, не является еще достаточным основанием к их выделению, точно так же, как тот факт, что древние германцы и славяне жили в эпоху поздней Римской империи.

Переходя к общим критериям классификации источников средневековой истории, которые намечены автором во введении к книге, нужно отметить правильность выдвинутого А. Д. Люблинской пожелания — исходить при систематизации источников из основных черт их содержания (стр. 8—9). Мы присоединяемся также к предложенному автором делению источников по истории средневековья на две основные группы: по истории социально-эко-

номических отношений и политической истории. Но вместе с тем А. Д. Люблинской приходится также учитывать и формальные особенности исторических памятников, что, конечно, неизбежно в курсе источниковедения. Классифицируя различные источники истории средневековья по формальному признаку, а не только по содержанию, автор справедливо предлагает разбить их на три основные группы: документальный материал, юридические памятники и повествовательные, или нарративные, источники. Однако в такую классификацию невольно вторгаются и элементы группировки источников по содержанию. Поэтому трудно выдержать единство критериев деления даже в пределах одной и той же классификации: например, юридические источники могут быть выделены не только по их формальным особенностям, но и по их содержанию (что справедливо отмечает А. Д. Люблинская на стр. 7), и, следовательно, по этому последнему признаку им должна быть противопоставлена группа хозяйственных источников; с другой стороны, часть последних попадает по формальному признаку в состав документального материала (документы хозяйственного значения — описи монастырских и иных поместий и др.— см. стр. 7). Отмеченная нами некоторая невыдержанность критериев деления в значительной мере вызвана объективными особенностями самих средневековых источников: памятники одной и той же группы нередко могут быть использованы как для социально-экономической, так и для политической и правовой истории (это правильно констатирует автор на стр. 9). В связи с этим напрашивается одно общее замечание: из числа намеченных автором трех групп источников в книге все же уделено несколько больше внимания повествовательным источникам, чем юридическим памятникам и документальному материалу. В целом книга А. Д. Люблинской содержит весьма обстоятельный и отчетливый обзор основных групп источников по истории западного средневековья и является очень ценным учебным и справочным пособием.

Ввиду того, что подобное пособие настоятельно необходимо как для студентов и аспирантов, так и для преподавателей высших учебных заведений, нам представляется целесообразным поделиться с автором и читателями некоторыми соображениями и замечаниями по отдельным главам, тем более, что эти замечания могут быть использованы при втором издании книги. А она вполне заслуживает этого и благодаря своим достоинствам и потому, что пособие по источниковедению должно оказывать влияние не только на преподавательскую, но и на исследовательскую работу.

В главе I при характеристике источников по истории древних германцев имеются следующие пробелы. Из работ Тацита охарактеризована только «Германия», а его «Анналы» и «Истории» лишь упомянуты. Между тем последние имеют столь же большое значение для изучения данного вопроса, как и «Германия». Из произведений Плиния Старшего, использованных Тацитом, упомянуты лишь «Германские войны», но не названы «Анналы» Плиния, откуда Тацит черпал не менее обильный материал, чем из «Германских войн». При перечислении нелитературных источников Тацита опущены сенатские архивы, в которых хранились, между прочим, и донесения римских полководцев сенату.

В главе II — «Общая характеристика источников V—IX вв.» — автор правильно указывает, что вначале варварские правды представляли собой не законодательные акты королевской власти, а запись обычного права, которое впоследствии претерпело известные изменения (стр. 38—39). Это приводит к постановке вопроса о противоречивости варварских правд. Разные правды в различной мере отражают, с одной стороны, пережитки общиннородового строя, с другой — элементы и предпосылки новых производственных отношений раннефеодального общества; поэтому к ним неприложим тезис об их однотипности, как источника (стр. 39), и вполне естественно, что А. Д. Люблинская в главе III, посвященной конкретной характеристике источников по истории варварских государств, на практике отказалась от этого тезиса (стр. 53, 59).

Вместе с тем глава III вызывает следующие замечания. На стр. 57—58 подробно охарактеризован труд лангобардского историка Павла Диакона, автора «Истории лангобардов», особенно со стороны биографической и литературно-стилистической. Но следовало бы полнее сказать о том, что именно дает «История лангобардов» для суждения о ходе лангобардского завоевания Италии, а также по вопросу о земельных разделах лангобардов с местным населением.

Нам представляется нецелесообразным

деление варварских правд по чисто хронологическому признаку на две большие группы: Меровингские и Каролингские,— так как некоторые из Каролингских правд (например, Саксонская) отражают более архаические общественные отношения, чем некоторые Меровингские правды (например, Рипуарская). Такое деление отрывает одну группу правд от другой, причем Каролингские правды (в том числе и весьма архаические по содержанию, как Саксонская и отчасти Фризская) попадают в раздел источников по истории Каролингской империи, которым посвящена глава IV. Между тем так называемые Каролингские правды нельзя считать всецело источниками по истории Каролингской империи, ибо они лишь отчасти отражают социальный строй феодального общества, а в основном отображают более ранние отношения, особенно по сравнению с памятниками каролингского феодального землевладения (полиптиками). Поэтому их описание и оценку лучше было перенести из главы IV в предшествующую. Что касается самих полиптиков, то их характеристику в главе IV (стр. 71—72) следовало бы дополнить более конкретным указанием на разбросанность владений крупных церковных собственников в IX в. (выражение «не вполне компактная» территория на стр. 71 слишком слабо для определения этой разбросанности).

В изображение системы крестьянских держаний Сен-Жерменского аббатства вкралась неточность: неправильно делить мансы (тяглые крестьянские наделы) на свободные, литские и крепостные, потому что все эти три категории являются тяглыми зависимыми держаниями и в этом смысле относятся к числу крепостных. Действительно, свободные держания встречаются в Сен-Жерменском полиптике в сравнительно небольшом количестве в виде прекариев — в главах IX, XII и др.— и не входят в состав тяглых мансов, а лично совершенно свободные держатели встречаются в полиптиках IX в. единицами. Следовало бы дать такое обозначение разных категорий мансов, какое дают сами составители полиптиков, разъяснив подлинный смысл всех этих терминов, а именно ингенуильные мансы (то есть свободные по происхождению, как правильно отмечает автор на стр. 71), литские и сервильные (рабские, но в особом смысле); сервильные мансы никоим образом нельзя отождествлять со всей массой крепостных держаний, ибо они являются лишь частью (и притом меньшей) всех крепостных держаний монастыря,— наряду с ингенуильными мансами, которые составляют бо́льшую часть таких держаний. Это необходимо иметь в виду, так как иначе может создаться впечатление, что большинство тяглых мансов, то есть ингенуильные мансы, не крепостные держания. Нельзя утверждать, что на свободных мансах сидят колоны и крепостные, так как колоны и составляют основную массу крепостных. Кроме того, целесообразно было бы указать количественное соотношение разных категорий мансов и держателей. В этой связи необходимо отметить также, что литы — не вольноотпущенники, а особый промежуточный слой полусвободных людей.

В главе IV следовало провести более определенную грань между картуляриями каролингского периода как сборниками дарственных, прекарных и меновых грамот и полиптиками того же периода как поземельными описями (стр. 72) и лишь после этого отметить, что для позднего времени картуляриями часто являлись и сборники документов разнородного характера (такими картуляриями, в широком смысле слова, считаются многие памятники истории Франции X—XIII и Англии XII—XIII вв.; ср. стр. 127, 161).

В главе V, посвященной характеристике источников по истории Англии и Ирландии до середины XI в., на наш взгляд, желательно сразу же разбить англосаксонские правды на две группы: Кентские и Уэссекские,— так как каждая из них по содержанию имеет свои отличительные черты.

В главах VIII—XXI, рассматривающих источники эпохи развитого феодализма, в общем отчетливо изложены особенности разных групп источников по истории основных стран Западной Европы в XI—XV вв. (в отдельные главы выделены источники по истории Византии, а также по истории папства и церкви). Однако по некоторым пунктам необходимо сделать ряд частных замечаний.

Так, хотелось бы видеть более определенное разграничение памятников раннего обычного права (типа варварских правд) и записей обычного права периода развитого феодализма во Франции, Германии, Испании и других странах, чем это сделано в главах VIII (стр. 111), X (стр. 131) и XII (стр. 185). Хотя в состав записей феодального обычного права и вошли некоторые элементы старых правовых норм, тем

не менее нужно подчеркнуть, что обычное право феодального периода отражает новые общественные отношения (как отношения между феодалами и зависимыми крестьянами, так и внутри феодального класса).

Вряд ли можно считать, что французские феодалы уже в XII в. превратились главным образом в получателей продуктовой, а затем и денежной ренты и что они стали таковыми и во Франции быстрее, чем в Англии (ср. стр. 128, 161). Последнее можно утверждать лишь в том случае, если сравнивать французских феодалов только с крупными английскими монастырями и манориальными лордами; между тем в средних и мелких английских вотчинах XII—XIII вв. коммутация, как известно, шла гораздо интенсивнее, чем во Франции.

В главе X — «Источники по истории Франции (X—XV вв.)» — сравнительно мало места отведено характеристике памятников по истории французских городов.

В главе XI — «Источники по истории Англии (с середины XI в.)» — правильно отмечено, что «Книга Страшного суда» сама была одним из важных средств закрепощения крестьян и укрепления феодальной организации (стр. 159). Однако, к сожалению, не указано, порождением каких именно особенностей общественного (а не только государственного) строя раннефеодальной Англии явилась эта всеобщая поземельная перепись. При характеристике переписей второй половины XIII в., так называемых «Сотенных свитков», не подчеркнуто, что в этом памятнике (в отличие от «Книги Страшного суда») опись дается (за некоторыми исключениями) по «виллам», то есть по деревням, а не по манорам (стр. 160). Источникам по политической истории Англии XII—XIII вв. (законодательству Генриха II Плантагенета, Великой хартии вольностей, памятникам по истории Баронской войны и возникновения английского парламента) уделено слишком мало места (стр. 167—168, 178—179).

При разборе Великой хартии вольностей как исторического источника автор правильно указывает, что она была издана с целью ограничить королевскую власть в интересах баронов. Однако неточно утверждение А. Д. Люблинской, что в хартии есть лишь «косвенные сведения, касающиеся рыцарей» (стр. 168); ряд параграфов хартии прямо защищает интересы рыцарей и фригольдеров (§§ 15, 16, 17, 18, 19 и др.), и в ней заявлено, что все «вольности», которые король пожаловал своим непосредственным вассалам — баронам, последние должны соблюдать по отношению к их собственным вассалам, то есть рыцарям (§ 60); да и вообще хартия могла возникнуть лишь в результате компромисса между церковью, баронством, рыцарством и горожанами.

Вестминстерские провизии 1259 г., хотя и были выработаны баронской партией (как правильно указывает автор на стр. 178), тем не менее в значительной своей части отражали и даже ограждали интересы рыцарей.

В главе XII, посвященной источникам по истории Германии X—XV вв., целесообразно было бы дать представление не только о феодальной раздробленности Германии на протяжении всего средневековья, но и о различном характере этой раздробленности в разные периоды истории страны (в X в.— раздробленность на герцогства, в XI—XII вв.— на феодальные вотчины, обладающие частичной политической властью, с XIII в.— на территориальные княжества). Автор несколько раз упоминает о политической раздробленности Германии (например, на стр. 181, 202), но каждый раз в слишком общих выражениях. Отсюда возникают неточности: так, на стр. 198 А. Д. Люблинская утверждает, что «на XII и первую половину XIII вв. приходится кратковременный расцвет империи при Гогенштауфенах, кончившийся провалом их итальянской политики, что привело затем, после смерти Фридриха II, к фактическому распаду итало-германского государства». О «расцвете» империи в это время — даже применительно к ее внешней политике — можно говорить лишь весьма условно; но никоим образом нельзя это сказать относительно внутреннего состояния Германии в XII—XIII веках. Между тем автор, правильно отмечая фактическую самостоятельность князей в Германии XIV—XV вв. (стр. 202), не ставит это явление в связь с ростом территориальных княжеств в предыдущий период, то есть как раз при Штауфенах, когда произошло фактическое ослабление королевской власти.

Эта важная проблема истории средневековой Германии тесно связана с особенностями источников по истории этой страны (что правильно подчеркивает автор); поэтому и надо внести в нее бо́льшую ясность.

Германские императоры завоевали лишь

часть Италии, о чем надо было сказать на стр. 181 во избежание недоразумений. Характеристика германских урбариев и «Книг дарений» X—XII вв. (стр. 182) сделана, по нашему мнению, слишком кратко: этим источникам посвящено непропорционально мало места сравнительно с нарративными; мало сказано и о Золотой Булле Карла IV; при разборе публицистики XI в. не охарактеризованы трактаты главных руководителей папской партии — Гумберта и Петра Дамиани (это не сделано и в главе по истории папства); при этом не подчеркнуто достаточно определенно, что основной темой спора был вопрос о порядке пожалования церковным феодалам земельных ленов, то есть о церковной земельной собственности (стр. 197).

В той же главе XII попадаются фактические неточности. Термин «Hofrecht» лучше переводить на русский язык словами «вотчинное право», а не «дворовое право» («дворцовое» право на стр. 186 — очевидная опечатка): во-первых, «барский двор» (Hof) важен как центр крупной вотчины, а во-вторых, в русской и советской медиевистике общепринятым является именно термин «вотчинное право». Вормсский конкордат 1122 г. не разрешил спора об инвеституре, а был лишь временным компромиссом между империей и папством (стр. 189). Декрет о папских выборах 1059 г. (стр. 196) не создал конклав (узкая по составу коллегия кардиналов-епископов), а только установил порядок выбора папы всеми кардиналами-епископами при участии кардиналов-клириков и при одобрении низшего римского духовенства и мирян (конклав был введен лишь при папе Григории X в 1274 году).

В главе XIII — «Источники по истории Италии» (X—XV вв.) — необходимо было бы уделить больше места характеристике источников по экономической истории деревни и города, а также и законодательных памятников (о норманском законодательстве в Южной Италии XII в., а также о Мельфийских конституциях сказано мало; ср. стр. 215—216).

Характеристику источников по истории Венгрии X—XV вв. (глава XX) следовало бы несколько расширить (ей посвящены всего 4 страницы: 290—294); то же замечание относится и к источникам по истории Скандинавии (глава XXI). При разборе правовых источников по истории Норвегии XI—XIII вв. надо было бы указать, что записи обычаев четырех областей Норвегии середины XI в. представляют собой такие же варварские правды, как и «Вестиетский закон» в Западной Швеции, о котором упоминается на стр. 297. Важно было бы отметить, что скандинавские варварские правды дают представление о некоторых более архаических формах общественного строя дофеодального периода, чем континентальные и даже англосаксонские правды.

В настоящей краткой рецензии нам, конечно, не удалось исчерпать все богатое и многообразное содержание труда А. Д. Люблинской. Большим достоинством рецензируемой книги является внимание автора к источникам по средневековой истории не только Франции, Англии, Германии и Италии, но и славянских стран и народов (Чехии, Польши и южнославянских стран), а также таких стран, как Византия, Испания, Португалия, Венгрия, Швеция, Норвегия, Дания и Исландия. И хотя источникам по средневековой истории некоторых из этих стран уделено меньше внимания, чем источникам по истории других, лучше изученных стран, тем не менее само их включение в общее пособие по данному вопросу представляет хороший почин. Положительной оценки заслуживает и обстоятельное изложение особенностей основных нарративных источников (хроник и анналистики) по истории различных стран Западной Европы в средние века. Очень хорошо и то, что в книге имеется особый очерк по истории издания средневековых памятников и обзор рукописных источников по истории средних веков в СССР (стр. 344—358).

Для нового издания желательно дополнить первый из этих очерков кратким обзором зарубежных и советских пособий, а также специальных исследований по отдельным отраслям источниковедения средних веков (имеются в виду пособия такого типа, как, например, работа Молинье об источниках по истории Франции, Ваттенбаха — о нарративных источниках по истории Германии и др.). Кроме того, целесообразно было бы пополнить библиографию указанием на основные критические издания важнейших источников (например, некоторых правд), на отдельные публикации картуляриев, полиптиков и др., а также ссылками на некоторые отсутствующие в библиографическом указателе к книге русские издания источников по средневековой истории.

А. И. Неусыхин

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

НАУЧНЫЕ СЕССИИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 40-й ГОДОВЩИНЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

1—4 ноября в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС состоялась научная сессия, посвященная 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. В ней приняли участие научные сотрудники ИМЛ, научные работники институтов истории партии при ЦК компартий союзных республик и обкомах КПСС — филиалов Института марксизма-ленинизма, руководители институтов истории партии ряда стран народной демократии, старые большевики — активные участники Октябрьской революции. На сессии было заслушано девять научных докладов и воспоминания участников революции о героических днях Октября.

Открывая сессию, директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС профессор Г. Д. Обичкин говорил об огромном всемирно-историческом значении Великой Октябрьской социалистической революции как величайшем перевороте в истории народов нашей Родины и народов всех стран земного шара. Он подчеркнул, что Октябрьская революция возвестила миру начало новой эры — эры социализма и коммунизма, оказала и продолжает оказывать огромное влияние на судьбы всего человечества.

С докладом «В. И. Ленин в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания» выступил заместитель директора Института марксизма-ленинизма, кандидат исторических наук А. А. Стручков. Широко привлекая новые архивные документы и материалы, докладчик раскрыл важнейшие стороны организаторской деятельности Владимира Ильича Ленина, Центрального Комитета Коммунистической партии в период непосредственной подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, Москве и других крупных центрах страны. А. А. Стручков подчеркнул, что в трудах В. И. Ленина «Марксизм и восстание», «Советы постороннего», «Кризис назрел», «Письмо к товарищам» и других, написанных в 1917 г., были теоретически обоснованы важнейшие практические указания по организации и проведению вооруженного восстания. Докладчик привел конкретные данные, показывающие, что ЦК Коммунистической партии, тесно связанный с местными партийными организациями, оказывал им большую помощь в подготовке и проведении вооруженного восстания. Раскрывая деятельность Военно-революционного комитета, руководимого Политическим бюро ЦК партии, А. А. Стручков подробно, на основании новых документов, показал, что В. И. Ленин, даже будучи в подполье, направлял работу ВРК, а в октябрьские дни лично и непосредственно руководил всей его деятельностью.

Сессия заслушала доклад «Петроградские большевики в Октябрьском вооруженном восстании», с которым выступил директор Института истории партии при Ленинградском обкоме КПСС, кандидат исторических наук С. П. Князев. Петроградская партийная организация, как показал докладчик, явилась главной опорой ЦК и Военно-революционного комитета в подготовке вооруженного восстания в Петрограде, по укреплению его боевых сил — Красной Гвардии, революционных частей гарнизона и Балтийского флота. Особое внимание в докладе было уделено раскрытию роли В. И. Ленина в эти исторические дни.

С докладом «Октябрьское вооруженное восстание в Москве» выступил заместитель директора Института истории партии при МК и МГК КПСС, кандидат исторических наук А. Н. Пономарев. Докладчик при-

вел яркие факты о деятельности Московской партийной организации в дни октябрьских боев. Линия большевистской партии, отметил он, на победу социалистической революции, на установление власти Советов была поддержана всеми рабочими и солдатами Москвы и подмосковных районов. Это обеспечило полный и быстрый разгром сил контрреволюции и установление в Москве власти трудящихся.

О борьбе большевиков Урала за победу Советской власти говорил в своем докладе заместитель директора Института истории партии при Свердловском обкоме КПСС, кандидат исторических наук В. Н. Зуйков. Докладчик показал, что в период от Февраля до Октября Уральская областная большевистская организация, занимавшая по своей численности третье место в партии после Петрограда и Москвы, провела огромную работу по завоеванию большинства в Советах. В докладе, кроме того, была освещена деятельность уральских большевиков по созданию военных организаций и Красной Гвардии, по вооружению красногвардейцев.

Доклад «Большевистские организации Украины в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции и установление Советской власти» сделал заместитель директора Института истории партии при ЦК КП Украины, кандидат исторических наук Н. Р. Доний. Характеризуя условия проведения Октябрьского переворота, он кратко коснулся процесса развития капиталистической промышленности и положения крестьянства Украины. В докладе подробно было показано, что украинские большевистские организации после их выхода из подполья активно претворяли в жизнь решения Апрельской конференции и VI съезда партии, боролись за большевизацию Советов, за победу и установление Советской власти на Украине.

Директор Института истории партии при ЦК КП Белоруссии, кандидат исторических наук Ф. А. Новикова выступила с докладом «Большевики Белоруссии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции». Она отметила крайне сложную обстановку в Белоруссии накануне Октября, заключавшуюся в том, что на этой прифронтовой территории были сосредоточены значительные контрреволюционные силы в лице многочисленного офицерского корпуса армии и Ставки верховного главнокомандующего. Как показал докладчик, большевики Белоруссии под руководством ЦК РСДРП(б) вели большую работу по сплочению большевистских организаций Белоруссии. Эта работа в сентябре 1917 г. завершилась оформлением областной организации большевиков Белоруссии, созданием единого областного партийного центра. В докладе была дана картина хода подготовки и проведения Октябрьской революции в Белоруссии.

О Великой Октябрьской социалистической революции и борьбе большевиков Грузии за установление Советской власти доклад сделал заместитель директора Института истории партии при ЦК КП Грузии, кандидат исторических наук Н. Б. Махарадзе. Анализируя обстановку, сложившуюся к моменту Октябрьской революции в Закавказье, в частности в Грузии, он подробно рассказал о том, как грузинские большевики, находясь в подполье, боролись против меньшевистского правительства. Опираясь на поддержку Советской России, большевики готовили народные массы Грузии к вооруженному восстанию.

С докладом «Большевики Эстонии в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции» выступил директор Института истории партии при ЦК КП Эстонии, кандидат исторических наук А. К. Пясс. Докладчик привел факты, свидетельствующие об огромной организаторской и агитационно-массовой работе большевиков Эстонии накануне Октябрьской революции. Они боролись за укрепление влияния большевистской партии в массах, за разоблачение соглашательской тактики мелкобуржуазных партий и завоевание большинства в Советах.

Характеристику международного значения Великой Октябрьской социалистической революции дал в своем докладе заместитель директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, проф. Н. И. Шатагин. В докладе получило обстоятельное освещение влияние русской революции на подъем рабочего и революционного движения в странах Европы и национально-освободительного движения на Востоке. Докладчик остановился на характеристике основных закономерностей социалистической революции и строительстве социализма в различных странах, охарактеризовал важнейший тезис о том, что Октябрьская революция проложила столбовую дорогу к социализму для всех народов земного шара. Подчеркивая непреодолимую силу идей марксизма-ленинизма, стремление народов

мира идти по пути, проложенному Октябрем, докладчик убедительно раскрыл невозможность для империалистов приостановить расширение и укрепление позиций социалистического лагеря.

С воспоминаниями о событиях периода подготовки и проведения Октябрьской революции выступили активные участники революции Т. И. Липатов, руководитель партийной организации и член судового комитета прославленного крейсера «Аврора»; М. М. Константинов, делегат Апрельской конференции большевистской партии; Я. И. Лебедев, делегат VI съезда партии; старые большевики Л. П. Парвиайнен и М. Л. Сулимова.

В Академии общественных наук при ЦК КПСС

С 21 по 25 октября проходила научная сессия в Академии общественных наук при ЦК КПСС. В ее работе приняли участие профессора, преподаватели, аспиранты академии, партийный актив Москвы и старые большевики, активные участники Октябрьской революции: С. Д. Уралов, член КПСС с 1914 г.; П. Н. Растопчин, член КПСС с 1903 г.; Н. И. Мезикин, член КПСС с 1911 г.; профессор Ж. А. Маурер, член КПСС с 1907 г.; профессор, доктор исторических наук М. К. Ветошкин, член КПСС с 1904 года.

Сессию открыл ректор академии профессор И. А. Дорошев. С докладом «Общеисторические черты и национальные особенности Октябрьской революции» выступил профессор М. П. Ким. Член-корреспондент Академии наук СССР Е. М. Жуков сделал доклад «Великая Октябрьская социалистическая революция и ее влияние на международные отношения в период общего кризиса капитализма».

В своем докладе М. П. Ким остановился на анализе общих закономерностей Октябрьской революции. Отметив, что заслуга научного определения всемирно-исторического значения Октябрьской революции принадлежит В. И. Ленину, докладчик показал, что победу революции и социализма в СССР нельзя рассматривать как событие только национальное. Оно глубоко интернационально. Во второй части доклада были рассмотрены некоторые национальные особенности Октябрьской революции.

Свой содержательный и интересный доклад Е. М. Жуков посвятил вопросу развития отношений между странами капитализма и страной победившего социализма после Октябрьской революции. Он дал всестороннюю характеристику принципа сосуществования, который являлся и является основой внешней политики Советского государства с первого же дня его существования.

Докладчик раскрыл также влияние исторических успехов Советского государства на освободительное движение угнетенных народов колоний и зависимых стран. Страны колониального Востока воочию убеждались в том, что Россия после Октябрьской революции стала подлинным другом восточных народов, оплотом их независимости.

Е. М. Жуков особо остановился на развитии и укреплении отношений между социалистическими странами, которые оказывают огромное и все растущее влияние на мировую политику. Твердая, решительная борьба народов лагеря социализма за мир, за обуздание империалистических агрессоров, за экономическое и политическое сотрудничество между всеми народами мира, как показал докладчик, является величайшим всемирно-историческим фактором нашей эпохи, определяющим судьбы всего прогрессивного человечества.

Второй день заседания был посвящен выступлениям старых большевиков. 23—25 октября состоялись заседания кафедр академии.

На кафедре истории КПСС был заслушан доклад доцента И. Ф. Петрова «Стратегия и тактика большевистской партии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции». В своем докладе И. Ф. Петров сосредоточил внимание на проблемах, которые в отдельных своих частях еще недостаточно исследованы и требуют подкрепления новым фактическим материалом. К ним относятся вопросы о мирном пути развития революции, о содержании ленинского лозунга «Вся власть Советам!», о конкретном проявлении общенационального кризиса в стране накануне Октября, о роли и значении партийных конференций и съездов Советов на местах, о состоянии партии и расширении ее влияния на массы в 1917 году. Докладчик показал огромное значение ленинского теоретического наследия для глубокого конкретно-исторического освещения всех этих вопросов.

При обсуждении доклада И. Ф. Петрова выступили с сообщениями аспиранты кафедры М. Х. Киуру, А. И. Барменков, К. Г. Семенов и И. С. Терехов.

Профессор Д. И. Надточеев в докладе «Великая Октябрьская социалистическая революция и ленинский план строительства коммунизма в СССР» кратко осветил вопросы о сущности и содержании ленинского плана строительства коммунизма в нашей стране, о руководящей роли партии в строительстве коммунизма, о месте и значении культурной революции в ленинском плане строительства коммунизма.

На заседании кафедры с воспоминаниями выступили старые большевики М. Н. Моисеев, в прошлом член штаба Красной Гвардии Петроградской стороны, участник штурма Зимнего дворца, и А. А. Осинкин, делегат II Всероссийского съезда Советов от иваново-вознесенских рабочих.

На кафедре новой истории с докладом «Великая Октябрьская социалистическая революция и возрастающая роль народных масс в истории» выступил профессор И. С. Галкин. Докладчик выдвинул ряд интересных проблем и дал их глубокий анализ, привел многочисленные примеры, показывающие огромное влияние организованных выступлений народных масс на мировую историю. Это особенно сказалось и сказывается в послевоенный период и прежде всего в колониальных и зависимых странах Востока в их борьбе за свободу и национальную независимость.

В прениях по докладу было уделено большое внимание вопросу о влиянии Октябрьской революции на развитие международного революционного движения.

На кафедре истории СССР был заслушан доклад члена-корреспондента Академии наук СССР профессора М. В. Нечкиной «40 лет работы советских исследователей над историей русского революционного движения», который был посвящен советской историографии двух первых, установленных В. И. Лениным, периодов русского революционного движения: дворянско-революционного и разночинского.

М. В. Нечкина показала, что советская историческая наука имеет богатое историографическое наследие, посвященное русской революционной исторической мысли. Теоретическое богатство исторических исследований В. И. Ленина, глубокое понимание им закономерностей русского исторического процесса и на основе этого разрешение им большого количества отдельных вопросов истории России с позиций марксистской теории положили начало советской исторической науке. Докладчик подробно охарактеризовал освещение истории русского революционного движения двух указанных выше этапов в советской исторической науке. М. В. Нечкина отметила, что после XX съезда КПСС значительно усилился интерес советских исследователей к истории революционного прошлого России.

Выступая по докладу М. В. Нечкиной, С. А. Лазутка на примере восстания 1863 г. в Литве и Белоруссии показал связь русского революционного движения 50—60-х годов XIX в. с борьбой народов России против самодержавия. В прениях выступили также О. Д. Соколов, Г. И. Ионова, Е. Л. Рудницкая, А. Е. Кошовенко, Н. Н. Новикова и другие.

В Отделении исторических наук Академии наук СССР

Научная сессия Отделения исторических наук АН СССР, посвященная 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, открылась в Ленинграде 28 октября кратким вступительным словом академика И. А. Орбели.

С докладом «Экономические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции» выступил доктор исторических наук А. Л. Сидоров. Используя новый фактический материал, докладчик показал, что монополистический капитализм в ведущих отраслях народного хозяйства России имел к 1917 г. развитые формы. Он подверг критике утверждения буржуазных и меньшевистско-троцкистских историков, отрицавших наличие в России к этому времени материальной основы для проведения социалистической революции. А. Л. Сидоров на основе ленинской теории империализма охарактеризовал объективные причины, обусловившие неизбежность пролетарской революции в России.

Докладчик осветил ленинские положения о том, что без революции, без свержения власти буржуазии и революционного выхода из войны невозможно было спасение России от экономической катастрофы, от угрозы закабаления ее иностранным капиталом. В докладе были также рассмотрены пути восстановления хозяйства страны в 1917 г., намеченные большевистской партией и ее вождем В. И. Лениным с тем, чтобы политически мобилизовать партию и народ на социалистическую революцию.

«Исторические закономерности развития общества прокладывают себе путь через

революции»,— сказал в своем докладе «Великая Октябрьская социалистическая революция и ее место в истории человечества» член-корреспондент АН СССР Е. М. Жуков. На конкретных исторических фактах он раскрыл роль революций прошлого в развитии общества, показал движущие силы Английской революции XVII в. и Французской революции XVIII в. и охарактеризовал их значение для истории человечества. Эти революции положили начало эпохе господства капитализма — последнему, заключительному этапу предыстории человечества.

Е. М. Жуков подчеркнул, что капитализм победил в результате нескольких революций, отделенных одна от другой целыми столетиями. Причем последние революции уже непосредственно смыкались с революционной борьбой пролетариата, направленной против капитализма.

Великая Октябрьская социалистическая революция, как показал докладчик, провела глубокий водораздел между прошлым и настоящим в истории человечества. В докладе была дана характеристика коренного различия между буржуазными революциями и Великой Октябрьской социалистической революцией. Говоря о важнейших преобразованиях, осуществленных в ходе революции и последующего социалистического строительства в СССР, Е. М. Жуков раскрыл их огромное, всемирно-историческое значение. В докладе нашли отражение общие закономерности строительства социалистического общества, впервые проверенные на опыте нашей страны и характерные для других социалистических стран.

Академик И. И. Минц в докладе «Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции», сопоставляя цифровые данные, приведенные В. И. Лениным в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», с данными сегодняшнего дня, показал, как изменилась за 40 лет политическая карта мира. Он говорил о направлениях, по которым шло и продолжает идти влияние Великой Октябрьской социалистической революции на весь ход исторического процесса.

Великая Октябрьская революция, указал И. И. Минц, развязала инициативу народных масс, пробудила боевой дух пролетариата во всем мире. Под влиянием Октябрьской революции повысилась организованность рабочего класса, в различных странах образовались коммунистические партии. Великая Октябрьская революция стоит у истоков широкого движения борьбы за мир, которое развернулось в настоящее время. Под ее воздействием ускорился весь ход общественного развития. Октябрьская революция подняла национально-освободительную борьбу угнетенных народов на более высокую ступень, дав им опору в борьбе и уверенность в победе. Под влиянием Великого Октября произошел переворот в умах человечества. Идеи социализма проникли в самые широкие массы. Великое значение Октябрьской революции, подчеркнул докладчик, заключается не только в том, что она ускорила развитие всего человечества и его движение вперед, но и в том, что ее главные черты и закономерности присущи всем пролетарским революциям.

Второй день заседания сессии начался докладом кандидата исторических наук С. И. Аввакумова на тему «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», в котором он дал характеристику героической роли рабочих и солдат Петрограда в победе Великой Октябрьской социалистической революции. Докладчик подробно остановился на причинах, определивших авангардную роль трудящихся Петрограда в революции, а затем нарисовал картину подготовки и хода Октябрьской революции в городе.

Много внимания С. И. Аввакумов уделил анализу деятельности петроградских большевиков, готовивших массы к вооруженной борьбе. В докладе была раскрыта деятельность В. И. Ленина, под непосредственным руководством которого происходила подготовка к вооруженному восстанию в Петрограде. За четыре десятилетия, отделяющие героическое прошлое от сегодняшнего дня, закончил свой доклад С. И. Аввакумов, ленинградские рабочие, сохраняя верность старым революционным традициям, всегда выступали и выступают как верные сыны социалистического Отечества.

С докладом на тему «Основные этапы внешней политики Советского Союза» выступил член-корреспондент АН СССР В. М. Хвостов. В его докладе были глубоко освещены основные этапы развития внешней политики Советской страны за истекшие 40 лет. Докладчик показал, что принципы социалистической внешней политики, впервые выраженные в Декрете о мире,— борьба за мир и право наций на самоопределение — оставались неизменными на всех этапах нашей внешней политики на протяжении всех 40 лет. Переходы от одно-

го этапа к другому не меняли сущности советской политики на мировой арене, изменялись только ее ближайшие задачи, методы и тактика.

В. М. Хвостов говорил о том, что основная специфическая задача внешней политики на всех ее этапах заключалась в обеспечении максимально благоприятной международной обстановки для строительства социализма и коммунизма. Таким важнейшим условием, наиболее способствующим строительству социализма, является мир. Образование после Октябрьской революции двух противоположных общественных систем поставило вопрос о взаимоотношениях между государствами — представителями этих систем. Ленинский принцип мирного сосуществования определял и определяет внешнюю политику Коммунистической партии и Советского государства.

Директор Института истории Словацкой Академии наук Л. Голотик выступил с докладом «События в Чехословакии с конца 1917 г. до образования Чехословацкой республики». Л. Голотик осветил огромное влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развитие революционного движения в Словакии.

Он рассказал о том, как под влиянием победы русского пролетариата и первых декретов Советской власти во всей Австро-Венгрии начался гигантский подъем революционной борьбы, потрясшей основы габсбургской монархии. Лозунг права наций на самоопределение, выдвинутый Октябрьской революцией, как показал докладчик, стал боевой программой словацкого и чешского народов и привел к коренному перелому в национально-освободительном движении. Воодушевленные примером Октябрьской революции, словаки, возглавляемые рабочим классом, поднялись на борьбу против своих угнетателей. Однако в силу идеологической и политической незрелости рабочего класса — руководящей силы революции — во главе национально-освободительного движения в решающий момент встала буржуазия, и Чехословакия возникла не как государство трудящихся, а как государство буржуазии.

Действительный член Академии наук Эстонской ССР И. М. Саат сделал доклад на тему «Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии», в котором он на основе новых архивных материалов подробно показал ход революционных событий в Эстонии.

Участник Октябрьской социалистической революции И. П. Флеровский поделился своими воспоминаниями об Октябрьских днях в Кронштадте и Ленинграде.

В Институте истории АН СССР

24—25 октября в Институте истории АН СССР состоялось заседание Ученого совета, посвященное 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

С докладом «Экономические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции» выступил доктор исторических наук А. Л. Сидоров. Докладчик остановился на узловых вопросах, требующих и в настоящее время глубокого исследования. Это — развитие монополий и банков в России; состояние русской экономики в годы первой мировой войны; нарастание экономического и политического кризиса, приведшего к Февральской революции; экономическая политика Временного правительства, не сумевшего обеспечить ликвидацию кризиса и разрухи в стране, и, наконец, закономерное появление власти рабочих и крестьян в результате Октябрьской революции, сумевшей отстоять Россию от колониальной зависимости, на грани которой находилась наша страна в результате экономической политики самодержавия и связанной с ним буржуазии.

Приведя новые факты, докладчик показал, что Октябрьская революция явилась закономерным итогом экономического развития России и борьбы классовых сил в стране. Обосновывая свои теоретические положения, он опроверг ряд неверных суждений, высказанных буржуазными историографами, относительно предпосылок Октябрьской революции и указал на некоторые ошибочные точки зрения по этому вопросу в советской историографии.

Выступая в прениях, доктор исторических наук С. М. Дубровский остановился на отдельных положениях доклада. Говоря о бесспорной зависимости России от иностранного капитала, С. М. Дубровский указал на необходимость исследовать степень и формы этой зависимости, чтобы конкретно показать, от какой большой угрозы полного экономического и политического порабощения иностранным капиталом спасла нашу страну Октябрьская революция.

С. М. Дубровский подчеркнул значение дальнейшего изучения вопроса о союзе рабочего класса и беднейших слоев крестьянства в Октябрьской революции, а также

предпосылок для победы социализма в области сельского хозяйства.

Кандидат исторических наук П. В. Волобуев, характеризуя особенности русского империализма, показал, что монополистический капитализм в России по своей силе (по охвату предприятий в некоторых ведущих отраслях промышленности) не уступал империализму других крупных капиталистических стран. Однако в России господство монополистического капитала переплеталось с остатками крепостничества. Россия опередила другие страны по степени зрелости политических предпосылок для осуществления социалистической революции, и это обстоятельство позволило России, экономически менее развитой, чем некоторые другие капиталистические страны, первой начать пролетарскую революцию.

Доктор исторических наук В. К. Яцунский в своем выступлении высказал ряд интересных соображений по вопросу о зависимости русского капитала от иностранного. Он говорил также о том, что более глубокого исследования требует вопрос о накоплениях капитала в банках, о росте отделений банков, которые охватывали своими щупальцами всю экономику России. Затем В. К. Яцунский остановился на необходимости изучения истории транспорта, в частности железнодорожного, а также проблем, связанных с формированием русской буржуазии как класса.

Кандидат исторических наук И. Ф. Гиндин отметил, что в трудах В. И. Ленина подведен главный итог развития капитализма в России — именно то, что он материально подготовил социализм. В многочисленных ленинских работах и высказываниях вскрыты глубокие противоречия русского капитализма, неравномерность его развития, большая экономическая отсталость страны. Все это необходимо учитывать в исследованиях по истории русского капитализма и империализма.

Доклад доктора исторических наук М. П. Кима был посвящен важнейшей в научном и политическом отношении теме — выяснению общеэкономических закономерностей и национального своеобразия процесса социалистических преобразований в СССР. Докладчик подчеркнул значение Октябрьской революции для мирового революционного движения, показал важность изучения общеисторических закономерностей Октябрьской революции, указал на ее национальные особенности, обусловленные спецификой исторического развития России в ряду других капиталистических государств, подробно остановился на выяснении всемирно-исторического значения опыта социалистического строительства в СССР, осуществления индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, культурной революции и т. д.

Кандидат исторических наук С. И. Якубовская сделала несколько замечаний по вопросу об экспроприации кулачества. По ее мнению, экспроприация имела место во всех социалистических странах, и речь может идти лишь о различных конкретно-исторических формах ее осуществления. С. И. Якубовская говорила также относительно решения национального вопроса в СССР и проявления в нем общих закономерностей.

В Институте востоковедения АН СССР

22—23 октября в Институте востоковедения АН СССР состоялась сессия Ученого совета, посвященная 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

С докладом «Великая Октябрьская социалистическая революция в России и народы Востока» выступил доктор исторических наук, действительный член АН Таджикской ССР Б. Г. Гафуров. Докладчик показал, как на протяжении всего первого этапа общего кризиса капитализма и его колониальной системы, наступившего после Октябрьского переворота, происходил неуклонный подъем национально-освободительного движения на Востоке, ускорялось формирование классового самосознания пролетариата в колониальных и зависимых странах. Б. Г. Гафуров подчеркнул, что в период от Октябрьской революции до второй мировой войны была подорвана колониальная система империализма и созрели необходимые предпосылки для ее распада. Он говорил об огромном значении победы народов во второй мировой войне над германским фашизмом и японским империализмом в углублении кризиса и распаде колониальной системы империализма.

Докладчик подчеркнул особое значение победы народной революции в Китае и образования Китайской Народной Республики для дальнейшего развития национально-освободительного движения в Азии. В докладе были освещены большие успехи социалистического строительства в Китайской Народной Республике, Корейской Народно-Демократической Республике, Монгольской

Народной Республике и Демократической Республике Вьетнам.

Значительный раздел доклада был посвящен марксистско-ленинской теории национального вопроса и опыту решения национального вопроса в СССР, оказывающего революционизирующее влияние на народы Востока.

С большим докладом «Советское востоковедение за 40 лет» выступил академик В. В. Струве. Он подчеркнул, что победа Великой Октябрьской социалистической революции ознаменовала новую ступень в развитии востоковедческой науки. В. В. Струве отметил большую работу советских ученых, проделанную ими в области изучения истории, литературы и культуры стран Востока.

Советские историки-востоковеды сумели, опираясь на марксистско-ленинскую методологию, решить в основных чертах проблему периодизации развития восточных обществ, доказав тем самым, что общества Востока прошли через те же формации, что и на Западе. Советские историки создали учебники по истории древнего и средневекового Востока, составили сводную историю колониальных стран, монографии по истории главнейших стран зарубежного Востока и всех союзных восточных республик. Советские востоковеды приняли деятельное участие в создании «Всемирной истории».

В. В. Струве сообщил также о больших достижениях советских востоковедов в области археологии, языкознания, литературоведения, изучения эпоса и фольклора народов Востока.

Кандидат исторических наук П. П. Старицына выступила с докладом «Великая Октябрьская социалистическая революция и опыт некапиталистического развития отсталых стран по пути к социализму». В докладе был рассмотрен опыт некапиталистического пути развития Монгольской Народной Республики, первой из стран зарубежного Востока вставшей на путь перехода от феодализма к социализму.

В Институте востоковедения состоялись также секционные заседания, на которых были прочитаны доклады о влиянии Октябрьской революции на отдельные страны Востока. На заседании секции Индии и Юго-Восточной Азии с интересом был прослушан доклад доктора исторических наук А. М. Дьякова «Великая Октябрьская социалистическая революция и Индия», выступление кандидата исторических наук С. А. Мхитаряна о влиянии Октября на развитие национально-освободительной борьбы в Индо-Китае. В выступлении кандидата исторических наук О. И. Забозлаевой были приведены интересные факты об освободительном движении индонезийского народа в период после Октябрьской революции, рассмотрен вопрос о создании Коммунистической партии Индонезии (1920 г.) как результате подъема рабочего движения в стране. Кандидат исторических наук Г. И. Левинсон рассмотрел в своем сообщении некоторые особенности освободительного движения филиппинского народа в период после Октябрьской революции.

На заседании секции Дальнего Востока с интересом были прослушаны доклады доктора исторических наук Х. Т. Эйдуса «Великая Октябрьская социалистическая революция и Япония» и кандидата исторических наук Г. Ф. Кима «Влияние Октябрьской революции на развитие национально-освободительного движения в Корее».

Доклады о революционном движении в странах Арабского Востока (кандидат исторических наук В. Б. Луцкий) и Африке (кандидат исторических наук А. З. Зусманович), а также о советской арабистике за 40 лет (кандидат филологических наук Г. Ш. Шарбатов) и развитии арабской литературы (кандидат исторических наук А. Ф. Султанов) были прочитаны на заседании секции Арабского Востока и Африки.

На секции Ближнего и Среднего Востока заслушан доклад члена-корреспондента АН Таджикской ССР, доктора филологических наук И. С. Брагинского «Влияние Октября на развитие литератур народов Средней Азии». С интересом были встречены доклады кандидата исторических наук М. Н. Ивановой «Октябрьская революция и Иран» и М. Г. Асланова «Октябрьская революция и Афганистан». Кандидаты исторических наук Н. А. Кузнецова и Л. М. Кулагина представили доклад об изучении истории, литературы и экономики Ирана в Советском Союзе за 40 лет.

В Институте китаеведения АН СССР

25 октября состоялось торжественное заседание Ученого совета Института китаеведения АН СССР, посвященное 40-летию

Великой Октябрьской социалистической революции. Во вступительном слове директор Института А. С. Перевертайло остановился на всемирно-историческом значении Октябрьской революции и замечательных успехах в строительстве социализма, достигнутых советским народом под руководством Коммунистической партии. Он показал влияние Великого Октября на освободительное движение в Китае, Азии и во всем мире.

На заседании присутствовали члены посольства КНР в СССР, представитель китайских добровольцев — участников гражданской войны 1918—1920 гг. в Советской России Тан Чи-цан и группа советских волонтеров — участников гражданской войны 1924—1927 гг. в Китае.

С большим докладом «Великая Октябрьская социалистическая революция и Китай» выступил кандидат исторических наук Н. П. Виноградов. Докладчик показал, как под влиянием победы русских рабочих и крестьян в Китае началось широкое распространение идей марксизма-ленинизма, подробно рассказал о создании Коммунистической партии Китая. Основная часть доклада была посвящена анализу творческого применения китайскими коммунистами важнейших идей марксизма-ленинизма о гегемонии пролетариата в демократической революции и о диктатуре пролетариата.

В заключительной части доклада был дан краткий обзор социалистических преобразований в Китае.

С сообщением на тему «Единый народный демократический фронт в системе диктатуры пролетариата» выступил кандидат исторических наук А. В. Меликсетов. Кратко охарактеризовав особенности возникновения и деятельности единого фронта до победы революции в Китае, А. В. Меликсетов проанализировал все стороны его развития после 1949 года. Он показал, как КПК проводила и проводит тактику союза и борьбы с национальной буржуазией, как всесторонняя деятельность КПК и успехи социалистического строительства в стране приводят все большую часть китайской национальной буржуазии к убеждению в невозможности капиталистического развития страны. В сообщении была подробно освещена развернувшаяся в последнее время борьба против правобуржуазных элементов. Хотя эта борьба еще продолжается, она уже привела к важной победе социалистической революции на политическом и идеологическом фронтах. Опыт единого фронта в Китае имеет огромное международное значение, обогащает сокровищницу марксистско-ленинской теории.

Сообщение кандидата экономических наук А. Г. Яковлева было посвящено успехам и некоторым особенностям национальной политики Коммунистической партии Китая.

Доклад кандидата исторических наук В. Н. Никифорова «Великая Октябрьская социалистическая революция и советско-китайская дружба» был насыщен большим фактическим материалом. Ограничив изложение в основном 1918—1924 гг., докладчик подробно проследил не только развитие отношений между правительствами двух стран, но и между двумя братскими народами. Он убедительно показал, что, вопреки проискам империалистов и китайской реакции, в эти годы возникла и успешно развивалась дружба между завоевавшими власть трудящимися Страны Советов и всеми прогрессивными слоями китайского народа. Внимание участников заседания привлекли интересные факты о влиянии идей Великого Октября на таких представителей революционного движения в Китае, как Сунь Ят-сен и Ли Да-чжао, об участии китайских добровольцев в борьбе против интервентов и белогвардейцев в Советской России, о совместном разгроме Красной Армией и китайскими войсками русских белогвардейских банд в Западном Китае, об участии китайских представителей в работе первых конгрессов Коммунистического Интернационала. В заключение докладчик сделал краткий обзор развития советско-китайской дружбы после победы народной революции в Китае.

Писатель А. М. Дунаевский рассказал о большой работе по сбору материалов о боевых подвигах китайских добровольцев на фронтах гражданской войны 1918—1920 гг. в Советской России.

В конце заседания с большим сообщением выступил член-корреспондент АН СССР Н. И. Конрад. Он поделился своими воспоминаниями о становлении советского китаеведения в первые годы Советской власти, о наиболее важных событиях в этой отрасли науки и достижениях советских ученых-китаеведов за 40 лет.

В конце заседания было принято решение о вступлении института в число членов-учредителей Всесоюзного общества советско-китайской дружбы.

На историческом факультете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Научная сессия, посвященная Великой Октябрьской социалистической революции, проходила на историческом факультете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова во второй половине октября 1957 года.

На заседаниях Ученого совета факультета, секционных ученых советов и кафедр было прочитано около тридцати докладов и сообщений, относящихся к отдельным проблемам истории социалистической революции в России и ее влиянию на судьбы народов мира.

На первом заседании Ученого совета исторического факультета профессор А. Л. Сидоров выступил с докладом на тему «Экономические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции».

Этой же теме были посвящены доклады кандидатов исторических наук К. Н. Тарновского «Из истории государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны» и В. Я. Лаверычева «Государственное регулирование текстильной промышленности в годы первой мировой войны», сделанные на заседании кафедры истории СССР периода капитализма. Основные положения докладов сводились к доказательству того, что в условиях войны в России стал формироваться государственно-монополистический капитализм, который, как указывал В. И. Ленин, являлся материальной подготовкой социалистической революции.

Оба докладчика пришли к выводу, что, несмотря на недоразвитость государственно-монополистических элементов, в промышленности сложились все материальные предпосылки, необходимые для начала социалистических преобразований.

Профессор Д. И. Надточеев, выступивший с докладом «Великая Октябрьская социалистическая революция и ленинский путь строительства коммунизма в СССР», охарактеризовал величие и историческую сущность всеобъемлющего плана построения социализма и коммунизма, выработанного В. И. Лениным. Докладчик заявил, что у нас при оценке этого плана не изжит еще односторонний подход, при котором не уделяется должного внимания политической стороне плана. Это особенно важно отметить теперь, когда усиливаются нападки на диктатуру пролетариата со стороны идеологов империализма, когда делаются попытки принизить и опорочить роль коммунистических партий или противопоставить ленинскому плану лживые ревизионистские измышления о путях строительства социализма, отрицающие диктатуру пролетариата. Поэтому докладчик показал, что первой коренной стратегической задачей ленинского плана являлось создание и укрепление советского социалистического государства как главного орудия построения социализма и коммунизма, развитие социалистической демократии, неустанная забота об укреплении единства Коммунистической партии — руководящей силы диктатуры пролетариата. Наша партия неуклонно и твердо соблюдает эти принципы ленинизма.

Вторая стратегическая задача — создание экономической и материально-технической базы коммунистического общества на основе индустриализации страны и кооперирования сельского хозяйства. Третья задача — осуществление культурной революции. Эти три основные задачи плана В. И. Ленина выражают сущность Октябрьской революции и определяют главные направления, по которым идет развитие коммунизма в нашей стране.

В докладе Е. Н. Городецкого «В. И. Ленин в Совете Народных Комиссаров в 1917—1918 гг.» была обрисована государственная деятельность В. И. Ленина в первые месяцы Советской власти. На основании впервые использованных источников, главным образом протоколов заседаний Совнаркома, воспоминаний участников событий, работавших с Лениным, в докладе охарактеризованы первые дни работы Советского правительства.

Большое место в юбилейной сессии заняли доклады профессоров и преподавателей кафедр истории КПСС и истории СССР. В них была показана руководящая роль Коммунистической партии и ее вождя В. И. Ленина в Октябрьском вооруженном восстании и в осуществлении социалистических преобразований в нашей стране.

На кафедре истории партии П. Б. Жибарев прочитал доклад на тему «Ленинский принцип демократического централизма в управлении народным хозяйством». Доцент В. М. Селунская выступила с докладом «Помощь рабочего класса крестьянству в осуществлении социалистической революции в деревне».

Оживленное обсуждение вызвал доклад

Г. Н. Голикова «О некоторых вопросах Октябрьского вооруженного восстания», прочитанный на заседании кафедры истории СССР периода социализма. Докладчик отметил, что истории этого события за 40 лет Советской власти было посвящено значительное число работ, однако до сих пор нет капитального труда, освещающего все вопросы Октябрьского вооруженного восстания. В имеющейся литературе есть серьезнейшие недостатки и ошибки, нередко еще вооруженное восстание изображается схематично и упрощенно.

До настоящего времени не получил должного разрешения и коренной вопрос — о борьбе классов и партий накануне Октября, а также о борьбе В. И. Ленина и ленинцев внутри партии с оппортунистическими элементами. Задачей историков является четкая постановка и разрешение этих вопросов на основании анализа конкретного материала.

Используя новые материалы, Г. Н. Голиков уточнил отдельные факты, относящиеся к периоду подготовки восстания (сентябрь — октябрь 1917 г.).

Докладчик отметил, что большое количество литературы, вышедшей к 40-летнему юбилею Октября, является значительным шагом вперед в изучении истории вооруженного восстания в октябре 1917 г. и всего хода революционных событий того времени.

Влиянию русской революции на революционное движение в зарубежных странах была посвящена серия докладов и сообщений, прочитанных на кафедрах истории южных и западных славян, новой и новейшей истории.

Авторы сообщений доценты Г. Г. Толмачев и И. Н. Частухин, кандидаты исторических наук В. И. Ермолаев, В. И. Владимирская, И. С. Яжборовская рассказали о революционном подъеме, который вызвала победа русского рабочего класса в Германии, странах Латинской Америки, в Болгарии и Польше. Во многих странах под влиянием Октябрьской революции из различных мелкобуржуазных партий стали выделяться наиболее революционные элементы, положившие начало созданию коммунистических и рабочих партий, верных защитников интересов трудящихся масс в борьбе против сил империализма.

Интересные сообщения об участии чехов, словаков и югославов в Великой Октябрьской социалистической революции сделали А. Х. Клеванский и И. Д. Очак. Им удалось обнаружить новые документы, проливающие свет на вопросы, о которых до сих пор историки знали мало. Докладчики подчеркнули, что участие революционеров многих стран и наций в нашей революции является одним из свидетельств ее подлинно интернационального характера.

Октябрьская революция была переломным этапом в развитии исторической науки в нашей стране — эта мысль сквозила в ряде докладов, отмечавших достижения советских историков.

Доктор исторических наук Е. В. Гутнова прочла доклад на тему «Сорок лет советской медиевистики».

Ряд докладов был сделан на ученых советах и кафедрах этнографии и археологии, источниковедения, истории и теории искусства, истории СССР периода феодализма и древних языков.

Юбилейное заседание группы по изучению истории Франции

15 ноября в конференц-зале Института истории АН СССР состоялось расширенное заседание группы по изучению истории Франции, посвященное 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. На заседании наряду со специалистами по истории Франции, присутствовали многочисленные представители других отраслей исторической науки. Председательствовал руководитель группы академик В. П. Волгин, который предоставил слово одному из виднейших деятелей французского и международного коммунистического движения, секретарю КПФ Ж. Дюкло, тепло встреченному аудиторией.

Ж. Дюкло посвятил свое яркое, содержательное выступление деятельности великого вождя международного пролетариата В. И. Ленина и влиянию ленинизма на французское рабочее движение. Оратор дал четкий, насыщенный живыми фактами из героического прошлого и настоящего КПФ ответ на вопрос о том, как лучшие сыны рабочего класса Франции, левые социалисты, а затем коммунисты, учились у Ленина, претворяли в жизнь его советы, творчески применяли ленинское учение к условиям французской действительности. Оглядываясь на свой трудный и славный путь, французские коммунисты, заявил Ж. Дюкло, могут теперь с уверенностью сказать, что 40 лет назад правы были именно они, когда приветствовали победу Октября, когда встали под знамена ленинизма.

В. П. Волгин выступил на заседании группы с большим докладом «В. И. Ленин и французская революционная традиция». Докладчик говорил об огромном интересе В. И. Ленина к истории мирового революционного движения, в частности, к героической борьбе французского народа. В. И. Ленин высоко ценил опыт буржуазных революций во Франции, прежде всего революции XVIII в., которую он считал действительно великой революцией, наложившей свой отпечаток на многие последующие события.

Из французских буржуазных революций 1789 и 1848 гг. В. И. Ленин извлек важнейшие политические уроки для русского, а затем и для международного рабочего класса. Исторический опыт революционной борьбы французского народа послужил одним из оснований для выводов В. И. Ленина о необходимости самостоятельной боевой партии пролетариата, о значении союза рабочего класса с крестьянством, о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, о важности борьбы против либеральной буржуазии.

Много внимания В. И. Ленин уделял первому опыту диктатуры пролетариата — славной Парижской коммуне. Величайшей исторической заслугой коммунаров был, как указывал В. И. Ленин, слом ими буржуазной государственной машины, создание государства нового типа.

Марксизм-ленинизм, заключил академик В. П. Волгин, явился преемником революционных традиций предшествующих эпох. В октябре 1917 г. русский пролетариат, овладев властью под руководством большевистской партии, использовал опыт передовых революционных борцов прошлого, среди которых виднейшее место занимают великие революционеры Франции.

Доктор исторических наук А. З. Манфред в своем докладе рассмотрел некоторые важнейшие вопросы франко-советских отношений 1917—1957 годов. Докладчик подчеркнул, что общность интересов Франции и СССР в конечном счете всегда оказывалась сильнее их преходящих разногласий. Оба народа в современных условиях жизненно заинтересованы в сохранении всеобщего мира и предотвращении новой агрессии со стороны возрождающегося германского империализма. Этим целям и подчинена внешняя политика Советского государства. Сорокалетний опыт франко-советских отношений неопровержимо свидетельствует о важной роли сотрудничества между СССР и Францией в обеспечении европейской безопасности, безопасности обеих стран.

Собравшиеся горячо благодарили тов. Дюкло за его выступление. Группа историков Московского университета вручила тов. Дюкло приветственный адрес. Его огласил академик И. И. Минц.

НОВЫЕ ЖУРНАЛЫ СОВЕТСКИХ ВОСТОКОВЕДОВ

Все больше становится периодических изданий институтов Отделения исторических наук АН СССР.

В конце августа с. г. вышел в свет первый номер нового ежемесячного журнала Института востоковедения «Современный Восток».

Журнал призван знакомить читателей с достижениями советского и зарубежного востоковедения, освещать современное положение стран Востока, содействовать разработке важных научных проблем: опыта социалистического строительства в восточных республиках СССР и странах народной демократии Азии, распада колониальной системы, антиимпериалистической и антифеодальной борьбы народов Востока, обострения межимпериалистических противоречий в этом районе земного шара.

«Современный Восток» будет публиковать статьи, разоблачающие политику создания агрессивных блоков, военную и экономическую экспансию империалистов на Востоке. Большое внимание он уделит борьбе с апологетикой колониализма в буржуазной научной и публицистической литературе.

Кроме научных и публицистических статей, журнал будет регулярно информировать читателей о важнейших событиях в странах Востока, помещать экономические и политические обзоры, путевые очерки, документы и справочные материалы.

Журнал «Современный Восток» рассчи-

тан на широкий круг читателей — научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов, занимающихся изучением Востока, а также пропагандистов и партийно-советского актива.

Президиум Академии наук СССР принял решение выпускать новый научный и общественно-политический журнал «Советское китаеведение», который явится органом Института китаеведения АН СССР.

Главный редактор Е. Ф. Ковалев сообщил о предстоящей работе журнала:

— Основной задачей является всестороннее освещение вопросов истории, экономики, литературы, языка, идеологии, культуры, права и международных отношений Китая на всем протяжении многотысячелетней истории этой великой страны. Особое внимание будет уделено освещению опыта социалистического строительства в Китайской Народной Республике и революционных традиций китайского народа, истории экономических и культурных связей Китая с сопредельными странами. Одна из важнейших задач журнала состоит в борьбе против буржуазной идеологии и фальсификации науки в области китаеведения.

Журнал намечает проводить творческие дискуссии и обсуждения важнейших проблем китаеведения, а также регулярно информировать читателей о ходе подобных дискуссий за рубежом.

Кроме научно-исследовательских статей и сообщений, в журнале предполагаются публикации архивных документов по гражданской истории, по истории материальной и духовной культуры китайского народа, русско-китайских и советско-китайских отношений.

Значительное место займут в нем статьи и обзоры по истории русского и советского китаеведения, информационные и справочные материалы о политической, экономической и культурной жизни Китайской Народной Республики. Чтобы помочь читателям следить за достижениями советского и зарубежного китаеведения, журнал будет публиковать рецензии и аннотации на новые книги о Китае, выходящие в СССР и за рубежом.

Периодичность журнала—4 номера в год.

Первый номер выйдет в свет в начале 1958 года.

ГЕОРГИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ХАЧАПУРИДЗЕ

Советская историческая наука понесла тяжелую утрату. 1 октября с. г. в возрасте 65 лет скончался член-корреспондент Академии наук СССР, действительный член Академии наук Грузинской ССР, член КПСС с 1920 г., известный советский историк Георгий Васильевич Хачапуридзе.

Г. В. Хачапуридзе принадлежит к числу тех советских ученых, чей жизненный и творческий путь целиком и полностью был определен победой Великой Октябрьской социалистической революции. Окончив в 1918 г. историко-филологический факультет Московского государственного университета, он продолжал свою деятельность в Наркомпросе РСФСР, где начал работать почти с момента его образования.

В феврале 1921 г. вместе с частями Красной Армии, пришедшими на помощь трудящимся Грузии в их борьбе за победу над силами контрреволюции, Георгий Васильевич вернулся в родную Грузию. Установившейся там молодой Советской власти крайне необходимы были кадры для работы на культурном и идеологическом фронтах. Коммунистическая партия Грузии направляет молодого историка на ответственные руководящие посты.

С 1921 по 1929 г. Г. В. Хачапуридзе являлся председателем Главполитпросвета Грузии. С 1925 по 1928 г. он возглавлял Центральную партийную школу при Центральном Комитете КП(б) Грузии. С 1924 г. Георгий Васильевич начал плодотворную преподавательскую деятельность в высших учебных заведениях республики. Четыре года, с 1929 по 1933, Г. В. Хачапуридзе был проректором Закавказского коммунистического университета, а в 1934—1935 гг.— заместителем директора Грузинского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Значительная часть педагогической, а также научной работы Г. В. Хачапуридзе протекала в стенах Тбилисского государственного университета имени И. В. Сталина. Здесь он с 1929 г. заведовал кафедрой истории СССР, а с 1936 по 1942 г. являлся проректором университета по научной части.

Большую работу как ученый-историк Г. В. Хачапуридзе вел в Академии наук Грузинской ССР. С 1943 по 1950 г. он возглавлял ее Комиссию по изучению истории Великой Отечественной войны, с 1950 г. в Институте истории — отдел истории Грузии советского периода.

Много сил и знаний Г. В. Хачапуридзе отдавал воспитанию молодых научных работников в Институте истории Академии наук Грузинской ССР и в Тбилисском государственном университете. Под его научным руководством проходила работа многих аспирантов. Воспитывая из них квалифицированных ученых, Георгий Васильевич проявлял отзывчивость, чуткость, глубокую принципиальность, высокую эрудированность в различных областях исторической науки.

Перу Г. В. Хачапуридзе принадлежит более 80 научных трудов, опубликованных на грузинском и русском языках. Он являлся большим знатоком, одним из первых исследователей истории рабочего движения и социалистического строительства в Грузии и Закавказье. Широкому кругу советских историков известны его фундаментальные работы: «Очерки истории революционного движения в Грузии», «Революция 1905—1907 годов в Грузии» и «Борьба грузинского народа за установление Советской власти». Последние два труда выдержали уже несколько изданий. В этих работах, а также и в других произведениях Г. В. Хачапуридзе показал себя талантливым и трудолюбивым, смелым и пытливым исследователем, владеющим марксистско-ленинским научным методом.

К числу замечательных достоинств трудов Георгия Васильевича относится то, что в них раскрывается борьба большевиков за укрепление пролетарского интернационализма и дружбы между русским народом и народами Закавказья. Отмечая большое значение помощи русского народа в освобождении народов Закавказья, Г. В. Хачапуридзе подчеркивал, что революционное движение там началось и развивалось под непосредственным влиянием русского рабочего движения, в тесной и неразрывной связи с революционной борьбой других народов страны.

Выбор тем для исследования, связанных с историей революционной борьбы грузинского народа, не случаен. Они больше всего импонировали Г. В. Хачапуридзе, остававшемуся до конца своих дней верным сыном Коммунистической партии, руководившей борьбой грузинского народа за освобождение.

Большая, многогранная научная и педагогическая деятельность Г. В. Хачапуридзе принесла ему заслуженный авторитет среди ученых Советского Союза. В 1939 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, а в 1941 г.— действительным членом Академии наук Грузинской ССР. В течение долгих лет Георгий Васильевич являлся членом Ученых советов Тбилисского государственного университета, Грузинского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Института истории имени И. А. Джавахишвили Академии наук Грузинской ССР, Центрального государственного архива Грузинской ССР, членом Национального комитета советских историков при Академии наук СССР.

Советское правительство высоко оценило научную, педагогическую и общественно-политическую деятельность Г. В. Хачапуридзе, наградив его орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

Светлую память об этом крупном ученом, ярком и большом человеке, преданном сыне великой Коммунистической партии советские историки надолго сохранят в своих сердцах.

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ РОМАНОВ

18 июля 1957 г. на 69-м году жизни скончался видный советский ученый, доктор исторических наук, профессор Борис Александрович Романов.

Б. А. Романов известен как крупный специалист по истории СССР, ученый широкого научного диапазона. Основные научные интересы Б. А. Романова — история СССР периода феодализма, история русского империализма и международные отношения конца XIX — начала XX века. Ему принадлежит 169 научных исследований, в том числе ряд крупных монографий и документальных публикаций.

Борис Александрович родился в 1889 году. В 1906 г. он поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где специализировался в области истории русского феодализма. Уже в этот период началась его научная деятельность. Еще будучи студентом, Б. А. Романов выпустил исследование «Смердий конь и смерд» (1908), которое обратило на себя внимание. По окончании курса Б. А. Романов был оставлен при университете для подготовки к научной деятельности. В ходе последующей научной и педагогической работы он стал высококвалифицированным специалистом-историком.

В годы Советской власти Б. А. Романов длительное время работал в Ленинградском центральном историческом архиве, а также в Ленинградском университете, Институте истории РАНИОН, Институте марксизма при Коммунистической академии, Институте истории материальной культуры АН СССР. После Великой Отечественной войны Б. А. Романов — старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР, профессор Ленинградского университета.

В 1918 г. в связи с изучением архивных фондов XIX—XX вв. научная деятельность Бориса Александровича сосредоточивается на изучении истории империализма,

преимущественно на исследовании внешней и финансовой политики царского самодержавия. Вслед за рядом статей по источниковедению и частным вопросам дальневосточной политики царизма в 1890—1900 гг. («Витте и концессия на Ялу», «Витте накануне русско-японской войны», «Лихунчжанский фонд» и др.) Б. А. Романов публикует монографию «Россия в Маньчжурии. Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. 1892—1906 гг.» (1928). Параллельно Б. А. Романов подготовил к публикации большое количество документального материала по истории России XIX — начала XX в. для журналов «Красный архив», «Красная летопись», «Борьба классов» и явился составителем документальных сборников «Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг.» (1926), «Рабочий вопрос в комиссии Коковцева в 1905 г.» (1926).

Со второй половины 30-х годов, не прерывая работы над этой тематикой, Борис Александрович возобновляет исследовательскую деятельность в области истории Древней Руси в связи с привлечением его к составлению постатейных историографических комментариев в академическом издании «Правды Русской» и к комментированию выпущенного Академией наук СССР учебного издания этого памятника. Глубокое проникновение в содержание этого древнейшего памятника русского права дало Борису Александровичу возможность написать книгу «Люди и нравы Древней Руси» (1947), занимающую как по приемам исследования, так и по композиции и оригинальности изложения особое место в литературе о Киевской Руси. Б. А. Романову принадлежат также комментарии исследовательского типа к другому памятнику русского права — Судебнику 1550 г. (в издании «Судебники XV—XVI вв.». 1952).

В 1947 г. вышла в свет книга Б. А. Романова «Очерки дипломатической истории русско-японской войны», а через восемь лет — второе, дополненное ее издание. Являясь итогом более чем тридцатилетней исследовательской работы автора в области истории международных отношений конца XIX — начала XX в., эта книга посвящена рассмотрению развития русско-японского конфликта на широком фоне международных империалистических противоречий. В ней тщательно изучены политическая предыстория войны, ее дипломатическая история и политические итоги, освещаемые в тесной связи с общим развитием международных отношений.

Много сил отдавал Борис Александрович воспитанию советской молодежи и подготовке новых кадров советских историков, в которых он видел будущее исторической науки. Он не жалел ни сил, ни времени для этого благородного дела.

Образ Бориса Александровича Романова будет долго жить в сердцах его многочисленных читателей и исследователей отечественной истории, в изучение которой он внес существенный вклад.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И РЕЦЕНЗИЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В ЖУРНАЛЕ в 1957 году

ПЕРЕДОВЫЕ

За ленинскую партийность в исторической науке! . . . . . № 3
За творческое изучение истории Великой Октябрьской социалистической революции . . . . . № 7
Ленинское единство партии несокрушимо! . . . . . № 5
Под знаменем Великого Октября . № 10

СТАТЬИ

История СССР

Аминев З. А. (Уфа) — Борьба за установление Советской власти в Башкирии . . . . . № 9
Аракелян А. А.— Превращение СССР в могучую индустриальную державу — великое завоевание Октябрьской революции . № 10
Бовыкин В. И., Тарновский К. Н.— Концентрация производства и развитие монополий в металлообрабатывающей промышленности России . . . . № 2
Болтин Е. А.— Победа Советской Армии под Москвой в 1941 году № 1
Быстрых Ф. П. (Свердловск) — Победа Великой Октябрьской социалистической революции на Урале . . . . . № 8
Волобуев П. В.— Топливный кризис и монополии в России накануне первой мировой войны . № 1
Гершберг С. Р.— Борьба В. И. Ленина за демократический централизм в хозяйственном строительстве. . . . . № 3
Гопнер С. И.— Мартовские и апрельские дни 1917 года (Из воспоминаний участника Октябрьской революции) . . . . . № 3
Городецкий Е. Н.— Из истории Октябрьского вооруженного восстания и II Всероссийского съезда Советов . . . . . № 10
Гразкин Д. И.— Революционная работа в XII армии накануне Октября (1916—1917 гг.) . . . № 9
Грунт А. Я., Федосеева Н. Т.— Победа Октябрьского вооруженного восстания в Москве . . . № 11
Дыков И. Г.— Петроградский Военно-Революционный комитет — боевой большевистский штаб вооруженного восстания в октябре 1917 года . . . . . № 7
Иконников С. Н.— Вовлечение трудящихся масс в управление государством . . . . . № 8
Казинкин И. Я. Соболев П. Н.—Борьба крестьян за землю накануне Октябрьской революции . . . . . № 6
Калнберзин Я. Э., первый секретарь ЦК КП Латвии (Рига) — Великая Октябрьская социалистическая революция и народы Советской Прибалтики . № 10
Карташов Р. Н.— Развитие сельского хозяйства СССР после сентябрьского Пленума ЦК КПСС (1953 г.) . . . . . № 11
Кириллов В. С.— О некоторых сторонах военной деятельности В. И. Ленина в годы гражданской войны . . . . . № 4
Климов П. И.— Рабочий класс России в борьбе за союз с крестьянством в 1905 году . . . . № 5
Лившин Я. И.— К вопросу о военно-промышленных монополиях в России в начале XX века № 7
Линков Я. И.— Проблема революционной партии в России в эпоху падения крепостного права . . . . . № 9
Липатов Н. П.— Некоторые вопросы истории разгрома врангелевщины . . . . . № 12
Лопаткин А. Н.— Аграрная программа большевиков в Великой Октябрьской социалистической революции . . . . . № 4
Майоров С. М.— Октябрьская революция и осуществление ленинской политики мира . . . . . № 11
Майский И. М., академик — Англо-советское торговое соглашение 1921 года . . . . . № 5
Милютин Н. А.— По заданиям Ленина . . . . . № 3
Михрин П. Н. (Ленинград) — Владимир Ильич Ленин в последнем подполье (до переезда в Финляндию) . . . . . № 4
Мишин М. И. (Ленинград) — В. И. Ленин о возможности мирного развития революции в 1917 году . . . . . № 5
Мор Н. М.— Шестой съезд РСДРП(б) . . . . . № 8
Мясников А. Ф.— Мои встречи с товарищем Лениным . . . . № 3
Петров И. Ф.— Июльские события 1917 года . . . . . № 4

Попов Н. А. (Ленинград) — Участие китайских интернациональных частей в защите Советской республики в период гражданской войны (1918—1920 годы) . № 10
Соболев П. Н. Роль Всероссийских съездов Советов в борьбе пролетариата за трудящееся крестьянство (октябрь 1917 г.— январь 1918 г.) . . . . . № 12
Супруненко Н. И. (Киев) — Установление Советской власти на Украине . . . . . № 10
Третьякова Е. П.— Февральские события 1917 г. в Москве . . . № 3
Цыпкин С. А.— Участие корейских трудящихся в борьбе против интервентов на советском Дальнем Востоке (1918—1922) . . . № 11
Черменский Е. Д.— Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года . . № 2
Чичерин Г. В.— Ленин и внешняя политика . . . . . № 3

Всеобщая история

Акопян Г. С.— Октябрьская революция и освободительное движение народов Востока . . . № 11
Барг М. А.— Нормандское завоевание и становление крепостничества в Англии . . . . . № 7
Бродский Е. А. (Рига) — Освободительная борьба советских людей в фашистской Германии (1943—1945 годы) . . . . . № 3
Гапонов П. М. (Воронеж) — Антимилитаристские выступления Карла Либкнехта накануне первой мировой войны. . . . . № 2
Домнич М. Я.— Подъем рабочего движения в Швейцарии в 1917—1918 годах. . . . . № 7
Думан Л. И.— К вопросу о социально-экономическом строе Китая в III в. до н. э.— I в. н. э. № 2
Енсен А., заместитель председателя Коммунистической партии Дании.— Датское рабочее движение в 1917—1920 годах . . № 12
Золотухин В. П., Мальков В. Л.— Октябрьская революция и внутриполитическая борьба в США (1917—1920 гг.) . . . . № 10
Исраэлян В. Л., Николаев Н. Н.— Из истории идеологической подготовки контрреволюционного мятежа в Венгрии осенью 1956 года . . . . . № 12
Кертман Л. Е. (Молотов) — Рабочее движение и политика английской буржуазии в 1906—1914 годах . . . . . № 1
Кобылянский К. В.— Великая Октябрьская социалистическая революция и подъем рабочего движения в Италии (1919—1920 годы) . . . . . № 11
Кузнецова Н. В.— Борьба французского народа против открытой антисоветской интервенции Антанты весной 1919 года № 11
Кушнир-Михайлович К. (РНР) — Великая Октябрьская социалистическая революция и революционная ситуация в Румынии в 1917—1921 гг. . . . № 11
Лебович М. Ф. (Львов) — Борьба внутренней и иностранной контрреволюции против венгерского народа в 1919 году . . . № 9
Миско М. В.— Октябрьская революция и восстановление независимости Польши в 1918 году . № 11
Невлер В. Е.— Джузеппе Гарибальди и прогрессивные деятели России . . . . . № 7
Осипов А. М.— К вопросу о роли раджпутского крестьянства в индийском национальном восстании 1857—1859 годов . . . . № 6
Постников В. В.— Конкурентная борьба американских и германских монополий в 1924—1929 годах . . . . . № 5
Пушкаш А. И.— Из истории борьбы прогрессивных сил Венгрии против хортистского режима (конец 1941 — начало 1942 г.) № 4
Севостьянов Г. Н.— Военное и дипломатическое поражение Японии в период событий у реки Халхин-Гол . . . . . № 8
Тавровская Г. М.— К вопросу о создании антигитлеровской коалиции (июнь 1941 г.— июнь 1942 г.) . . . . . № 12
Тюменев А. И., академик (Ленинград) — Передний Восток и античность . . . . . №№ 6, 9
У Дун чжи (Китай) — Из истории вмешательства США в дела китайского народа . . . . . № 8
Фомин В. Т.— Подготовка немецко-фашистской агрессии против Югославии (1937—1941 годы) . № 6
Цирюльник Р. Я.— Публицистическая деятельность Клары Цеткин в защиту Советской России в 1917—1918 годах . . . . № 5
Цитович Я. И.— В. И. Ленин на III Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала . № 1
Чыонг Тинь, член Политбюро ЦК Партии трудящихся Вьетнама (ДРВ) — Октябрьская революция и борьба вьетнамского народа за национальную независимость, народную демократию и социализм . . . . . № 10

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Горман А. Я.— О социалистическом преобразовании промышленности СССР . . . . . № 2
Готлобер В. М. (Свердловск) и Бабушкин С. М. (Свердловск) — О социалистическом преобразовании промышленности в Советской России . . № 1
Иоффе А. Е.— Об усилении зависимости России от стран Антанты в годы первой мировой войны . . . . . № 3

Карпачев А. М.— О социально-экономической сущности вотчинной мануфактуры . . . . . № 8
Лейббранд Р. (ГДР) — К дискуссии о характере Ноябрьской революции . . . . . № 9
Маевский И. В.— К вопросу о зависимости России в период первой мировой войны . . . . № 1
Месхиа Ш. А. (Тбилиси), Ломоури Н. Ю. (Тбилиси), Лордкипанидзе О. Д. (Тбилиси) — К вопросу о происхождении государства и существовании рабовладельческой формации в Грузии . . . № 7
Михайлов П. И. (Батайск) — О возникновении капиталистической мануфактуры в России . . № 2
Обушенков Н. Г.— О спорных вопросах германской революции 1918—1919 годов . . . . № 4
О статье В. П. Насырина . . . . № 4
Покровский М. В. (Краснодар) — О характере движения горцев Западного Кавказа в 40—60-х годах XIX века . . . № 2
Пушкарев Л. Н.— Об оценке деятельности Юрия Крижанича . № 1
Смирин М. М.— О характере экономического подъема и революционного движения в Германии в эпоху реформации . . . . . № 6
Созин И. В.— К вопросу о причинах перехода восточных славян от первобытно-общинного строя к феодализму . . . . . № 6
Шарапов Г. В.— К вопросу о сущности уравнительного землепользования в Советской России . . . . . № 3
Шрайнер А. (ГДР) — О некоторых вопросах Ноябрьской революции 1918—1919 годов в Германии . . . . . № 9
Эпштейн А. Д.— К вопросу о реформации и крестьянской войне в Германии как первой буржуазной революции . . . . . № 8

СООБЩЕНИЯ

История СССР.

Астрахан Х. М. (Ленинград), Сазонов И. С. (Ленинград) — Создание массовой большевистской печати в 1917 году . . . . . № 1
Барабой А. З. (Киев) — Попытка украинских революционеров организовать помощь польскому восстанию 1863 года . . . . . № 1
Бобков К. И.— Из истории организации управления промышленностью в первые годы Советской власти (1917—1920 гг.) . № 4
Волобуев П. В. и Дробижев В. З.— Из истории госкапитализма в начальный период социалистического строительства в СССР . . . . . № 9
Из истории крестьянского движения накануне и в период первой русской революции. (Обзор статей, поступивших в редакцию) . . . . . № 1
Ионова Г. И.— «Колокол» и его программа в годы революционной ситуации (1859—1861) . . № 7
Козаченко А. И.— Земский собор 1653 года . . . . . № 5
Новикова Н. Н.— Комитет «Великорусса» и борьба за создание революционной организации в эпоху падения крепостного права . . . . . № 5
Осетров А. Ф. (Хмельницкий) — Из истории дружеских связей советского и китайского народов (1924—1927 годы) . . . . . № 12
Сидоров В. А.— Экономические мероприятия КПСС по укреплению союза с середняком в 1925—1927 годах. . . . . № 4
Федоров А. В. (Ленинград) — Отношение передовых людей России к Венгерской революции 1848—1849 годов . . . . . № 2
Швелидзе З. Л. (Тбилиси) — Содружество русских и грузинских революционных народников в 70—80-х годах XIX века № 12

Всеобщая история.

Волгин В. П., академик—«Истинная система» Дешана . . . . № 12
Гандев Хр., Тодоров Н. (Болгария) — Из истории развития промышленного капитализма в Болгарии в период турецкого ига . . . . . № 5
Иоаннисян А. Р. (Ереван) — Из истории идей утопического коммунизма во Франции в период Директории . . . . . № 6
Карлинер М. М.— Февральская революция в России и английское рабочее движение . . . . № 3
Конокотин А. В. (Иваново) — Борьба крестьян за самоуправление и коммуну на севере Франции в XII—XIV веках . № 9
Рахманова И. П. (Калинин) — Из истории международного антифашистского движения в связи с лейпцигским процессом. . № 5
Рожков Б. А.— О программе Чартистского Конвента 1851 года . № 2
Шапошникова Л. В.— Борьба индийского пролетариата за единство действий (1934—1939 гг.) . . . . . № 2
Юхт А. И. (Астрахань) — Индийская колония в Астрахани. . . № 3

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

Блохина А. Н. (Новосибирск) — Новые документы из истории советско-китайских отношений № 3
Долинин Н. П. (Днепропетровск) — Вопросы истории русской церкви в «Очерках истории СССР» . . . . . № 2

Ильина М. С. (Ленинград) — Демонстрация и митинг на Марсовом поле в Петрограде 4 июня 1917 года . . . . . № 6
Калекина О. П.— Партийное издательство «Вперед» (1906—1907 гг.) . . . . . № 4
Мартынов М. Н. (Ленинград) — Привилегия о рудах и минералах 1719 года . . . . . № 6
Портянкин И. А.— О первом легальном издании брошюры В. И. Ленина «К деревенской бедноте» . . . . . № 3
Рудяк Б. М.— Материалы приемной М. И. Калинина — источник для изучения истории советского общества . . . . . № 2
Саккетти А. Л., Сальников Ю. Ф.— О взглядах И. Пересветова . . . . . № 1
Скачков П. Е.— Забытый фонд рукописей К. А. Скачкова . . № 1

ИСТОРИОГРАФИЯ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Статьи и обзоры

Дементьев И. П.— Об исторических взглядах Чарлза Бирда № 6
Дивин В. А., Казаков Н. И.— Об освещении некоторых вопросов истории Крымской войны в литературе последних лет . . . № 2
Ефимов А. В., член-корреспондент АН СССР — Изучение в СССР новой истории за сорок лет (1917—1957) . . . . . № 10
Замятнин В. Н., Епифанов П. П.— За дальнейшую разработку истории русской экономической мысли . . . . . № 2
Застенкер Н. Е.— Новый труд французских историков по экономической истории революции 1848 года . . . . . № 8
Зимин А. А., Преображенский А. А.— Изучение в советской исторической науке классовой борьбы периода феодализма в России (до начала XIX века) . . . . . № 12
Иванов Л. М.— К вопросу о формировании пролетариата Украины . . . . . № 6
Калоева И. А., Кан Е. М., Козырина К. И., Орлик И. И., Ратнер Н. Д.— Влияние Октябрьской революции на подъем революционного движения в Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии и Чехословакии (1918—1923 годы) . . . . . № 12
Кан С. Б.— Новейшая немецкая литература о революции 1848—1849 гг. в Германии . . . . № 7
Косминский Е. А., академик. Историософия Арнольда Тойнби . . . . . № 1
Косминский Е. А., академик, Гутнова Е. В., Сидорова Н. А.— Сорок лет советской медиевистики . . . . . № 11
Кунина А. Е.— Так называемый «Дневник Миллера» как исторический источник . . . . . № 9
Кунтиков И. Н.— Крестьянское движение в России в XIX веке № 8
Кучинский Ю. (ГДР) — Апологетическая легенда о «непорочном зачатии» капитализма № 4
Маслова З. Н., Нерсесов Г. А., Сахаров А. М.— О журнале «Преподавание истории в школе» . . . . . № 9
Найденов М. Е.— Великая Октябрьская социалистическая революция в советской историографии . . . . . № 10
Никитина И. А.— Статьи по новой истории в научных изданиях университетов и педагогических институтов . . . . . № 7
Огнетов И. А., Федюшова В. Н.— Статьи по истории во вьетнамском журнале . . . . № 2
Пак М. Н.— Некоторые спорные вопросы истории Кореи . . . . № 8
Пентковская В. В.— «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине» . . . . . № 1
Спиваковский Е. И.— Новые материалы по истории крестьянских восстаний в Румынии в 1907 году . . . . . № 5
Сумбат-заде А. С., вице-президент Академии наук Азербайджанской ССР (Баку) — Развитие исторической науки в Азербайджанской ССР в годы Советской власти . . . . . № 11
Черноморский М. Н.— Воспоминания участников Великой Отечественной войны как источник исторических исследований № 3
Черняк Е. Б.— Искажение буржуазной историографией истории англо-американских отношений XIX — начала XX века № 8

РЕЦЕНЗИИ

История СССР

Анашкин И. Д., Варжо И. И.— «Борьба за власть Советов в Приморье (1917—1922 гг.)». Сборник документов . . . . . № 3
Ардабацкая А. М. (Саратов), Бурдей Г. Д. (Саратов), Дербов Л. А. (Саратов) — «История СССР». Т. 1 . . . № 7
Батуринский Д. А.— А. Ф. Яковлев. Экономические кризисы в России . . . . . № 2
Башарин Г. П. (Якутск) — В. И. Дулов. Социально-экономическая история Тувы (XIX — начало XX в.) . . . . . № 9
Берхин И. Б.— А. Турсунбаев. Победа колхозного строя в Казахстане. . . . . № 12

Буганов В. И., Вандалковская М. Г.— Проф. С. Б. Окунь. Очерки истории СССР. Конец XVIII — первая четверть XIX века . . . . . № 4
Виленская Э. С.— Ф. Я. Полянский. Экономический строй мануфактуры в России XVIII века № 4
Габуния В. К.— Г. В. Хачапуридзе. Борьба грузинского народа за установление Советской власти . . . . . № 9
Голобуцкий В. А. (Киев) — Гюнтер Штекль. Возникновение казачества . . . . . № 2
Гришков И. (Фрунзе), Кац А. (Фрунзе), Мусин Х. (Фрунзе), Скляр И. (Фрунзе) — «История Киргизии» . . . . . № 8
Демидова Н. Ф., Ахмеров Р. Б. (Уфа) — «Очерки по истории Башкирской АССР». Т. 1 . № 6
Зак Л. М.— С. Гершберг. Руководство Коммунистической партии движением новаторов промышленности (1935—1941) . . . . № 7
Иллерицкий В. Е.— Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века . . . . . № 12
Ионенко И. М. (Казань), Мухамедьяров Ш. Ф. (Казань), Вульфсон Г. Н. (Казань) — «История Татарской АССР». Т. 1 (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции) . . . . . № 1
Иркаев М. И. (Сталинабад), Николаев Ю. А. (Сталинабад) — А. И. Ишанов. Создание Бухарской Народной Советской Республики (1920—1924 гг.) . . . . . № 4
Монгайт А. Л.— М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. . . № 1
Нечкина М. В.— Франко Вентури. Движение декабристов и братья Поджио . . . . . № 3
Носов Ф. В. (Ленинград), Кораблев Ю. И. (Ленинград), Путырский Е. П. (Ленинград), Спиридонов И. В. (Ленинград) — «Из истории борьбы советского народа против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции в 1918 г.» . . . . № 6
Орлов Б. П., Надеждин И. Г.— Э. Ю. Локшин. Очерк истории промышленности СССР (1917—1940) . . . . . № 1
Поликарпов В. Д.— К. И. Никульченков. Адмирал Лазарев. № 2
Пронштейн А. П. (Ростов-на-Дону) — В. А. Голобуцкий. Черноморское казачество . . . . № 4
Раушенбах В. М., Попова Т. Б., Пятышева Н. В.— «Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР» . . . . . № 5
Рубинштейн Н. Л., Сивков К. В.— «Очерки истории Ленинграда». Т. 1. Период феодализма (1703—1861 гг.) . . . . № 2
Саркисов Е. К. (Ереван), Меликсетян В. Г. (Ереван) — М. Г. Нерсисян. Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма (1850—1870 гг.) . . . . . № 1
Сафронов Ф. Г. (Якутск), Кабанов П. И.— Г. П. Башарин. История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII — середина XIX в.) . . . . . № 3
Селезнев Г. К.— Джордж Ф. Кеннан. Россия выходит из войны . . . . . № 8
Троицкий С. М., Ягодина Т. М.—«Очерки истории СССР». Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. . . № 7
Устюгов Н. В.— В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век) . . . . . № 5
Федотов П. И.— «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине» Ч. 2. . . . . № 12
Хесин С. С.— «Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции» (Сборник документов) . . . . . № 12

Всеобщая история

Афонюшкин В. А. (Воронеж) — Д. Ангелов. Ивайло. Исторический очерк . . . . . № 4
Березный Л. А. (Ленинград) — Б. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907 . . . № 12
Бурмов Ал., Косев Д., Христов Хр. (Болгария) — «История Болгарии» . . . . . № 2
Вайнштейн О. Л. (Ленинград), Чагин Б. А. (Ленинград) — «Из истории социально-политических идей». Сборник статей к 75-летию акад. В. П. Волгина . № 2
Васильев В. Ф.— Д-р Маунг Маунг. Бирма в семье наций. . № 9
Вольфсон Л. Ф.— У. Эйхштедт. От Дольфуса к Гитлеру. . . . № 3
Галкин И. С.— В. Карльгрен. Извольский и Эренталь перед боснийским кризисом . . . . . № 6
Геронимус А. И., Мелик-Гайказова Н. Н.— Ле Тхань Кхой. Вьетнам. История и цивилизация. Т. 1. Среда и история . . . . . № 3
Дружинина Е. И.— Эдуард Винтер. Галле как первый очаг германской науки о России в XVIII веке . . . . . № 1
Жебокрицкий В. А. (Киев) — Болгарский патриарх Кирилл. Сопротивление против Берлинского договора. Кресненское восстание . . . . . № 9
Иванова О. Е. (Ленинград) —

«Возрождение в Польше». Материалы научной сессии Польской Академии наук . . . . № 1
Кудрявцева Н. И. (Воронеж) — К. Маммах. Влияние русской Февральской революции и Великой Октябрьской социалистической революции на немецкий рабочий класс . . . . . № 6
Кутаков Л. Н., Попов В. И.— У. Л. Лэнгер и С. Е. Глисон. Необъявленная война. 1940—1941 гг. . . . . № 1
Лаврецкий И. Р.— Реакционная роль клерикализма в современной истории Италии . . . . . № 4
Ларин В. Н.— «Белая книга» о контрреволюционном мятеже в Венгрии . . . . . № 8
Майданик К. Л.— Д. Кэтел. Коммунизм и испанская гражданская война . . . . . № 9
Майоров С. М.— Р. О. Бойер и Г. М. Морейс. Нерассказанная история рабочего движения . . № 7
Манусевич А. Я.— Юлиан Ленский. О народном фронте в Польше . . . . . № 9
Мирный С. М.— «История шведской внешней политики». Т. III № 2
Мыльников А. С. (Ленинград) — «Статьи по русской, польской и германской истории» . . . . . № 6
Неусыхин А. И.— А. Д. Люблинская. Источниковедение истории средних веков . . . . . № 12
Орлик И. И.— «Венгерское рабочее движение в период революционного подъема под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Создание Коммунистической партии Венгрии, борьба за победу пролетарской революции. 7 ноября 1917—21 марта 1919» . . . № 3
Рубинский Ю. И — Р. Арон. История Виши. 1940—1944 . . № 4
Самойлов С. И.— К. Муржеску. Аграрная реформа 1945 г. . . № 7
Симоновская Л. В.— Сыма Цянь. Избранное . . . . . № 2
Стадниченко А. И.— «Из истории стран Дальнего Востока и Индии» . . . . . № 5
Фюрнберг Ф. (Австрия) — В. М. Турок. Очерки истории Австрии 1918—1929 . . . . . № 1
Ходош И. А. — А. А. Фурсенко. Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей. 1895—1900 . . . . . № 3

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ И НАУЧНЫХ СТАТЬЯХ

Арциховский А. В.— А. Л. Монгайт. Старая Рязань . . . . . № 3
Белелюбский Ф. Б.— Ло Эрган. Подлинник автобиографии Чжун-вана Ли Сю-чэна . . . . № 3
Епифанов П. П.— В. В. Мавродин. Русское мореходство на южных морях . . . . . № 3
Иков С. В.— В. И. Лебедев. Крестьянская война под предводительством Степана Разина . . № 1
Каждан А. П.— Б. Крекич. Дубровник и Левант (1280—1460) . № 3
Ладыженский А. М.— Проф. М. Н. Гернет. История царской тюрьмы. Т. 5 . . . . . № 4
Лозинский А. А. (Львов) — Дж. Прокаччи. Общественные классы и абсолютная монархия во Франции первой половины XVI века . . . . . № 4
Николаев М. Н.— Новые книги по истории феодализма в Корее . . . . . № 1
Сказкин С. Д.— Альфонс Боз, Жорж Коньо, Луи Фрюлинг, Жан Трикар, Андрэ Вюрмсэр, Готье Ейман, Морис Крижэль-Вальримон. Анализ эльзасской проблемы . . . . . № 4
Сухомлинова Г. Ф.— Ян Беранек. Австрийский милитаризм и борьба против него в Чехии . . № 4
Шифман Э. И.— «Исландские саги» . . . . . № 1

Труды высших учебных заведений и научных учреждений, вышедшие в 1955 году . . . . . № 1

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Анашкин И. Д.— Государственные архивы РСФСР к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции . . . . . № 8
Бем Ю. О.— Научная сессия во Владивостоке . . . . . № 2
Болтин Е. А., заместитель директора ИМЛ при ЦК КПСС — Важная задача советских историков . . . . . № 11
Б. Т.— Координационное совещание по проблемам исторической науки . . . . . № 3
В Институте востоковедения . . . № 3
Волк С. С. (Ленинград) — Научная сессия, посвященная 250-летию Ленинграда . . . . . № 7
Группа по изучению истории Франции . . . . . № 5
Дякин В. С.— Группа по изучению истории Германии . . . . № 3
Ильин А. Ф.— Проблемы второй пятилетки советской промышленности в кандидатских диссертациях . . . . . № 1
Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции (Россия в период империализма) . . . . . № 9
К дискуссии о характере движения горцев Дагестана под руководством Шамиля . . . . . № 1
Кисляков Н. А. (Ленинград) — Изучение истории таджикского народа . . . . . № 4

Костюшко И. И.— 10-летие Института славяноведения АН СССР . . . . . № 5
Курмачева М. Д., Шестобитова В. Г.— Обсуждение вопроса о деятельности Ю. Крижанича . . . . . № 2
К 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции . № 2
К 50-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР С. П. Толстова . . . . . № 3
К 60-летию со дня рождения академика А. М. Панкратовой . . № 3
Лихачева Р. С.— Встреча участников октябрьских боев в Музее революции СССР . . . . . № 6
Лунин Б. В. (Ташкент) — Всесоюзная конференция востоковедов . . . . . № 7
Научная сессия, посвященная седьмой годовщине Республики Индии . . . . . № 3
Научная сессия, посвященная 400-летию добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству . . . . . № 6
Научные сессии, посвященные столетию со дня рождения Г. В. Плеханова . . . . . № 1
Научные сессии АН СССР и институтов АН СССР, посвященные 40-й годовщине Октябрьской социалистической революции . . . . . № 12
Никитин А. В.— Археолого-этнографические исследования в 1956 году . . . . . № 6
Николаева А. Т.— Научное совещание по вопросу критики исторических источников . . . № 5
Новые журналы по истории . . . № 1
Новые журналы советских востоковедов . . . . . № 12
Подготовка историков к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции . . . . . № 3
Полетаев В. Е., Томашевич Ю. У.— Шире использовать архивные документы при изучении истории Октябрьской революции . . . . . № 6
Работа историков на местах . . . № 6
Сидоров А. Л.— Научная сессия по истории народов Средней Азии и Казахстана советского периода . . . . . № 5
Симонов А. В.— Об истории подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции в Молдавии . . № 8
Соглашение о научном сотрудничестве между историками СССР и ГДР . . . . . № 3
Сокольский Н. И.— О разработке истории античных государств Северного Причерноморья . . . . . № 4
Хачикян Л. С. (Ереван), Юзбашян К. Н. (Ереван) — Новые поступления Государственного Матенадарана . . . . . № 4
Яковлев Л. И., Кондратьев В. А. Новое в работе советских архивов . . . . . № 1
80-я годовщина со дня рождения академика С. Г. Струмилина . № 2

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Альтман Г. (Польша) — К вопросу о состоянии изучения новейшей истории Польши (1917—1944) . . . . . № 9
Грин Ф. С. (Воронеж) — Новый французский исторический журнал . . . . . № 4
Громыко М. М.— Буржуазная историческая наука в Бельгии после второй мировой войны . № 2
Данишевский Т. (Польша) — Польские историки к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции . . . . . № 6
Ельницкий Л. А.— Новый журнал по древней истории . . . № 5
Еран фон Бунсдорф (Финляндия) — Об исторической науке в Финляндии . . . . . № 3
Златкин И. Я., Киселев С. В.— Совещание историков Монгольской Народной Республики, Китайской Народной Республики и Советского Союза в Улан-Баторе . . . . № 2
Королюк В. Д., Митина Н. П.— Обсуждение в Институте славяноведения макета II тома «Истории Польши», подготовленного Институтом истории Польской Академии наук . . . . . № 7
Косев Д., чл.-корр. Болгарской Академии наук, Христов Хр. (Болгария) — Историки Болгарии к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции . . . . . № 8
Лавровский В. М.— Обсуждение доклада советского ученого в Англии . . . . . № 4
Мацек Й., чл.-корр. Чехословацкой Академии наук (Чехословакия) — Чехословацкие историки к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции . . . . . № 5
Мацек Й., чл.-корр. Чехословацкой Академии наук (Чехословакия) — Чехословацкая историческая наука в 1956 году . . № 7
Мировицкая Р. А.—Обсуждение китайскими учеными проблемы генезиса капитализма в Китае . № 6
Молнар Э., действительный член АН Венгрии — Историки Венгрии к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции . . . . . № 9
Научные доклады на XI конгрессе историков . . . . . № 7

Некрич А. М.— Изучение в Англии истории второй мировой войны . № 1
О деятельности Комитета истории, географии и литературы Вьетнама . . . . . № 4
Оцетя А., действительный член Академии Румынской Народной Республики — Румынские историки к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции . . . . . № 8
Познанский В. С. (Алма-Ата) — Документы о Русском музее в Чехии в конце XIX века . . . . . № 3
Пятидесятилетие крестьянского восстания 1907 г. в Румынии . . . № 4
Ротштейн А. (Англия) — Преподавание и изучение истории СССР в британских университетах . . . . . № 5
Рубин В. А.— Проблемы рабовладельческой формации в древнем Китае в освещении современных китайских ученых . . . . . № 4
Рутенбург В. И. (Ленинград) — О научных связях ученых СССР и Италии . . . . . № 5
Хан Чан Хо (КНДР) — Дискуссия о рабовладельческом строе в Корее . . . . . № 5
Цянь Хун (Китай) — «Новая история Китая» . . . . . № 3
70 лет Польского исторического общества . . . . . № 1

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Люблинская А. Д. (Ленинград) — О письме Ф. Я. Полянского . . . . . № 1
Манфред А. З.— О рецензии А. С. Ерусалимского . . . . . № 3
Об «Очерках истории Великой Отечественной войны» . . № 1
Чехович О. (Ташкент) — Письмо в редакцию . . . . . № 4

НЕКРОЛОГИ

Памяти Анны Михайловны Панкратовой . . . . . № 4
Борис Александрович Романов . . № 12
Борис Михайлович Волин . . . . № 2
Валентин Тихонович Дитякин . . № 1
Георгий Васильевич Хачапуридзе . № 12

目 錄

論 文

彼·尼·索波列夫……全俄蘇維埃代表大會在無產階級爭取勞動農民的斗爭中（1917年10月—1919年1月）所起的作用
尼·普·利帕托夫……鎮壓弗蘭格尔叛乱的歷史的若干問題
丹麥共產党副主席阿尔菲列德·因先……1917—1920年的丹麥工人運動
維·列·伊斯拉兹良尼·尼·尼古拉也夫……1956年秋匈牙利反革命叛乱的思想准備的歷史摘錄
加·莫·搭弗羅夫斯卡雅……關于反希特勒同盟的創立（1941年6月--1942年6月）的問題

情 報

維·彼·沃尔京院士……德香的"眞理体系"
亞·菲·奧斯特羅夫（赫麥尔尼茨基）……蘇中兩國人民友好聯系史摘錄（1924—1927年）
查·拉·什維里則（第比利斯）……十九世紀70—80年代俄國和格魯吉亞革命民粹主義者之間的合作

歷史編纂學、書刊評介

亞·亞·齊明，亞·亞·普列奧列拉仁斯基……蘇聯歷史科學对俄羅斯封建主義時代（十九世紀以前）的研究

書 評

歷史科學在蘇聯
慶祝偉大十月社會主義革命四十周年的科學會議
蘇聯東方學家的新雜志
盖尔吉·瓦西里也維奇·哈恰普里則
波里斯·亞歷山大羅維奇·羅曼諾夫
1957年在本志上發表的文章和評論的字母索引

CONTENTS

Articles: **P. N. Sobolev.** The Role Played by the All-Russian Congresses of Soviets in the Proletariat's Struggle for the Interests of Toiling Peasantry (October 1917—January 1918); **N. P. Lipatov.** Historical Aspects of Wrangel's Defeat; **Alfred Jensen, Deputy Chairman of the Danish Communist Party.** Danish Labour Movement in 1917-20; **V. L. Israelyan and N. N. Nikolayev.** Ideological Preparation of the Counter-Revolutionary Rebellion in Hungary (Autumn 1956); **G. M. Tavrovskaya.** Establishment of the Anti-Hitler Coalition (June 1941-June 1942). Reports: **V P. Volgin, Member of the USSR Academy of Sciences. Deschamps'** "Le vrai système"; **A. F. Osetrov** (Khmelnitsky). Friendly Relations Between the Soviet and Chinese Peoples in 1924-27; **Z. L. Shvelidze** (Tbilisi). Cooperation Between Russian and Georgian Revolutionary Narodniks in the 1870's and 1880's Historiography, Criticism, Bibliography: **A. A. Zimin and A. A. Preobrazhensky.** Soviet Historical Science on the Class Struggle in Feudal Russia (prior to the 19th Century). Reviews. Historical Science in the USSR: Scientific Sessions Devoted to the 40th Anniversary of the Great October Socialist Revolution; New Magazines of Soviet Orientalists. Obituaries: G. V. Khachapuridze, B. A. Romanov. Index of Articles and Reviews Published in 1957.

SOMMAIRE

Articles: **P. N. Sobolev.** Les congrès des Soviets de Russie dans la lutte du prolétariat pour la paysannerie travailleuse (octobre 1917-janvier 1918); **N. P. Lipatov.** Certains aspects historiques de l'écrasement des troupes de Wrangel; **Alfred Jensen, vice-président du parti communiste danois.** Mouvement ouvrier au Danemark en 1917-1920; **V. L. Israélian, N. Nikolaiev.** Préparation idéologique de l'émeute contre-révolutionnaire d'automne 1956 en Hongrie; **G. M. Tavrovskaïa.** À propos de la création de la coalition antihitlérienne (juin 1941-juin 1942). Communications: **V. Volguine, de l'Académie des Sciences.** Le « vrai système » de Deschamps; **A. F. Ossétrov.** (Khmelnitski) Relations amicales entre les peuples soviétique et chinois (1924-1927); **Z. L. Chvélidzé** (Tbilissi). Action des populistes révolutionnaires russes et géorgiens aux années 70 et 80 du XIX siècle. Historiographie, Critiques, Bibliographie: **A. A. Zimine et A. A. Préobrajenski.** La lutte des classes dans la Russie féodale d'avant XIX siècle en tant qu'objet d'étude de la science historique soviétique. Récensions. La science historique en U.R.S.S.: Sessions scientifiques à l'occasion du 40-ème anniversaire d'Octobre; Nouvelles revues des orientalistes soviétiques. Nécrologie. Géorgui Khatchapouridzé. Boris Romanov. Index alphabétique des articles publiés en 1957.

INHALT

Beiträge: **P. N. Sobolew.** Die Bedeutung der Allrussischen Sowjetkongresse im Kampf des Proletariats für die Gewinnung der werktätigen Bauernschaft (Oktober 1917—Januar 1918); **N. P. Lipatow.** Einiges über die Vernichtung von Wrangels Truppen; **Alfred Jensen, stellvertretender Vorsitzender der Kommunistischen Partei Dänemarks.** Die Arbeiterbewegung in Dänemark (1917—1920); **W. S. Israeljan, N. N. Nikolajew.** Aus der Geschichte der ideologischen Vorbereitung des konterrevolutionären Aufstands in Ungarn im Herbst 1956; **G. M. Tawrowskaja.** Die Schaffung der Antihitler-Koalition (Juni 1941—Juni 1942). Mitteilungen: **Mitglied der Akademie W. P. Wolgin.** Deschamps und sein Werk „Le vrai système"; **A. F. Osetrow** (Chmelnizki). Die freundschaftlichen Beziehungen des sowjetischen und chinesischen Volkes (1924—1927); **Z. L. Schwelidse** (Tbilissi). Die Zusammenarbeit der russischen und grusinischen revolutionären Volkstümler in den 70er—80er Jahren des 19. Jahrhunderts. Historiographie. Kritik. Bibliographie: **A. A. Simin. A. A. Preobrashenski.** Der Klassenkampf im feudalen Rußland (bis zum Anfang des 19. Jahrhunderts) und seine Erforschung in der sowjetischen Geschichtswissenschaft. Besprechungen. Die Geschichtswissenschaft in der UdSSR: Wissenschaftliche Tagungen zum 40. Jahrestag der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution; Neue Zeitschriften der sowjetischen Orientalisten. Nachrufe für G W. Chatschapuridse und B. A. Romanow. Inhaltsverzeichnis des Jahrganges 1957.

Редакционная коллегия:

Н. И. МАТЮШКИН (первый заместитель главного редактора), Ю. В. БОРИСОВ (заместитель главного редактора), Р. П. ДАДЫКИН, Л. М. ИВАНОВ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, И. А. ОРБЕЛИ Г. Н. СЕВОСТЬЯНОВ, С. Д. СКАЗКИН, Н. А. СМИРНОВ, П. Н. СОБОЛЕВ, П. Н. ТРЕТЬЯКОВ, П. И. ФЕДОТОВ, И. А. ХРЕНОВ, Л. В. ЧЕРЕПНИН.

Адрес редакции: Москва, ул. Горького, 18-б, комн. 29, телеф. Д 3-55-08.

А 10065. Подписано к печати 12/XII 1957 г. Тираж 50 000 экз.
Изд. № 1486. Заказ № 2883. Формат бум. 70×108 1/16. 7 бум. л.—19,18 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

НОВЫЕ КНИГИ

Великата Октомврийска социалистическа революция и революционите борби в България през 1917—1919. Сборник от документи и материали. София. Изд-во на БКП. 1957, 866 стр.

17-тя година. Спомени на български революционери за Октомврийската революция и отражението ѝ у нас . София. Из-во на БКП. 1957, 400 стр.

БЛАГОЕВ Д. **Съчинения.** София. Изд-во на БКП. 1957. Т. 1 (С предг. от К. Васильев), стр. XXVIII, 562; т. II (С предг от Ф. Гинев), стр XII, 567.

ХРИСТОВ Х. **Революционната криза в България в 1918—1919.** София. Изд-во на БКП. 1957, 608 стр.

Влияние на Великата Октомврийска социалистическа революция в България. Препоръч. библиогр. (Ред. Х. Христов.) София, «Наука и изкуство». 1957, 84 стр.

Марксистско-ленинска книжнина в България. 1917—1957. Библиогр. извори. По случай 40-годишнината на Великата Октомврийска социалистическа революция. (Израб. Цолов И., Бошнаков Д К., под ред. на Р. Янчев.) София. «Наука и изкуство». 1957, 68 стр.

ЛИ ЦЗЯНЬ-НУН. **Сун Юань Мин цзинцзи шигао.** (История экономики Китая периода династий Сун (960—1279), Юань (1280—1367), Мин (1368—1644.) Пекин. Изд-во книжного магазина «Саньлянь». 1957, 297 стр.

ЧЖАН СЮЭ-ЧЭН. **Вэньши тун'и.** (Историография Китая.) Пекин. Гуцзи чубаньшэ 1956. 370 стр.

ЯО МИН-ДА. **Чжунго мулусюэши** (История китайской библиографии). Шанхай, Шан'у иньшугуань. 1957, 12, 425 стр.

Цинчу нунминь ци'и цзилу. (Крестьянские восстания в начале династии Цин. Сборник материалов). Шанхай. Синь чжиши чубаньшэ. 1956, 404 стр.

Чжунго цзиньдай сысян ши цанькао цзляо цзянь бянь. (Материалы по истории развития современной общественной мысли в Китае.) Пекин. Изд-во книжного магазина «Саньлянь». 1957, 1276 стр.

Цзю чжунго гунчжой ши цзыляо (1894—1949). Чжунго цзиньдай цзинцзи ши цзыляо цункай вяньцзи вэйшаньхуэй. Шанхай, Цайчжэн цзинцзи чубаньшэ. 1955. 15, 39, 378 стр. (Государственные займы в старом Китае (1894—1949). Исторические материалы. Сост. Редакционно-издательский комитет исторических материалов по современной экономике Китая.)

CÁCH mang cân dai Viêt-nam. Tâp 8—9. Xâ hôi Viêt-nam trong thôi Pháp Nhât (1939—1945). Quyên 1—2, Ha-nôi, 1957. Quyên I. 188 tr. Quyên 2. 183 tr. (Вьетнамское общество в годы франко-японского сотрудничества (1939—1945 гг.). Кн. 1—2. Книги входят в сборник «Современная вьетнамская революция» (исторические документы), ч. 8—9.

Trân Văn Giàu. Chông xâm lang. (Lich sú Viêt-nam tù 1858 dên 1898). Quyên thú ba. Phong trao cân-vuong. Ha-nôi. 1957, 327 tr. (Борьба против захватчиков (История Вьетнама с 1858 г. по 1898 г.), ч. 3. Роялистское движение).

URBAN Zd. **Z dějin česko-bulharských kulturních styků.** Praha, NČSAV, 1957, Str. 178.

STANISLAV J. **Z rusko-slovenských kulturních stykov v časoch Jána Hollého a L'udovíta Štura.** Bratislava. SAV, 1956, str. 130+16 s. obr. příl.,

Se Sovětským Svazem na věčné časy. Dokumenty z přátelské návštěvy stranické a vládni delegace SSSR ve dnech 9—16. července 1957. Praha, SNPL. 1957. Str. 173.

JAMNICKÝ B., ANDEIS Zd. **Dukelsko prešovská operace.** Praha, NV. 1957, str. 131+23 s. barv obr. a mp.

LESKIEWICZOWA J. **Dobra osieckie w okresie gospodarki folwarcznopańszyźnianej XVI—XIX w.** Wrocław, Ossolineum. 1957. S. 256, tabl. 2.

CHAMERSKA H. **O położeniu i zbiegostwie czeladzi folwarcznej w Królestwie Polskim 1830—1864.** Warszawa, PWN. 1957, S. 47.

SZEPNIEWESKA D. **Sezonowi najemnicy rolni w Królestwie Polskim w połowie XIX wieku.** Warsawa, PWN. 1957, s. 126.

WYCZANSKA K. **Palacy w Komunie Paryskiej. 1871 r.** Warszawa, MON. 1957. S. 259.

Studii şi materiale de istorie modernă. Vol. I. Redactori resp. Gh. Haupt şi Gh. Georgesku-Buzău. Bucureşti, Editura Academiei RPR. 1957, 476 p.

PLOETZ K. **Auszug aus der Geschichte.** 25. Auflage. Würzburg. Ploetz, cop. 1956. XVIII. 1955 S.

PÉGUY CH. **Notes politiques et sociales.** Avant-propos par André Boisserie. Paris. Cahiers de l'Amitié Charles Péguy. 1957. 92 p.

MITCHELL B. **Alexander Hamilton Youth to Maturity 1755—1788.** New York. The Macmillan Company 1957. XVI+ 675 p.

MAPP ALF. J. **The Virginia Experiment. The Old Dominion's Role in the Making of America (1607—1781).** Richmond, Virginia. The Dietz Press. 1957. XI+ 577 p.

Colonel ANWAR EL SADAT. **Revolt on the Nile.** London. Allan Wingate. 1957. 131 p.

VACCARINO G. **I patrioti «anarchistes» e l'idea dell'unità italiana, 1769—1799.** Torino: Einaudi. 1956. 261 p.

M. P. VAN DER LINDEN. **De burggraven van Montfoort in de Geschiedenis van het sticht Utrecht en het Graafschaap Holland (1260—1490).** Assen. Van Gorcum und Comp. N. V 1957 197 s.

J. C. BOOGMAN. **Nederland en de Duitse Bond. 1815—1851** D. I—II. 825 s.

O. J. DE JONG. **De reformatie in Culemborg.** Assen. Van Gorcum und Comp. N. V. 1957. 295 s.

1/12

Цена 7 руб.

ОРГАНЫ ГОССТРАХА СССР

заключают договоры страхования от несчастных случаев на срок от одного года до пяти лет на страховую сумму от 1 000 рублей и выше.

Желающий заключить договор страхования уплачивает страховой взнос в размере от 2 рублей 50 копеек до 12 рублей в год с каждой тысячи рублей страховой суммы, в зависимости от своей профессии.

При страховании на три года и более предоставляется скидка с платежа.

По договорам страхования от несчастных случаев Госстрах выплачивает соответствующую страховую сумму при постоянной утрате трудоспособности или смерти застрахованного от несчастного случая.

ЗАКЛЮЧАЙТЕ ДОГОВОРЫ СТРАХОВАНИЯ ОТ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ!

Следите за окончанием срока действия договора, не допускайте перерыва в страховании!

За справками и для заключения договора страхования обращайтесь в инспекцию или к агенту Госстраха.

ГОССТРАХ СССР